ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АМУРСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Волкова Ирина Владимировна

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР С ГОМИНЬДАНОМ (1923–1942 ГГ.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Иванов Валерий Владимирович

Комсомольск-на-Амуре – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава 1. Факторы, определявшие курс СССР в отношении Гоминьдана в 1923–1942 гг. 42
1.1. Международная обстановка на Дальнем Востоке и ситуация в Китайской Республике в 1923–1932 гг. 42
1.2. Формирование советской политики по отношению к Гоминьдану в 1923–1932 гг. 67
1.3. Изменение баланса сил на Дальнем Востоке в связи с расширением японской агрессии в Китае 97
1.4. Советская политика в отношении Гоминьдана в 1932–1942 гг. 132
Глава 2. Сотрудничество СССР и Гоминьдана в 1923–1927 гг. 170
2.1. Политическое взаимодействие СССР и Гоминьдана 170
2.2. Советская военная помощь Гоминьдану 195
Глава 3. Взаимодействие Советского Союза и Гоминьдана в 1932–1942 гг. 232
3.1. Политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана 232
3.2. Военная помощь СССР Гоминьдану 255
Заключение 296
Список сокращений 303
Список источников и литературы 304
Приложения 327

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Начиная с первого русского посольства в Пекин в XVII в. и на всем протяжении последующих официальных контактов, выстраивание отношений с Поднебесной отличалось сложностью и требовало особого подхода. В XX в., учитывая возросшее взаимовлияние России и КНР и их потенциал в формировании международной обстановки на Дальнем Востоке, «китайское» направление приобрело принципиальную значимость в российской внешней политике. В современных условиях развития стратегического партнерства между Москвой и Пекином для лучшего понимания специфики взаимодействия и решения различных проблем в двустороннем диалоге следует обратиться к историческому опыту.

В начале XX в. Россия и Китай пережили революции и гражданские войны. Эти события кардинальным образом изменили не только дальнейшее развитие двух стран, но и характер межгосударственных связей. В последующие два десятилетия (1923 – 1942 гг.) отношения Советского Союза и Китайской Республики претерпевали кардинальные изменения: от тесного сотрудничества до балансирования на грани войны. Для понимания динамики двусторонних контактов важно проанализировать интересы и позиции сторон.

К тому же, в настоящее время, как констатирует «Концепция внешней политики Российской Федерации», происходит смещение «мирового потенциала силы и развития … в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств» [1]. Необходимость противодействия ряду глобальных угроз безопасности, таких как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, незаконный трафик оружия и оборот наркотических средств, нелегальная миграция, торговля людьми, втягивание государств в региональные конфликты, эскалация кризисов и др. [2], требуют консолидации усилий

государств даже при наличии между ними серьезных политических разногласий. Востребованной становится сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы взаимодействия. Выстраивание диалога на региональном и глобальном уровнях невозможно без учета интересов сторон, без глубокого понимания внутренних мотивов и целей, определяющих стремление государств к международному сотрудничеству. В данном контексте весьма актуальным становится изучение сотрудничества государств АТР в обстоятельствах, когда их политические платформы, внешнеполитические задачи и модели развития существенно отличались. Историческим примером такого рода взаимодействия является военно-политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана в 1923–1942 гг. Обращение к этой проблеме может помочь избежать ошибок прошлого и содействовать поиску оптимальных форм взаимовыгодного партнерства.

На протяжении многих десятилетий идеология и политическая конъюнктура оказывали деформирующее виляние на оценку взаимоотношений СССР и Гоминьдана. Вследствие этого перед современной исторической наукой стоят задачи не только привлечения не использовавшихся ранее материалов, но деидеологизации и деполитизации данной проблематики, пересмотра или уточнения прежних концепций.

Степень научной разработанности проблемы. При анализе историографии необходимо учитывать большой объем накопленного материала, а так же качественное различие методологической и концептуальной основы советской, современной российской и зарубежной литературы.

Советский период в историографии (1920-е гг. – начало 1990-х гг.) характеризовался классовым подходом. Соответственно курс СССР в отношении Гоминьдана оценивался с позиций «интернационализма» и поддержки мирового революционного, коммунистического и антиимпериалистического движения, помощи «прогрессивным» политическим силам Китая, боровшимся за национальную независимость. Приоритетное внимание при этом уделялось Коммунистической партии Китая (КПК).

Первые аналитические работы, касающиеся политики СССР в отношении Гоминьдана, были опубликованы в конце 1920-х гг. Свой взгляд на развитие национально-революционного движения в Китае, причины кризиса советско-китайских отношений и «поражения китайской революции» представили видные деятели ВКП(б) и Коминтерна. Поскольку появление их работ было тесно связано с обострением фракционной борьбы в ВКП(б), для историографии этого этапа характерна острая поляризация мнений. Точка зрения Л.Д. Троцкого [3] противопоставлялась мнению сторонников правящей группы в ВКП(б), отраженному в публикациях М.Г. Рафеса, П.А. Мифа, М.Н. Роя, Л.И. Мадьяра и др.[4]. Л.Д. Троцкий указывал на необходимость скорейшего образования Советов в Китае и связывал проблемы революционного движения с недостаточным вовлечением в него рабочих и крестьянских организаций. Его оппоненты, напротив, настаивали на сохранении единого фронта и постепенной переориентации Гоминьдана на прокоммунистические позиции путем поэтапного отсечения наиболее консервативных элементов. Дискуссии по китайскому вопросу и стратегии развития мирового революционного движения отличались тенденциозностью и превратились в один из инструментов для подавления внутрипартийной оппозиции.

С поражением последней в советской историографии надолго установилась общая для исследователей линия на игнорирование ошибок Кремля, Коминтерна по отношению к Гоминьдану и на объяснение провала советского курса в Китае изменой Чан Кайши и нерешительностью КПК. Данная тенденция отчетливо прослеживается в работе Б.Г. Сапожникова, посвященной истории гражданской войны в Китае[5]. Не касаясь непосредственно темы советского участия, он проанализировал события 1924–1927 г. в Китае и пришел к выводу о поражении там революционного движения вследствие усиления классовых противоречий в едином фронте. Данное обстоятельство автор всецело связывал с изменением внутриполитической стратегии Гоминьдана. Политика Чан Кайши с 1927 г. рассматривалась с позиций

«измены революции» и «буржуазной реакции», а единственным выразителем интересов большинства населения Китая представлялась КПК.

В 1950-1980-х гг. вышли коллективные монографии обзорного характера по истории международных и советско-китайских отношений М.С. Капицы, Н.Г. Севостьянова, В.Я. Сиполса, М.А. Дубинского [6] . Вопросам внешнеэкономических связей Китая была посвящена работа М.И. Сладковского[7]. Общим для этих исследований являлось отсутствие параллелей между политикой СССР в отношении революционного движения и изменениями обстановки в Китае. Сквозным мотивом для обоснования советской помощи «китайскому народу» служила идея интернационализма и пролетарской дружбы. Политика Чан Кайши, по оценке одних авторов, была полностью подчинена европейским державам и США[8], а другие отмечали его стремление использовать советский фактор для решения собственных стратегических задач[9].

Серьезным шагом к осознанию внутренних мотивов сближения Москвы и Кантона в 1920-е–1930-е гг. стала работа Р.А. Мировицкой[10]. В исследовании рассмотрены вопросы установления официальных контактов СССР с правительством Сунь Ятсена, участия советских специалистов в подготовке и осуществлении Северного похода, помощи Национальным армиям Фэн Юйсяна, поддержки Коминтерном национально-революционного движения в Китае. Исходя из анализа интересов Гоминьдана и СССР, автор увидела совместную заинтересованность обеих сторон в сильном независимом Китае. По мнению Мировицкой, это объясняло, почему и после смерти Сунь Ятсена в 1925 г. сотрудничество не было немедленно свернуто. Разрыв контактов был предопределен усилением в Гоминьдане правых сил.

Взаимодействие СССР и Гоминьдана в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. получило отражение в работах Б.А. Бородина, А.Г. Яковлева, Б.Г. Сапожникова, а также коллективном труде «Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа» [11] . В них была восстановлена картина вторжения императорских войск в Китай, формирования единого антияпонского фронта, организации и осуществления военно-технической

помощи СССР Национальному правительству, в т.ч. деятельности советских военных советников и летчиков, а также действий Москвы и Нанкина на международной арене. При этом, корыстные интересы Японии, Франции, США и Великобритании в Китайской Республике противопоставлялись интернационалистическим мотивам Советского Союза. Агрессия Японии в отношении Китая напрямую связывалась с политикой «умиротворения» Токио, попустительства его экспансии со стороны Западной Европы и Америки. Действия Кремля, напротив, объяснялись с позиций борьбы за мир и оказания помощи «братскому народу», ставшему жертвой нападения Японии с молчаливого согласия европейских держав и США. Большое значение придавалось советско-китайскому договору о ненападении 1937 г. и формированию единого антияпонского фронта Гоминьдана и КПК. Эти события оценивались как ключевые факторы, способствовавшие стремительному сближению Москвы и Нанкина и как доказательство соблюдения Кремлем союзнических обязательств в части невмешательства во внутренние дела Китая.

Отдельно следует выделить научные публикации Ю.В. Чудодеева и Г.В. Астафьева[12], содержащие информацию об объемах, формах и способах оказания военной помощи Советского Союза Китаю в ходе японо-китайской войны 1937–1945 гг. Авторы сходятся во мнении о существенной разнице в объемах военно-технической помощи, оказанной Китайской Республике со стороны СССР, США и Великобритании. По их мнению, именно Москва оказала наиболее существенную поддержку Национально-революционной армии (НРА) на начальном этапе японо-китайской войны, в то время как западноевропейские державы и США были более заинтересованы в сохранении экономических связей с Токио. Ю.В. Чудодеев[13] подчеркивает исключительную значимость деятельности в Китае советских летчиков-добровольцев, отмечая, что они приняли на себя основной удар превосходящих сил ВВС Японии.

В целом, советской историографией накоплен большой материал о сотрудничестве СССР и ГМД в военной и политических сферах, однако он

получил идеологизированную, преимущественно одностороннюю оценку. Внимание исследователей концентрировалось на деятельности Чан Кайши и политических процессах, протекавших в Китае, в то время как влияние СССР на них по большей части оставалось нерассмотренным. После окончания в конце 1920-х гг. дискуссий в ВКП(б) и ИККИ о внешнеполитической стратегии Кремля в отношении Гоминьдана в отечественной историографии утвердился тезис об обусловленности действий Москвы защитой общественного блага, отстаивания «интересов китайского народа». Не получили освещения роль ИККИ и советских политических инструкторов в расколе Гоминьдана и единого фронта в 1927 г., влияние фракционной борьбы в ВКП(б) на формирование советского внешнеполитического курса, геополитические интересы СССР на Дальнем Востоке в 1923–1942 гг. (прежде всего в северо-восточных провинциях Китая, Синьцзяне и Внешней Монголии).

Современная российская историография (1990-е гг. – по настоящее время) отличается иной методологией исследований, для которой характерен широкий спектр подходов к изучению советско-китайского сотрудничества в 1920–1930-е гг. Главной ее чертой является поиск во внешнеполитической концепции СССР в отношении Китая геополитических мотивов. Взаимодействие двух государств начинает восприниматься как составляющая сложной многофакторной системы международных отношений. Кроме того, для данного периода в историографии характерно усиление фрагментарности исследований, тяготение к узким аспектам взаимодействия СССР и Гоминьдана в военной и политической сферах.

Примером нового методологического подхода к истории международных отношений в дальневосточном регионе являются труды А.Д. Воскресенского и коллектива авторов под руководством А.Д. Богатурова[14]. В них создана модель сложной системы международных отношений, равновесие в которой зависит от комплекса внутренних и внешних факторов. Концепция многофакторного равновесия, разработанная А.Д. Воскресенским, позволяет представить развитие советско-китайских отношений как протяженный во времени и

целостный процесс, каждый этап которого неразрывно связан с предыдущим и оказывает непосредственное влияние на последующий. Контакты двух стран рассматриваются в широкой исторической перспективе с учетом баланса сил в регионе и геополитических интересов СССР, Китая, Японии, США и западноевропейских держав. Это дает возможность точнее воссоздать последовательность исторических событий и выявить мотивы, обуславливавшие периоды сближения и расхождения позиций Советского Союза и Китайской Республики.

Большой вклад в изучение советско-китайского сотрудничества в 1920-е гг. в политической сфере внесли труды Н.Л. Мамаевой, А.В. Панцова, М.В. и В.М. Крюковых и др. авторов. Они заложили базу для исследования роли СССР в стратегии Гоминьдана, эволюции внешнеполитических приоритетов последнего и отношения его к теории и политической практике международного коммунистического движения, влияния Коминтерна на национально-революционное движение в Китае и т.д.

В работе Н.Л. Мамаевой[15] обращает на себя внимание критический подход к оценке политики, реализуемой Коминтерном в Китае. Автор отошла от концепции, возлагавшей вину за распад в 1927 г. единого фронта и последующий разрыв сотрудничества с Москвой исключительно на Чан Кайши. Она сделала вывод о формировании в руководстве СССР и Гоминьдана неидентичных подходов к теории и практике революции. Ситуация усугублялась переоценкой Москвой своего влияния на внутриполитические процессы в Китае, а также отсутствием последовательной программы действий в самом Коминтерне. Все это привело к постепенному накоплению взаимных претензий. Попытка радикализации массового движения, предпринятая Коминтерном без учета программных установок Гоминьдана, была негативно воспринята в партии. Н.Л. Мамаева пришла к заключению, что прекращение сотрудничества Гоминьдана и СССР напрямую зависело от различий в сформированных ими моделях революции. Тем не

менее, автор считает, что в целом, опыт Китая показал эффективность взаимодействия национально-революционного и коммунистического движений.

Дальнейшее развитие современных подходов к проблеме советско-китайского сотрудничества продемонстрировала работа А.В. Панцова [16] . Подчеркнув классовый характер политики СССР, автор сделал вывод, что декларируемый Москвой курс на поддержку Кантона на практике трансформировался в стремление через КПК и Коминтерн добиться установления в Китае просоветского режима. Этот процесс был связан с изменением в руководстве ВКП(б) подхода к национальной революции. Следствием попытки Кремля осуществить коммунизацию Гоминьдана стало выступление Чан Кайши 20 марта 1926 г. Таким образом, кризис советско-китайских отношений 1927 г. был обусловлен неучтенным в Москве стремлением Чан Кайши к проведению независимой политики. При этом, в отличие от Н.Л. Мамаевой, А.В. Панцов не склонен видеть противоречий в действиях ИККИ и ВКП(б), расценивая Коминтерн в качестве теневого инструмента Кремля, осуществлявшего те направления внешнеполитического курса, которые не укладывались в официально декларируемую линию Москвы.

М.В. и В.М. Крюковы,[17] обратившись к архивным документам России, Китая, США, Англии, Японии и Германии, проследили изменения внешнеполитической доктрины Кремля, ее целей и методов реализации. Авторы доказывают, что в 1917–1926 гг. идея мировой революции, как конечной цели советской внешней политики, была пересмотрена в пользу защиты государственных интересов СССР. Неудачи Москвы в диалоге с ГМД были связаны с отсутствием последовательной программы действий, негативным влиянием внутрипартийной борьбы в ВКП(б), ориентацией НКИД на силовые методы, пренебрежительным отношением к мнению противоположной стороны.

В современных исследованиях отчетливо наметилось изменение подхода к оценке личности Чан Кайши. Так в трудах, вышедших в 1990-е гг., академик С.Л. Тихвинский [18] раскрывая политическую историю Китая и его контактов с СССР на основе анализа биографий Чжоу Эньлая и Сунь Ятсена,

сделал акцент на противопоставлении их «преданности идеалам революции» реакционной политике Чан Кайши, основанной на антисоветских и антикоммунистических лозунгах. Иной подход представлен в работах Ю.М. Галеновича[19]. На основе анализа биографии, менталитета Чан Кайши автор раскрыл внутреннюю логику его политики, рассмотрел причины распада единого фронта и начала противостояния Гоминьдана и КПК, разрыва советско-китайских отношений и их возобновления. Ю.М. Галенович пришел к выводу о том, что переход Чан Кайши на антикоммунистические позиции был продиктован стремлением к защите партийных интересов Гоминьдана, к построению сильного и независимого Китая.

В постсоветской историографии получило отражение и сотрудничество СССР и Гоминьдана в военной сфере. В частности, А.И. Картунова [20] рассмотрела военный аспект политики ВКП(б) [21] и Коминтерна как неотъемлемую часть их общей стратегии в отношении революционного движения в Китае 1923 – июля 1927 гг. Возникновение данного фактора автор связала с осознанием Кремлем особого влияния армии на политические процессы в этой стране, невозможности развития революционного движения без опоры на силовые методы. А.И. Картуновой выделены, как наиболее эффективные стороны сотрудничества СССР и ГМД в военной сфере (подготовка командных кадров для НРА, разработка планов Восточных и Северного похода), так и проблемные (конфликт между В.К. Блюхером и М.М. Бородиным, колебания Кремля в вопросе о целесообразности и времени начала Северного похода, неэффективность работы Северной группы советских военно-политических советников). Прекращение сотрудничества в военной сфере исследователь связывает, прежде всего, с политическими просчетами: преувеличением «народности» НРА, несвоевременной радикализацией революционного движения и недооценкой военной силы Чан Кайши.

Подготовке кадров для партийных институтов Гоминьдана и НРА посвящены работы Д. А. Спичак [22], А. Г. Юркевича [23]. В исследованиях А.Г. Юркевича об участии советских специалистов в организации Высшей

военной школы Гоминьдана на о. Хуанпу (Вампу) поднята важная проблема влияния школы на характер национально-революционного движения в Китае в 1920-е гг. и формирование режима Чан Кайши. Подчеркнуто существенное различие стратегий военного строительства НРА, разработанных Москвой, и Чан Кайши. Кремль делал ставку на внедрение в войска ГМД командных кадров, прошедших специальную и политическую подготовку под руководством советских специалистов, а Чан Кайши − на сосредоточении на базе учебных полков Вампу ударного «ядра» армии. Работы Юркевича позволяют на примере школы Вампу глубже понять внутренние мотивы военной политики, реализуемой советскими советниками в Китае в 1923–1927 гг.

Подробный анализ деятельности органов советской внешней разведки в Китае содержится в монографии В.Н. Усова[24]. Связь групп советских военно-политических советников при Гоминьдане с Коминтерном, ГРУ и ОГПУ являлась неотъемлемой составляющей их работы. Таким образом, данное исследование органично дополняет комплекс трудов, характеризующих сотрудничество СССР и Гоминьдана в 1920-е гг.

Для изучения советско-китайского сотрудничества в области авиации в рассматриваемый период основополагающей работой является часть первая монографии А.А. Демина[25]. В ней автор прослеживает становление ВВС Китайской Республики и роль в этом процессе материально-технической и иной помощи СССР. Особое внимание в работе уделено вкладу советских летчиков в противостояние с авиацией Японии на начальном этапе японо-китайской войны 1937–1941 гг. Более широко вопросы участия советских военнослужащих в боевых действиях на территории Китая рассматриваются в монографиях А.В. Окорокова[26].

Характерной особенностью постсоветской историографии является усиление внимания к вопросу о сферах влияния на Дальнем Востоке, где пересекались интересы СССР, Китая и Японии. Политика Токио на Дальнем Востоке стала предметом исследования ряда авторов, среди которых следует выделить А.А. Кошкина, Е.А. Горбунова, А.В. Шишова, К. Е. Черевко[27].

Несмотря на достигнутые успехи, дискуссионными остаются проблемы происхождения меморандума Танаки и влияния советско-японского договора о нейтралитете на развитие военного и политического сотрудничества СССР и Гоминьдана в начале 1940-х гг[28]. Исследование истории взаимоотношений СССР и Японии позволяет оценить реальность военной угрозы дальневосточным территориям СССР в 1930-е гг. и проследить, как сталкивались интересы Москвы и Токио в Синьцзяне, Маньчжурии и Монголии.

В публикациях В.П. Ямпольского дана характеристика обстановки на советско-маньчжурской границе, особое внимание уделено провокациям, организованным японскими спецслужбами в 30-е гг. XX в.[29]. Службе русских белоэмигрантов в китайской и японской армии посвящены работы С.С. Балмасова и Е.В. Яковкина[30]. Изучением роли Синьцзяна в советско-китайских отношениях и влияния СССР на политические процессы в Северо-Западных провинциях Китая в первой половине XX в. занят В.А. Бармин[31]. Политике Коминтерна в МНР и «монгольскому вопросу» в развитии контактов Кремля и правительства Чан Кайши посвящена работа С.Г. Лузянина[32]. В монографиях Н.П. Рябченко и А.В. Шубина[33] поднимается дискуссионный вопрос об оценке советско-японских конфликтов на озере Хасан и р. Халхин-Гол, как о прямой военной помощи Китаю со стороны СССР.

Таким образом, современными отечественными исследователями успешно разрабатываются проблемы влияния Коминтерна и ВКП(б) на внутриполитические процессы в Китае, негативных факторов в политике Москвы, повлекших кризис советско-китайских отношений в конце 1920-х гг. Изучаются значение армии и Высшей военной школы Вампу в объединении страны под властью Гоминьдана, роль советских военных советников и летчиков в японо-китайской войне. Вместе с тем, в современной отечественной историографии не вполне прослежена связь между государственными интересами СССР и Китая на Дальнем Востоке и их влияние на развитие двустороннего военно-политического сотрудничества. Дополнительного исследования требуют конкретные параметры, характеристики военно-

политической помощи СССР Китаю в период 1923–1942 гг. По-прежнему сохраняется недооценка взаимосвязи политики СССР и Гоминьдана в 1920-е и 1930-е гг. и проведение хронологической границы либо по распаду единого фронта в 1927 г., либо по конфликту на КВЖД в 1929 г. В результате, не прослеживается связь с последующим периодом, целостность и преемственность советской политики в отношении Китая, а также ее поэтапная трансформация.

Зарубежные авторы неоднократно обращались к теме взаимодействия СССР и Гоминьдана в 1920-е – начале 1940-х гг. Относительно советской внешнеполитической стратегии в западной историографии сложилось две основные точки зрения. По мнению И. Дойчера[34] политика Ленина и Троцкого в отношении единого фронта была направлена на завоевание руководящих позиций в национально-революционном движении КПК, тогда как стратегия Сталина была всецело ориентирована на Гоминьдан и его вовлечение в антиимпериалистическую революцию, даже в ущерб интересам КПК. Среди западных исследователей, сторонников другой версии следует выделить К. Брандта и Р. Норса[35]. Не отвергая полностью обозначенную выше точку зрения, они склонны считать, что у Ленина и Сталина отсутствовал последовательный план в отношении Китая и расценивали дискуссию по восточному вопросу скорее как средство внутрипартийной борьбы.

Эти труды органично дополняет работа профессора Колумбийского университета (США) М. Вильбура[36] по истории национальной революции в Китае 1923–1928 гг. В монографии раскрывается механизм проникновения коммунистов в партийные институты Гоминьдана и роль СССР в этом процессе. Автор останавливается на таких действиях Москвы, как политизация Национально-революционной армии, финансирование войск Гоминьдана, маршала Фэн Юйсяна и уделяет существенное внимание проблеме статуса Монголии и советско-монгольских отношений в диалоге Москвы и Кантона. В работе американского исследователя Б. Эллемана[37]более

подробно рассматривается эволюция и специфика советско-китайских дипломатических отношений в 1917–1927 гг.

В исследовании взаимодействия СССР и Гоминьдана в период японо-китайской войны[38] большой интерес представляет монография американского историка, специалиста в области международных отношений, профессора Дж. Гарвера [39] . В отличие от классического для советской историографии представления об интернационалистских мотивах советско-китайского сотрудничества, Дж. Гарвер выдвинул на первый план геостратегические интересы СССР и Китая на Дальнем Востоке. Автор проследил взаимосвязь между эволюцией советско-китайских отношений и изменением обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом. Он обратил внимание на влияние советско-германского пакта о ненападении, советско-японского договора о нейтралитете и советско-финской войны на военную помощь СССР Китаю. По мнению Дж. Гарвера, начало и окончание сотрудничества СССР и Гоминьдана было обусловлено балансом в стремлении обеих стран к обеспечению своей безопасности и борьбой за сферы влияния в пограничных регионах, прежде всего Монголии и Синьцзяне. Вопросу советско-китайского соперничества в Синьцзяне в работе уделено особое внимание. Автор останавливается на методах «советизации» Северо-Западного Китая и способах противодействия Гоминьдана этому процессу. Дж. Гарвер пришел к выводу, что ослабление СССР, вызванное неудачным исходом летней кампании 1942 г. на советско-германском фронте, при стабилизации ситуации в Китае в тот же период и укреплении контактов Чунцина и Вашингтона позволило Чан Кайши вернуть контроль над Синьцзяном, что во многом и обусловило охлаждение советско-китайских контактов.

Более подробно интересы СССР в Восточном Туркестане рассмотрены в работе азербайджанского исследователя Дж. Гасанлы[40]. Автор подчеркнул использование И.В. Сталиным происламского движения в Синьцзяне в 1930-е гг. для включения региона в орбиту советской политики.

Таким образом, в западной историографии оценка политики СССР в отношении Гоминьдана производится, прежде всего, с позиции геостратегических интересов сторон. Характерной чертой является обращение к замалчиваемым в советских исследованиях вопросам экспансии СССР в приграничных районах Китая и втягивания их в сферу влияния Москвы, к роли соглашений СССР с Германией и Японией в развитии военно-политического сотрудничества с Гоминьданом. Не отрицая большого значения идеологического фактора в советско-китайских отношениях, западная историография отдает приоритет выявлению государственных интересов СССР. При этом сохраняется определенная изолированность рассмотрения взаимодействия СССР и Гоминьдана в период революции в Китае и его войны против Японии.

Особо следует выделить китайскую историографию, которая также уделяет существенное внимание теме советско-китайского сотрудничества в исследуемый период. Недостаточное владение автором китайским языком не позволяет в полной мере охватить весь комплекс исследований китайских авторов по данной проблематике. Однако анализ переводной литературы, научной периодики и косвенное знакомство с материалами через работы отечественных и западных авторов позволяют дать общую оценку степени разработанности темы в Китае.

Длительное время для китайских исследований в целом было характерно высокое влияние идеологического фактора, отражающееся в завышенной оценке роли КПК во внутриполитических процессах в Китае в период революции 1925–1927 гг. и сопротивлении японской агрессии в 1937–1945 гг. Ярким примером такого подхода является монография Пын Мина[41]. Автор рассматривает советско-китайские отношения с позиций интернационализма, бескорыстной помощи и дружбы народов. При этом он преимущественно оперировал понятием «китайский народ», уклоняясь от упоминания политического режима и правительства Чан Кайши. Участие ГМД в рассматриваемых событиях или игнорируется, или носит негативную окраску.

Однако в конце XX – начале XXI вв. были пересмотрены многие принципы двусторонних отношений. В настоящее время в китайской историографии идет процесс преодоления многих идеологически обусловленных установок и правил. Происходит переосмысление роли ГМД в становлении китайской государственности и противодействии Японии. Режим Чан Кайши постепенно перестает восприниматься как нечто враждебное по отношению к государственным интересам Китая. В связи с этим, изменяются подходы к оценке участия в рассматриваемых событиях КПК и СССР.

В частности, Ло Сяохуэй[42] называет советский фактор одним из наиболее весомых в формировании партийно-политической системы Гоминьдана. На примере сравнительного анализа высших партийных органов ВКП(б) и ГМД автор проводит параллели между двумя политическими системами и раскрывает два механизма советского влияния: посредством участия политических советников в реформировании партийных институтов ГМД и посредством передачи опыта партийного строительства через китайских студентов, проходивших обучение в СССР. В результате, именно в копировании советского шаблона, широко задействовавшем военные структуры в политических целях, автор видит одну из серьезных проблем гоминдановского режима.

Ван Пэй [43] , также признавая глубокое влияние СССР на внутриполитические процессы в Китае, обращает внимание на противоречие между теорией и практической политической линией СССР. Позиция автора строится на представлении о подчиненном положении КПК. По его мнению КПК как «сын Советского Союза» не имела собственного мнения, тогда как Гоминьдан, выступая «другом Советского Союза» мог реализовывать собственную политику. По мнению автора, оценка Гоминьдана в соответствии с критериями «левый и правый», привело направляемую Москвой Компартию Китая к дилемме поиска компромисса или раскола с ГМД.

Лю Шили [44] подробно останавливается на роли М.М. Бородина в реорганизации Гоминьдана. Признавая его большой вклад в формирование новой структуры руководства партии и ее вооруженных сил, автор все же

склонен считать ошибочной позицию Бородина относительно политики уступок и компромиссов с Чан Кайши после событий 20 марта 1926 г.

Оценивая советско-китайское сотрудничество в период японо-китайской войны Сюэ Дэшу, Ай Хонг, Ли Яньлин, Чжоу Часянь, Ли Ланьфан, Чжан Хэ, У Чжансюй[45] сходятся во мнении, о высокой эффективности и значимости советской поддержки для сил сопротивления японской агрессии. Вместе с тем, Ай Хонг, Ли Яньлин основным мотивом оказания СССР помощи Гоминьдану называют стремление не позволить Японии завершить войну в Китае и перенаправить экспансию на север. Сюэ Дэшу указывает на двойственность политики СССР. Готовность Москвы к оказанию военно-технической помощи и укреплению в Китае единого фронта КПК и ГМД противопоставлялась стремлению избежать обострения отношений с Японией и прямого участия в войне. У Чжансюй останавливается на анализе причин ухудшения отношений между СССР и Гоминьданом в начале 1940-х гг., среди которых он выделяет: нестабильность внешней политики гоминьдановского правительства, игравшего на столкновении интересов Японии и СССР на Дальнем Востоке; оказание СССР помощи КПК; приостановку советской военно-технической помощи и отказ от прямого участия в войне с Японией. Предметом исследования Чжоу Хун[46] стали торговые отношения СССР и Синьцзяна в период пребывания у власти Шэн Шицая, показана структура экспорта и импорта провинции, динамика деятельности советских торговых представительств.

Таким образом, в китайской историографии достаточно широко представлены вопросы, связанные с сотрудничеством СССР и Гоминьдана в рассматриваемый период. Однако, следует учитывать существенное влияние на китайские исследования идеологического фактора, что выражается в подчеркнуто преувеличенном внимании к роли КПК в данном процессе. Не отрицая заслуг СССР в поддержке национально-революционного движения и движения сопротивления в Китае, исследователи склонны видеть в политике Москвы готовность пожертвовать интересами КПК для укрепления отношений с Гоминьданом. Кроме того в китайской историографии позиция

СССР рассматривается, преимущественно исходя из международной обстановки и баланса сил на Дальнем Востоке, в то время как влияние внутриполитического фактора на советскую внешнюю политику исследовано недостаточно.

То обстоятельство, что данное исследование ориентировано на анализ внутренних мотивов и государственных интересов СССР в Китае, влиявших на формирование и развитие советского внешнеполитического курса, а так же методы реализации программы сотрудничества, позволяет строить в диссертации научно значимые выводы о трансформации советской позиции относительно сотрудничества с Гоминьданом без широкого привлечения китайской историографии.

В целом, по историографии исследуемого вопроса, следует констатировать наличие обширного комплекса монографий, научных статей и иных публикаций, касающихся различных аспектов взаимодействия Советского Союза и Китайской Республики в военной и политической сферах. Тем не менее, как в отечественной, так и в зарубежной историографии недостаточно исследована связь между двумя периодами взаимодействия СССР и ГМД – до разрыва дипломатических отношений в 1929 г. и после их восстановления в 1932 г. Не раскрыто влияние опыта сотрудничества в 1920-е гг. на характер советско-китайского взаимодействия в 1930-е гг. Дискуссионными остаются вопросы о мотивах сближения СССР и Гоминьдана, о конечных целях, которые преследовала Москва в Китае, а также роли в них КПК.

В результате, тема военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана в 1923–1942 гг. не получила в отечественной историографии целостного обобщающего исследования. Дополнительного изучения требуют ряд вопросов, в т.ч. мотивы, повлекшие сближение позиций сторон и их влияние на методы реализации сотрудничества.

Объект исследования – политика СССР в отношении Китая в 1923–1942 гг.

Предметом исследования является военно-политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана в 1923–1942 гг.

Цель диссертационной работы заключается в анализе курса советского руководства по отношению к Гоминьдану и военно-политического сотрудничества двух стран в 1923–1942 гг.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих задач:

– проанализировать международную обстановку на Дальнем Востоке и внутриполитическую ситуацию в Китайской Республике в 1923–1942 гг. в качестве факторов, влиявших на курс СССР в отношении Гоминьдана;

– определить советские внешнеполитические интересы на Дальнем Востоке и раскрыть формирование и эволюцию курса СССР в отношении Гоминьдана в период 1923–1942 гг.

– выявить мотивы трансформации позиции СССР в отношении сотрудничества с Гоминьданом в рассматриваемые периоды;

– рассмотреть меры, реализованные Советским Союзом в рамках политического сотрудничества с Гоминьданом в периоды 1923–1927 гг. и 1937–1942 гг.;

– охарактеризовать развитие сотрудничества СССР с Гоминьданом в военной сфере в периоды 1923–1927 гг. и 1937–1942 гг.

Хронологические рамки исследования − 1923–1942 гг. Нижняя граница обусловлена первым официальным обращением представителей Гоминьдана к СССР с просьбой о сотрудничестве в области военного и политического строительства. Вместе с тем, в вопросах, касающихся идеологического обоснования советского внешнеполитического курса и подъема национально-освободительного движения в государствах Востока, обозначенная граница опускается в работе до 1920 г.

Верхняя грань − 1942 г. обусловлена сменой внешнеполитических приоритетов СССР и ГМД в условиях Второй мировой войны. В марте 1942 г. выводом с территории Китая советских военных советников завершился процесс свертывания активной фазы сотрудничества в военной сфере. Переход правительства Чан Кайши к политике ослабления советского влияния

в Синьцзяне летом 1942 г. обозначил проявление кризиса в политическом взаимодействии Москвы и Чунцина.

Разрыв двусторонних контактов СССР и Гоминьдана в 1929–1932 гг. был вызван прекращением дипломатических отношений между Советским Союзом и Китайской Республикой вследствие вооруженного конфликта в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1929 г. Период 1933 – первой половины 1937 гг. характеризовался возобновлением диалога СССР и Гоминьдана. Состояние международной обстановки и двусторонних отношений не позволяет характеризовать его как период военно-политического сотрудничества. Тем не менее на данном этапе закладывались предпосылки для перехода от политики организации коллективной безопасности в Дальневосточном регионе к расширению двусторонних контактов.

Территориальные рамки исследования в основном ограничены районами Китайской Республики подконтрольными административным органам Гоминьдана и территорией СССР в границах на рассматриваемый период времени. В отдельных случаях территориальные рамки исследования расширяются и включают районы, подконтрольные Национальным армиям Фэн Юйсяна, Маньчжурию, Синьцзян и Монгольскую Народную Республику.

Методология исследования основана на системном подходе, в основе которого лежит рассмотрение исторических событий как системы – целостного комплекса взаимосвязанных элементов и отношений [47]. В диссертационном исследовании этот подход нашел отражение в изучении влияния совокупности внешних и внутренних факторов на формирование политического курса СССР по отношению к Гоминьдану и методов реализации сотрудничества. Он позволил проанализировать сотрудничество СССР и Гоминьдана в военной и политической сферах на протяжении всего периода 1923–1942 гг. в качестве единого процесса, в котором стороны оказывали друг на друга взаимное влияние.

Данный подход обусловлен определением самого термина «международное сотрудничество» как «ситуации, когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми

предпочтениями других, через процесс [взаимной] координации политик»[48]. В результате «каждый актор не обязательно помогает другому, но делая это, он ожидает улучшения своей собственной ситуации, что ведет к взаимной координации государственных политик»[49]. Следовательно, межгосударственное сотрудничество предполагает наличие трех составляющих: 1) общих интересов сторон, 2) взаимосвязи участников диалога, 3) ожидания ими выгод от реализации совместных действий и обоюдный характер этих выгод[50]. Это отличает международное сотрудничество от состояния поддержки дипломатических отношений или односторонней помощи.

Использование системного подхода позволяет выявить факторы, влиявшие на формирование политического курса Москвы в отношении Гоминьдана; раскрыть обстоятельства и мотивы, способствовавшие активизации контактов сторон в военной и политической сферах; проследить их влияние на методы реализации программы сотрудничества. В результате была создана схема военно-политического сотрудничества СССР с Гоминьданом.

В основу исследования были положены принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть в динамике формирование и трансформацию позиции СССР по отношению к военно-политическому сотрудничеству с Гоминьданом в течение исследуемого периода, в связи с международной обстановкой на Дальнем Востоке и внутриполитической ситуацией в Китае. Принцип объективности реализуется посредством совокупного анализа различных видов исторических источников с целью преодоления обусловленной влиянием идеологического фактора тенденциозности. Неразрывно связано с этим и рассмотрение позитивных и негативных проявлений в советской политике по отношению к Гоминьдану, в деятельности советских военных и политических советников и т.д.

В диссертации нашли применение также историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический методы.

– Историко-генетический метод позволил выделить этапы в развитии военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана, проследить

последовательность развития событий, характеризовавших процесс сотрудничества и формировавших международную обстановку на Дальнем Востоке в 1923-1942 гг.

– Историко-сравнительный метод был использован при сравнительном изучении двух периодов военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана (первый охватывает взаимодействие 1923–1927 гг., второй – 1937–1942 гг.) с целью выявления изменений во внешнеполитическом курсе Москвы. Кроме того, данный метод был задействован для сопоставления мероприятий по поддержке Гоминьдана, реализованных СССР в каждом из обозначенных хронологических отрезков.

– Историко-типологический метод позволил обобщить результаты проведенного анализа, сделать выводы о характере трансформации позиции СССР и выявить ведущую сферу в военно-политическом сотрудничестве с Гоминьданом для каждого из выделенных периодов. В итоге это дало возможность констатировать, что первый период во взаимодействии СССР и ГМД можно типологизировать как преимущественно политико-идеологический (ведущая сфера – политическое сотрудничество), второй – как военно-стратегический (ведущая сфера – военное сотрудничество).

Источниковая база исследования. Специфика предмета диссертационного исследования, охватывающего военную и политическую сферы сотрудничества СССР и Гоминьдана определяет необходимость анализа документов разнородных по своему характеру, происхождению и содержанию. Источниковая база включает в себя опубликованные и неопубликованные (архивные) документы и материалы. Последние выявлены автором в ходе работы в четырех государственных архивах – Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном военном архиве (РГВА) и Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК).

Представляется целесообразным выделить 6 основных групп источников: актовые материалы, делопроизводственная документация,

политические сочинения, статистические материалы, периодическая печать, документы личного происхождения.

1. *Актовые материалы* представлены двумя подгруппами документов: текстами международных соглашений и нормативно-правовыми актами, регулировавшими деятельность советских советников в Китае.

Подборка официальных документов Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР, а также двусторонних договоров и соглашений московской и гоминьдановской администраций на всем протяжении рассматриваемого периода содержится в сборнике «Советско-китайские отношения 1917–1957 гг.»[51]. В частности, в нем представлены тексты соглашения 1924 г. об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой 1937 г., а также последовавших за ним соглашений о реализации кредитов на приобретение правительством Чан Кайши техники, оружия, боеприпасов и других военных материалов и др.

Анализ договоров дает возможность определить приоритетные направления дальневосточной политики СССР, оценить общее состояние советско-китайских отношений и условия, на которых выстраивалось их взаимодействие, и то, насколько учитывались интересы каждой из сторон.

Обширная подборка нормативных актов, регламентировавших работу советских специалистов в процессе реализации военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана в 1923–1927 гг., содержится в фонде 627 РГАСПИ – «Коллекция документов о деятельности советских дипломатов, военных и политических советников в Китае»[52]. Среди материалов коллекции следует выделить положение о комиссарах Национально-революционной армии, инструкции о порядке работы мандатной комиссии Центральной военно-политической школы и о порядке организации занятий с офицерами НРА. Эти документы интересны тем, что по ним можно судить о задачах и компетенции советских специалистов в Китае. Кроме того, они позволяют

провести параллели между организацией политической работы в РККА и аналогичными структурами в армии Гоминьдана.

2. *Делопроизводственная документация* охватывает широкий круг источников. В сборниках «Документы внешней политики СССР» и «Российско-китайские отношения в XX в.» [53] представлен чрезвычайно широкий спектр документов, характеризующих дипломатические отношения Москвы и Гоминьдана: декларации, директивы советского руководства по внешнеполитическим проблемам в форме постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), шифротелеграмм, писем НКИД СССР в адрес полпреда в Китае, а также записи бесед советских должностных лиц и китайскими дипломатическими представителями и делегациями. Роль Коминтерна в военно-политическом сотрудничестве СССР и Гоминьдана раскрывается в сборниках документов «ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае» и «Коммунистический Интернационал и китайская революция» [54] . В них преимущественно представлены делопроизводственные документы (официальные письма и телеграммы, резолюции, постановления пленумов и т.д.), ставшие результатом деятельности Исполнительного Комитета Коминтерна, ЦК РКП(б) / ВКП(б), его Китайской комиссии и др. партийных институтов.

Среди документов, сосредоточенных в коллекции по истории революции в Китае (1922–1926 гг.) РГАСПИ [55] , наибольший интерес представляют доклады, справки, докладные записки, рапорты советских военных и политических советников (включая начальников групп). Данные материалы позволяют сделать выводы об общем положении дел на Дальнем Востоке и военно-политической ситуации в Китае, об организации инструкторской, учебной, политической работы в НРА, Национальных армиях Фэн Юйсяна, организации и функционировании Высшей военной школы на о. Вампу. Восприятие ВКП(б) и Коминтерном обстановки в Китае и их стратегию в отношении Гоминьдана отражают протоколы заседаний восточного отдела Исполкома Коминтерна, хранящиеся в фонде 495 РГАСПИ[56].

В архивном фонде 33987 «Секретариат Наркома Обороны СССР» РГВА[57] содержатся: переписка Народного комиссара по иностранным делам (НКИД) СССР с советскими военными советниками в Китае о военно-политической обстановке в 1926–1928 гг., списки групп военных специалистов, находившихся в Китае в 1926 г., доклады Н.В. Куйбышева, В.К. Блюхера и других военных советников о внутриполитическом положении в Китае и состоянии Национально-революционной армии в 1920-х гг. Эти документы дают возможность оценить кадровый потенциал советской советнической миссии, сформировать представление об условиях ее деятельности.

В фонде 29 «Управление начальника военно-воздушных сил РККА» РГВА представлены материалы о состоянии ВВС НРА, отчеты советских летчиков-добровольцев о действиях авиации противоборствовавших сторон в ходе японо-китайской войны, доклады советника по авиации относительно опыта применения ВВС в Китае[58]. Их анализ является важной составляющей при определении результатов и комплексной оценке эффективности деятельности советских летчиков-добровольцев в Китае.

В фонде Р-893 ГАХК хранится дело, содержащее военные, политические и экономические обзоры Японии и Маньчжурии за 1927 г., подготовленные контрразведывательным отделением Владивостокского окружного отдела ОГПУ[59]. Данные материалы позволяют оценить обстановку в пограничных с СССР районах Северо-Восточного Китая накануне конфликта на КВЖД 1929 г. Ситуация на советско-маньчжурской границе, включая описание вооруженных конфликтов и провокаций, организованных японскими спецслужбами, представлена материалами сборника «Пограничные войска СССР 1929–1938»[60]. Содержащиеся в нем отчеты, справки, доклады необходимы для взвешенной оценки масштабов приграничных инцидентов и угрозы безопасности дальневосточных рубежей СССР, исходившей от Токио.

В целом, делопроизводственная документация представляет большую ценность для исследования, поскольку позволяет проследить формирование

внешнеполитического курса СССР в отношении Гоминьдана от выработки и принятия решений до их реализации.

3. *Политические сочинения* представлены материалами партийных дискуссий в ВКП(б) и обсуждения перспектив развития китайской революции в Коминтерне в 1926–1927 гг. Об их содержании позволяют судить статьи, доклады и тезисы включенные в сборники «Основные решения по китайскому вопросу», «ИККИ и ВКП(б) по китайскому вопросу (основные решения)», «Советы в Китае», первую книгу трехтомного собрания документов «Архив Л.Д. Троцкого», доклады генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрова «по китайскому вопросу»[61]. Изучение этих материалов дает возможность проследить процесс выработки внешнеполитического курса Москвы в отношении Гоминьдана, выявить основные подходы в руководстве ВКП(б) к проблеме развития национально-революционного движения в Китае. Учитывая весомость вопроса о взаимодействии СССР и Гоминьдана в ходе внутрипартийной борьбы, развернувшейся в ВКП(б), обращение к данному аспекту является важной составляющей исследования советской внешней политики второй половины 1920-х гг.

4. *Статистические данные* о различных сторонах реализации военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана представлены в диссертации главным образом материалами фондов ГРВА и РГАСПИ. В коллекции документов фонда 627 РГАСПИ содержится информация о количестве военного снаряжения, оружия и боеприпасов, переданного СССР маршалу Фэн Юйсяну, во 2-ю Национальную Армию, Пекинской Коммунистической Организации, армии кантонского правительства до середины февраля 1926 г.[62]. В архивном фонде 33987 «Секретариат Наркома Обороны СССР» РГВА представлены: сведения о поставке военной техники НРА в период японо-китайской войны, данные о движении самолетов в ходе операции «Z» и местах их дислокации на территории Китая, списки советских военнослужащих, погибших в Китае в 1937–1939 гг.[63] Список аэродромов и посадочных площадок Китая хранится в фонде 29 «Управление начальника военно-воздушных сил РККА» РГВА[64].

Следует отметить, что в ходе анализа этой группы источников выявлено большое количество лакун – периодов, сведения о которых отсутствуют и не перекрываются перекрестными данными. Это говорит о фрагментарности статистической информации и необходимости дальнейших исследований. Тем не менее, изученные материалы все же дают возможность оценить динамику и сравнить объемы советской военно-технической помощи, оказанной НРА в период ее подготовки к Северному походу и на начальном этапе японо-китайской войны, получить сведения о потерях в технике и личном составе, понесенных СССР в ходе осуществления операции «Z».

5. *Периодическая печать* представлена материалами газет «Известия» и «Правда», освещавших позицию СССР относительно Сианьских событий 1936 г., «Тихоокеанская звезда», отслеживавшей обстоятельства урегулирования конфликта на КВЖД. Для анализа реакции региональной прессы на развитие событий в ходе японо-китайской войны использовались публикации газеты «Сталинский Комсомольск» 1938 и 1942 гг.

В рассматриваемый период печатные периодические издания являлись одним из основных каналов, используемых руководством СССР для размещения официальной информации о состоянии международной обстановки и внешнеполитическом положении СССР, а следовательно, и для формирования общественного мнения. Они позволяют проанализировать непосредственную реакцию средств массовой информации Советского Союза на изменения ситуации в Китайской Республике и трансформацию международной обстановки на Дальнем Востоке в целом. Исходя из этого, сопоставительный анализ публикаций в прессе и других исторических источников дает возможность выявить расхождения в официально-декларируемой и теневой линий в политике Кремля.

Кроме того, в процессе работы над диссертацией были использованы материалы описи 28 «Редакция документальная справочная за 1935–1962 гг.» фонда Р-4459 ГАРФ, содержащие переводы корреспондентов ТАСС публикаций мировых информационных агентств о ситуации в Китае, бюллетени,

вестники иностранной информации ТАСС [65]. Обозначенные документы позволяют судить о внутриполитической ситуации в Китайской Республике во второй половине 1930-х гг., о ходе и результатах обсуждения вопроса об агрессивных действиях Японии на территории Китая в Лиге Наций, проследить динамику положения на фронте на начальном этапе японо-китайской войны, оценить реализацию договоренностей между СССР и Гоминьданом о поставках оружия и боевой техники в Китай, а также результаты деятельности в советских военных советников и летчиков в оценках прессы Китая, Японии, США, Англии и Франции. Ценность данных материалов обусловлена тем, что они выходили с пометкой «не для печати» и применялись исключительно для служебного пользования, доступ к ним длительное время был ограничен сотрудниками ТАСС и внешнеполитических ведомств СССР.

Необходимо отметить, что материалы периодической печати в большей степени, нежели другие виды источников, требуют оценки их достоверности, поскольку влияние политико-идеологического фактора на средства массой информации было наиболее сильным и деятельность информагентств находилась под постоянным контролем со стороны госаппарата.

6. К *документам личного происхождения* относятся дневники и воспоминания. Первые представлены в диссертации двумя публикациями. «Китайские дневники. 1925–1926 гг.» Н.И. Кончица, входившего в состав группы военных советников при НРА, повествуют о боевой, политической и организационной работе и повседневной жизни советских специалистов. Дневники содержат богатый фактический материал о событиях Второго Восточного похода, в котором автор принимал личное участие в качестве старшего советника 3-й группы войск генерала Чэн Цяня, Фуцзяньской операции, а также Северного похода, во время которого автор дневников находился в 6-м корпусе НРА и в полевом штабе главного военного советника В.К. Блюхера [66]. Записи П.П. Владимирова, командированного в Яньань в качестве корреспондента ТАСС и представителя Коминтерна при ЦК КПК[67], характеризуют события в районах, подконтрольных китайским коммунистам в

период усиления конфронтации Компартии Китая и Гоминьдана и роста напряженности внутри единого фронта.

Среди мемуарной литературы необходимо выделить следующие работы. В воспоминаниях С.А. Далина содержится информация о мятеже Чэнь Цзюнмина 1922 г. в Кантоне, об обсуждении китайского вопроса в ходе IV конгресса Коминтерна, о встречах автора мемуаров с представителями Компартии Китая, руководящими деятелями Гоминьдана, членами кантонского правительства, лично с Сунь Ятсеном и Чан Кайши, советскими и политическими советниками в 1924 и 1926–1927 гг. [68] . В «Записках о китайской революции 1925–1927 гг.» А.В. Благодатова представлено подробное последовательное изложение революционных событий и описание внутриполитической обстановки в Китае в период 1925–1927 гг., деятельности Калганской группы советских военных советников, обстоятельств «событий 20 марта» 1927 г. и последовавшего укрепления позиций Чан Кайши в руководстве Гоминьдана, вплоть до образования нанкинского правительства[69].

В сборник «На китайской земле…» вошли мемуары советских военных специалистов различных родов войск, принимавших участие в боевых действиях в Китае в 1925–1927 гг. и в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. В частности, представлены воспоминания А.И. Черепанова (в 1923–1927 гг. военного советника при НРА, в 1938–1939 гг. – главного советника китайской армии); А.Я. Климова (в 1925–1927 гг., находившегося в Китае в начале в качестве советника 2-й Национальной армии, затем – консула в Калгане); С.Н. Наумова (в апреле–октябре 1925 г. советника в армии Фэн Юйсяна, с ноября 1925 г. политического советника Высшей военной школы на о. Вампу, в период Северного похода работавшего при Главном политическом управлении НРА); М.Е. Шасса (финансового советника гоминьдановского правительства в 1926–1927 гг.); А.Я. Калягина (старшего советника при командующем инженерными войсками в 1938–1939 гг.); Г.Н. Паталаха (военного советника в армии Чан Кайши в 1940–1941 гг.) и др.[70]. Сборник «По дорогам Китая. 1937–1945 гг.» посвящен деятельности советских специалистов

в Китае в период сопротивления гоминьдановской армии военной агрессии со стороны Токио. В нем опубликованы мемуары А.И. Черепанова, А.Я. Калягина, С.С. Белолипецкого, Я.М. Табунченко, К.М. Покровского и др.[71].

Отдельными изданиями были опубликованы воспоминания советских военных советников В.М. Примакова, В.И. Чуйкова, А.И. Черепанова, летчиков А.Г. Рытова, Н.Г. Козлова[72].

Мемуары советских летчиков, противостоявших ВВС Японии на начальном этапе японо-китайской войны 1937–1945 гг., вошли в сборники «В небе Китая. 1937–1940 гг.» и «Советско-японские войны 1937–1945 гг.». Информация о выполнении боевых заданий, организации технического обеспечения самолетов и аэродромах базирования содержится в воспоминаниях пилотов А.Н. Ровнина, Д.А. Кудымова, Н.Г. Козлова, К.К. Коккинаки, А. Душина, А.Г. Рытова, М.Г. Мачина, Я.П. Прокофьева, С.В. Слюсарева, А.И. Пушкина, Ф.П. Полынина и др.[73]. Анализ мемуаров военных советников и летчиков дает возможность восстановить картину их деятельности в Китае, выявить наиболее успешные направления в работе и те трудности, с которыми пришлось столкнуться советским специалистам.

Отдельно следует выделить мемуары политических деятелей Китая, выходившие на русском языке. Мемуары Чан Кайши содержат важные сведения для понимания мотивов и логики его действий, процесса реализации и итогов военно-политического сотрудничества СССР и ГМД[74]. Они дают возможность понять, как китайское руководство оценивало цели и методы советской политики и увидеть проблемы двустороннего сотрудничества.

Воспоминания очевидцев и участников вооруженного противостояния КПК и ГМД первой половины 1930-х гг. представлены в сборнике «Великий поход 1-го фронта китайской рабоче-крестьянской Красной Армии»[75]. Они позволяют проанализировать те трудности, с которыми столкнулись войска КПК после потери контроля над Центральным советским районом, а также оценить насколько Компартия Китая была готовка к самостоятельному отражению японской агрессии. Материал о тактике КПК в период существования первого

и второго единого фронта, политических группах внутри Компартии, состоянии войск КПК содержатся в мемуарах маршала Пэн Дэхуая[76].

Мемуары отражали восприятие рассматриваемых событий их непосредственными участниками, что весьма значимо для всестороннего исследования темы. Однако на их содержание сильное влияние оказывали субъективные оценки и политическая конъюнктура. Важно учитывать и время публикации материалов, поскольку мемуарной литературе, вышедшей в период охлаждения советско-китайских отношений, в большей степени, свойственен резкий, критический тон. Напротив, материалы, опубликованные в период укрепления дружественных связей между СССР и КНР, носят более нейтральный характер и преувеличивают роль КПК в формировании единого антияпонского фронта и противостоянии внешней агрессии. Что касается выходивших на русском языке мемуаров членов КПК, то их отличает особая тенденциозность. В связи с этим, информация, содержащаяся в воспоминаниях, требует тщательного анализа и сравнения с данными других источников.

Необходимо отметить, что данная работа построена преимущественно на отечественных опубликованных и не опубликованных материалах. Исключение составляют переводные источники опубликованные на русском языке. Комплекс материалов на китайском языке значительно шире. В частности в разное время были опубликованы воспоминания политических деятелей и военачальников Гоминьдана и КПК, среди которых Сунь Кэ, Фэн Юйсян, Мао Цзэдун, Чан Кайши, Ван Мин, Хэ Инцин и др. Подробные перечни исторических источников на китайском языке, раскрывающих взаимодействие между СССР и Китаем в рассматриваемый период, представлены в монографиях В.М. и М.В. Крюковых, Дж. Гарвера, Ю.М. Галеновича[77].

Однако уровень владения китайским языком не позволяет автору в полной мере использовать эти материалы в оригинале. Кроме того, ряд источников, как например переписка и дневники Чан Кайши издавались с сохранением традиционной иероглифики, что дополнительно осложняет работу с ними. Это компенсируется за счет привлечения исследований

содержащих ссылки на иностранные источники в совокупности с их критической оценкой. Кроме того, советская позиция относительно сотрудничества с Гоминьданом, равно как и меры реализованные СССР по его поддержке нашли отражение в обширном комплексе отечественных источников, отчасти не введенных в научный оборот, отчасти требующих комплексного анализа, что находит отражение в задачах данного исследования.

Таким образом, в источниках по теме исследования нашли отражение официальная позиция руководства СССР в отношении сотрудничества с Гоминьданом, мнение участников событий и реакция периодической печати. Это создает необходимую базу для анализа исследуемых событий, понимания их взаимосвязи и взаимовлияния.

Обобщающий характер работы, впервые в системном виде анализирующей политическое и военное сотрудничество Советского Союза и Гоминьдана на протяжении 1923–1942 гг., а также привлечение новых архивных источников обуславливают **научную новизну диссертации**. В частности в диссертации представлен расширенный списочный состав советских военно-политических советников за 1924–1926 гг.[78], данные о дислокации самолетов, поставлявшихся в Китай в рамках кредитных соглашений за период с декабря 1937 г. по апрель 1938 г.[79], выдержки из докладов советских военных специалистов по опыту применения авиации в Китае[80], информация зарубежной прессы о событиях в Китае и советско-китайских отношениях по материалам иностранного справочного отдела ТАСС[81].

Еще одной ее составляющей стало исследование малоизученных аспектов советско-китайского сотрудничества в 1923–1942 гг.: роль СССР в преодолении кризиса отношений КПК и ГМД 1936 г. и формировании единого антияпонского фронта; причины временной приостановки военно-технической помощи ГМД в 1940 г.; влияние советско-японского пакта о нейтралитете на развитие сотрудничества СССР и ГМД в военной сфере; интересы Москвы на северо-западе Китая и значении провинции Синьцзян в контактах СССР и ГМД. Особое внимание автор уделяет проблеме влияния

СССР на развитие взаимоотношений КПК и ГМД в 1920-е гг., тенденциозно освещавшейся в советской историографии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политика СССР в отношении Гоминьдана в 1923-1942 гг. определялась как доктринальным, идеологическим фактором, так и международной обстановкой на Дальнем Востоке и внутриполитической ситуацией в Китайской Республике. В частности, в 1920-е гг. наиболее существенное влияние на курс СССР оказывали следующие обстоятельства: слабость центральной власти в Китае; сильное влияние Англии, Японии и США на пекинское правительство; наличие на юге Китая, в провинции Гуандун предпосылок для развития национально-революционного движения. В 1930-е гг. преобладающим фактором стало усиление на Дальнем Востоке военной угрозы со стороны Японии, сопровождавшееся ростом националистических настроений в Китае и консолидацией движения сопротивления под руководством ГМД.

2. В 1923–1927 гг. политика СССР в отношении ГМД была направлена прежде всего на реализацию идеи о подъеме революционного движения в странах Востока, и как следствие, установление в Китае просоветского режима. Сопутствующей задачей было стремление к возврату экономических и дипломатических позиций на Дальнем Востоке, утраченных в ходе гражданской войны и иностранной интервенции в России при параллельном ослаблении в Китае положения европейских держав, Японии и США. В 1930-е гг. в стратегии Москвы доминирующей целью стало сдерживание за счет Китая японской экспансии на континенте, создание в приграничных районах буферной зоны посредством включения в советскую сферу влияния Внешней Монголии и Синьцзяна. Вопрос о возобновлении КПК борьбы за власть, перешел в разряд перспективных задач, реализация которых была отложена до окончания японо-китайской войны.

3. Внешнеполитическая доктрина СССР на всем протяжении рассматриваемого периода сохраняла идеологическое, классовое обоснование. В 1923 – начале 1930-х гг. данная составляющая «китайской» политики Москвы,

тесно связанная с внутрипартийной борьбой в ВКП(б), имела определяющее влияние на развитие диалога СССР и ГМД. Это приводило к фактическому смешению межпартийных и межгосударственных отношений. С середины 1930-х гг. в советской внешней политике резко возросло значение объективного фактора: изменения международной обстановки. Обострение ситуации на Дальнем Востоке в связи с переходом Японии к политике прямых территориальных захватов ускорило размежевание узкопартийных и государственных интересов Советского Союза и повлекло подчинение идеологических задач стратегическим. Это позволило СССР и ГМД в 1937 г. перейти к осуществлению военно-политического сотрудничества в условиях сохранения разницы их идейно-политических платформ.

4. Поскольку в 1923–1942 гг. внешнеполитический курс СССР в отношении Гоминьдана претерпел трансформацию, перейдя от приоритетной поддержки коммунистического, национально-освободительного движения к геополитическому подходу, обеспечению безопасности дальневосточных рубежей СССР, это повлекло смену ведущего направления в сотрудничестве Советского Союза и Гоминьдана: на первом этапе (1923–1927 гг.) таковым являлась политическая сфера, а на втором (1937–1942 гг.) − военная.

5. В 1923–1927 гг. контакты Москвы и Кантона развивались под сильным влиянием политико-идеолгического фактора, и прекращение сотрудничества в 1927 г., как и последующий кризис 1929 г., повлекший разрыв дипломатических отношений, были обусловлены расхождением политических платформ ВКП(б) и Гоминьдана. Эффективность совместной работы в военной области 1923–1927 гг. способствовала сохранению потенциала сотрудничества и облегчила ее последующее возобновление. Предварительное согласование позиций сторон и поиск форм диалога, − что оказало непосредственное влияние на выбор методов сотрудничества, − было начато с восстановления официальных контактов в 1932 г. и продлилось до августа 1937 г. На этом этапе дипломатическими ведомствами обеих стран были проработаны возможные варианты их взаимодействия и создана нормативная база для оказания СССР

масштабной военной помощи Национально-революционной армии. В 1937–1942 гг. сотрудничество СССР и ГМД было подчинено общей задаче по отражению угрозы со стороны Японии. Свертывание сотрудничества было вызвано изменением приоритетов в политике обеих сторон в связи с началом в 1941 г. Великой Отечественной войны и войны Японии с США на Тихом океане.

6. Автором выявлена эволюционная связь между двумя периодами военно-политического сотрудничества СССР и ГМД (1923–1927 гг. и 1937–1942 гг.). Во многом она была обусловлена трансформацией советского внешнеполитического курса, изменением соотношения в нем идеологического и геостратегического факторов. Разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и Китайской Республикой в 1929–1932 гг. не стал непреодолимым рубежом, повлекшим разрыв всех прежних связей. Прекращение сотрудничества было обусловлено изменением международной обстановки, что привело к разрушению прежнего баланса сил в регионе и изменению внешнеполитических интересов СССР и Китая.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена тем, что представленные в ней положения и выводы могут найти применение в процессе дальнейшего комплексного изучения советско-китайских отношений и создания новых обобщающих исследований советской внешней политики на Дальнем Востоке в первой половине XX в.. В высших учебных заведениях материалы диссертации могут быть использованы при разработке курсов и пособий по «Истории России», «Истории внешней политики СССР», в процессе подготовки специалистов в области международных отношений.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 22 научных публикациях, в том числе в 5 статьях, размещенных в отечественных рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК. Отдельные положения исследования были представлены на региональных, всероссийских и международных конференциях, среди которых: III научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых Школы гуманитарных наук ДВФУ «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук»

(Владивосток, 28 ноября 2014 г.); IV заочная Международная научно-практическая конференция: «Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния» (Благовещенск, 27–31 октября 2014 г.); XI Международная молодежная научная конференция «Вопросы истории, международных отношений и документоведения» (Томск, 08–10 апреля 2015 г.); II–V Всероссийских научных конференциях «Внешнеполитические интересы России: история и современность» (Самара, 2015–2019 гг.); Международная научная конференция «70 лет КНР: история, современность и перспективы развития» (Москва, 2019 г.).

Структура диссертационного исследования. Текст диссертации состоит из введения, трех глав и восьми параграфов, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, приложений.

---

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451.

[2] Там же.

[3] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 : в 4 т. Т. 2. Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1990; Троцкий Л.Д. Коммунистический Интернационал после Ленина. (Великий организатор поражений). М., 1993; Архив Троцкого : в 3 т. Т. 1. / Научные редакторы тома М. Г. Станчев, Ю. Г. Фельштинский. Харьков, 1999. (Коммунистическая оппозиция в СССР).

[4] Рафес М.Г. Китайская революция на переломе. М., 1927; Против троцкистской оппозиции: сб. ст. М., Л., 1927; Рой М.Н. Китайская революция и Коммунистический Интернационал : сб. ст. и материалов. М., Л., 1929; Мадьяр Л.И. Современное состояние китайской революции : дискуссия в коммунистической академии. М., 1929; Миф П.А. Китайская революция. М., 1932.

[5] Сапожников Б.Г. Первая гражданская революционная война в Китае 1924–1927 гг. Военно-исторический очерк. М., 1954.

[6] Международные отношения на Дальнем Востоке. (1840–1949) / Г.Н. Войтинский и др.; под ред. Е.М. Жукова. М., 1956; Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958; Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1962; Международные отношения на Дальнем Востоке. / ред. кол. Е.М. Жуков, М.И. Сладковский, А.М. Дубинский. Кн. 2 : 1917–1945 гг. М., 1973; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979; Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны. 1937–1945 гг. М., 1980.

[7] Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.

[8] Капица М.С. Советско-китайские отношения. С.182-183, 266, 270.

[9] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 27, 59-60, 115-116, 144.

[10] Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990.

[11] Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941 гг. М., 1965; Яковлев А.Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931–1945 гг.) // Ленинская политика Москвы в отношении Китая. М., 1968. С. 68-121; Военная

помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / К.П. Агеенко, П.Н. Бобылев, Т.С. Манаенков [и др.] М., 1975; Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М. 1977.

[12] Астафьев Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74–82; Чудодеев Ю.В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2. С.117–124; Его же. Советские летчики в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 131–139.

[13] Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая: советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. М., 2017.

[14] Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / Е.Г. Капустян и др. ; отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 1998. URL: http://militera.lib.ru/research/bogaturov/index.html; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; Системная история международных отношений. Т. 1 : События 1918–1945 гг. / Под. ред. А.Д. Боготурова. М., 2000. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1.

[15] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999.

[16] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.

[17] Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае: в 2-х т. М., 2015.

[18] Тихвинский С.Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа 1885–1925 гг.). М., 1964; Его же. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 : По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996; Китай: история в лицах и событиях / Под общ. ред. С.Л. Тихвинского. М., 1991. С.17–61, 140–155.

[19] Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М., 2000; Его же. Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М., 2008.

[20] Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М., 2001.

[21] До 1925 г. – РКП(б) – прим. *И.В.*

[22] Спичак Д.А. История подготовки кадров китайской Компартии и Гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.) : дис… канд. ист. наук. М., 2010.

[23] Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу и китайская революция // Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 3. С.112–115; Его же. Становление системы подготовки военных кадров Гоминьдана (1924 – начало 1926 гг.) : дис. … канд. ист. наук. М., 2000; Его же. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е гг.) // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 41–48; Его же. Советская помощь Гоминьдану в 1920-е гг.: к вопросу о критериях оценки // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 135–145; Его же. «Верное ядро Вампу». К 90-летию «партийной военной школы Гоминьдана» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 122–131; Его же. Военная школа Хуанпу в политической стратегии Чан Кайши (1924–1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: гуманитарные науки. 2014. № 9. С. 136–143; Его же. Москва – Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М., 2013.

[24] Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20е годы XX века. М., 2011.

[25] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. : У истоков китайской авиации. М., 2008.

[26] Окороков А.В. Русские добровольцы. М., 2007; Его же. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013.

[27] Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001; Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002; Его же. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М., 2010; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003; Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина.

Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004; Его же. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010; Его же. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

[28] Сидоров А.Ю. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.). // Проблемы Дальнего Востока. 2009. №1. С. 122–138.

[29] Ямпольский В.П. На границе тучи ходят хмуро. // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 44–50; Его же. Ё. Мацуока: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска» // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 50–55; Его же. «…не хочешь находиться в тюрьме – изъяви желание сотрудничать с разведкой». Подрывная работа японских спецслужб против Советского Союза // Военно-исторический журнал. 2001. № 12. С. 29–33.

[30] Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007; Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014.

[31] Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях в 1918–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4. С. 113–122; Его же. Синьцзян в истории советско-китайских отношениях в 1931–1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 6. С. 91–103; Его же. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в 1918–1949 гг. : дис. … д-ра. ист. наук. Барнаул, 2000.

[32] Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.

[33] Рябченко Н.П. О Китае и российско-китайских отношениях. Владивосток, 2016. С. 72; Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М., 2016. С. 245.

[34] Deutscher I. The Prophet Unarmed. Trotsky. 1921–1929. Oxford; N.Y., 1987. P. 319.

[35] Brandt C. Stalin’s Failure in China. Cambridge, 1958. P. 80; North R.C. Moscow and Chinese Communists. Standford, 1953. P. 99.

[36] Wilbur C.M. The Nationalist Revolution in China, 1923–1928. Cambridge, 1984. 245 p.

[37] Elleman B.A. Diplomacy and deception: the secret history of Sino-Soviet diplomatic relations, 1917-1927. N.Y., 2015. 310 p.

[38] Подробнее см.: Howarth S. Morning glory. A History of the Imperial Japanese Navy. London, 1983; Mitter R. China's War With Japan, 1937–1945. The Struggle for Survival. N.Y., 2013; Mitter R. Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945. N.Y., 2013; Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. СПб., 2000.; Хорикоши Д. «Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне. М., 2001; Клавинг В.В. Япония в войне. М., 2004.

[39] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. N.Y., Oxford, 1988.

[40] Гасанлы Дж.П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М., 2016.

[41] См.: Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959.

[42] 骆晓会。苏联因素与国民党政治体制的形成和发展 (Ло Сяохуэй. Советский фактор и становление и развитие политической системы Гоминьдана) // Лин лин сюэюань сюэбао. 2004. Вып. 25. № 1. С. 86–90. // URL: https://www.doc88.com/p-9933585115341.html (дата обращения: 20.11.2019)

[43] 汪沛。苏俄因素影响下的陈独秀与国民党关系再考察 (Ван Пэй. Пересмотр отношений между Чэнь Дусю и Гоминьданом под влиянием Советской России) // Аньцин шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2017. Вып. 36. № 6. С. 80–86. // URL: https://www.doc88.com/p-0029125898020.html (дата обращения: 20.11.2019)

[44] 刘世力。鲍罗廷与中国革命 (Лю Шили. Бородин и китайская революция) // Синьсян шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао. 1999. Вып. 13. №2. С. 57–59. // URL: https://www.doc88.com/p-7045219575501.html (дата обращения: 20.11.2019)

[45] 艾虹，李延龄。试析抗战初期苏联对华政策之于国民党的影响 (Ай Хонг, Ли Яньлин. Анализ влияния Советского Союза на политику Гоминьдана в первые годы антияпонской войны) // Шехуэй кэсюэ чжаньсянь. 2010. №4. С. 239–241. // URL: https://www.doc88.com/p-

9009713483575.html (дата обращения: 20.11.2019) ; 薛德枢。评抗战前期苏联对中国抗战的双重态度 (Сюэ Дэшу. Обзор двойственного отношения Советского Союза к антияпонской войне Китая в начальный период войны) // Journal of teachers college Qingdao university. 1997. Вып. 14. № 4. С. 63–65. // URL: https://www.doc88.com/p-4939684012114.html (дата обращения: 20.11.2019) ; 周茶仙，李兰芳。试论苏联对华政策对中国抗战的影响 (Чжоу Часянь, Ли Ланьфан. О влиянии политики Советского Союза в отношении Китая на войну сопротивления японской агрессии) // Шанжао ши чжуань сюэбао. 1997. Вып. 17. №2. С. 75–79. // URL: https://www.doc88.com/p-9002356726881.html (дата обращения: 20.11.2019) ; 张贺。抗战初期苏联对华军事援助述评 (Чжан Хэ. Обзор советской военной помощи Китаю на раннем этапе японо-китайской войны) // Гэнюнь лу: Цзилинь шэн боуюань сюэшу вэньцзи 2012–2013. С. 188–190. // URL: https://www.doc88.com/p-7788295083490.html (дата обращения: 20.11.2019)

[46] 周泓。盛世才及国民党统治时期新疆对苏联的贸易关系 (Чжоу Хун. Шэн Шицай и торговые отношения между Синьцзяном и СССР в период правления Гоминьдана) // Синьань миньцзу дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэ кэ бань). 2004. Вып. 25. № 12. С. 253–259. // URL: https://www.doc88.com/p-1058609734053.html (дата обращения: 20.11.2019)

[47] Воскресенский А.Д. Указ. соч.; Системная история международных отношений. Т. 1. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1; Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html (дата обращения: 20.11.2019)

[48] Milner H. International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics. 1992. Vol. 44. P. 467. Подробнее о международном сотрудничестве см.: Цыганков П.А. Международные отношения. М., 1996. URL: http:// http://uchebnik-online.com/131/817.html; Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2003 URL: https://ru.scribd.com/ doc/51108369 (дата обращения: 20.11.2019)

[49] Milner H. Op. cit. P. 467.

[50] Понятие государственные интересы тесно связано с концепцией политического реализма, разработанной в современной трактовке американский политолог Г. Моргентау. К этому направлению так же относятся работы Г. Киссенджера, Б. Бузана, Р. Литла. Согласно основного положения данной теории «политики всегда действуют с точки зрения интереса, облеченного в терминах власти» (Цит. по: Morgenthau H.J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948. P.13). Термин вошел в научные оборот в западной трактовке с формулировкой «национальные интересы», однако понимаясь при этом применительно к многонациональным государствам не в этническом, а в социальном. Иными словами государственные интересы предполагают отстаивание рациональных позиций вне зависимости от идейно-политической платформы избранной для их обоснования. Различается постоянное и переменное содержание интересов государства. Неизменная часть включает вопросы обеспечения безопасности и территориальной целостности, переменная – рассматривается через призму национальных традиций, личностных качеств политических руководителей, тенденций в экономической и социальной сферах общественной жизни. Изменение в интересах государства неизбежно влечет корректировку в целях и средствах реализации его внешней политики. Таким образом закладывается представление об универсальных (но не неизменных – прим. *И.В.*) потребностях государства, определяющихся в большей степени внешнеполитическими условиями. Подробнее см.: Morgenthau H.J. Op. cit.; Little R. The balance of power in international relations: Metaphors, myths and models. Cambridge, 2007; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. Применительно к российско-китайским отношениям см.: Логинов М.А. Внешняя политика России по отношению к Китаю (1895–1925 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 6-7.

[51] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М., 1959.

[52] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.4, 7, 12, 13, 15, 19, 22, 23, 25.

[53]Документы внешней политики СССР. Т. 12. М., 1967; Т. 16. М., 1970; Т. 18. М., 1973; Т. 19. М., 1974; Т. 20. М., 1976; Т. 21. М., 1977; Русско-китайские отношения в XX в.:

материалы и документы. Т. 4. : Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1. : 1937–1944 гг. М., 2000; Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т. 3. : Советско-китайские отношения, сент. 1931 – сент. 1937. М., 2010.

[54] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. : 1920–1925 гг. М., 1994.

[55] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.4, 7, 12, 13, 15, 19, 22, 23, 25.

[56] РГАСПИ. Ф.495. Оп.154. Д.200, 235, 278.

[57] РГВА. Ф.33987. Оп. 3а. Д. 90, 178, 179, 1055, 1061, 1261.

[58] РГВА. Ф.29. Оп.34. Д.286, 477, 568; РГВА. Ф.29. Оп.37. Д.24.

[59] ГАХК. Ф.Р-893. Оп.1. Д.1.

[60] Пограничные войска СССР 1929–1938 : сборник документов и материалов. М., 1972.

[61]Основные решения по китайскому вопросу. М., 1927; ИККИ и ВКП(б) по китайскому вопросу (основные решения). М., 1927; Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986; Архив Троцкого : в 3 т. Т. 1. Харьков, 1999.

[62] РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

[63] РГВА. Ф.33987. Оп.3а. Д.90, 178, 179, 1055, 1061, 1261.

[64] РГВА. Ф.29. Оп.37. Д.24. Л.23–29.

[65] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.19, 25, 60, 102, 105, 179, 180, 181, 184, 187, 221, 222, 248, 249, 250, 251, 329, 330, 380, 447.

[66] Кончиц Н.И. Китайские дневники. 1925–1926 гг. М., 1969.

[67] Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942–1945. М., 1974.

[68] Далин С.А. Китайские мемуары 1921–1927 гг. М., 1975.

[69] Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. М., 1978.

[70] На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1977.

[71] По дорогам Китая. 1937–1945. Воспоминания. М., 1989.

[72] Козлов Н.Г. В небе Китая. Воспоминания летчика. М., 1966; Примаков В.М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М., 1967; Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской войны (1924–1927). М., 1964; Рытов А.Г. Рыцари пятого океана. М., 1970; Чуйков В.И. Миссия в Китае. М., 1983; Черепанов А.И. Поле ратное мое. М., 1984.

[73] В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1980; Советско-японские войны 1937–1945 : сборник. М., 2009.

[74] Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009.

[75] Великий поход 1-го фронта китайской Рабоче-крестьянской Красной Армии. Воспоминания. М., 1959.

[76] Пэн Дэхуай Мемуары маршала. М., 1988.

[77] Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии … Т. 2. ; Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945; Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши; Его же. Два генералиссимуса …

[78] Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 90. Л. 45–47; Д. 179. Л. 1–3, 5–6.

[79] РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1055.

[80] РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 286. Л. 41–44; Д. 477. Л. 23–25; Д. 568. Л. 4–8.

[81] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.179. Л.8, 38; Д.248. Л.46, 83, 84, 98; Д.249. Л.37–38, 109,116–119; Д.250. Л.37, 38, 58; Д.251. Л.38; Д.329. Л.26, 29, 40–42, 78; Д.222. Л.17, 24, 25, 30.

ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ КУРС СССР В ОТНОШЕНИИ ГОМИНЬДАНА В 1923–1942 гг.

1.1. Международная обстановка на Дальнем Востоке и ситуация в Китайской Республике в 1923–1932 гг.

В 1922 г. с окончанием гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке перед РСФСР (СССР) актуализировалась задача выстраивания контактов с государствами Азиатско-тихоокеанского региона. Учитывая сложности, с которыми столкнулся НКИД в Европе и Америке, азиатское направление становилось одним из приоритетных в советской внешней политике. При этом особое внимание уделялось Китаю[1]. Значение, которое Москва отводила ему в своей стратегии, было отражено в «Объяснительной записке к проекту русско-китайского договора» (1923 г.): «Наша ставка в Китае весьма велика, т.к. от выигрыша ее во многом зависит закрепление нашего положения тихоокеанской державы и выход на мировые пути из европейского тупика»[2]. На характер взаимодействия с Китайской Республикой серьезное влияние оказывала специфика в ней внутриполитической ситуации.

После Синьхайской революции в Китае образовались два ведущих политических центра. Один из них располагался в Пекине, где еще сохранял свое влияние бывший императорский бюрократический аппарат в союзе с северными милитаристами[3]. Второй политический центр находился в Гуанчжоу (Кантон), где создавалась коалиция революционных сил во главе с лидером партии Гоминьдан (Национальная партия, ГМД) Сунь Ятсеном. В Кантоне был реставрирован старый (1913 г.) парламент, изгнанный ранее из Пекина Юань Шикаем, а Сунь Ятсен избран президентом Китайской Республики. К кантонскому правительству примыкала Коммунистическая партия Китая (КПК). Оформившаяся в июле 1921 г. из марксистских кружков, она была малочисленна и слаба для самостоятельных действий[4]. С ГМД ее сближало единство взглядов на вопросы, связанные с борьбой за национальную независимость и отмену неравноправных договоров с иностранными

державами. Таким образом, на юге Китая сложилась администрация, альтернативная пекинской, а составившие ее политические партии, выступили под лозунгами национальной революции и защиты суверенитета Китая.

Ни одно из китайских правительств не контролировало всю территорию страны. Реальная власть в провинциях принадлежала местным военным губернаторам. Опираясь на собственные армии, и легко переходя из одного противоборствующего лагеря в другой, они действовали независимо от Пекина и Кантона[5]. Военные клики были заинтересованы в иностранной помощи. Непрерывные войны являлись для них основным средством к существованию, а слабо развитая китайская промышленность не могла обеспечить их необходимым вооружением. В 1920–1925 гг. Англия и США, с одной стороны, и Япония – с другой, боролись за контроль над Пекином. Оказывая поддержку одной из конфликтовавших группировок северных милитаристов [6] – Аньхойской (Аньхуэйской), Фэнтяньской и Чжилийской, – каждая из держав стремилась добиться формирования лояльного к ней правительства. Это еще более дестабилизировало обстановку в стране и являлось препятствием для централизации власти.

Внешнеполитическая стратегия СССР в отношении Китая имела выраженные дуалистические черты − НКИД стремился к одновременному установлению контактов с представителями противоборствовавших политических сил. Это определялось как ситуацией в Китае, так и целями, которые преследовала Москва.

Основной из них являлось идеологически обусловленное стремление к развитию мирового коммунистического движения и подъему национальных революций на Востоке. Для этого руководство РКП(б)/ВКП(б) и Исполнительный Комитет Коминтерна (ИККИ) делали ставку на кантонское правительство. Период политической и экономической нестабильности в Китае, последовавший за Синьхайской революцией, они оценивали как благоприятный для нового подъема массового протеста. РКП(б) была готова поддержать ГМД

и КПК, связывая с ними возможность распространения коммунистических идей и превращения Китая в плацдарм революционного движения на Востоке[7].

В то же время Советскому Союзу было необходимо зарекомендовать себя как активного, самостоятельного участника международных отношений на Дальнем Востоке, готового на равных вести диалог с мировыми державами, а также добиться признания своей легитимности и вернуть прежние экономические позиции в регионе. Соответствующие цели, стоявшие перед НКИД, предполагали диалог с пекинским правительством, официально представлявшим Китай в мировом сообществе. Прежде всего, это касалось восстановления дипконтактов с Китайской Республикой, а, следовательно, признания СССР, что не могло быть обеспечено Кантоном. Взаимодействие с Пекином было необходимо для урегулирования и других проблем двусторонних отношений, затрагивавших советские интересы на севере Китая.

Во-первых, СССР требовалось в кратчайшие сроки принять меры по восстановлению охраны советско-китайской государственной границы, обеспечить защиту Приамурья, Приморья, Забайкалья от нападений белогвардейских отрядов, находившихся в Маньчжурии. Во-вторых, восстановить контроль над Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД). В-третьих, определить статус бывших подданных Российской империи, проживавших в Китае. В-четвертых, определить статус Внешней Монголии и основания для размещения на ее территории частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Эти вопросы также находились вне компетенции правительства Сунь Ятсена, изолированного в Гуандуне.

В результате, в советском внешнеполитическом курсе развивались сразу два вектора: первый – направленный на установление официальных отношений на базе международного права, второй – ориентированный на межпартийное сотрудничество на идеологической основе. Эти линии не противопоставлялись друг другу, а увязывались в единую схему, сочетавшую отстаивание текущих интересов СССР с содействием мировой революции. В восприятии

руководства РКП(б) наличие диалога с Кантоном не противоречило развитию контактов с Пекином.

Данная стратегия получила идеологическое обоснование. Советское правительство позиционировало себя в качестве выразителя интересов не только СССР, но и трудящихся других стран[8]. Это позволяло объяснить все противоречия Восточной политики, исходя из принципа пролетарского интернационализма − Москва контактировала с противоборствующими между собой политическими силами, поскольку все ее действия продиктованы борьбой за права китайского народа (а значит и СССР, исходя из общности интересов мирового пролетариата). Тот факт, что пекинское правительство оказалось под влиянием империализма и пренебрегало волей собственного народа, оправдывало связи Москвы с Кантоном, как носителем революционных идей, а также попытки отстоять собственные сферы влияния на севере Китая.

Несмотря на двойственность советского внешнеполитического курса, он нашел отклик у китайской стороны. Пекин надеялся создать прецедент для продвижения идеи равноправных отношений с иностранными государствами. Москва, со своей стороны, рассчитывала на возможность ограничения в Китае влияния Японии, Англии и США[9].

В связи с этим, закономерным шагом стало восстановление дипотношений СССР с Китаем. Этот процесс протекал в атмосфере давления на Пекин со стороны европейских и американских дипломатов. 24 сентября 1923 г. полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан, сообщая в Москву о ходе переговоров, отмечал: «…главы всех миссий великих держав перебывали у министра иностранных дел и предостерегали его против признания нас de jure»[10]. Французский представитель, в частности, заявил, что если Китай признает советское правительство, то это вызовет вмешательство иностранных держав. Посланник США Шурмэн произвел осмотр КВЖД, настаивая на опеке над магистралью. С этой целью на железную дорогу была направлена комиссия в составе секретарей миссий США, Англии и Японии[11].

В данной обстановке Кремль сделал Китаю ряд уступок, которые демонстрировали его дружественную позицию. В конце 1923 г. СССР прекратил взимание причитавшейся России контрибуции за ущерб от «боксерского восстания». В 1924 г. Москва отказалась от концессий в Китае и права экстерриториальности для своих граждан[12].

31 мая 1924 г. состоялось подписание соглашения «об общих принципах урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китайской Республикой», которым были восстановлены их дипломатические и консульские отношения. Подлежали расторжению все договоры «затрагивающие суверенные права или интересы Китая», заключенные «бывшим царским правительством», в том числе с третьими государствами[13]. Это было важным шагом для обоих государств. СССР постепенно преодолевал международную изоляцию, в которой страна оказалась после Октябрьской революции 1917 г., а Китай создавал прецедент договора с иностранным государством на равной основе[14].

Соглашение 1924 г. заложило базу для начала обсуждения наиболее острых проблем двусторонних отношений. Прежде всего, это касалось интересов СССР в пограничных районах Китая. Для советского правительства было крайне важно сохранить в них свое политическое и экономическое влияние, а так же препятствовать аккумуляции антисоветских настроений. Последнее было весьма актуально в связи с тем, что, в Китай, а особенно в его северные районы, после 1917 г. направлялся большой поток русских эмигрантов.

В 1920-е гг. в Маньчжурии проживало от 150 до 300 тыс. русских[15]. Здесь находились остатки армии адмирала Колчака, формирований генералов Дитерихса, Каппеля, атамана Семенова. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г. эмигранты были лишены российского гражданства, их имущество подлежало конфискации. Это заметно ухудшило правовое и материальное положение выходцев из России. В радикально настроенной эмигрантской среде постоянно присутствовали идеи антикоммунистической борьбы.

Северная Маньчжурия, район КВЖД являлись ближайшей к России базой белой эмиграции. Только в Харбине в 1920-е гг. функционировал целый ряд

антисоветских организаций: «Дальневосточный русский монархический союз», «Комитет представителей общественных организаций Автономной Сибири», «Восточный казачий союз», «Дальневосточный отдел Братства Русской Правды», «Российская фашистская организация» и др[16]. Из этих координационных центров осуществлялось руководство контрабандной торговлей (в том числе опиумом), засылка диверсионных отрядов в приграничные районы СССР.

Кроме того, русские эмигранты переходили на службу к дунцзюнам. Советниками у Чжан Цзолина и Чжан Цзучана были начальник Академии Генштаба в России генерал-лейтенант Андогский и бывший полковник колчаковской армии А. Кудлаенко. В 1923 г. до 75 офицеров перешли на службу к У Пэйфу и после обучения в военной академии в Циндао заняли командные должности в его армии. В армиях милитаристов существовали и целые отдельные отряды, сформированные из русских эмигрантов. Так, около 3 тыс. чел. под командованием братьев Меньшиковых подчинялись Чжан Цзолину[17]. Осенью 1924 г. в составе войск маршала Чжан Цзучана была сформирована бригада К.П. Нечаева, насчитывавшая около 4 тыс. чел и усиленная бронепоездами[18].

Присутствие на сопредельной территории враждебных вооруженных отрядов создавало серьезную проблему в отношениях Москвы и Пекина. Попытка ее решения была предпринята в советско-китайском соглашении 1924 г. В статье 6 указывалось, что оба государства «взаимно ручаются не допускать в пределах своих территорий <…> деятельности каких-либо организаций или групп, задачей которых является борьба при посредстве насильственных действий против правительств какой-либо из Договаривающихся сторон»[19]. Данный пункт говорил о признании Пекином незаконности попыток свержения советской власти, но к существенному изменению положения дел это не привело. Советским дипломатам удалось добиться лишь того, что служба эмигрантов в китайской армии не была полностью легализована. Однако милитаристы не были заинтересованы в ликвидации русских отрядов. Они планировали использовать наемников для подавления недовольства местного

населения и борьбы с революционными настроениями на подконтрольных территориях. Пекинские власти не предпринимали активных действий, так как лояльность местных генералов для них была значительно важнее обязательств перед СССР. Приток русских в китайскую армию резко снизился только в 1927 г., что было связано с военным поражением северных милитаристских группировок.

Ситуация усугублялась еще и тем, что интерес к белой эмиграции проявляли японские спецслужбы. Из мемуаров последнего императора Китая Пу И следует, что в октябре 1925 г. в Тяньцзине атаман Г.М. Семенов и Чжан Сяосюй сообщили ему, о готовности Англии, Америки и Японии использовать людей Семенова в качестве ударных антисоветских отрядов, обещая им как военную, так и финансовую помощь. По утверждению Пу И они предполагали задействовать военные отряды в Маньчжурии и Внутренней Монголии для того, чтобы создать там антикоммунистическую базу[20]. Параллельно Семенов вел переговоры с Чжан Цзолинем и японским Генштабом о формировании боевых отрядов в Маньчжурии. В результате, было создано 10 диверсионных групп по 20 человек для заброски на территорию СССР. Однако одна из них была раскрыта советской разведкой, после чего остальные - расформированы[21].

Высокая активность антикоммунистических групп в Китае ставила перед советскими органами госбезопасности задачу их скорейшей нейтрализации. В противодействии белому движению разведка оказалась эффективней дипломатии. В конце 1922 г. в полосе отчуждения КВЖД был создан русско-китайский партизанский отряд для борьбы с белогвардейцами. Примерно в то же время аналогичные формирования под командованием Г.И. Мордвинова из бойцов Народно-революционной армии Дальневосточной республики, китайцев и корейцев, действовали в долине р. Уссури[22]. В 1923 г. в Пекине и Харбине были созданы резидентуры, напрямую подчиненные ИНО ОГПУ. Началась последовательная работа по выявлению планов и лиц, угрожавших безопасности СССР. Разведывательный аппарат развивался быстрыми темпами. Если в 1926 г. было 5 «легальных» резидентур и чуть более 10 нелегальных, то в 1929 г. число «легальных» достигло 13 (из них 5 в Маньчжурии)[23].

В качестве примеров успешных операций ИНО ОГПУ в Китае следует отметить следующие мероприятия. В 1923 г. мукденской резидентуре через своих агентов в японских спецслужбах удалось получить архив белой контрразведки всего Дальнего Востока. В 1924 г. была раскрыта подпольная белогвардейская организация в Харбине и ее отделение во Владивостоке (т.н. «дело Ковалева»). В 1928 г. получены документальные данные о наличии у Токио планов создания в Северо-Восточном Китае «Независимой Маньчжурской республики»[24]. В свою очередь дипломатам удалось достичь успеха в решении таких острых для СССР и Китая вопросов, как принадлежность КВЖД и статус Монгольской Народной Республики (МНР)[25].

В 1920-х гг. ситуация вокруг КВЖД была сложной. Коммуникация, пересекавшая Маньчжурию, являлась не только выгодным экономическим, но и стратегическим проектом. В борьбе за контроль над ней столкнулись интересы ряда политических сил. Япония, США и Англия были заинтересованы в росте прибыли и стремились не допустить усиления советского влияния на Северо-Востоке Китая. Пекину контроль над КВЖД был необходим для создания прецедента денонсации неравноправного соглашения и для упрочения власти в Маньчжурии. СССР искал возможности возврата экономических позиций на Дальнем Востоке, которыми обладала дореволюционная Россия, а также пути распространения коммунистических идей.

В этой обстановке соглашение 1924 г. было выгодно и для СССР, и для Китая. В соответствии с ним, в отношении КВЖД, стороны достигли следующего компромисса. СССР сохранил права собственности и совместного управления на магистрали под предлогом неготовности Пекина к одностороннему администрированию. Вместе с тем, Москва заявила о признании китайских органов судебной и гражданской власти, прав Китая в сферах военного и полицейского надзора, муниципального управления, земельных вопросов и налогообложения за исключением той зоны отчуждения, которая была выделена непосредственно под железную дорогу[26]. Таким образом, Пекин получил возможность денонсировать условия договора, которые

расценивались им как неравноправные[27]. Советский Союз, признавая изменение статуса Китая в системе международных отношений, сохранил экономическое присутствие в Маньчжурии, мог препятствовать распространению иностранного капитала в регионе, а также использовать КВЖД в политических целях.

Советско-китайское соглашение 1924 г. так же подтвердило признание СССР Внешней Монголии частью Китайской Республики. Однако вывод контингента РККА из Монголии оговаривался условием ликвидации на ее территории белогвардейских отрядов. Острота вопроса была обусловлена еще тем, что Урга и Москва вели переговоры по демаркации границы. После образования 26 ноября 1924 г. Монгольской Народной Республики глава НКИД СССР Г.В. Чичерин выступил с заявлением, что советское правительство рассматривало МНР, как часть Китая, но также признало расширенную автономию Монголии, в том смысле, что она может проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику[28].

Таким образом, Москва пыталась создать за счет Монголии буферную зону на значительном участке своей границы, а признание ее автономии было компромиссом по отношению к Китаю. Кремль не мог игнорировать декларируемые им идеи о праве народов на самоопределение, но выделение МНР в самостоятельное государство не отвечало его интересам. Лишившись формального подчинения Пекину, власть в Урге могла перейти под контроль японцев или укрывшихся во Внешней Монголии белогвардейцев. В этом случае, из буфера она бы превратилась в источник угрозы для СССР. Кроме того, Кремль рассчитывал за счет уступок в монгольском вопросе укрепить свои позиции в Северном Китае и в дальнейшем воспользоваться ими для подъема революционного движения. На практике это приводило к тому, что в официальных заявлениях СССР признавал МНР субъектом Китая, а фактически препятствовал распространению власти Пекина на ее территории[29].

Советскую инициативу автономии Внешней Монголии поддержала КПК, рассчитывавшая на ее возврат Китаю после завершения революции. В качестве аргументов в поддержку данной позиции Чэнь Дусю – один из основателей КПК

– ссылался на разницу экономических укладов Китая и Монголии, примитивность экономики последней[30]. Улан-Батор не признал советско-китайского соглашения 1924 г., но был вынужден сохранять стратегический союз с СССР, который являлся единственным гарантом его независимости[31]. Китай, со своей стороны, несмотря на стремление вернуть контроль над Монголией, не имел политических и военных сил, достаточных для достижения данной цели. Это вынуждало Пекин мириться с курсом СССР в отношении МНР.

Несмотря на достигнутые в 1924 г. договоренности, укрепление контактов Москвы и Пекина не последовало. Причиной этого стало резкое изменение внутриполитической ситуации в Китае. Осенью 1924 г. Чжилийская группировка потерпела поражение в борьбе с Чжан Цзолинем и Фэн Юйсяном. Новые власти сочли дальнейшее сближение с СССР нецелесообразным, а главные цели – ликвидацию права экстерриториальности, возвращение концессий в Ханькоу и Тяньцзине – достигнутыми[32]. Ориентироваться на завоевание симпатий Пекина в расчете на подъем в Китае революционного движения было бессмысленно.

В этой связи советское правительство обратило свое внимание на Юг Китая, где набирал силу Гоминьдан. По мнению Сунь Ятсена, объединение страны было необходимо для воплощения в жизнь трех принципов, положенных в основу программы партии: национализма, демократизма, народного благоденствия[33]. Однако лидеру ГМД остро требовалась внешняя поддержка. В условиях дунцзюната основным средством борьбы за власть становились не столько политические, сколько военные методы. Первая попытка Сунь Ятсена расширить подконтрольную территорию закончилась неудачно. В период военной кампании в провинции Цзянси против войск маршала У Пэйфу в 1922 г. Чэнь Цзюнмин – военный министр в нанкинском правительстве, – опираясь на поддержку Лондона и Парижа, осуществил в Кантоне переворот. Окончательно вернуть Кантон под свой контроль Сунь Ятсену удалось лишь в начале 1923 г.[34]. Впоследствии лидер ГМД говорил представителю Коминтерна в Китае С.А. Далину: «Мой лучший друг Чэнь

Цзюнмин оказался изменником, он подкуплен У Пэйфу, подкуплен англичанами из Гонконга!» [35].

В отличие от северных группировок, вследствие своего курса на освобождение Китая от полуколониальной зависимости и власти милитаристов, он не мог рассчитывать на помощь Запада. В письме в Москву от 26 января 1923 г. полпред СССР в Китае А.А. Иоффе связывал неудачи Гоминьдана с тем, что Сунь Ятсен «всегда базировался исключительно на Юг и поэтому слишком зависел от империалистических держав» [36]. В случае возобновления операций ГМД против Чэнь Цзюнмина нельзя было полностью исключить опасность иностранной военной интервенции. Переговоры Сунь Ятсена с США и Японией об экономической помощи также закончились провалом[37]. По воспоминаниям Чан Кайши, «одни западные державы не скрывали враждебного отношения к революционному правительству, а другие относились к нашему делу с полным безразличием, и, разумеется, никто даже не помышлял о том, чтобы протянуть нам руку помощи»[38]. В этой ситуации наиболее приемлемой кандидатурой на роль союзника явилась Москва.

Такой шаг, как оказание военной и иной помощи Китаю, когда СССР еще не преодолел разрушительные последствия революции и гражданской войны, должен был иметь под собой веские основания. Поддерживая Гоминьдан, Москва делала ставку на укрепление своих политических позиций в стране и на продвижение через ГМД и КПК коммунистических идей. В связи с этим ожидалось ослабление влияния на Дальнем Востоке Англии и США. В 1922 г. А.А. Иоффе писал И.В. Сталину и Л.М. Карахану о роли Китая в мировой политике: «Место для нас здесь чрезвычайно благоприятное. Борьба с мировым капитализмом имеет огромный резон и громадные шансы на успех. <…> Китай, бесспорно, узел международных конфликтов и наиболее уязвимое место международного империализма… Так как помимо всего прочего европейский империализм страдает экономически и не исключена ведь возможность, что он бросит китайские колонии для своего спасения…» [39].

Кроме того, кантонское правительство не было вовлечено в дипломатические маневры Пекина, и Москва могла рассчитывать на его поддержку. В интервью японскому информагентству «Кантон ньюс сервис» на вопрос корреспондента о готовности руководства ГМД признать СССР Сунь Ятсен отвечал: «… дружеские отношения между моим правительством и Россией продолжаются. Они никогда не были прерваны, поэтому и не встает вопрос о восстановлении их специальным, формальным признанием, ибо мое правительство на деле признало Россию без всяких условий»[40].

Помощь со стороны СССР имела большое значение для Сунь Ятсена, столкнувшегося с отсутствием иных союзников и нехваткой сил для достижения намеченных политических целей. Опыт боевых действий РККА периода гражданской войны в России и партийного строительства РКП(б) могли быть полезны для Гоминьдана, так как они уже на практике подтвердили свою эффективность. Успешное начало взаимодействия с СССР позволило Сунь Ятсену в короткий срок укрепить позиции на юге Китая[41].

В начале 1924 г. при активной поддержке Коминтерна и РКП(б) был сформирован единый фронт КПК и Гоминьдана – организационная форма межпартийного блока, позволявшая членам КПК вступать в индивидуальном порядке в ГМД при сохранении Компартией своей самостоятельности. Начало процессу было положено еще в июле 1922 г., когда II съезд КПК принял закрытую резолюцию о «едином демократическом фронте». В августе того же года ЦИК КПК поддержал идею членства коммунистов в Гоминьдане. В 1924 г. аналогичное решение было принято I съездом ГМД. Официально основной задачей единого фронта являлось развитие революционного движения в Китае, посредством сотрудничества ГМД и КПК под лозунгами национально-освободительной борьбы. Это был важный шаг к расширению социальной базы революции[42].

Дальнейшее объединение страны планировалось ГМД путем военного похода из гуандунской базы на север. Смерть Сунь Ятсена 12 марта 1925 г. не повлекла отказа от этой цели, однако привела к изменению расстановки сил в

партии. В июле 1925 г. администрация генералиссимуса Сунь Ятсена была преобразовано в Национальное правительство, а партийная армия в Национально-революционную армию (НРА). Номинально главой Гоминьдана стал Ван Цзинвэй, являвшийся одновременно председателем правительства, Военного совета и Центрального военного совета партии. Однако особая роль вооруженных сил в подготовке и осуществлении Северного похода [43] способствовала тому, что с 1926 г. основные рычаги управления в ГМД перешли к командующему 1-й НРА, а в последующем главкому НРА, Чан Кайши (Цзян Чжунчжэну). На II съезде партии (1926 г.) он также был избран членом ЦИК ГМД, а уже в июле того же года председателем Постоянного комитета ЦИК ГМД[44]. В дальнейшем, независимо от занимаемых постов, контроль над армией позволил Чан Кайши удержать власть и стать фактическим лидером Гоминьдана.

Официально начало Северного похода было объявлено Национальным правительством 1 июля 1926 г. [45] (Приложение 1). Ход боевых действий складывался в пользу ГМД. Милитаристы имели численное превосходство, но действовали разрозненно и часто конфликтовали между собой. В октябре 1924 г. поддержку ГМД оказал, ранее входивший в чжилийскую группировку, маршал Фэн Юйсян. 23 октября его войска, переименованные в Национальную армию[46], заняли Пекин[47]. Фэн Юйсян стал наиболее эффективным союзником ГМД. Части его 1-й Национальной армии действовали в тылу чжилийской группировки. В течение 1926 г. силы НРА овладела провинциями Хунань, Хубэй, Цзянси и Фуцзянь[48].

Военные успехи способствовали увеличению численности НРА. Вместе с тем, росли разногласия в командовании и партийном руководстве. После смерти Сунь Ятсена обострилась борьба между левым и правым течениями в ГМД, возникшими после создания единого фронта. Принципиальное значение приобрел вопрос о взаимодействии КПК и ГМД. По воспоминаниям Чэнь Дусю, одним из условий, поставленных Сунь Ятсеном коммунистам, было их подчинение партийной дисциплине [49] . Однако КПК такое положение не удовлетворяло.

Это стало толчком к поляризации мнений внутри ГМД. Левая группа ориентировалась на развитие рабочего и крестьянского движения, расширение контактов с СССР и союза с китайскими коммунистами. Консолидация правого крыла Гоминьдана происходила вокруг фигуры Чан Кайши. Политическую систему Советов, с характерными для нее диктатурой и террором, он считал не совместимой с тремя народными принципами Сунь Ятсена. Еще в 1923 г. в своем докладе по итогам поездки в СССР Чан Кайши подчеркивал: «Судя по тому, что я видел, РКП(б) доверять нельзя… У РКП(б) в отношении Китая есть только одна цель – превратить Компартию Китая в свой послушный инструмент»[50]. Политика правых приобрела отчетливую направленность на ограничение деятельности коммунистов в Гоминьдане.

Признаки конфликта между КПК, поддержавшей ее левой фракцией Гоминьдана и правыми, проявились при обсуждении вопроса о резиденции Национального правительства[51]. Поставленная перед выбором между Уханем и Наньчаном, конференция ЦИК ГМД приняла решение в пользу левых. Столицей был признан Ухань, главой правительства стал Ван Цзинвэй. 10 марта 1927 г. III пленум ЦИК ГМД лишил остававшегося в Нанчане Чан Кайши постов в исполкоме партии, сохранив за ним лишь должность главкома НРА[52].

Тем не менее, эти разногласия не повлияли на успешное продолжение Северного похода. 22 марта 1927 г. войска НРА овладели Шанхаем, а на следующий день заняли Нанкин. Международные позиции Гоминьдана так же окрепли. Несмотря на общее недовольство националистической политикой ГМД, западной коалиции не сложилось. Опора на милитаристские группировки как инструмент давления на Чан Кайши оказалась неэффективна[53]. Лондон был готов вести диалог с той из политических сил, которая обеспечила бы его экономическую стабильность. В декабре 1926 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен выступил с заявлением, в котором признавал возросшую силу и легитимность китайского национализма. Для США была характерна противоречивость взглядов на Китай. Вашингтон пользовался всем комплексом особых прав, которые принадлежали европейским державам, но в

общественном мнении США были сильны миссионерские настроения. Стало очевидным ослабление Пекина и возросшее влияние ГМД на политические процессы в Китае.

Чан Кайши использовал сложившуюся ситуаию для нового витка борьбы за власть. 12 апреля 1927 г. по его приказу в Шанхае и других городах прошли антикоммунистические акции. 18 апреля Чан Кайши создал в Нанкине собственное правительство, взяв под контроль провинции Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Аньхуэй. В итоге уханьская база левых, власть которых распространялась на провинции Хунань, Хубэй, Цзянси, оказалась блокирована силами Гоминьдана и войсками милитаристов[54]. Кроме того, усилились противоречия между левой фракцией ГМД и коммунистами[55]. 15 июня 1927 г. ЦИК Гоминьдана в Ухане принял решение о разрыве с КПК.

В условиях сильного влияния политико-идеологических факторов на межгосударственные контакты кризис единого фронта закономерно привел к ухудшению советско-китайских отношений. Чан Кайши изначально негативно воспринимал попытки Москвы вести через КПК агитационную работу и воздействовать на политику правительства ГМД. По мере роста личного авторитета задача выхода из-под опеки Кремля стала приоритетной для Чан Кайши. Антикоммунистические взгляды главкома НРА находили поддержку и среди милитаристов. Так, в начале марта 1927 г. в интервью корреспонденту японской газеты «Осака Майничи» Чжан Цзолинь высказался о готовности «сотрудничать с кантонцами, если только они освободятся от коммунистов – членов Гоминьдана»[56]. Но, несмотря на свое недовольство политикой Москвы, Чан Кайши и его сторонники понимали значение советской помощи для хода военной кампании. До середины 1927 г. это являлось сдерживающим фактором и замедляло окончательный распад единого фронта. В начале мая 1927 г., при всей очевидности конфликта с коммунистами и при наличии разногласий внутри партии Северный поход все же был возобновлен.

Дальнейшее продвижение войск НРА на север затрагивало японские интересы в Маньчжурии. Поддерживая режим Чжан Цзолиня, Токио

рассчитывал на укрепление своих позиций в регионе. Северо-восток Китая привлекал страну Восходящего солнца как плацдарм для расширения зоны влияния на Дальнем Востоке. В апреле 1927 г. Япония взяла курс на вторжение в Китай. Одним из первых шагов нового кабинета Танака – лидера партии Сэйюкай – стала отправка в конце мая 1927 г. войск в провинцию Шаньдун для противодействия установлению власти ГМД. Японские контингенты были расположены в г. Цзинань и порту Циндао. Это заставило НРА остановить наступление. Однако под давлением антияпонских выступлений, вспыхнувших в Китае, Токио был вынужден вывести свои войска из Шаньдуна[57].

В то же время правящие круги Японии приступили к планированию широкомасштабных территориальных захватов на континенте. В связи с этим, представляет интерес «Политическая программа в отношении Китая», датированная серединой 1927 г., более известная как «меморандум Танака»[58]. На протяжении длительного времени в отечественной историографии считалось, что этот программный документ был выработан в ходе «Восточной конференции», проходившей в июне 1927 г. и 25 июля 1927 г. был представлен премьер-министром Танака императору Хирохито. В том же году копии меморандума были захвачены советской резидентурой в Харбине и Сеуле, а позже его текст (полученный китайской прессой по своим каналам) опубликовал журнал «Чайна критик»[59].

Некоторые современные исследователи (в России – К.Е. Черевко, в КНР – Ю Синьчун и др.) склоняются к версии о фальсификации данного документа в Москве[60]. Они обращают внимание на стилистику текста, несвойственную другим докладным запискам премьера Танака императору; на подозрительную легкость, с которой секретный документ стал достоянием общественности; на его содержательное сходство с программой, разработанной японским ультраправым «Амурским обществом» («Кокурюкай»), а также на то, что стенограммы конференции 1927 г. не подтверждают обсуждение вопросов о курсе Японии на мировое господство[61].

Однако независимо от происхождения «меморандума», сам факт его публикации в периодической печати имел серьезное политическое значение. В документе содержалась концепция военной экспансии Японии на евразийском континенте: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию <…> все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушить наши права...»[62]. Относительно военного конфликта с СССР в тексте указывалось: «Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с Красной Россией»[63]. При этом в качестве объекта нападения значились не только территории вдоль границ Приамурья и Приморья, но и «необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии»[64].

Следовательно, Москва получила веские основания для наращивания своего оборонного потенциала на Дальнем Востоке. В этой связи, руководство ГМД получило повод поднять вопрос о международной поддержке борьбы против оккупации японскими войсками части китайской территории. Содержавшиеся в документе отсылки о подготовке Японии к конфликту с США осложнили и без того напряженные отношения Вашингтона и Токио. В Англии и Франции, имевших колонии в Юго-Восточной Азии, также усилилось недовольство политикой Японии. Таким образом, «меморандум Танака» эксплуатировался различными державами в качестве средства для обоснования укрепления собственных позиций на Дальнем Востоке и вовлечения государств-соперников в вооруженное противостояние с Японией.

Чан Кайши осознавал угрозу, исходящую от Японии. Ряд военных и политических неудач 1927 г.: поражение в районе Суйчжоу, усилившее позиции гуансийских генералов Ли Цзунжэня и Бай Чунси; разрыв с КПК; усиление внутрипартийной борьбы – привели к отставке Чан Кайши и его последующей поездке в Японию. Тогда в ходе встречи с премьером Танака он обсудил перспективы двусторонних отношений. Их позиции совпали только в вопросе борьбы с КПК. Чан Кайши не был готов согласиться на расширение

японского влияния в Маньчжурии и Внутренней Монголии даже в обмен на покровительство Токио. Впоследствии в своем дневнике он отмечал, что Япония использует в своих целях отсутствие единства в Китае и поддерживает военные группировки в ущерб его национальным интересам[65].

В ноябре 1927 г. Чан Кайши по приглашению Ван Цзинвэя вернулся в Китай, так как в ГМД вновь сложилась кризисная ситуация. Созданное в апреле 1927 г. нанкинское правительство распалось. Началась подготовка к IV пленуму ЦИК ГМД, целью которого являлось объединение партии и воссоздание правительства. В этих условиях Чан Кайши стал компромиссной фигурой для представителей, как левого, так и правого крыла партии[66].

В начале 1928 г., после реорганизации правительства, Чан Кайши вновь возглавил НРА и продолжил Северный поход. Его поддержали армия Фэн Юйсяна и войска губернатора провинции Шаньси Янь Сишаня[67]. Когда силы НРА приблизились к г. Цзинань, японский парламент, как и в 1927 г., принял решение об отправке войск в Китай. 2–4 мая 1928 г. произошел т.н. «цзинаньский инцидент»: спровоцированное японцами столкновение с армией ГМД, сопровождавшееся гибелью мирных граждан. По требованию Токио НРА оставила Цзинань и зону железной дороги Тяньцзинь–Пукоу[68]. Тем не менее, Японии не удалось остановить продвижение ГМД на север. Уже в июне 1928 г. войска Янь Сишаня заняли Пекин (переименованный в Бэйпин) и Тяньцзинь. Гибель Чжан Цзолиня в результате взрыва поезда в июне 1928 г. облегчила Гоминьдану формальное объединение страны. В декабре 1928 г. Чжан Сюэлян, возглавивший Маньчжурию, официально признал нанкинское правительство[69].

На завершающем этапе Северного похода Чан Кайши столкнулся с проблемой выработки новой идеологии. После разрыва с КПК прежние лозунги стали неприемлемы для ГМД, а группировкам, еще недавно боровшимся за власть, требовался объединяющий фактор, консолидировавший их силы против общего врага. В итоге, Чан Кайши вновь обратился к антикоммунистической риторике и идеям борьбы за национальную независимость. На тех же основаниях строился и внешнеполитический курс

ГМД, основным движущим мотивом которого было стремление защитить партийные интересы.

В декабре 1927 г. руководство ГМД заявило о причастности советских военных советников, дипломатов и представителей Коминтерна к организации «Кантонской коммуны»[70] и ряда антиправительственных восстаний. Нанкин фактически обвинил Москву во вмешательстве во внутренние дела Китая. Работники консульства СССР в Гуанчжоу были арестованы, и те из них, кто не имел дипломатического иммунитета, расстреляны. Советские представительства были закрыты на всей территории страны за исключением Синьцзяна, Маньчжурии и Внешней Монголии[71].

В конце 1920-х гг. резко обострилась проблема КВЖД. СССР имел официальное соглашение с Пекином по экономическим вопросам, связанным с ее эксплуатацией. Но коммуникация имела и политическое значение. Относившиеся к ней советские административные институты широко использовались ИККИ в пропагандистских целях. Оценивая роль КВЖД для деятельности Коминтерна в Китае, генерал К.И. Сербинович, один из сторонников атамана Г.М. Семенова, в марте 1928 г. сообщал английскому консульству: «Эта железнодорожная линия служит как бы промежуточной базой и охватывает тыл всех вооруженных сил Верховного Правителя Китая, борющегося с Югом. В данный момент центром политической работы III Интернационала является Харбин, т.к. Южное правительство Китая изгнало всех официальных представителей СССР…»[72]. По мнению Сербиновича, гражданская война в Китае была необходима Коминтерну, так как она могла вызвать революционный подъем в стране вследствие роста налогов, колебаний местной валюты и других негативных экономических явлений[73]. Это являлось веским основанием для Чан Кайши, чтобы оценивать КВЖД как источник угрозы гоминьдановскому режиму.

Среди других причин конфликта на КВЖД следует выделить стремление Чан Кайши отвлечь население от внутренних проблем, создав образ внешнего врага; улучшить свое материальное положение, в расчете на

крупные займы иностранных держав, заинтересованных в развитии конфронтации с СССР; препятствовать сближению Чжан Сюэляна с северными милитаристами. Чжан Сюэлян, напротив, надеялся, что контроль над КВЖД укрепит его позиции в Маньчжурии и сделает менее зависимым от Нанкина[74].

Экономически конфликт на КВЖД не был выгоден китайской стороне. В газете «Тихоокеанская звезда» от 5 января 1929 г. отмечалось, что в 1927 г. по сравнению с 1926 г., только СССР и Англия увеличили объемы торговли с Китаем. Для Советского Союза рост товарооборота составил 12 949 261 таэл[75]. Сделки с США, Японией, Францией, Голландией и Германией, напротив, сократились, ввиду затруднений с доставкой грузов по р. Янцзы, безопасность судоходства на которой не обеспечивалась местными властями[76].

Конфликты между милитаристскими группировками, не прекращавшиеся с 1913 г., разрушили экономику страны. Журналист А. Хью в газете «Норс Чайна Стар» от 31 января 1928 г. отмечал: «В течение октября–декабря 1927 г. – 1970 предприятий вынуждены были прекратить свои дела в Пекине. <…> Налоговые ставки увеличены до чрезвычайных размеров. Скоро будет введен т.н. налог на предметы роскоши, в которые включены спички и керосин. <…> Крестьяне мобилизуются на фронт … несмотря на это их хозяйство облагается налогом в 8–10 раз больше того, который они платили год-два тому назад»[77].

Обострение отношений с СССР способствовало углублению кризиса в Северном Китае. Информационное агентство «Азиатик» утверждало, что в августе 1929 г. «семь крупных китайских банков в Пекине и Тяньцзине прекратили платежи»[78]. Чжан Сюэлян впоследствии сообщал в Нанкин, что к концу октября 1929 г. лишь военные расходы составили 40 млн. долл.[79]. Таким образом, лишь веские политические мотивы могли заставить Чжан Сюэляна и Чан Кайши пожертвовать таким важным источником финансовых поступлений, как работа КВЖД.

В начале июля 1929 г. на совещании генералитета, проходившем в Пекине под председательством Чан Кайши, было принято решение об установлении полного контроля над магистралью[80]. 10 июля 1929 г. по приказу центрального

правительства мукденские войска захватили телеграф КВЖД, отстранили советских специалистов от работы. Более 200 граждан СССР были арестованы. Армия Чжан Сюэляна концентрировалась на советско-китайской границе[81]. 13 июля 1929 г. Кремль заявил протест по поводу действий Мукдена[82]. Отказ Нанкина от переговоров, последовавший 17 июля, стал поводом для разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Китаем[83].

22 августа 1929 г. на всей территории Северо-Восточного Китая было введено военное положение. На границе с СССР участились провокации[84], а на стратегических направлениях была сосредоточена 300-тысячная группировка мукденских войск[85]. В этой ситуации Москва прибегла к силовым методам. Локальные операции упреждающего характера были успешно проведены Особой Дальневосточной Армией (ОДВА) в Приамурье в районе Лахасусу, Фугдина; в Забайкалье – у ст. Маньчжурия, Чжалайнор, Хайлар, Цицикар; в Приморье – под Мишаньфу (район озера Ханка)[86].

Поражения вынудили китайскую сторону перейти к дипломатическому урегулированию конфликта. В качестве гарантий Москва потребовала возврата к исполнению договора 1924 г., восстановления в правах управляющего дорогой и его помощника, освобождения всех советских граждан, арестованных в связи с конфликтом. 26 ноября 1929 г. мукденские власти согласились принять предварительные обязательства, что позволило приступить к переговорам[87]. Их сложность заключалась в несогласованности позиций Чжан Сюэляна и Чан Кайши. Последний надеялся на затягивание конфликта путем вовлечения в него иностранных держав, заинтересованных в расширении своих концессий в Маньчжурии. С этой целью Нанкин предпринял попытку уже в ходе переговоров поднять вопрос об «агрессии СССР» в Лиге Наций[88].

Выступление китайской делегации нашло отклик в мировых средствах массовой информации. 1 декабря 1929 г. газета «Тихоокеанская звезда» опубликовала подборку соответствующих сообщений ведущих европейских и азиатских информагентств. Дипломатический обозреватель «Дейли Телеграф» (Лондон) в статье, касавшейся обращения нанкинского правительства к

державам, подписавшим пакт Келлога, и совету Лиги Наций, указывал, что «это обращение имеет целью добиться интервенции держав против “советского вторжения в Маньчжурию” ...члены Лиги Наций, по всей вероятности, не будут приветствовать просьбу Нанкина о вмешательстве». «Журналь де Деба» (Париж) счел обращение бесцельным, «ибо Лига не может давать приказы Советскому Союзу, не являющемуся ее членом». «Форверст» (Берлин) одобрил намерение Китая. «Хоци» (Токио) отмечал, что «конфликт из-за КВЖД доказал, что Лига Наций и пакт Келлога – никчемные, пустые “украшения”»[89]. Советская пресса связывала действия нанкинских дипломатов, включая обращения к иностранным коллегам, с их желанием «сохранить остатки своего авторитета, которому нанесен сокрушительный удар…»[90].

После провала выступления китайской делегации в Лиге Наций США через свои посольства в Англии, Франции, Италии и Японии попытались добиться осуждения действий Москвы этими странами[91]. 3 декабря 1929 г. наркому иностранных дел М.М. Литвинову были вручены декларации французского, американского и британского правительств. В них внимание СССР и Китая обращалось на 2-ю статью пакта Бриана–Келлога, согласно которой урегулирование любых споров должно осуществляться исключительно мирными средствами[92].

В ответном заявлении НКИД СССР подчеркнул: «Действия Красной Армии были вызваны соображениями абсолютной необходимой самозащиты, и ни в коей мере не являются нарушением каких бы то ни было обязательств, вытекающих из Парижского договора…» [93]. Чжан Сюэлян также не желал эскалации конфликта. Это способствовало скорейшему завершению переговоров. 3 и 22 декабря 1929 г. в Никольск-Уссурийске и Хабаровске харбинский дипломатический комиссар Цай Юньшен от имени мукденских властей и нанкинского правительства подписал протокол о восстановлении статус-кво на КВЖД, возобновлении исполнения сторонами Мукденского и Пекинского соглашений 1924 г.[94].

Таким образом, советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. можно считать следствием столкновения политических интересов Москвы и Нанкина на Дальнем Востоке. Советский Союз боролся за сохранение экономических позиций в регионе, сферу влияния в Маньчжурии и за плацдарм для распространения в Китае коммунистических идей. Для ГМД это была, прежде всего, попытка вытеснить СССР из Северо-Восточных провинций, поставить под свой контроль экономически и стратегически важную линию коммуникаций. Поскольку ситуация на КВЖД вышла за рамки локального пограничного инцидента и получила широкую международную огласку (хотя ни одна из западных держав не пошла на открытое вмешательство), восстановление статус-кво на советско-китайской границе стало не только военно-политической, но и дипломатической победой Москвы. Тем не менее, общего положения дел это изменить не могло. Прекращение сотрудничества СССР и ГМД, разрыв дипотношений с Китаем ослабили позиции Москвы на Дальнем Востоке.

В тоже время Чан Кайши удалось добиться успехов в борьбе за отмену неравноправных договоров. В условиях вялотекущей гражданской войны и обострения отношений с СССР Нанкину пришлось пойти на ослабление антииностранных выступлений, усилив внимание к дипломатическим методам. При этом достаточно отчетливо проявились две традиционные доктрины, на которых строилась гоминьдановская дипломатия: «сдерживай варваров руками самих варваров» и «разделяй и подчиняй»[95].

Разрыв с КПК и конфликт с Москвой создали благоприятную обстановку для активизации диалога ГМД со странами Западной Европы и США. Тактика ГМД сводилась к следующему. Во-первых, Нанкин играл на конфронтации «советизма» и «империализма», рассчитывая, что антикоммунистическая политика обеспечит лояльность западных держав, заинтересованных в ослаблении позиций СССР на Дальнем Востоке. Чан Кайши надеялся добиться, если не поддержки Европы и США, то, по крайней мере, того, чтобы удержать их от помощи северным милитаристам. Во-вторых, используя внимание иностранных держав к китайскому рынку и их конкуренцию за

сферы влияния, Нанкин стремился к пересмотру или отказу от неравноправных договоров[96].

В 1927–1930 гг. Нанкин далеко продвинулся в вопросах о тарифной автономии и ликвидации права экстерриториальности. 25 июля 1928 г. был подписан договор с США о таможенных тарифах. До конца 1929 г. аналогичные соглашения были заключены еще с 12 государствами, в том числе с Францией, Германией, Норвегией, Англией[97]. В то же время Нанкин поставил под свой контроль морские и соляные таможни, а также почтовые учреждения[98]. К сентябрю 1931 г. правительству Чан Кайши удалось сократить число стран, пользующихся правом экстерриториальности с 16 до 4. Сохранили свои привилегии Франция, Англия, Япония и США. Китайская сторона достигла соглашения с Великобританией и Бельгией о возвращении концессий в Тяньцзине, Сяньмыне, Чжэцзяне, Цзюцзяне и Ханькоу. В 1930 г. из 33 иностранных концессий в Китае осталось только 13[99].

Таким образом, Гоминьдану в короткий срок удалось не только добиться международного признания, но и значительно продвинуться по пути к выходу из полуколониальной зависимости. Однако переговоры с Москвой завершились безрезультатно. В русле курса на ликвидацию неравноправных договоров Чан Кайши настаивал на передаче китайской стороне полного контроля над КВЖД. Кремль отверг эту инициативу. Политические разногласия также не были урегулированы. В итоге процесс восстановления дипломатических связей между Москвой и Нанкином затянулся до 1932 г.

В 1923–1929 гг. в развитии контактов Москвы и Гоминьдана следует выделить два этапа: 1923 – первая половина 1927 гг. и середина 1927–1929 гг.

На первом этапе сближение позиций СССР и ГМД проходило на фоне конкуренции Советского Союза и европейских держав, Японии, США за сферы влияния в Китае. Отсутствие там централизованной власти, постоянная борьба региональных правительств требовали от советской дипломатии дифференцированного подхода. Ей необходимо было учитывать как собственные цели в регионе, так и возможность их реализации в диалоге с

представителями конфликтующих политических сил Китая. Обстановка позволяла действовать сразу в двух направлениях: оказывать поддержку единому фронту в составе ГМД и КПК в расчете на достижение идейно обусловленных целей и в то же время развивать дипломатические отношения с официально признанным правительством в Пекине, исходя из государственных интересов СССР в Маньчжурии и Монголии.

Влияние, оказываемое Западом на Пекин, препятствовало распространению Москвой коммунистических идей и подъему революционного движения на севере Китая. Поскольку приоритетной во внешней политике РКП(б)/ВКП(б) в 1920-е гг. являлась теория мировой революции, посредством подъема в зависимых государствах национально-освободительного движения, это способствовало активизации диалога между Москвой и кантонским правительством Сунь Ятсена.

Программа Гоминьдана отражала подъем в обществе патриотических настроений, выраженных в националистической идее. Сближение понятий национализм и патриотизм было обусловлено острой необходимостью преодоления разрушительных последствий затянувшегося периода отсутствия в Китае центральной власти, постоянной вражды милитаристских группировок, сильного иностранного влияния в стране. Кремль стремился использовать ориентированность Гоминьдана на борьбу за объединение и суверенитет Китая, а также его готовность к сотрудничеству с КПК и СССР для укрепления собственных позиций и распространения коммунистических идей.

К 1927 г. произошла консолидация правого крыла ГМД вокруг фигуры Чан Кайши. Последующий распад единого фронта был обусловлен попыткой Москвы радикализации и «коммунизации» национально-революционного движения в Китае без учета мнения и стратегии Гоминьдана. Это вызвало ответное стремление последнего защитить партийные интересы, отстоять право на независимость своего курса и выйти из-под политической опеки Кремля. В виду особой значимости для обеих сторон идеологического фактора военно-политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана вряд ли могло быть

продолжено. Антикоммунистический курс Нанкина способствовал нормализации его отношений с европейскими державами и США, международному признанию и пересмотру неравноправных договоров. Для СССР прекращение диалога с Нанкином ослабляло его позиции на Дальнем Востоке.

В 1929 г. столкновение интересов СССР и ГМД, обоюдно стремившихся к укреплению своего влияния в зоне КВЖД, привело к кризису советско-китайских отношений и разрыву дипломатических контактов. Это создало благоприятную обстановку для перехода Токио к активным действиям в отношении Китая. В дальнейшем именно перед лицом новой опасности – военной угрозы со стороны Японии – правящие круги СССР и Китайской Республики пришли к переоценке значимости двусторонних контактов.

1.2. Формирование советской политики по отношению к Гоминьдану в 1923–1932 гг.

В 1920-е гг. внешняя политика СССР выстраивалась на основе баланса между текущими государственными интересами и стратегическими целями развития мирового революционного движения. Уже в начале 1920-х гг. ВКП(б) была осознана необходимость отказа от курса на одностороннюю отмену договоров, заключенных Российской империей, и на призыв восточных народов к денонсации соглашений, ущемлявших их суверенные права[100]. На смену этому пришли общепринятые нормы внешней политики и международного права, в том числе признание легитимности подписанных ранее межгосударственных договоров. Советская Россия стала выступать как правопреемница Российской империи и начала борьбу за возвращение былого статуса в мировом сообществе.

Эти изменения быстро нашли отражение в отношениях с Китаем. В «Объяснительной записке к проекту русско-китайского договора» (1923 г.) отмечалось, что «Правительство РСФСР (сокр. авт. – *И.В.*), являясь после Октябрьской революции полным правопреемником <…> международных правоотношений Временного Правительства и тем самым и Императорского

Правительства, наследует в этой области все права…»[101]. Таким образом, Москва стремилась гарантировать соблюдение своих прав на Дальнем Востоке.

В то же время идеологическая платформа ВКП(б) была ориентирована на отстаивание классовых интересов. В области внешней политики это выражалось в превалировании идеи солидарности трудящихся и развития мирового революционного движения над геополитическими мотивами. Отказаться от идеи мировой революции Кремль не мог, так как это противоречило тем политическим установкам, которые привели большевиков к власти. Учитывая сложность подъема социалистической революции в Европе, внимание ВКП(б) и ИККИ было обращено на Восток.

Специфика развития революционного движения в странах Востока была обозначена В.И. Лениным. Он полагал, что социалистическая революция в колониальных и полуколониальных странах была невозможна «без свержения господства иностранного империализма». Учитывая, что доля пролетариата в населении этих стран невелика, первоочередная задача коммунистических партий, в том числе в Китае, сводилась не столько к противостоянию с местной буржуазией, сколько к национально-освободительной борьбе. В дальнейшем, посредством пропаганды власти Советов, коммунисты должны были добиться руководящих позиций в антиимпериалистической борьбе и направить ее к установлению диктатуры пролетариата и крестьянства. Таким образом, антиколониальные революции на Востоке рассматривались как часть мировой пролетарской революции[102].

На II и IV конгрессах Коминтерна (в 1920 и 1922 гг.)[103] в качестве стратегической цели для зависимых азиатских государств определялось достижение коммунизма «не через капиталистическое развитие, а под руководством классово-сознательного пролетариата передовых стран»[104]. Параллельно закладывались теоретические основы создания, в частности в Китае, «единого антиимпериалистического фронта»[105]. В «Тезисах по национальному и колониальному вопросам» от 28 июля 1920 г. подчеркивалось, что «Коммунистический Интернационал должен вступать во

временные соглашения, даже союзы с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения…»[106]. В дополнениях к основному тексту документа, уточнявших характер предстоящего сотрудничества, речь шла об использовании «буржуазных национально-революционных элементов»[107].

В эту концепцию укладывалось сотрудничество еще слабой для автономной борьбы за власть Компартии и ГМД. Однако, совместно отстаивая независимость страны, они должны были сохранить свою структурную, управленческую и идеологическую самостоятельность. Эта схема была закреплена в инструкции Коминтерна 1922 г., в которой говорилось об индивидуальном вступлении коммунистов в гоминьдан при сохранении КПК, которая дает директивы для работы в национальной партии и ведет организационную работу в профсоюзах[108].

Москве отводилась роль координатора действий революционных сил Китая в рамках единого фронта. В общих тезисах по восточному вопросу от 5 декабря 1922 г. провозглашалось, что «требование тесного союза с Республикой Советов является знаменем единого антиимпериалистического фронта» [109] . Коминтерн брал на себя обязанность содействовать в деле организации периодической печати на местных языках[110]. С этого момента задача сближения КПК и ГМД, как наиболее отвечавшая курсу на поддержку мирового коммунистического движения, стала важной составной частью политики РКП(б) и Коминтерна в Китае. Межпартийное сотрудничество, основанное на близости идейных принципов, таким образом, практически уравнивалось с межгосударственным.

Несмотря на сохранение стратегического курса на мировую революцию, РКП(б) столкнулась с необходимостью маневрирования в области тактики. Неудачи революционного движения в Европе (Польша, Германия, Болгария, Албания) стали предостережением от форсирования событий на Востоке. В результате СССР занял в отношении КПК сдержанную позицию[111]. Она нашла отражение в коммюнике А.А. Иоффе и Сунь Ятсена от 27 января 1923 г. В нем

отмечалось: «Д-р Сунь Ятсен считает, что в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае... Эта точка зрения целиком разделяется полпредом РСФСР, который считает, что самой насущной и важной задачей Китая является его национальное объединение и приобретение полной национальной независимости. …Китай <…> может рассчитывать на поддержку России»[112].

В данном документе отчетливо проявилась идея Ленина о национальных революциях на Востоке, необходимости объединения в них всех заинтересованных сил для борьбы с империализмом. На этой основе в течение 1923 г. Кремлем были выработаны представления об основных мерах по реорганизации ГМД (первом шаге к консолидации партии). Среди них были: решение организационных вопросов партийного строительства, корректировка военной политики, поддержка массовых движений, развитие пропаганды, расширение социальной базы революции[113]. Москва допускала применение Гоминьданом блоков и компромиссов с милитаристами, а также использование вооруженных сил в политической борьбе. Вместе с тем предусматривалось усиленное внимание к вопросам централизации армии и организации в ней политработы[114].

Позиция Политбюро ЦК РКП(б) нашла отражение в рекомендациях от 2 августа 1923 г. М.М. Бородину в связи с его назначением на должность политического советника при Сунь Ятсене. Политбюро указало «т. Бородину в своей работе с Сунь Ятсеном руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма…»[115]. В резолюции Президиума ИККИ от 28 ноября 1923 г. «О национально-освободительном движении и о партии гоминьдан» фактически признавался факт переоценки роли КПК в политической жизни Китая. Это решение, как и ряд других, продемонстрировало зависимость ИККИ от решений ВКП(б)[116]. Все основные теоретические установки китайской политики как и конкретные мероприятия по ее реализации разрабатывались партийным руководством, тогда как Коминтерну отводилась вспомогательная роль.

I съезд ГМД подвел итоги первых шагов Москвы и Кантона на пути межпартийного сотрудничества. На Съезде были сформулированы базовые программные установки партии, выработаны задачи национально-революционного движения, тактика вывода страны из политической и социально-экономической нестабильности. Таким образом, ГМД обрел ориентиры для дальнейшей деятельности и идейного оформления революционного движения в Китае. В то же время в РКП(б) уже отчетливо наметилась тенденция к изменению курса в отношении Гоминьдана.

Усиление в 1923–1924 гг. в руководстве РКП(б) позиций И.В. Сталина и спад революционной активности в Европе отразились как на общей стратегии внешней политики СССР, так и на ее китайском направлении. Принципы интернационализма, сформулированные В.И. Лениным, в сталинской трактовке начали приобретать иное содержание: идея мировой революции постепенно теряла приоритет, отодвигаясь задачами развития СССР – главной опорной базы и основного залога победы всего коммунистического движения. Не отказываясь от поддержки зарубежных компартий, Сталин все же воспринимал подъем революционных настроений в других странах, прежде всего как средство усиления позиций Советского Союза на международной арене[117]. В последствии, 8 августа 1927 г. в речи о международном положении и обороне СССР на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин заявил: «Революционер <…> интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР»[118].

Среди методов осуществления выбранной стратегии Сталин отдавал предпочтение внутрипартийным переворотам, занятию ключевых постов в государственном аппарате представителями просоветских партий и организаций. В связи с этим изменилась и роль Коминтерна: из органа, руководившего компартиями и главного рупора советской внешнеполитической пропаганды, он превратился в проводника теневой политики Кремля. Одной из основных его задач стало проведение тех мероприятий, которые не укладывались в курс, официально декларированный Москвой.

Применительно к Китаю эти инициативы преследовали коренное изменение классовой и политической природы Гоминьдана в результате захвата власти в партии коммунистами[119]. Выступая 18 мая 1925 г. на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока, Сталин доказывал, что буржуазия Китая уже раскололась на революционную и соглашательскую, а, следовательно, коммунисты уже не могут ставить цель создания единого национального антиимпериалистического фронта и должны перейти к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Основной задачей этого блока должно было стать разоблачение половинчатости и непоследовательности национальной буржуазии и борьба с империализмом[120].

Данный подход сочетался с определением Гоминьдана как рабоче-крестьянской партии, что обуславливало постановку перед КПК задачи борьбы за руководящие позиции внутри ГМД[121]. В этой части суждения Сталина нашли отражение в установке Коминтерна о том, что демократические преобразования на Востоке могли быть осуществлены исключительно коммунистами, а не представителями национальной буржуазии. Таким образом, конструировалась цель скорейшего установления «гегемонии КПК в рабоче-крестьянском гоминьдане»[122].

Увеличение в Гуандуне массовых акций под лозунгами борьбы с империализмом, а также внешне демонстрируемая руководством ГМД заинтересованность в развитии контактов с Москвой[123] привлекали внимание Коминтерна. Им развивалась идея объединения Китая не через осуществление военного похода на Север, а посредством повсеместного подъема народных выступлений, по образцу Октябрьской революции 1917 г. в России. ИККИ стремился поддержать массовые движения: забастовки в Кантоне и Гонконге, «Движение 30 мая 1925 г.»[124]. Главный расчет делался на их радикализацию. Данный подход отразился в директивных документах, обращенных к КПК, среди которых: «Воззвание Исполкома Коминтерна, Исполкома Профинтерна и Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи к рабочим, крестьянам и всем трудящимся в связи с расстрелами в Циндао и Шанхае» (7

июня 1925 г.), «Письмо Исполкома Коминтерна Центральному Комитету Компартии Китая» (6 июля 1925 г.), «VI расширенный пленум ИККИ. Резолюция по китайскому вопросу» (13 марта 1926 г.)[125].

Однако, параллельно по линии ЦК и Политбюро, а с 19 марта 1925 г. − специальной Китайской комиссией Политбюро ЦК РКП(б)[126], разрабатывалась и другая тактика. Она заключалась в опоре на милитаристов Центрального и Северного Китая, готовых сотрудничать с ГМД. Особо выделялась группировка маршала Фэн Юйсяна, включавшая три армии. Национальные армии (Гоминьцзюнь) [127] были достаточно боеспособными, чтобы действовать независимо от войск ГМД. Кремль рассматривал вариант их использования для нейтрализации прояпонски настроенной группировки Чжан Цзолиня. Его усиление было крайне невыгодно СССР, поскольку Сталин стремился избежать конфликта с Токио. В протоколе заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 3 декабря 1925 г. указывалось: «Тов. Карахану дать в печать информацию, что Чжан Цзолинь падет, между прочим потому, что играл на обострение отношений между СССР и Японией, что в Маньчжурии может удержаться лишь такое командование, которое будет руководствоваться политикой сближения СССР и Японии»[128]. Идя на контакт с Фэн Юйсяном, как компромиссной фигурой, Москва учитывала слабость позиций, как ГМД, так и КПК на Севере Китая.

В результате, советская политика в отношении Гоминьдана отличалась двойственностью. РКП(б) формально поддерживала сотрудничество с ним по вопросам партийного строительства, организации идеологической работы и периодической печати. Однако в части ориентации на развитие массового движения пропаганда ИККИ противоречила политическим установкам ГМД. Попытки Кремля усилить в Гоминьдане блок коммунистов, выдвинуть членов КПК на руководящие посты в правительстве встречали противодействие со стороны части Национальной партии, считавшей советскую доктрину неприемлемой для Китая. Руководство ГМД формировало свою стратегию, исходя из военного сценария развития революции[129]. Чан Кайши, стремившийся к централизации руководства в партии, рассматривал армию в качестве

основного гаранта сохранения власти и инструмента объединения страны. Претендуя на роль национального лидера, он также не был заинтересован в укреплении позиций Фэн Юйсяна. В этих вопросах Москва практически не учитывала специфику программы Гоминьдана.

Игнорирование интересов китайской стороны и двойственность курса РКП(б) повлекли ослабление ее влияния на политические процессы в Южном Китае. Фракционная борьба в ГМД и его самостоятельность в принятии решений, напротив, усилились. Это еще более осложнило взаимодействие Москвы и Кантона. Для стабилизации ситуации советская сторона предприняла ряд мер:

1. Совмещение постов в Коминтерне с высшими партийными должностями ВКП(б) (в Президиум ИККИ от ВКП(б) входили: Д.З. Мануильский, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, И.А. Пятницкий).
2. Обсуждение основных принципов политики Коминтерна в Китае, развития взаимодействия КПК и ГМД в ходе VI расширенного пленума ИККИ (17 февраля – 15 марта 1926 г.).
3. Направление в Китай комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) в составе А.С. Бубнова, Н.А. Кубяка, И.И. Лепсе, Л.М. Карахана для изучения ситуации, оценки на месте деятельности советских советников.

Совмещение постов было ориентировано на концентрацию всего спектра решений по вопросам внешней политики в рамках единого аппарата. Это позволяло максимально усилить контроль над действиями Коминтерна избежать принятия решений, не соответствовавших генеральной линии ЦК ВКП(б). Два последующих шага преследовали двоякие цели. С одной стороны, они внешне должны были продемонстрировать лояльность советской политики, готовность искать компромиссы, притупить бдительность ГМД. Важно было снять напряжение, вызванное усилением пропаганды членов КПК и советских специалистов внутри Гоминьдана, а также стремлением военных советников взять под свой контроль командование НРА. С другой – подготовить базу для решающего разворота в характере китайского революционного движения.

В этом контексте внимания заслуживают решения VI расширенного пленума ИККИ. В них отчетливо прозвучали основные принципы восточной политики Коминтерна. В первую очередь «Тезисы по китайскому вопросу» от 2 марта 1926 г. и «Резолюция по китайскому вопросу» от 13 марта 1926 г., принятые VI пленумом ИККИ, подтвердили курс на поддержку Гоминьдана и его сотрудничества с КПК на основе совместной борьбы «против иностранных империалистов и всего военно-феодального уклада жизни»[130]. В обозначенной резолюции Исполком Коминтерна признавал, что, «являясь <…> авангардом в борьбе китайского народа за независимость, кантонское правительство служит образцом будущего революционно-демократического строительства в стране»[131].

Вместе с тем решения VI пленума ИККИ констатировали наличие двух концепций развития революционного движения в Китае: «Одна из них – буржуаз[ная] – это стремление крупной китайской торгово-промышленной буржуазии создать союз с более прогрессивными элементами старого китайского мандарината и распадающихся военно-феодальных клик и объединить Китай при поддержке и под руководством империализма и на основе его экономической – капиталистической – программы. <…> Другая тенденция – это борьба за освобождение и объединение страны на основе мощного революционного движения сотен миллионов рабочих и крестьян во главе с пролетариатом, борьба против всех империалистов, которая идет рука об руку с общим развитием мировой пролетарской революции и опирается на поддержку СССР» [132] . По мнению функционеров Коминтерна, это было следствие начавшегося «классового расслоения» Гоминьдана, что и привело к образованию в нем правой и левой фракций[133].

Кроме того, пленум ИККИ был склонен придавать большое значение крестьянскому и рабочему движениям, руководящей роли в них КПК. В ориентации на массы представители Коминтерна видели родство политики коммунистов и левого течения Гоминьдана, за которым декларировалось внутрипартийное лидерство. Действия Национальных армий признавались

важным, но не основополагающим фактором в развитии революции. Влияние «буржуазии», как и возможности правых в ГМД, напротив, преуменьшались.

Решения пленума послужили обоснованием размежевания фракций внутри ГМД, ориентации КПК на блоковую политику. Это должно было подготовить Компартию к последующему усилению в революционном движении классовых начал. Однако на текущей стадии ИККИ считал несвоевременным отделение коммунистов от национально-освободительного движения. В тезисах по китайскому вопросу содержались следующие рекомендации КПК: «…вопреки всем трениям, <…> во что бы то ни стало поддерживать боевой союз ККП (так в тексте – прим. *И.В.*) и ГМД. Коммунисты по-прежнему должны входить в состав ГМД и его руководящих органов, <…> помогать ГМД в его политической и организационной работе, проводя при этом гибкую тактику и не допуская никакого командования»[134]. Однако в обязанности КПК вменялась также разъяснительная работа среди населения, раскрывающая «мелкобуржуазный характер программы ГМД <…> и необходимость существования самостоятельной классовой партии пролетариата»[135].

Таким образом, VI пленум ИККИ формально подтвердил продолжение сотрудничества с ГМД на базе борьбы с империализмом. Компартии Китая было рекомендовано придерживаться курса на укрепление единства ГМД. В то же время теневым мотивом политики ИККИ стало усиление в Китае «антибуржуазной» пропаганды. Отчетливо обозначилась идея выдвижения КПК на роль лидера в рабочем и крестьянском движении и руководящие позиции в национальной революции.

Рассмотренные решения ИККИ отчетливо выявили генеральную линию сталинской внешней политики в Китае, направленную на подготовку силами китайских коммунистов внутреннего переворота в ГМД. При этом основная ставка делалась не на подъем массовых выступлений, а на захват аппарата власти в ходе внутрипартийной борьбы, что не требовало большой численности организации [136]. Рабочему и крестьянскому движениям отводилась роль вспомогательного инструмента – силовой и материальной опоры режима.

На практике реализация установок Коминтерна обернулась попыткой форсированной коммунизации Гоминьдана, стремлением членов КПК при поддержке советских советников овладеть аппаратом ЦИК ГМД и Национальным правительством. Закономерным следствием данной политики и обострения внутрипартийных разногласий в ГМД стал кризис 20 марта 1926 г. [137]. Выступление Чан Кайши, тесно связанное с противостоянием военного и партийного факторов в руководстве Гоминьдана, имело также непосредственное отношение к действиям Кремля. Оно продемонстрировало, что ГМД оформился в самостоятельную силу, тяготится опекой Москвы и навязыванием решений, нехарактерных для его программы. По воспоминаниям Чан Кайши, 8 марта 1926 г. в беседе с Ван Цзинвэем он отметил: «Мы не должны допустить положения, при котором фактическое руководство национальной революцией окажется в руках русских. <…> Мы ни в коем случае не должны лишать себя свободы принятия решений»[138].

Позиция Чан Кайши была обоснованной. Это подтвердили выводы комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) [139] под руководством А.С. Бубнова (Ивановского)[140], на время работы которой в Китае пришлись обозначенные события:

1. Быстрые темпы централизации армейского управления, увлечение коммунистической пропагандой в войсках ГМД, усиленный контроль политкомиссаров и советских советников за действиями офицеров негативно повлияли на развитие советско-китайского сотрудничества. Необходимым шагом для сохранения контактов с Чан Кайши было предоставление руководству НРА большей самостоятельности.
2. Военный и «революционный» потенциал армий Фэн Юйсяна незначителен. Гоминьдан в большей степени подходит на роль лидера национально-освободительного движения.
3. Слабость политического и гражданского секторов в ГМД, его опора на НРА, военная направленность экономической политики ($^4/_5$ бюджетных

ассигнований составляли расходы на армию) говорили в пользу силового сценария объединения страны через осуществление Северного похода.

4. Массовое движение, отчетливо проявившееся в ходе Гонконг-Кантонской забастовки, продолжало играть вспомогательную роль[141].

На этих основаниях строились рекомендации комиссии А.С. Бубнова М.М. Бородину, предполагавшие поддержку Северного похода, свертывание Гонконг-Кантонской забастовки, ослабление в ГМД межфракционной борьбы, сдерживание политической активности КПК, направленной на разложение Гоминьдана изнутри. Кроме того, был ослаблен советнический контроль в НРА, принят ряд кадровых решений. Из Кантона отзывались начальник Южнокитайской группы военных советников Н.В. Куйбышев, его заместитель В.П. Рогачев, заместитель начальника по политической работе И.Я. Разгон[142]. В целом, выводы комиссии были направлены на сглаживание наиболее острых проблем во взаимоотношениях с ГМД, связанных со стилем работы советских миссий. Это позволило временно улучшить отношения СССР с Чан Кайши.

Тем не менее, сохранялось расхождение позиций лидеров ВКП(б) и ГМД по принципиальному вопросу о Северном походе. Если для Чан Кайши это был центральный пункт в плане объединения Китая, то И.В. Сталин считал военную экспедицию недопустимой. Его подход строился на скептической оценке боеспособности НРА, в сравнении с РККА, и стремлении задержать централизацию власти в Китае. Последнее создавало бы на юге страны условия для роста революционных настроений и пропагандистской работы КПК[143]. Осознание возросшей силы Гоминьдана приблизило Кремль к принятию военного пути развития китайской революции через осуществление Северного похода НРА. Тем не менее, полноценного развития это направление не получило.

Принятое 3 декабря 1925 г. постановление Политбюро однозначно утверждало: «Предполагаемый поход кантонцев на Север в данный момент считать недопустимым. Предложить кантонцам сосредоточить свои усилия на внутреннем укреплении»[144]. Однако в марте 1926 г., исходя из ситуации в Китае, А.С. Бубнов пришел к противоположным выводам. В письме М.М. Бородину

от 27 марта 1926 г. он отмечал: «…решать вопрос о Северном походе нет необходимости, ибо вся армия и весь командный состав воспитывается в убеждении, что Северный поход есть вопрос о времени и способе действия»[145].

Тем не менее, Москва имела собственное мнение о целесообразности проведения Северного похода. Оно определялось следующим. Во-первых, убежденностью в недостаточном влиянии коммунистов в Гоминьдане. Во-вторых, опасением, что выступление НРА на север может спровоцировать военную интервенцию европейских держав в Гуандуне. Последнее могло привести к потере Южнокитайской революционной базы ГМД. В-третьих, нежеланием обострять ситуацию на Дальнем Востоке в связи с новым витком борьбы СССР против политической и экономической изоляции, осложнением взаимодействия с Мукденом по проблеме КВЖД, срывом попытки создания в Пекине коалиционного правительства ГМД и Фэн Юйсяна[146].

В силу этих оснований, Политбюро ЦК ВКП(б) и после ознакомления с точкой зрения А.С. Бубнова не изменило своей позиции относительно Северного похода. В постановлении Политбюро от 1 апреля 1926 г. утверждалось, что Кантону до момента подъема рабочего и крестьянского движения нецелесообразно переходить к действиям по расширению подконтрольных территорий. Необходимо использовать «передышку» для укрепления базы в Гуандуне, так как выход за его пределы сопряжен с опасностью вмешательства иностранных держав[147]. 15 апреля в телеграмме Л.М. Карахану указывалось, что директивы ЦК «о нежелательности военных экспедиций кантонскими силами вне Кантона и сосредоточении сил Кантона на внутреннем укреплении власти, и в частности армии, должны быть проведены беспрекословно» [148] . Возможность подобной кампании в чрезвычайных обстоятельствах допускалась лишь по согласованию с ЦК ВКП(б). Коминтерн продолжил линию Политбюро. В инструкции Дальневосточного секретариата ИККИ для КПК от 27 апреля 1926 г. отмечалось, что Северная экспедиция может быть истолкована как нежелание Кантона «поддерживать и защищать мир», а это будет отрицательно встречено рабочими и крестьянскими организациями[149].

20 мая 1926 г., заслушав доклад комиссии А.С. Бубнова, Политбюро ЦК ВКП(б) вновь заявило о неизменности своего курса и призвало «обязать кантонских товарищей обеспечить проведение неоднократно подтвержденной директивы <…>, в которой высказывалось решительное осуждение походов на Север» [150] . Мнения советских представителей в Китае, напротив, были неоднозначными. М.М. Бородин считал, что летом 1926 г. Северный поход невозможен. 30 мая 1926 г. он писал Л.М. Карахану: «…основная причина, почему Северная экспедиция не двигается вперед, та, что в армии нет единства»[151]. Главный политический советник полагал, что военная операция не начнется до тех пор, пока не будут устранены разногласия между тремя армейскими группировками. Однако Л.М. Карахан придерживался мнения о неизбежности похода. Он исходил из того, что только подготовка к крупной кампании может оправдать выделение до 75% бюджета на содержание армии. Иначе правительство должно отказаться от сохранения в Гуандуне военного положения и сократить войска. Это вызвало бы рост недовольства среди военных. В результате, полпред СССР пришел к выводу, что расширение подконтрольных территорий являлось для ГМД необходимым условием сохранения власти.

Советские военные советники при НРА оказались заложниками ситуации. С одной стороны, они должны были ориентироваться на директивы Москвы. С другой – у них не было рычагов для изменения политики ГМД. В связи с этим, главный военный советник Национального правительства В.К. Блюхер предпочел ориентироваться на текущую обстановку. Работа инструкторов в войсках была продолжена. Более того, Блюхер, совместно с Южнокитайской группой советников, разработал стратегический план Северного похода, принятый Военным советом НРА 23 июня 1926 г[152].

Однако на позицию Москвы эти обстоятельства не повлияли. Альтернативный сценарий, по которому НРА может начать боевые действия за пределами Гуандуна без санкции СССР, не рассматривался. ВКП(б) и ИККИ продолжали возражать против Северного похода до тех пор, пока реальность не заставила их смириться с его неизбежностью. Принятие ГМД

самостоятельного решения о начале похода указывало на переоценку Москвой своего влияния на развитие ситуации в Китае. Ограничившись полумерами, повлекшими временную стабилизацию отношений с Чан Кайши, Кремль не изменил суть своего курса. Руководство СССР оказалось не готово признать специфику политической программы Гоминьдана, отказаться от отождествления революционного пути Китая и России.

Таким образом, весной 1926 г. попытка выдвижения КПК на роль лидера в национально-революционном движении, а по сути обеспечения для сторонников компартии ключевых постов в аппарате ГМД и последующего внутреннего переворота в партии, была пресечена Чан Кайши. Тот факт, что после событий 20 марта Кремль ограничился во многом формальными мерами по нормализации диалога с Кантоном, проявив настойчивость в принципиальном вопросе о Северном походе, указывает на неизменность его идейной платформы. Директивы КПК, призывавшие сохранять единый фронт, как и кадровые перестановки внутри советнической миссии, были для Москвы лишь временной уступкой ГМД. Напротив, в Политбюро и ИККИ стала обсуждаться тема усиления внутри него классовых противоречий. Эта риторика задавала тон для продолжения прежнего курса. Отвергнуть саму идею коммунизации Гоминьдана было сложно, так как это подрывало бы классовые основы советской политики. И.В. Сталин уже не мог отказаться от тактики поддержки фракционной борьбы в ГМД. В обстановке усиления противоречий в руководстве ВКП(б) для него было неприемлемо демонстрировать слабость и колебания внешнеполитического курса.

Обоюдное стремление Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина выступать в качестве главного толкователя коммунистической доктрины и преемника В.И. Ленина привело к резкому обострению их идейно-политического и личного противостояния. В полемике Троцкого и Сталина важное место занимали вопросы международных отношений. При этом особое внимание уделялось ситуации в Китае, и, в частности, вопросу о целесообразности сохранения единого фронта. Сталин стремился к переориентировке Гоминьдана и всего

революционного движения через поэтапное исключение из него сначала крупной, а затем и средней буржуазии, что требовало присутствия коммунистов внутри ГМД. Линия Троцкого, напротив, строилась на идеи обособления КПК от Гоминьдана и развития под ее руководством массового движения.

Следует отметить, что представления Троцкого о подъеме перманентной революции на определенном этапе не противоречили идее национальных революций на Востоке. Придавая решающее значение в достижении целей массового движения именно пролетариату, он, однако, не выступал открыто против участия членов КПК в Гоминьдане, как и против разрабатывавшейся в 1924–1925 гг. в ИККИ концепции образования в Китае «рабоче-крестьянской (многоклассовой) партии» [153] . Весьма показательно в этом аспекте выступление Л.Д. Троцкого 21 апреля 1924 г. на праздновании трехлетия Коммунистического университета трудящихся Востока. В речи отмечалось: «Борьба за освобождение Китая, идеология Сунь Ятсена – это борьба демократическая, идеология прогрессивная, но буржуазная. Мы стоим за то, чтобы коммунисты поддерживали Гоминьдан в Китае, толкая его вперед. Это необходимо, но здесь есть и опасность национально-демократического перерождения»[154]. По мнению Троцкого, объединение страны под властью ГМД должно привести к ее ускоренному капиталистическому развитию, что создало бы условия для мобилизации рабочего класса, активизации борьбы за установление гегемонии пролетариата в революционном движении.

Позднее Троцкий вернулся к этому вопросу, но уже с совершенно иных позиций. В работе «Критика программы Коммунистического Интернационала» (июль 1928 г.), рассуждая об итогах и перспективах китайской революции, он пришел к выводу о невозможности существования двухсоставной, двухклассовой партии, выражающей две взаимоисключающие исторические линии: пролетарскую и мелкобуржуазную; а так же к невозможности создания в капиталистическом обществе самостоятельной крестьянской партии[155].

Отправной точкой для расхождения Л.Д. Троцкого и его сторонников К.Б. Радека, Г.Е. Зиновьева с мнением сталинской группы стали события в

Китае 20 марта 1926 г. Выступление Чан Кайши привело оппозицию к осознанию того, что «пропасть между буржуазией и пролетариатом в Китае стала стремительно расширяться», а Политбюро ЦК ВКП(б) отказалось принять меры, чтобы дистанцировать китайских коммунистов от Гоминьдана [156]. Троцкий пришел к выводу об отступлении Сталина, от первоначального ленинского курса. Озвученное в апреле 1926 г. Троцким и Зиновьевым предложение о выходе коммунистов из ГМД спровоцировало раскол[157].

29 апреля 1926 г. Политбюро постановило «считать такой разрыв совершенно недопустимым. Признать необходимым вести линию на сохранение компартии в составе Гоминьдана»[158]. В июле 1926 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подтвердил данное решение и одобрил работу делегации ВКП(б) в Коминтерне. Однако дискуссия на этом свернута не была. Обсуждение возможных путей развития революции в Китае продолжалось в ходе подготовки VII расширенного пленума ИККИ. В условиях начала НРА Северного похода и ослабления КПК данный вопрос приобрел особое значение.

В сентябре 1926 г., анализируя развитие революционного движения в Китае в работе «Китайская компартий и Гоминьдан», Л.Д. Троцкий не отрицал заслуги предшествующего этапа сотрудничества КПК и ГМД. Он писал: «Участие компартии в Гоминьдане было совершенно правильным для того периода, когда компартия представляла пропагандистское общество, только подготовлявшееся к будущей самостоятельной политической деятельности»[159]. Но затягивание отделения КПК от Гоминьдана Троцкий считал ошибкой: «Ее [КПК] прямой политической задачей должна явиться теперь борьба за непосредственное самостоятельное руководство пробужденным рабочим классом <…> для того, чтобы обеспечить ему <…> роль политического руководителя (гегемона) в борьбе народных масс Китая»[160]. По его мнению, сохранение КПК в составе буржуазной партии ставило под угрозу сам смысл ее дальнейшего существования. В случае нового «правого переворота» Компартия оказывалась бы не подготовленной к нему, лишенной необходимой социальной базы, что неминуемо привело бы к ее разгрому.

Успешное развитие Северного похода, с точки зрения Троцкого, делало ситуацию еще более опасной для КПК[161]. В случае победы НРА над силами милитаристов и объединения Китая под властью ГМД армия Чан Кайши получала возможность выступить против своего временного союзника – КПК, так как с завершением военной кампании на Севере Гоминьдан утрачивал заинтересованность в поддержке единого фонта с коммунистами[162].

В ходе VII пленума ИККИ этот подход не получил полноценного освещения. Сказалось и временное отступление Зиновьева и Радека от поддержки оппозиции. Связанные с политикой Коминтерна до апреля 1926 г., они искали компромисса с Политбюро. Троцкий, лишившись сторонников, воздержался от активной полемики[163].

С иных позиций рассматривали ситуацию в Китае представители Дальневосточного бюро ИККИ (комиссия в составе Г.Н. Войтинского, М.Г. Рафеса и Н.А. Фокина работала в Гуанчжоу в период 6 августа – 2 сентября 1926 г. – прим. *И.В.*). Они частично соглашались с мнением М.М. Бородина, полагавшим, что Северная экспедиция неизбежно повлечет политическое поражение Чан Кайши и создаст условия для перехода власти в руки блока коммунистов и левой фракции ГМД. Однако, если в ИККИ связывали будущее преобразование Гоминьдана с подъемом крестьянского и рабочего движения, «революционизацией масс», то М.М. Бородин делал ставку на внутрипартийные разногласия в ГМД и усиление позиций Ван Цзинвэя в качестве лидера оппозиции[164].

30 ноября 1926 г. в ходе заседания Китайской комиссии VII пленума ИККИ свое видение ситуации в Китае представил И.В. Сталин. Она, по его мнению, обуславливалась «во-первых, тем, что революция в Китае, как революция национально-освободительная, будет направлена свои острием против империализма…; во-вторых, тем, что крупная национальная буржуазия в Китае слаба <…>, что облегчит дело гегемонии пролетариата, дело руководства пролетарской партии в отношении китайского крестьянства; в-третьих, тем, что

революция в Китае будет развиваться при обстоятельствах, дающих возможность использовать опыт и помощь победившей революции в Советском Союзе»[165].

Исходя из этого, И.В. Сталин предлагал активизировать деятельность коммунистов в ГМД, НРА, массовых объединениях: «Антиимпериалистический фронт будет тем сильнее и могущественней, чем скорее и основательнее втянется китайское крестьянство в революцию» [166] . Однако, оппонируя проректору Университета трудящихся Китая П.А. Мифу, он высказался против создания Советов в деревне до их формирования в крупных промышленных центрах. Основной опорой революции Сталин видел пролетариат, а носителем и распространителем новых идей – армию. Будущее национально-революционного движение в Китае он связывал с постановкой, в ходе борьбы с империализмом, вопроса о национализации железных дорог, промышленных предприятий и земли[167].

Результатом работы VII пленума ИККИ стала резолюция от 16 декабря 1926 г. о положении в Китае, отражавшая позицию Сталина. В ней отвергался буржуазно-демократический характер революции[168]. Взамен постулировалась теория ее трехэтапного развития, основанная на выделении основных движущих сил: на первом этапе буржуазия; на втором – блок пролетариата, крестьянства и буржуазии; на третьем – «блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при устранении большей части крупной капиталистической буржуазии» [169] . Ключевой проблемой текущего этапа, переходного со второй на третью стадию, объявлялось проведение аграрной реформы. Из этого выводилась необходимость развития массового, в первую очередь крестьянского движения.

В рекомендациях Компартии по взаимодействию с Гоминьданом резолюция VII пленума ИККИ ориентировала КПК на содействие в оформлении левого крыла ГМД «без попыток замещения его в руководящей работе членами компартии», последовательную критику колеблющегося центра и систематическую борьбу с правой фракцией. По своей сути, призыв к коммунистам «войти в кантонское правительство для того, чтобы поддержать

революционное левое крыло» означал официальное признание курса на содействие только части ГМД[170].

Формально данные решения не исключали возможность сотрудничества КПК и ГМД, призывая их к взвешенным и осторожным действиям, сохранению единого фронта. Однако фактически в декабрьской 1926 г. резолюции ИККИ о положении в Китае получила дальнейшее развитие тенденция к выдвижению КПК на руководящие позиции в революционном движении, углублению в Гоминьдане фракционной борьбы.

Тактика, направленная на раскол ГМД, проявилась в 1927 г. в ходе дискуссии в Гоминьдане о месте размещения ставки Национального правительства (Нанкин – Чан Кайши, Ухань – левая фракция ГМД). В обсуждение этого сугубо внутреннего вопроса вмешался М.М. Бородин, поддержав требование перевода правительства в Ухане. Он считал момент, подходящим для разрыва с Чан Кайши. Позиция главнокомандующего НРА в партии, по мнению М.М. Бородина, была неустойчивой, а поддержка в армии − недостаточной для подчинения рабочего и крестьянского движений – основной силы КПК и левых. В беседе с секретарем юридического сектора постпредства СССР в Пекине М. Юшкевичем он утверждал: «У Чан Кайши ничего нет. Есть только главком Чан Кайши, а у него, пожалуй, 1-я дивизия, на которую он может положиться. А в Ухане все. Большинство армии за нами. Рабочие и крестьяне за нами»[171]. С точки зрения В.К. Блюхера, возможности для разрыва отношений с Чан Кайши после захвата Шанхая были упущены, а его популярность в армии возросла. Однако в переписке с Москвой М.М. Бородин старался представить исключительно собственное видение ситуации[172].

Активность М.М. Бородина настораживала Москву. 15 февраля 1927 г. Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) направила ему телеграмму: «…в вопросе о местонахождении центрального правительства Вам не следовало ставить себя в положение борющейся стороны, так как это может создать у китайцев впечатление, что Вы проводите личную политику»[173]. 17 февраля 1927 г. последовало новое сообщение: «Линию ЦК Гоминьдана в отношении

Чан Кайши считаем правильной. Принять меры, чтобы, во-первых, не выпячивался при этом Бородин, дабы конфликт не был расценен как борьба между Бородиным и ЧКШ (Чан Кайши – прим. *И.В.*) за влияние, во-вторых, не доводить дело до разрыва с Чан Кайши и ограничиться полным подчинением ЧКШ Нацправительству…»[174].

Таким образом, в начале 1927 г. наметился очередной кризис в отношениях ИККИ и ВКП(б) с ГМД. Политика СССР продолжала характеризоваться наличием противоречивых тенденций. В духе решений VII пленума ИККИ Москва поддерживала КПК и левое крыло ГМД, но в то же время стремилась избежать эскалации конфликта с правыми, поскольку без сохранения единого фронта невозможно было осуществить переворот внутри Гоминьдана. Окончательный разрыв с ГМД оставлял для КПК возможность прихода к власти только через подъем массовых выступлений. Однако для правящей группы в ЦК ВКП(б) подобный сценарий развития революции в Китае выглядел как уступка троцкистской оппозиции и был неприемлем. Не исключено, что в Москве опасались и компрометации советнического корпуса и, как следствие, обвинений во вмешательстве во внутреннюю политику Китая.

Тем не менее, состоявшийся в Ухане 10–17 марта 1927 г. III пленум ЦИК Гоминьдана второго созыва, обозначил раскол в партии. Его решения, формировавшиеся в русле политики левых, были направлены на сохранение контроля над массовым движением, усиление коллегиальных начал в руководстве партии, ограничение личной власти Чан Кайши и недопущение установления на подконтрольных ГМД территориях армейской диктатуры. В резолюции «Об объединении революционных сил» пленум формально подтвердил курс на сохранение единого фронта ГМД и КПК, а в «Манифесте к народу всей страны» высказался за дальнейшее укрепление связей с СССР[175].

В начале 1927 г. Москва вновь предприняла попытку активизировать наступательную политику внутри ГМД. Она сохранила ориентацию на поддержку уханьского крыла, расширение рабочих и крестьянских организаций. Коминтерн разрабатывал идею создания вооруженных

формирований, подконтрольных КПК. В тоже время, Китайской комиссией ЦК ВКП(б) недооценивалось влияние Чан Кайши в войсках и партии, а также опасность реакции Англии и Франции на радикализацию антииностранных выступлений в Китае. Между тем, благодаря этим факторам Чан Кайши смог консолидировать в своих руках рычаги управления армией. 12–15 апреля 1927 г. он подавил массовые выступления в крупных промышленных центрах юга страны и 18 апреля 1927 г. создал в Нанкине собственное правительство.

ИККИ немедленно отреагировал на данный шаг. «Воззвание в связи с контрреволюционным переворотом Чан Кайши» (14 апреля 1927 г.) называло главной причиной раскола ГМД противодействие рабочему и коммунистическому движению. Решениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 и 27 апреля 1927 г. советники были отозваны из ставки Чан Кайши. Фактически это означало окончательный переход к поддержке левой фракции в ГМД. Однако в конце марта 1927 г. в Китай были направлены директивы, обязывающие ЦИК КПК избегать столкновений с Национальной армией в Шанхае[176].

Противоречивость установок была вызвана не только сложностью ситуации в Китае, но и очередным обострением внутрипартийной борьбы в ВКП(б). 19–20 апреля 1927 г. Троцкий оценил переворот Чан Кайши как «классовый сдвиг всей революции, полное отстранение низов от “соучастия” во власти, закрепление военно-буржуазного господства над революцией…»[177]. В качестве основных ошибок, допущенных Москвой в ходе китайской революции, он назвал: «во-первых, подчинение компартии Гоминьдану; во-вторых, отказ от организации Советов; в-третьих, отказ от вооружения рабочих»[178]. По мнению Троцкого, было необходимо немедленно изменить стратегию КПК: «Не может быть и речи о сохранении того постыдного положения, когда компартия подчинена мелкобуржуазной организации, руководимой крупной буржуазией. Если компартия будет гоняться за Гоминьданом, она не приобретет влияния на массы, облегчит Гоминдану новый сдвиг вправо и вынуждена будет порвать с ним в наихудших условиях»[179]. Важным шагом для «классовой передвижки во всем руководстве революции»

он считал переход КПК к самостоятельной политике и создание в Китае структур, аналогичных российским Советам рабочих и солдатских депутатов, как основной опоры для консолидации крестьянских и рабочих организаций[180].

В конце апреля – начале мая 1927 г. К.Б. Радек представил свое мнение о развитии национально-революционного движения в Китае. Он указывал, что индивидуальное членство коммунистов в Гоминьдане и их попытка на этой основе «организовать для борьбы крестьян и мелкую буржуазию», привело к сознательной консолидации правого крыла ГМД[181]. Последующую политику Чан Кайши Радек трактовал, как попытку подчинить Компартию Китая. Ключевой ошибкой последней стала недооценка классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, из чего следовало допущение возможности их совместной революционной борьбы. Радек обвинил КПК и Коминтерн в слабости массовой агитационной работы, прежде всего, в рабочей и армейской среде[182]. Вслед за Троцким он предложил на территории, контролируемой Уханем, немедленно приступить к вооружению рабочих, создать местные органы самоуправления по типу Советов, а, параллельно с этим, провести ряд социальных реформ: отмену арендной платы за землю, введение восьмичасового рабочего дня, увеличение заработной платы, создание кредитного фонда для мелких ремесленников и т.д. Радек предупреждал об усилении опасности вмешательства иностранных держав во внутренние дела Китая. Тем не менее, он предлагал не следовать политике умиротворения, а, напротив, открыто демонстрировать классовый характер революции, привлекая, таким образом, внимание мирового коммунистического движения к проблемам Китая[183].

В начале мая 1927 г. Троцкий выступил с критикой тезисов Сталина «Вопросы китайской революции», опубликованных «Правдой» 21 апреля[184]. Он считал переворот Чан Кайши «поражением “аппаратных” методов руководства, при которых партия ставится перед каждым решением как перед свершившимся фактом» [185]. Главной ошибкой называлось «неправильное понимание роли империализма и его влияния на классовые взаимоотношения Китая» [186]. По мнению Троцкого, борьба за выход из полуколониальной

зависимости была неспособна ослабить политическую дифференциацию классов и создать базу для их длительного сотрудничества в рамках единого фронта[187].

Сделав вывод, что конфликт буржуазии и пролетариата в Китае неизбежен, Л.Д. Троцкий вновь подчеркнул необходимость перехода Компартии к самостоятельным действиям, в противовес ее текущему, подчиненному положению в ГМД. 24 мая 1927 г. на VIII пленуме ИККИ Троцкий заявил, что «…необходимо поставить вопрос о политической самостоятельности коммунистической партии над всеми другими соображениями, в том числе и над пребыванием в Гоминьдане»[188]. Он рекомендовал КПК организовать собственную ежедневную печать, в которой вести критику политики ГМД; осудить отсрочку «аграрной революции» и «перестройки правительства» до окончания боевых действий; выступать за сотрудничество КПК и ГМД «на основе массовых Советов» и т.д.[189]. В дальнейшем Троцкий предлагал «…министрам-коммунистам выйти из национального правительства, призвать массы захватывать земли немедленно и строить Советы» (28 мая 1927 г.)[190].

24 мая 1927 г. Сталин в речи на заседании ИККИ опроверг аргументы оппозиции, противопоставив ей «линию Коминтерна»[191]: «Политика поддержки Уханя является политикой развертывания буржуазно-демократической революции… Отсюда участие коммунистов в уханском Гоминьдане <…>, которое не исключает, а предполагает всемерную критику со стороны коммунистов половинчатости и колебаний своих союзников в Гоминьдане. Это участие коммунистов должно быть использовано для того, чтобы <…> приблизить момент перехода к революции пролетарской»[192]. Сталин не считал текущий момент подходящим для активных действий: «Предлагать теперь <…> немедленное образование советов рабочих и крестьянских депутатов и немедленное создание двоевластия, теперь, когда буржуазно-демократическая революция находится еще в начальной фазе своего развития, <…> – это значит дезорганизовать революционное движение, ослабить Ухан…»[193].

Итоговая резолюция VIII пленума ИККИ по китайскому вопросу не отрицала важность предшествовавшего «блока с национальной буржуазией»

для развития революционного движения. В то же время ИККИ ориентировал КПК на развертывание аграрной революции, борьбу за гегемонию пролетариата и установление диктатуры рабочего класса и крестьянства. В резолюции подчеркивалась необходимость реорганизации правительства в Ухане и НРА[194].

Таким образом, внутрипартийная борьба в ВКП(б) оказала существенное влияние на формирование политики СССР в отношении Гоминьдана. В ходе дискуссии позиции Сталина и Троцкого кардинально разошлись. Столкнувшись с критикой, лидер ВКП(б) стремился оправдать сотрудничество с Чан Кайши. Признать, что его переворот в апреле 1927 г. был вызван, в числе прочего, просчетами Кремля, согласиться на выход членов КПК из ГМД, сделать ставку на рабочие и крестьянские организации – означало для Сталина пойти на уступки Троцкому, его сторонникам и усилить оппозицию [195].

В этих обстоятельствах Сталин, Бухарин и Молотов избрали тактику комбинирования маневров КПК внутри Гоминьдана и развития массового движения под лозунгами аграрной революции. Однако это не способствовало укреплению контактов с ГМД. Курс, разработанный для единого фронта, призванного объединить две партии, не учитывал интересов и программы ГМД. В итоге это стало причиной для размежевания КПК, ИККИ и ВКП(б) с левым Гоминьданом.

Разрыв единого фронта КПК и ГМД произошел 15 июля 1927 г[196]. В Коминтерне вина за его распад была возложена преимущественно на КПК. Показательно в этом плане мнение М.Г. Рафеса, сотрудника Восточного отдела ИККИ, секретаря Дальбюро в Шанхае и заведующего иностранным отделом ТАСС. В 1927 г. он указывал: «Линия Коминтерна была намечена отчетливо и ясно, и это была правильная линия. Если бы руководство китайской Компартии не страдало некоторой массобоязнью, если бы завоевание армии проводилось настойчивее, результаты измены Ухана были бы более плачевны для уханцев, чем для нас» [197]. По его мнению, роковую роль сыграли колебания руководства КПК, которое не имело до конца продуманной стратегии в отношении ГМД. Вывод Рафеса был однозначен: «…та доля ответственности, которая лежит на

Китайской Компартии за поражение в революции, проистекает не из того, что делалась ставка на овладение Гоминьданом, как полагает оппозиция, а из того, что эта линия <…> проводилась слишком робко и непоследовательно»[198].

В ходе объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля – 27 августа 1927 г. Сталин подвел итоги взаимодействия с Гоминьданом на предшествующем этапе. Выступая 1 августа, он резко критиковал Троцкого и его сторонников и оправдывал политику правящей группы в отношении Китая. В частности, Сталин указывал на ошибочность отождествления оппозицией революции в империалистических и зависимых странах. Он доказывал, что на определенной стадии развития «национальная буржуазия колониальных и зависимых стран может поддержать революционное движение своей страны против гнета империализма»[199]. По его мнению, это отчетливо проявилось на первом этапе «революции общенационального объединенного фронта», когда Кантон действительно являлся «плацдармом революции», а, следовательно, решение о поддержке ГМД было целесообразным[200]. Проводя аналогии с событиями 1905–1907 гг. в России, он считал закономерным, что на первом этапе победа над империализмом не была достигнута.

Основную задачу второго этапа, когда центр революционного движения сместился в Ухань, Сталин видел в том, «чтобы толкать уханьских гоминьдановцев влево, в сторону аграрной революции»[201]. Требования оппозиции о создании в этот период Советов в Китае он называл «авантюристским перепрыгиванием через лево-гоминьдановскую фазу развития», когда левый Гоминьдан еще не исчерпал свой потенциал, «не успел дискредитировать себя в глазах масс рабочих и крестьян»[202]. Следовательно, разрыв с ним до завершения переходной стадии был преждевременным. Будущее революции в Китае Сталин связывал с третьим – советским этапом, который начнется с подъемом массового движения крестьянских и рабочих союзов, убедившихся в необходимости свержения гоминьдановского режима.

Таким образом, основные ошибки оппозиции И.В. Сталин видел в следующем: «оппозиция не понимает характера и перспектив китайской

революции; не видит разницу между революцией в Китае и революцией в России, между революцией в колониальных странах и революцией в странах империалистических; оппозиция рвет с ленинской тактикой в вопросе об отношении к национальной буржуазии в колониальных странах на первом этапе революции; не понимает вопроса об участии коммунистов в Гоминьдане; нарушает основы ленинской тактики в вопросе о соотношении между авангардом (партией) и арьергардом (миллионными массами трудящихся); оппозиция рвет с резолюциями VI и VII пленумов ИККИ»[203].

Точка зрения Сталина была полностью поддержана объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б). В резолюции о международном положении от 9 августа 1927 г. также содержались обвинения в адрес КПК и троцкистской оппозиции. В политике Компартии усматривались правый уклон, к которому ее руководство «скатывалось вопреки директивам Коминтерна»[204], неверное противопоставление аграрной и национальной революции, отрицание неизбежности классовых противоречий внутри единого фронта. Основной ошибкой Л.Д. Троцкого называлось непонимание специфики китайской революции [205] . Задержка выхода КПК из ГМД и организации Советов оправдывалось несвоевременностью этих мер в ситуации, «когда Гоминьдан еще вел революционную политику» [206] . Поражение КПК объяснялось соотношением классовых сил, слабой организацией рабочего движения, систематическим отклонением директив Коминтерна.

Однако разрыв Уханя с коммунистами делал невозможным продолжение прежнего курса ВКП(б) на переориентировку платформы ГМД изнутри. Утратив связь с аппаратом власти, КПК лишилась каких-либо возможностей воздействовать на политику Гоминьдана. Вынужденный отказ от тактики маневрирования в ГМД привел к необходимости срочного обоснования политической линии Москвы. Летом 1927 г. общая концепция нового этапа китайской революции была сформулирована Сталиным и развита Бухариным. Она была рассчитана на активизацию массового движения при гегемонии КПК, подъем аграрной революции. Предполагалось, что Компартия

будет вести самостоятельную борьбу за установление в стране диктатуры пролетариата и крестьянства в форме Советов[207].

По мнению Чан Кайши, окончательный распад единого фронта «вынудил Сталина принять на вооружение идеи Троцкого об образовании сепаратного советского режима в Китае. <…> Для обоснования подготовляемых им накануне XV партсъезда ВКП(б) нападок на Троцкого Сталину было необходимо, чтобы китайские коммунисты подняли ряд городских восстаний, что послужило бы доказательством его конечной правоты…» [208] . Слабо подготовленные выступления в Наньчане и Кантоне были быстро подавлены войсками Чан Кайши[209]. Однако для достижения Сталиным цели ликвидировать оппозицию это не имело принципиального значения. В декабре 1927 г. XVсъезд ВКП(б) единогласно одобрил резолюцию по отчету Центрального комитета, которая признавала несовместимость принадлежности к оппозиционной фракции с пребыванием в партии[210].

С подавлением объединенной оппозиция в ВКП(б) и свертыванием сотрудничества Москвы и Гоминьдана обсуждение вопросов китайской революции не было завершено. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. представителями ВКП(б) и Коминтерна был опубликован ряд работ, в которых дан анализ развития событий в Китае с позиций критики КПК и оппозиционной фракции в ВКП(б), обвинения ГМД в отходе от принципов Сунь Ятсена и идеалов мирового революционного движения[211]. В конце 1920-х гг. в обстановке эскалации кризиса советско-китайских отношений обсуждение политики Гоминьдана приобрело особую остроту.

На совещании китайской комиссии Коминтерна от 13 октября 1929 г. по этому поводу отмечалось: «Нанкинский Гоминьдан давно уже переродился, и теперь уже нанкинское правительство является прямым выразителем империалистических интересов…, он [ГМД] представляет одно из крыльев контрреволюции в Китае и выражает как раз интересы крупной промышленности, китайской буржуазии в наиболее концентрированной форме, чем это делала раньше до весны 1928 г. группа, возглавляемая Чан Кайши»[212].

На заседании, проходившем в ноябре 1929 г., представитель Профинтерна в Китае А. Масси наиболее вероятными следствиями этого процесса назвал попытки западноевропейских держав «увлечь Китай в антисоветский блок» и очередной раздел Поднебесной «между провинциальными чиновниками»[213]. На этом фоне, в результате вооруженного конфликта на КВЖД, последовал разрыв дипломатических отношений СССР с Китайской Республикой.

На протяжении всего периода отсутствия дипконтактов с Нанкином (1929–1932 гг.) советская политика сохраняла антигоминьдановскую направленность. В условиях обострения конфронтации ГМД и Компартии Москва не прекратила вмешательство во внутриполитическую борьбу в Китае. В силу идеологических разногласий диалог с ГМД был невозможен. Контакты СССР сконцентрировались на КПК, которой Москва оказывала помощь по линии Коминтерна.

Основной вектор этой политики отражен в письме Политсекретариата ИККИ в ЦК КПК от 29 декабря 1929 г. В документе указывалось, что «в результате измены буржуазии в 1927 г. <…> изменилась и переродилась социальная основа различных политических группировок Гоминьдана, в частности и «левого» Гоминьдана» [214] . ИККИ жестко препятствовал сближению КПК и левой фракции ГМД. «Попытки проведения аналоги между политическими группировками нынешнего и уханьского периодов» представлялись как «проявление оппортунизма». Компартии Китая рекомендовалось сосредоточить усилия на развитии «самостоятельного массового движения»; развернуть в печати и устной агитации «разоблачения контрреволюционной роли всех групп Гоминьдана», и, в первую очередь, «реорганизационистов»; уделить исключительное внимание развитию стачечного и антиимпериалистического движения, расширить партизанскую борьбу; в связи с конфликтом в Маньчжурии организовать кампанию «под прямыми лозунгами защиты СССР»[215].

В июне 1930 г. эти положения были подтверждены и расширены в резолюции ИККИ по китайскому вопросу. В ней главнейшими задачами партии

назывались формирование аппарата центрального советского правительства и боеспособной, политически выдержанной Красной Армии. Китайским коммунистам рекомендовалось поставить в центр своего курса разрешение земельного вопроса, подчинив всю деятельность партии «интересам развития крестьянского движения, интересам укрепления союза рабочих и крестьян при руководящей роли пролетариата, укреплению власти Советов и дальнейшего расширения советских районов»[216]. Данные меры должны были еще более обособить КПК, заложить базу для ее автономного существования.

Этот курс в отношении Китая сохранялся ВКП(б) и Коминтерном до конца 1932 г. В условиях, когда СССР открыто поддерживал основного соперника ГМД в борьбе за власть, не могло быть речи о возобновлении конструктивного диалога между Москвой и Нанкином. Только в виду роста военной угрозы со стороны Японии стороны смогли подойти к восстановлению двусторонних контактов.

Анализируя формирование и трансформацию советской политики в отношении Гоминьдана в 1923–1932 гг., необходимо отметить наличие в ней трех характерных тенденций: преобладание идеологических мотивов, особую роль вопроса о едином фронте КПК и ГМД и существенное влияние внутрипартийной борьбы в ВКП(б) на формирование внешнеполитического курса в отношении Китая.

Восточная политика Москвы в 1920-е гг. строилась на принципах поддержки мирового революционного движения. При этом межпартийные отношения практически сливались с межгосударственными. Иными словами, в своем внешнеполитическом курсе Кремль был готов отдавать приоритет классовым лозунгам над геополитическими интересами. Идеологическая составляющая, проявившаяся в обсуждении ВКП(б) и Коминтерном формы взаимодействия коммунистического и национально-революционного движения в Китае, играла ведущую роль и в определении характера сотрудничества СССР и ГМД в рассматриваемый период. Если ленинский подход предполагал подъем национальных антиколониальных революций с привлечением всех

заинтересованных сил в качестве шага к мировой революции, то сталинская программа исходила из ориентации на установление прокоммунистических режимов на Востоке как средства укрепления позиций Москвы.

Двойственность политики Кремля, когда провозглашение поддержки единого фронта на практике оборачивалось стремлением к усилению позиций КПК в ГМД и в Национальном правительстве, а также к переориентации национально-революционного движения на идейную платформу Компартии, стала причиной кризиса взаимоотношений СССР и Гоминьдана. Ситуация усугублялась внутренней борьбой в ВКП(б). Критика внешней политики выступала инструментом в противоборстве Сталина и Троцкого за лидерство в партии. Оппозиция не могла оказать прямого влияния на формирование политики ВКП(б) в отношении Китая, поскольку была отстранена от реальных рычагов управления. Однако сам факт ее наличия оказал консервирующее воздействие на курс ВКП(б), не позволив гибко реагировать на изменении обстановки в Китае. В результате, идеологические мотивы, ставшие в 1923 г. основой для сближения Москвы и Кантона, в конце 1920-х гг. привели к прекращению военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана.

1.3. Изменение баланса сил на Дальнем Востоке в связи с расширением японской агрессии в Китае

Баланс сил на Дальнем Востоке изменился в конце 1920-х гг., вскоре после разрыва дипломатических отношений Советского Союза с Китаем. Подготовка Японии к «большой войне», начатая на рубеже 1920–1930-х гг., быстро переросла в широкомасштабную акцию по захвату Маньчжурии. 18 сентября 1931 г. императорские войска, спровоцировав инцидент на принадлежавшем Японии участке ЮМЖД, вторглись в северо-восточные провинции Китая. 19 сентября они заняли Мукден. В начале 1932 г. была оккупирована вся Северная и Южная Маньчжурия. В январе–марте 1932 г. японский десант высадился в устье Янцзы. В Шанхае интервенты столкнулись

с упорным сопротивлением армии и населения. Это ускорило принятие Токио решения по отторжению Маньчжурии от Китая. 1 марта 1932 г. было образовано государство Маньчжоу-го со столицей в Чанчуне. Его главой стал Пу И, последний представитель династии Цин, но все институты власти полностью контролировались Токио через командование Квантунской армии[217]. С этого момента военная экспансия страны Восходящего солнца стала основным источником напряженности международной обстановки на Дальнем Востоке.

Усиление в административном аппарате Японии влияния радикально настроенного генералитета создавало потенциальную угрозу безопасности дальневосточных регионов СССР[218]. Столкновение интересов России и Японии в Северо-Восточном Китае угрожало в любой момент перерасти в открытый вооруженный конфликт. Маньчжурия была важна для Москвы не только в экономическом и политическом аспектах, но и имела стратегическое значение, поскольку через нее открывался прямой выход к границам СССР. Более того, и после окончания конфликта на КВЖД опасения Кремля продолжало вызывать наличие в Маньчжурии русских эмигрантских организаций. В случае нового подъема антисоветских настроений в Китае они могли быть использованы для ведения подрывной и разведывательной деятельности в СССР[219].

Ухудшение отношений между СССР и Китаем еще более осложняло их положение. Односторонняя ориентировка на КПК и прекращение контактов с Гоминьданом серьезно уменьшили влияние Кремля на политическую ситуацию в Китае. В силу идейно-политических расхождений объединение усилий ГМД и СССР для совместной борьбы с экспансией Токио на континенте оказалось невозможно[220]. В то же время Москва и Нанкин не имели достаточных сил, чтобы действовать в одностороннем порядке. Это заставляло Сталина и Чан Кайши мириться с японским военным присутствием в Маньчжурии.

Внимание Гоминьдана концентрировалось на внутренних проблемах. Создание Чан Кайши в 1927 г. Национального правительства не привело к централизации власти. Нельзя было исключать возможность победы в стране прояпонски настроенных сил. Лидеру ГМД приходилось лавировать между

политическими течениями внутри партии и интересами милитаристских группировок. Последние не признавали власть Нанкина и контролировали значительную часть страны. На северо-западе в провинции Шаньси действовали войска Янь Сишаня. Его армия насчитывала до 60 тыс. чел. Маршал Чжан Сюэлян унаследовал в 1928 г. от отца Чжан Цзолиня власть в Маньчжурии. После ее оккупации, с 1933 г., он фактически господствовал в провинции Шэньси, губернатором которой был генерал Ян Хучэн. В распоряжении Чжан Сюэляна находилась 150-тысячная армия. В районах, где преобладало мусульманское население – провинциях Ганьсу, Цинхай и Нинся – руководили т.н. «мусульманские генералы» братья Ма Буфан, Ма Хункуй и Ма Буцин[221].

Однако основное противостояние разворачивалось между ГМД и КПК. В борьбе за власть обе партии стремились использовать рост национального самосознания и патриотизма, вызванный японской интервенцией.

Программа Компартии ставила в качестве основной задачи проведение социальной революции, но с учетом общественных настроений подчиняла ее необходимости борьбы за независимость Китая. Следуя этой логике, уничтожая власть правящих классов, которые были готовы сотрудничать с иностранным империализмом, КПК создавала базу для восстановления и в перспективе интенсивного развития страны.

Сформулированная Гоминьданом программа национального возрождения Китая была направлена на восстановление его территориальной целостности. Ее реализация предполагала несколько этапов: подавление оппозиции, отмену неравноправных договоров и переход к международным отношениям на основе признания равенства и суверенитета Китая, возврат контроля над «исконно китайскими» территориями – Синьцзян, Маньчжурия, Тайвань, Монголия и др[222].

Первоочередной задачей Чан Кайши стало уничтожение вооруженных сил КПК и советских районов. Только с декабря 1930 г. по февраль 1933 г. войска ГМД при поддержке местных милитаристов осуществили четыре похода против китайской Красной Армии. В результате, как отмечал О. Браун, направленный ИККИ в 1932 г. в Китай в качестве военного советника при ЦК

КПК, действия Красной Армии преследовали ограниченную цель: «Вырваться из котла, в который превращался Центральный советский район[223]…»[224]. В этих условиях в сентябре 1934 г. КПК было принято решение оставить Центральную опорную базу и, прорвав кольцо укреплений врага, выйти в провинцию Сычуань.

С октября 1934 г. по сентябрь 1935 г. китайская Красная Армия совершила переход через 12 провинций протяженностью около 10 тыс. км, вошедший в историю как «Великий поход». На стыке провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся руководством КПК была создана новая опорная база, с административным центром в г. Яньань[225]. Однако за время похода численность войск 1-го фронта Красной Армии, составлявшая на момент выхода из Цзянси около 100 тыс. чел., по прибытии в Шэньси сократилась до 10 тыс.[226].

Таким образом, в 1932–1935 гг. КПК лишилась большей части своих опорных баз, утратила политические и экономические позиции в Центральном и Восточном Китае. Красная Армия в период «Великого похода» понесла огромные потери, что существенно снизило ее боеспособность[227]. В середине 1930-х гг. Компартия не имела сил и политического влияния для консолидации населения на сопротивление агрессии Японии.

В 1933 г. Токио воспользовался противоборством ГМД и КПК, расширив подконтрольные территории за счет захвата Шаньхайгуаня и провинции Жэхэ. 31 мая 1933 г. китайское правительство подписало в Тангу договор, предусматривавший демилитаризацию провинции Хэбэй. Секретное соглашение военного министра Хэ Инциня и командующего японскими войсками в северном Китае генерала Умедзу от 9 июня 1935 г., фактически передавало эти территории под контроль Токио[228].

Укрепление Японии на севере Китая серьезно обеспокоило Кремль. С образованием Маньчжоу-го и выходом императорской армии к границам СССР угроза японского вторжения на территорию советского Дальнего Востока стала постоянным фактором во внешней политике Москвы. О серьезности замыслов Токио, в частности, говорит резюме беседы посла

Японии в СССР Хирота с генерал-майором Харада от 1 июля 1931 г., предоставленное Особым отделом ОГПУ для ознакомления И.В. Сталину. В тексте документа признавалась необходимость перехода к твердой политике по отношению к Советскому Союзу, при готовности в любой момент начать войну. В резюме также отмечалось: «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью» [229] . Высказывание посла явно выходило за рамки частного мнения, но еще не гарантировало неизбежность военного конфликта между СССР и Японией.

В середине 1930-х гг. в состав Квантунской армии входили 6 дивизий, имевших на вооружении более 400 танков, около 1200 орудий и 500 самолетов. Однако для нападения на Советский Союз указанные войска нуждались в создании надежной системы тылового обеспечения. В этих целях за период 1932–1934 гг. в Маньчжурии японцы проложили свыше 1000 км железных дорог и 2000 км шоссейных магистралей. К 1937 г. было создано 43 военных аэродрома и около 100 посадочных площадок [230] . Строительство военной инфраструктуры отвечало двум возможным сценариям конфликта с СССР. Оно усиливало наступательный потенциал императорской армии на материке, а в случае необходимости позволяло занять жесткую оборону.

Сам факт предстоящего столкновения с СССР в Токио не подвергался сомнению. Неизбежность советско-японской войны, в частности, подчеркивалась в датированном 1932 г. докладе военного атташе Японии в СССР Касахары. В документе так же говорилось, что с точки зрения боеспособности РККА, для Японии было не выгодно откладывать начало боевых действий[231]. В том же году император Хирохито одобрил план войны против Советского Союза на 1933 г., разработанный генштабом. Однако вопрос о сроках начала кампании оставался дискуссионным. В июне 1933 г. на совещании руководства сухопутных сил ряд генералов, в том числе Т. Нагата и Х. Тодзио, высказались за необходимость захвата Китая и расширение за его счет промышленного потенциала империи до нападения на СССР. Военный

министр С. Араки настаивал на отсрочке до 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха»[232].

Подготовка Токио к вторжению в СССР не ограничивалась созданием военных объектов в Маньчжоу-го. Необходимость сбора сведений о мерах, предпринятых Москвой для укрепления обороноспособности дальневосточных рубежей, подталкивала японское командование к активной разведывательной деятельности. Параллельно с этим, предпринимались демонстративные провокации, направленные на поиск поводов для эскалации напряженности и создание нестабильной обстановки в приграничных районах.

21 июля 1934 г. три японских самолета-разведчика от г. Хулинь вторглись в воздушное пространство СССР и, сделав два круга над г. Иманом (совр. Дальнереченск), вернулись на свой аэродром [233]. Главным управлением пограничных и внутренних войск НКВД СССР и Управлением Краснознаменной пограничной и внутренней охраны НКВД Дальневосточного края было зафиксировано, что в течение 7 месяцев 1935 г. произошло 24 нарушения границы японскими самолетами, 33 обстрела советской территории с сопредельной стороны, 46 нарушений речной советско-маньчжурской границы судами Маньчжоу-го [234]. Расширилась заброска японских разведывательно-диверсионных групп на территорию СССР. К участию в подобных акциях активно привлекались маньчжуры, китайцы, монголы. Особое значение Токио придавал использованию специально подготовленных групп русских эмигрантов, осевших в Маньчжурии в начале 1920-х гг.[235]

Отмечалась тенденция к учащению вооруженных столкновений. Согласно доклада Управления пограничной и внутренней охраны НКВД Восточносибирского края об обстановке на государственной границе СССР в 1936 г., «из 20 случаев переходов советско-маньчжурской границы японо-маньчжурскими вооруженными группами за второе полугодие 1935 г. 14 таких нарушений границы произведены за ноябрь и декабрь»[236]. В 1936–1938 гг. официально был зарегистрирован 231 случай незаконного пересечения границы СССР, из которых 35 закончились крупными боестолкновениями[237]. К

отражению нападений японо-маньчжурских отрядов привлекались не только бойцы погранвойск, но и части Красной Армии, а так же корабли Краснознаменной Амурской флотилии[238].

Советский Союз не был заинтересован в военном конфликте с Японией и искал альтернативные варианты противодействия ей. Интересам Москвы отвечало такое развитие ситуации, при котором Токио направил бы агрессию против Китая и был втянут в затяжную войну. Это лишило бы Японию возможности выступить против СССР. Однако в своих расчетах Сталин не мог полагаться на КПК, войска которой не могли оказать эффективного сопротивления японской армии. В связи с этим, усилия Москвы были направлены на возобновление конструктивного диалога с Нанкином.

Вместе с тем, СССР стремился к укреплению свих позиций в приграничных регионах Китая, посредством поддержки в них просоветских или лояльных местных режимов. Таким образом, Москва предполагала создать буфер на случай войны на Дальнем Востоке или же плацдарм, который при благоприятных условиях можно было использовать для дальнейшего распространения коммунистических идей в Китае и связи с КПК. Наибольшее внимание СССР в этом плане привлекали Синьцзян и МНР.

Для Москвы было крайне важно не допустить усиления японского влияния в расположенном на северо-западе Китая Синьцзяне, поскольку это открыло бы для Токио возможность проникновения в Среднюю Азию[239]. Тем не менее, Кремль должен был сохранять предельную осторожность. Силовая акция, направленная на установление в Урумчи просоветского режима и отделение Синьцзяна от Китая, могла привести к новому конфликту с ГМД, к обострению отношений с Японией и к сближению Нанкина и Токио на почве совместного сдерживания СССР. Ни один из этих вариантов не отвечал интересам Москвы. Поэтому в 1931 г., когда началось восстание мусульманского населения в Синьцзяне, СССР отклонил просьбу его лидеров о помощи[240].

В дальнейшем, в официальных заявлениях Кремль позиционировал свою линию в отношении Синьцзяна как направленную на поддержку

внутриполитической стабильности в регионе, обосновывая ее общностью интересов Москвы и Нанкина. Так, в директиве Политбюро ЦК ВКП(б) от августа 1933 г. отмечалось: «Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая» [241] . Конкретизируя решения Политбюро, заместитель НКИД Г.Я. Сокольников сообщал полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолову: «Мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая в Синьцзяне и ни в коем случае не будем поддерживать какие-либо сепаратистские движения»[242]. Аналогичное заявление содержалось в письме заместителя НКИД Б.С. Стомонякова к Богомолову от 9 июля 1934 г.: «Реальным объектом сотрудничества с нанкинским правительством представляется нам в настоящее время Синьцзянская провинция, в отношении которой интересы СССР и Китая объективно полностью совпадают, поскольку мы безрезервно заинтересованы в сохранении суверенитета в Синьцзяне»[243]. В июле 1934 г. в письме И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова к Шэн Шицаю также подчеркивалось: «Мы считаем неприемлемым мнение о необходимости скорейшего осуществления коммунизма в Синьцзяне. <…> Мы также считаем неправильным мнение о целесообразности для Синьцзяна свергнуть нанкинское правительство. <…> задача состоит в том, чтобы бороться против всего того, что может ослабить Китай»[244]. Цель этих маневров состояла в обеспечении лояльности Национального правительства к действиям Москвы.

Однако, Нанкин был обеспокоен советским экономическим и военным присутствием на северо-западе Китая[245]. Опорой Шэн Шицая, управлявшего Синьцзяном с апреля 1933 г., являлись русские наемники и китайские войска, вытесненные из Маньчжурии в 1932–1933 гг. Они составили т.н. «Алтайскую добровольческую армию» [246] . В январе 1934 г. для подавления восстания дунган, возглавленного генералом Ма Цзуином, в Синьцзян была направлена группировка РККА, численностью 7-10 тыс. чел., под командованием заместителя начальника Главного управления погранохраны и войск ОГПУ[247] Н. Кручинкина[248]. Военными советниками при дубане состояли А.К. Маликов и П.С. Рыбалко. После окончания активной фазы операции войска РККА были

выведены в СССР, но кавалерийская группа (по разным данным 350-1000 чел.) и несколько десятков советников остались в Синьцзяне[249]. К середине 1930-х гг. регион прочно вошел в сферу влияния Москвы.

Нестабильность обстановки нагнеталась за счет регулярных публикаций в иностранной прессе, представлявших действия Москвы как попытку «советизации» Синьцзяна с целью последующего его отторжения от Китая. В 1935 г. такие заявления сделали многие информационные агентства. 17 марта 1935 г. токийская газета «Синбун Ренго» сообщила, что в Синьцзяне «китайские товары являются роскошью, а советские считаются товарами первой необходимости»[250]. 21 марта публикация в лондонской «Морнинг Пост» говорила о постепенном захвате китайского рынка Советским Союзом. В ней подчеркивалось, что «Синьцзян фактически отделился от Китая и занят советской Красной Армией»[251]. 20 апреля «Ассошиэйтед пресс» констатировала: «Крупные части советских войск, которые переброшены в Синьцзян, фактически берут власть в свои руки, поддерживают усилившееся торговое проникновение в СССР»[252]. 10 мая рижское агентство «Ригаше Рундшау» заявило, что провинция «фактически объединилась с СССР»[253]. Однако корреспондент «Таймс» П. Флеминг в статье от 18 декабря 1935 г. отметил, что «СССР не стремится объявить в Синьцзяне советскую республику» и не ведет в провинции «интенсивной пропаганды». Это объяснялось «желанием не провоцировать Японию», тем более, что «советское правительство в настоящее время может делать все, что ему угодно в Синьцзяне под номинальным фасадом верности синьцзянского правительства Нанкину». Истинный интерес Москвы автор статьи видел в том, что «наличие советских советников в Урумчи сегодня является противовесом присутствию завтра отделения военной миссии Квантунской армии»[254].

Таким образом, декларируя политику защиты территориальной целостности Китая, Кремль фактически проводил курс на установление в Синьцзяне лояльного, зависимого от СССР режима. Было задействовано четыре основных механизма укрепления влияния. Первый – через прямое

военное вмешательство для подавления мятежей, с которыми не могли справиться местные власти. Второй – посредством предоставления кредитов (в 1934 г. на сумму в 5 млн. зол. руб., в 1937 г. – на 15 млн. руб.). Третий, идеологический – предполагал обращение к политике национального равенства, в сочетании с идеей «классовой борьбы». Четвертый – через формирование при администрации Шэн Шицая советского советнического аппарата[255].

Москва стремилась обрести опору в регионе, чтобы нейтрализовать действовавшие в нем вооруженные отряды из бывших белогвардейцев; не допустить создания в Синьцзяне прояпонского марионеточного государства типа Маньчжоу-го; сформировать плацдарм для контактов с КПК, а по возможности, и для проникновения через Лобнор в Южную Монголию[256].

Чан Кайши был не менее заинтересован в установлении своего контроля над Синьцзяном, который однозначно считал частью китайской территории. Этот богатый минеральными ресурсами регион должен был сыграть заметную роль в обеспечении промышленной базы и стать залогом будущего роста экономики страны в целом. Советское присутствие в Синьцзяне было, по его мнению, эквивалентным японскому влиянию в Маньчжоу-го и противоречило политике ГМД на создание сильного и независимого Китая[257]. Однако, несмотря на желание не допустить, чтобы северо-западные провинции попали в зависимость по типу Маньчжурии или стали таким же автономным субъектом как Внешняя Монголия, Чан Кайши реально оценивал силы Национального правительства и проявлял осторожность в этом вопросе[258].

В вопросах, касавшихся Монголии, диалог СССР и Китая также складывался сложно. В 1930-х гг. стратегическое значение МНР существенно возросло. Концентрация японских войск вблизи монгольской границы представляла прямую опасность для СССР. В случае оккупации МНР Квантунская армия получила бы выход к советским рубежам в Забайкалье, что резко повышало уязвимость Дальнего Востока и Восточной Сибири. Повод для беспокойства давали участившиеся в конце 1935 – начале 1936 гг. вооруженные провокации японцев в районе Тамцак-Булакского выступа[259]. В

связи с этим в 1935–1936 гг. основные усилия Москвы на Дальнем Востоке были нацелены на создание приграничной буферной зоны. Укреплялись военно-политические связи СССР и МНР. Однако Китай традиционно считал Внешнюю Монголию своим протекторатом. В этой связи, прямые контакты Москвы и Улан-Батора вызывали недовольство Нанкина.

Кремль опасался возможного сговора Нанкина и Токио о совместных действиях против СССР и МНР. Вероятность подобного соглашения была рассмотрена советским полпредом в Японии К. Юреневым в донесении от 17 января 1936 г. М.М. Литвинову и Б.С. Стомонякову. В документе отмечалось, что Япония не была готова предложить программу сближения, способную заинтересовать нанкинское правительство. Это объяснялось тем, что Китай мог пойти на обострение отношений с СССР в вопросе Внешней Монголии и Синьцзяна в обмен на возврат Маньчжурии. Однако данный сценарий был не приемлем для Токио, а, следовательно, охлаждение советско-китайских отношений оставалось не выгодно для Нанкина[260]. Придя к выводу, что возможность японо-китайского альянса достаточно низка, Москва активизировала контакты с Улан-Батором.

12 марта 1936 г. МНР и СССР подписали Протокол о взаимопомощи в случае нападения какой-либо третьей стороны[261]. Расширялось их военное сотрудничество. В июле 1936 г. в соответствии с достигнутой договоренностью Советский Союз направил в Монголию мотоброневую бригаду. Ее присутствие в значительной мере стабилизировало обстановку в Тамцак-Булакском выступе[262].

Однако советско-монгольское соглашение и ввод контингента РККА на территорию МНР воспринимались гоминьдановским правительством как попытка проникновения в традиционную сферу интересов Нанкина и одностороннего пересмотра положений Пекинского договора 1924 г. (определявшего официальный статус Внешней Монголии как административной единицы Китая). Тем более, что от заявления о признании Пекинского договора в приложение к Протоколу о взаимной помощи с СССР Улан-Батор отказался[263]. В связи с этим, 7 апреля 1936 г. МИД Китая выступил с нотой

протеста. В ней отмечалось, «поскольку Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-либо договора или соглашения»[264].

НКИД отреагировал на ноту уклончиво. В заявлении от 8 апреля 1936 г. М.М. Литвинов заверил Нанкин: «Ни факт подписания протокола, ни отдельные его статьи ни в малейшей степени не нарушают суверенитет Китая, не допускают и не заключают в себе каких-либо территориальных притязаний СССР в отношении Китая или МНР. …советско-китайское соглашение 1924 г. не потерпело никакого ущерба и сохраняет свою силу»[265]. Нота Литвинова подтвердила действие Пекинского договора 1924 г., но не сняла неопределенность статуса МНР. Для СССР было важно сохранить военное присутствие в Монголии. Изменить это положение путем обмена нотами было невозможно. Москва и Нанкин продолжали формальную дипломатическую игру лишь в целях «сохранения лица»[266].

Таким образом, к середине 1930-х гг. СССР и Китай столкнулись с опасностью японской экспансии и были заинтересованы в ее сдерживании. Однако наличие неурегулированных вопросов снижало взаимное доверие сторон. Москва не исключала, что Нанкин предпримет попытку переориентировать японскую агрессию на север, пойдя на компромисс с Токио и выступив против советского присутствия в Монголии, Синьцзяне. Основания для подобных выводов давали встречи, проведенные в начале 1935 г. Ван Цзинвэем и Чан Кайши с японскими представителями в Китае. Предметом обсуждения на них являлись перспективы урегулирования маньчжурского инцидента, совместной борьбы с КПК, возможности экономического сотрудничества и вопрос о подавлении антияпонского движения в стране[267]. Руководство ГМД отдавало отчет в том, что Токио пытался заставить нанкинское правительство принять условия, которые в будущем могли привести его под власть Японии. Маневры Китая были обусловлены не столько надеждой на нормализацию отношений с Японией, сколько задачей отсрочить военный конфликт и привлечь к противодействию Токио усилия иностранных держав.

Однако Чан Кайши не доверял и мирным инициативам И.В. Сталина. Лидер ГМД писал: «…У Японии и Советского Союза была одна общая цель: … изолировать Китай от западных держав, и особенно от США, чтобы превратить его в легкую добычу одной из этих двух стран или их обеих. Поскольку и Япония, и Советский Союз вынашивали одни и те же захватнические планы в отношении Китая, они легко могли договориться о разделе нашей страны в случае, если бы им пришлось противодействовать западным державам» [268] . Выход из сложившейся ситуации, «из этого заколдованного круга» Чан Кайши видел только в преодолении с помощью дипломатии «рамок дальневосточного треугольника (Китай–Япония–Россия)… Логическим выводом из такого более широкого взгляда на вещи была постановка перед дипломатическим ведомством Китая задачи углубления сотрудничества со всеми демократическими государствами – членами Лиги Наций. Но в рамках этого курса следовало предпринять меры для улучшения отношений с Советским Союзом»[269].

Реакция мирового сообщества на вторжение Японии в Маньчжурию продемонстрировала, что Европу и США мало интересовали события в Китае. Представителей Лиги Наций беспокоило лишь поддержание стабильности системы международных отношений, сформировавшейся после Первой мировой войны. Поскольку действия Японии напрямую не затрагивали договоров с Западом, то державы ограничились выражением недовольства политикой Токио, воздержавшись от вмешательства в конфликт.

Весьма показательно, в этом аспекте, заявление госсекретаря США Г. Стимсона от 8 января 1932 г., в котором отмечалось, что Вашингтон не имеет намерения оспаривать права Японии в Маньчжурии, если они соответствуют договорам и не окажут неблагоприятного влияния на положение США [270]. Англия, интересы которой были сконцентрированы в Шанхае и долине Янцзы, также не видела необходимости во вмешательстве. Вместе с Францией они надеялись, что экономическое соперничество Японии и США приведет к их взаимному ослаблению. Внимание Лондона и Парижа было сконцентрировано

на событиях в Европе, а их политика на Дальнем Востоке характеризовалась пассивностью[271]. Германия, лишившаяся после Первой мировой войны всех своих владений в Китае, с 1928 г. поддерживала связи с Нанкином в военной сфере и торговле, но не была склонна вмешиваться в дальневосточный конфликт, предоставив возможность другим державам решать этот вопрос[272].

В данных обстоятельствах сближение с СССР отвечало интересам Чан Кайши. Он рассчитывал таким образом активизировать антияпонскую политику в Лиге Наций и США и найти союзников для сдерживания экспансии Токио. «Внутренним» мотивом для такого сближения стало стремление Чан Кайши использовать усиление националистических настроений в Китае для укрепления своих позиций в Гоминьдане, противопоставив курс на сопротивление Японии политике компромиссов Ван Цзинвэя[273]. В связи с этим, Нанкин поддержал инициативы Кремля по созданию системы коллективной безопасности через заключение Тихоокеанского пакта.

Однако надежды ГМД на вмешательство Лиги Наций или США, на поворот в политике Англии и образование англо-американского фронта против Японии не сбылись. Великобритания продолжала свою соглашательскую политику, а в США ждали, когда развитие англо-японских противоречий заставит Лондон выйти на передние позиции борьбы с Японией[274].

Пассивность западных держав подталкивала Чан Кайши к сотрудничеству с СССР, который не представлял для Китая прямой военной опасности, поскольку был заинтересован в противодействии Японии на континенте. Так как и Китай, и СССР находились в оборонительной позиции, для них было важно обеспечить безопасность тыла. В 1935 г. стратегия Кремля была переориентирована на привлечение всех заинтересованных сил к созданию широкого антифашистского фронта. Это было закреплено в материалах VII конгресса Коминтерна.

Что касается внутриполитической ситуации в Китае, то успехи военных походов против КПК изменили ее в пользу Гоминьдана. Он оказался единственной силой реально способной противостоять Японии. Несмотря на

большую близость идеологической платформы КПК, НКИД СССР не мог рассматривать ее в качестве перспективного союзника.

Политическая линия Мао Цзэдуна означала войну на два фронта – против Японии и ГМД. Резолюция Политбюро ЦК КПК «О современном положении и задачах партии» от 25 декабря 1935 г. ориентировала партию на организацию общенационального движения «для борьбы против главного врага на данном этапе – японского империализма и главаря национальных предателей – Чан Кайши» [275]. По существу, это был призыв к созданию военно-политического блока для продолжения борьбы с нанкинским режимом. В отношении японской угрозы руководство КПК надеялось, что все решит неизбежное столкновение Москвы и Токио, которое приведет к мировой войне и, как следствие, мировой революции[276]. В отмеченном выше документе ЦК КПК по этому поводу говорилось, что в силу безуспешности предпринятых Советским Союзом «миролюбивых акций» и усиления провокаций со стороны Японии, «СССР всегда готов выступить против этого агрессора» [277]. Таким образом, противодействие Токио позиционировалось как общая цель «китайской революции, японской революции и борьбы СССР против этого агрессора»[278].

Уверенность в неизбежности советско-японского вооруженного конфликта Мао Цзэдун подтвердил в интервью американскому журналисту Э. Сноу летом 1936 г.: «Борьба против японского империализма – это задача, имеющая всемирное значение, и Советский Союз, как часть мира, не сможет остаться при этом нейтральным»[279]. Действуя с этих позиций, КПК в 1936 г. сосредоточила силы на противостоянии с ГМД.

На дальнейшем развитии отношений КПК и ГМД сказался подъем в Китае националистических настроений. С одной стороны, среди ряда членов Гоминьдана укреплялась уверенность в неизбежности войны с Токио, и росло осознание необходимости временного альянса со своими политическими оппонентами. С другой стороны, патриотическая волна могла способствовать ликвидации того критического положения, в котором оказалась КПК. Директивы Коминтерна ставили перед китайскими коммунистами задачу

придерживаться курса на создание в стране единого антияпонского фронта. Проводником этих идей был руководитель делегации КПК в ИККИ Ван Мин, оппонировавший политике Мао Цзэдуна на продолжение бескомпромиссной борьбы с ГМД. В Компартии была усилена пропаганда необходимости прекращения гражданской войны. В качестве главного аргумента выступало утверждение, что продолжение внутренней вражды может быть выгодно только пособникам Токио. Пересмотр позиций КПК и ГМД в сторону консолидации сил для сопротивления агрессии Японии произошел в конце 1936 г. на фоне острого политического кризиса, известного в истории как «Сианьские события (Сианьский инцидент)» – ареста Чан Кайши генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном во время его поездки в Сиань.

Предпосылкой к нему стало соглашение о совместной борьбе с интервентами, заключенное на волне подъема антияпонского движения, между КПК и генералами Чжан Сюэляном (губернатор провинции Шэньси) и Ян Хучэном (командующий 17-й армией ГМД). Однако 27 октября 1936 г., прибыв в г. Сиань вместе с представителями нанкинского правительства, лидер ГМД потребовал разрыва договоренностей с Компартией и организации военной экспедиции в подконтрольные ей районы[280]. Такая позиция не устраивала генералитет северо-западных провинций. Это подтверждает запись, сделанная Чан Кайши в дневнике 11 декабря 1936 г. после встречи с одним из командиров армии Чжан Сюэляна: «Во время разговора со мной Ли выразил сомнение относительно правильности политики, направленной к подавлению бандитов (сторонников КПК – *И.В.*). Его мнения по этому вопросу совпадали с мнениями Чжан Сюэляна»[281].

В ночь на 12 декабря 1936 г. Чжан Сюэлян и Ян Хучэн арестовали Чан Кайши и сопровождавших его военных и политиков (среди них были Чжу Шаолян, Шао Лицзы и др., всего 17 человек).[282] Им были предъявлены требования из восьми пунктов, принципиальное значение из которых имели следующие: «Реорганизация нанкинского правительства на основе включения в него представителей всех партий и группировок для совместной борьбы за

спасение родины. Прекращение всякой гражданской войны. Сопротивление японскому вторжению на территорию Китая»[283].

Действия Чжан Сюэляна и Ян Хучэна осложнили ситуацию в Китае. Страна оказалась перед перспективой нового витка гражданской войны. Однако в ходе переговоров, поддержанных СССР и Коминтерном, КПК и Гоминьдан достигли компромисса[284]. 25 декабря 1936 г. Чан Кайши был освобожден из-под ареста. КПК и ГМД пришли к соглашению прекратить гражданскую войну и начать обсуждение вопроса о едином фронте. Была достигнута неофициальная договоренность, по которой Гоминьдан отказался от требования ликвидировать советский район и преследования войск КПК. Компартия, в свою очередь, обязывалась преобразовать Красную Армию в особую часть НРА[285].

КПК вновь обрела статус официальной политической силы, но по-прежнему не обладала необходимой экономической базой, влиянием и общественной поддержкой для того, чтобы стать лидером единого фронта. В итоге, в ходе японо-китайской войны 1937–1945 гг. именно Гоминьдану предстояло возглавить оборону страны.

К 1936 г. японские войска укрепились в Маньчжурии. В 1936–1937 гг. Токио был разработан план оккупации Северного, Центрального и Южного Китая силами 9–11 дивизий. Основными целями для императорской армии были захват Пекина, Тяньцзиня, Шанхая, Ханчжоу, Фучжоу и др. Предполагалось, что занятие этих городов с прилегающими районами позволит Японии контролировать весь Китай, захват которого намечалось осуществить за два-три месяца[286]. К лету 1937 г. планирование военной кампании было закончено, а войска подготовлены к нападению. В составе сухопутной группировки насчитывалось 17 полностью укомплектованных и оснащенных пехотных дивизий[287]. ВМФ Японии состоял из 4 линкоров, 12 тяжелых и 16 легких крейсеров, 23 эсминцев, более 240 боевых кораблей и судов, сведенных в эскадры, базировавшиеся в Куре, Сасебо и Нагасаки[288].

К началу войны вооруженные силы Китая только номинально были едины. В их состав входили гоминьдановская регулярная армия, войска провинциальных милитаристов и Красная Армия. Все они имели различную организацию, а также численность дивизий и бригад. В армии ГМД и милитаристов было 113 пехотных, 11 кавалерийских дивизий, 29 отдельных пехотных и смешанных, 11 отдельных кавалерийских бригад, 5 отдельных артиллерийских бригад, 21 отдельный артиллерийский полк, 2 авиаполка. Всего в подчинении ГМД находилось 2 378 970 солдат и офицеров[289]. Однако, несмотря на численное превосходство над японской группировкой, китайская армия имела неудовлетворительное материально-техническое обеспечение и плохо владела современными методами ведения войны.

Весной 1937 г. Токио развернул переброску воинского контингента в стратегические пункты Северного Китая и к концу мая сосредоточил в них более 20 тыс. человек[290]. 7 июля 1937 г. в районе Пекина у моста Лугоуцяо произошло столкновение императорских и китайских войск. 8 июля командующий японским гарнизоном в Пекине предъявил ультиматум местным властям. Он требовал наказания виновных в «нападении», а также вывода армии ГМД из зоны железной дороги Пекин – Тяньцзинь. Это было неприемлемо для китайской стороны. Согласие ГМД оставить район Пекин – Тяньцзинь открыло бы интервентам путь к реализации плана по созданию «автономного» Северного Китая под контролем Токио. Ультиматум был отклонен, что и послужило поводом для фактического начала японо-китайской войны.[291] (Приложение 2). Хотя формально в 1937 г. ни Нанкин, ни Токио о состоянии войны не объявляли.

Тем не менее, японские части, расположенные в районе Пекина, перейдя в наступление, захватили ряд населенных пунктов. 11 июля 1937 г. кабинет Ф. Коноэ согласился на отправку резервов в Китай, где к концу сентября того же года была сосредоточена группировка численностью более 300 тыс. чел [292].

Учитывая превосходство вооруженных сил Японии в технике и уровне подготовки личного состава, наиболее перспективной для Нанкина являлась

тактика затягивания конфликта в расчете на постепенное истощение противника и помощь Китаю, как жертве агрессии, со стороны мирового сообщества. В частности, Чан Кайши рассчитывал на военную и политическую поддержку СССР, с которым на протяжении двух предшествовавших лет он вел интенсивные переговоры, а также содействие США и Великобритании.

Международный фактор, оказавший существенное влияние на дальнейшее развитие событий, заслуживает отдельного внимания. Вооруженное вторжение Японии в Китай изменило обстановку в Азии. По сути, начало полномасштабных боевых действий, пусть даже без объявления войны, было заявкой Токио на пересмотр принципов Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. За два года до нападения Германии на Польшу Япония бросила вызов договорам, обеспечивавшим защиту позиций европейских держав и США на Дальнем Востоке и являвшимся после Первой мировой войны гарантией стабильности международной обстановки. Это создавало угрозу интересам США, Англии, Франции, Германии и Италии, рассматривавшим Китай в качестве выгодного рынка сбыта своих промышленных товаров и источника сырья с огромными возможностями для инвестиций капитала.

Наиболее прочными экономическими позициями в Китае обладали США и Англия. К 1937 г. в стране насчитывалось около 400 филиалов американских фирм. Их капиталовложения равнялись 295,2 млн. долл. По объему товарооборота США принадлежало первое место. Их доля в китайском экспорте составляла 30%, в импорте 20%[293]. Английский капитал занимал еще более весомое положение. Сумма британских инвестиций к 1936 г. достигала 1141 млн. долл. США[294]. В Китае действовала разветвленная сеть английских банков. Британия являлась главным судовладельцем в стране. В 1930-е гг. монополии Германии добивались восстановления позиций, утраченных в Первую мировую войну. Немецкие концерны и банки предоставляли кредиты,

строили предприятия и железные дороги, поставляли в Китай продукцию машиностроения, военно-промышленного комплекса, химической отрасли.

Захватническая политика Японии вызывала серьезные опасения западных держав за судьбу своих капиталов и сфер влияния. Они понимали, что Токио добивался не только господства в Китае, но в перспективе – и установления контроля над всем Азиатско-Тихоокеанским регионом. В этих условиях Америка, Британия и Франция были заинтересованы в оказании помощи Гоминьдану. Но многие деятели в администрации Ф.Д. Рузвельта и в европейских правительствах отстаивали политику «изоляционизма». Стремясь оградить собственные страны от участия в вооруженных конфликтах правящие круги Вашингтона, Лондона и Парижа склонялись к тактике нейтралитета[295].

Кроме того, японский милитаризм воспринимался на Западе также в качестве эффективной силы, нацеленной как против роста национализма в Китае, так и против СССР. Великобритания, Франция и США рассматривали экспансию Японии в Китае, как подготовительный этап к ее войне с Советским Союзом. Направив агрессию Токио на север, они надеялись защитить свои коммерческие проекты[296]. Приемлемым являлся и вариант путем небольших экономических уступок втянуть Японию в противостояние с СССР и ослабить ее.

В итоге, позиция европейских держав и США в отношении событий в Китае оказалась непоследовательной и противоречивой. Вашингтон не спешил с официальными заявлениями. Лишь 16 июля 1937 г. Государственный департамент опубликовал декларацию, в которой основными принципами внешней политики США обозначались: соблюдение международных соглашений, свобода торговли и уважение принципа равных возможностей. Об ответственности Японии за агрессию на континенте ничего не говорилось. Документ был вручен 62 странам, что имело целью подчеркнуть намерение США выступить в роли «международного арбитра» на Дальнем Востоке[297]. Лондон опасался, что США перехватят посредничество в разрешении японо-китайского конфликта. 15 июля 1937 г. поверенный в делах Доддс посетил

министра иностранных дел Японии, чтобы выяснить, может ли Британия быть полезной в урегулировании отношений между Токио и Нанкином. Министр иностранных дел Англии Иден заявил, что война в Северном Китае не спровоцирована Японией и что акта агрессии она не совершила. Происходившие события оценивались им как локальный конфликт[298]. Таким образом, ни Вашингтон, ни Лондон не признали действия Токио нарушением норм международного права.

США и Англии являлись главными поставщиками стратегических материалов в Японию, чем, в немалой степени, способствовали углублению конфликта. В 1937 г. Соединенные Штаты увеличили объемы продажи ей стали, меди и нефти. Американские поставки дефицитных товаров возросли в 1937 г. более чем в 3 раза по сравнению с 1936 г. В экспорте США резко вырос удельный вес военных материалов[299]. В 1937 г. из общего объема экспорта Америки в Японию в размере 288,6 млн. долл., 168 млн., т.е. 58%, приходились на сырье для ВПК. В 1938 г. доля стратегических материалов возросла до 66%. В авиационной технике и комплектующих поставки из США в 1937 г. составили 76,9% японского импорта[300].

2 декабря 1939 г. газета «Юньнань жибао» опубликовала выступление члена мирного комитета ГМД Чжан Силина, заявившего на встрече с американскими врачами: «По имеющимся данным, 65% поступающего в Японию оружия получается из Америки. Другими словами, это значит, что из 100 чел., убитых японцами, 65 убито с помощью Америки»[301]. Товарооборот с Англией и субъектами Британской империи были меньше, но он обеспечивал Токио 17% импорта военных материалов[302].

Совершенно иной была ситуация в торговле с Китаем. В связи с войной и особенно японской морской блокадой США и Англия быстро сократили ее объемы. Если экспорт США в Китай за первое полугодие 1937 г. составлял 115 386 тыс. кит. долл.[303], то за второе полугодие того же года он упал до 73 473 тыс. кит. долл. В сентябре 1937 г., по сравнению с июлем того же года, товарооборот Америки через Шанхай снизился в 7 раз, а Англии в 4,5 раза[304].

Таким образом, к началу японо-китайской войны Запад был более склонен к сотрудничеству с Токио, чем с Нанкином.

Неблагоприятная для ГМД международная обстановка на начальном этапе японо-китайской войны способствовала укреплению контактов Нанкина и Москвы. Присоединение Японии 25 ноября 1936 г. к Антикоминтерновскому пакту фактически исключало для НКИД СССР возможность получения от нее дипломатическими методами даже условных гарантий предотвращения военного конфликта. Сдерживающее влияние могли оказать только меры по укреплению обороноспособности СССР и союзнические соглашения с другими государствами, заинтересованными в противодействии Токио[305]. Однако все попытки СССР добиться заключения Тихоокеанского пакта остались безрезультатны[306].

Принимая во внимание быстрое продвижение императорской армии во внутренние районы Китая, было крайне важно не допустить, чтобы его территория и ресурсы были использованы Японией в предстоящем конфликте с СССР. В результате угроза безопасности Советского Союза на Дальнем Востоке стала одним из ключевых оснований для сотрудничества с Нанкином[307].

В то же время японо-китайская война привела к изменению в характере отношений Кремля и КПК. В новых условиях Сталин не мог допустить, чтобы ГМД направлял основные силы против коммунистов. Кроме того, революционный всплеск не был выгоден Москве, поскольку он мог привести к обострению ее отношений с Англией и США, а также подтолкнуть Чан Кайши на соглашение с Японией. В связи с этим СССР использовал фракционную борьбу в КПК для стабилизации формирующегося единого антияпонского фронта.

В 1937 г. положение Мао Цзэдуна в руководстве КПК было еще не вполне прочным. Кроме оппозиционной группы, возглавляемой вернувшимся в Китай Ван Мином, конкуренцию ему были способны составить такие крупные партийные лидеры как Чжан Готао, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Пэн Дэхуай. В любой момент они могли, как выступить на стороне Мао, так и инициировать его отставку. В этой ситуации Москва через Коминтерн,

поддерживая Ван Мина, стремилась оказать давление на Мао Цзэдуна, склоняя его к сотрудничеству с ГМД[308].

К концу 1938 г. ситуация внутри КПК изменилась. Позиции Ван Мина ослабли, а Мао добился поддержки большинства в Политбюро и лояльности лидеров партии. Получив свободу действий, Мао мог приступить к реализации своего плана по использованию военного времени для подъема революционных настроений. Это угрожало кризисом единому фронту и свертыванием сотрудничества СССР с Гоминьданом. Сталин, возможно, смог бы использовать крупные партизанские армии, созданные Мао в Северном Китае, но они были не способны компенсировать потерю ГМД, как союзника против Японии.

В результате, был найден компромисс. Взамен на лояльность и подчинение Чан Кайши в период борьбы с Японией Мао Цзэдун добился поддержки Кремля и Коминтерна, одобрения ими создания партизанских армий и принципа «независимости внутри объединенного фронта»[309].

В отношениях Компартии и Гоминьдана установился своеобразный баланс. Противоречия между партиями не были преодолены. Пропаганда каждой партии была нацелена доказать, что ее политические конкуренты даже в период общенациональной войны не действуют в интересах китайского народа. ГМД характеризовал КПК как марионетку Москвы и рассматривал подчиненные ей районы в качестве советского эквивалента режима Маньчжоу-го. КПК, со своей стороны, представляла Гоминьдан, беспринципно лавирующим между иностранными державами и неспособным по своей классовой природе к бескомпромиссной борьбе с империализмом. Тем не менее, обе стороны были вынуждены сохранять единый фронт, который пользовался общественной поддержкой. Его разрушение для любой из партий было равносильно политическому самоубийству, поскольку повлекло бы обвинение в предательстве государственных интересов, превалировании узких партийных целей над национальной безопасностью и т.д. Учитывая тяжелую обстановку на фронте, КПК и ГМД не могли пойти на это.

На начальном этапе войны японцы сосредоточили крупные силы на севере Китая и в результате быстрого наступления 28 июля 1937 г. заняли Пекин, на следующий день − Тяньцзинь, а спустя месяц − Калган. 8 ноября 1937 г. они захватили крупный промышленный центр Тайюань, в конце декабря – Цзинань в провинции Шаньдун. Крупные наступательные операции были предприняты и в Центральном Китае. 13 августа 1937 г. начались бои за Шанхай, продлившиеся три месяца. С падением его обороны 12 ноября создалась угроза для китайской столицы. 12 декабря 1937 г. Нанкин был захвачен. За шесть недель, последовавших за занятием города японскими войсками, в нем было убито до 200 тыс. мирных граждан[310].

К январю 1938 г. оккупация Северного Китая была завершена. Правительство Чан Кайши перенесло резиденцию в г. Ухань[311]. Весной и летом 1938 г. императорская армия продолжала наступление. Однако в апреле 1938 г. 13-я японская пехотная дивизия потерпела поражение под Тайэрчжуанем[312]. Для китайцев эта локальная победа имела большое моральное значение, но развить успех не удалось. После пятимесячной обороны 19 мая 1938 г. НРА оставила железнодорожный узел Суйчжоу. Ударом с моря противник захватил Сямэнь и Шаньтоу, а в октябре 1938 г. – Гуанчжоу. 27 октября японские войска заняли Ухань. Правительство ГМД приняло решение об отступлении во внутренние районы. Новой столицей Китая вплоть до 1945 г. стал Чунцин.

После взятия Гуанчжоу и Уханя все основные города и коммуникации Северного, Центрального и Южного Китая оказались в руках интервентов. Тем не менее, Чан Кайши удалось сохранить боеспособность армии. Войска КПК создали в оккупированных районах опорные базы партизанского движения. Советская помощь и проведенная ГМД реорганизация НРА подготовили ее к длительной оборонительной войне, несмотря на тяжелое экономическое положение в стране.

Японские войска воздерживались от активных действий на фронте. Это было вызвано значительными потерями, возросшей нагрузкой на предприятия ВПК, необходимостью контроля над оккупированными территориями и борьбой

с партизанским движением. Захватив побережье и промышленные центры Китая, Япония достигла целей, поставленных в 1937 г. Стратегические планы Токио изменились. Приоритет был отдан вторжению в Юго-Восточную Азию, чтобы воспользоваться ресурсами региона [313]. Это направление экспансии поддержало командование ВМФ, стремившееся к увеличению своей роли в военных кампаниях. В результате, с 1939 г. японо-китайская война трансформировалась в позиционное противостояние[314]. До 1944 г. противники по большей части ограничивались проведением локальных операций.

Западная дипломатия, избрав политику нейтралитета, не препятствовала расширению японской агрессии в Китае. Обращение Чунцина в Лигу Наций в январе и сентябре 1938 г. не принесло действенных результатов. Чан Кайши не оставил идею о том, что в конечном итоге экономические и политические интересы в Азии заставят мировое сообщество выступить против Японии. Однако это не означало отказ от поисков способа урегулирования конфликта с Токио напрямую. Позиции прояпонски настроенных политиков в Китае, наиболее авторитетным из которых являлся Ван Цзинвэй, были еще сильны. Тем более, что внешнее давление на ГМД было велико.

В начале мая 1938 г. было заключено англо-японское соглашение, по которому все таможенные доходы с оккупированных портов должны были поступать в японский банк. Таким образом, Токио получил контроль над значительной частью внешней торговли Китая[315]. Еще ранее, 28 апреля 1938 г., Германия заявила о запрете экспорта военных материалов Национальному правительству, а в мае отозвала советников из НРА и признала Маньчжоу-го. В июне 1938 г. между английским послом в Токио Р. Крейги и министром иностранных дел Японии И. Угаки имело место неофициальное обсуждение вопроса о возможности раздела сфер влияния в Китае [316]. Американская дипломатия, ставившая основной задачей сохранение принципа равных возможностей, не была заинтересована в укреплении позиций Англии и Японии на Дальнем Востоке. В тоже время, прежде всего по экономическим мотивам, США стремились избежать обострения отношений с Токио.

Курс Чан Кайши на продолжение сопротивления Японии формировался под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Попытки обсуждения с Токио условий урегулирования конфликта показали, что его требования выходили далеко за рамки того компромисса, на который мог пойти ГМД. Превращение Китая в территорию, полностью подконтрольную Японии, в корне не отвечало принципиальной установке Гоминьдана на сохранение суверенитета. Более того, политика уступок угрожала Чан Кайши, авторитет которого держался за счет националистических настроений, потерей власти. Фигура Ван Цзинвэя на посту формального руководителя страны была более предпочтительна для Токио. Наконец, продолжая сопротивление, Гоминьдан использовал поддержку Москвы и сохранял надежду на советско-японское столкновение.

Учитывая последнее, необходимо особо отметить влияние конфликтов на озере Хасан и р. Халхин-гол на ситуацию в Китае. Некоторые исследователи считают, что их можно рассматривать, как прямую военную помощь СССР ГМД[317]. В частности, летом 1938 г. через посольство в Москву была передана просьба Чан Кайши о создании на границе «обстановки, которая бы не давала возможности японцам перебрасывать войска из состава Квантунской армии в Китай на подкрепление действующей армии»[318]. В связи с этим, советско-японские столкновения могли являться попыткой И.В. Сталина оттянуть часть сил императорской армии на север и снизить интенсивность боев на юге Китая. В пользу данной версии говорят следующие факты. Эти события совпали с активной фазой боев за Ухань, когда НРА остро нуждалась в помощи. К началу конфликта на р. Халхин-гол концентрация войск Квантунской армии в этом районе не была завершена, да и интенсивные боевые действия в Монголии были невыгодны для Токио, «глубоко увязшего в Китае»[319].

Фактор советско-китайского сотрудничества Чан Кайши использовал в диалоге с западными державами. В конце 1938 г. в беседе с американским послом Н. Джонсоном он ясно обозначил, что, если Китай не получит поддержки от Европы и США, то будет вынужден или обратиться за ней к СССР, или добиваться мира с Японией через посредничество Германии. В

декабре 1938 г. Чунцину были предоставлены два займа: США – на 25 млн. долл. и Великобританией – 10 млн. ф. ст.[320]. Тем не менее, Англия, Франция и США все еще стремились избежать конфронтации с Токио за счет Китая[321].

Начало Второй мировой войны отразилось в расстановке сил на Дальнем Востоке. Положение Китая резко осложнилось. Летом 1940 г. Токио удалось добиться от правительств Англии и Франции прекращения доставки военных грузов для НРА через Бирму и Индокитай. Согласно подписанному 27 сентября 1940 г. Тройственному пакту, Германия и Италия признали право Японии на установление «нового порядка» в Восточной Азии[322]. Однако Берлин не откликнулся ее на просьбу о посредничестве в переговорах с Китаем. Это было связано с его стремлением сохранить напряженную обстановку на Дальнем Востоке, которая отвлекала внимание Англии, Франции и США, облегчая действия Германии в Европе[323].

В то же время агрессивная политика Японии способствовала изменению курса западных держав в отношении Китая. Чан Кайши, пытаясь склонить их к сотрудничеству, делал ставку на Соединенные Штаты. Создание Японией правительства в Нанкине затрагивало принцип «открытых дверей», который США считали гарантией своего положения в Китае. Ввод 23 сентября 1940 г. японских войск в Индокитай и подписание 27 сентября Тройственного пакта создавало угрозу позициям США, Англии на Тихом океане. Заключение в апреле 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете снижало вероятность конфликта Токио и Москвы. В этой обстановке поддержание Китая в состоянии войны с Японией могло замедлить экспансию последней в южном направлении.

В ответ на заключение Тройственного пакта США пошли на предоставление Чан Кайши нового займа в 25 млн. долл., отзыв американского капитала из Японии и ряд других мер экономического давления на Токио. Англия так же ограничила экспорт в Японию, а 18 октября 1940 г. возобновила сообщение по Бирманской дороге[324]. Эти и другие шаги, предпринятые западными державами, иллюстрировали положительное для ГМД изменение их отношения к Китаю[325].

В 1941 г. обстановка в Европе и АТР вновь претерпела существенные изменения. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. было воспринято чунцинским правительством, как благоприятный фактор. Ожидалось, что Япония в скором времени отзовет свои главные силы из Китая и объявит войну СССР. Это серьезно повлияло на внешнюю политику Чан Кайши. 2 июля 1941 г. Чунцин заявил о разрыве контактов с Германией, Италией и о присоединении к антифашистскому блоку. Этот шаг был во многом продиктован действиями Берлина, признавшего легитимность правительства Ван Цзинвэя[326]. Кроме того, ухудшая отношения со странами «Оси», Чан Кайши рассчитывал ускорить сближение Москвы с Вашингтоном и Чунцином, спровоцировав, таким образом, нападение Японии на Советский Союз. Именно в этом направлении действовала китайская дипломатия на протяжении второй половины 1941 г., лоббируя создание сначала советско-китайского, а затем многостороннего военного альянса СССР, Китая, Англии и США.

Чан Кайши опасался, что без прямого участия в конфликте на Дальнем Востоке СССР и США пойдут на соглашение с Японией. Москва в обмен на уступки в Китае могла избежать войны на два фронта. Понимая наличие провокационного элемента в советско-китайском сближении, Кремль предпочел держать дистанцию в контактах с ГМД. США компромисс с Токио позволил бы сконцентрировать внимание на событиях в Европе. В результате, к окончанию войны на Западе позиции Японии в Китае оказались бы очень сильны. Для давления на Вашингтон Чан Кайши использовал угрозу заключения мира с Токио. Балансируя между интересами СССР и США на Дальнем Востоке, Чунцин использовал свое влияние на Вашингтон, чтобы воздействовать через него на Москву, заинтересованную в диалоге с Соединенными Штатами[327].

Напряженная обстановка усугублялась появлением признаков кризиса единого антияпонского фронта. 23 июня 1941 г. ЦК КПК опубликовал директиву «Задачи КПК в условиях нападения фашистской Германии на СССР». В ней формально содержалось заявление о необходимости объединиться со всеми силами, которые выступали против фашистских режимов Германии, Италии и

Японии. В области внутренней политики директива Мао Цзэдуна указывала на необходимость продолжения сотрудничества с ГМД в борьбе против Японии[328]. Но к началу 1940-х гг. в отношениях КПК и ГМД усилились взаимные претензии.

Давление ГМД на КПК возросло уже в 1939 г. По подсчетам китайских коммунистов, в течение 1938 г. войска Чан Кайши нарушали административную границу подконтрольных КПК районов 12 раз, при этом было убито 60 чел. В 1939 г. количество инцидентов увеличилось до 50, а число погибших возросло в разы. Только в июне–декабре 1939 г. было отмечено 90 столкновений между гоминьдановцами и коммунистами. В результате, были убиты 1350 бойцов 8-й НРА и 812 захвачены в плен[329]. Однако на тот момент и И.В. Сталин, и Мао Цзэдун были заинтересованы побудить Чан Кайши к наступлению на Ухань. Внутренний конфликт мог спровоцировать заключение мира между Чунцином и Токио. Это оказало сдерживающее влияние на Яньань. КПК не предприняла активных действий против ГМД. Тем не менее, борьба за власть между ними была лишь временно приостановлена.

Компартия продолжала наращивать свои вооруженные силы, создавать на оккупированных территориях партизанские отряды и укрепленные базы. Эти действия позиционировались как «экспансия антияпонских сил». Осознавая, что КПК, таким образом, вела скрытую подготовку к новому витку борьбы против гоминьдановского режима, Чан Кайши по возможности препятствовал расширению контролируемых ею районов и концентрации там оружия. Эти меры он обосновывал тем, что захват власти коммунистами привел бы либо к мирному договору с Японией по типу Брест-Литовского, либо к советскому проникновению в Китай[330]. В начале 1941 г. после столкновения войск ГМД с 4-й НРА отношения между союзниками осложнились еще больше.

Переориентировать контакты исключительно на КПК Москва не могла. В начале 1940-х гг. в отношениях СССР с китайскими коммунистами усилилась напряженность. Внутри КПК росла фракционная борьба. Политика Мао Цзэдуна была направлена на укрепление личных позиций и подготовку к возобновлению войны с Гоминьданом. Активность армии КПК значительно снизилась, а ее

тактика сводилась к сохранению сил на случай изменения обстановки из-за поражения СССР или нового столкновения с ГМД. В 1941 г. ЦК КПК, несмотря на официальный призыв к продолжению борьбы, направил территориальным бюро секретную директиву «повсеместно экономить силы и не вести активных действий против Японии»[331]. Это приводило к бездействию частей Новой 4-й и 8-й НРА. По воспоминаниям корреспондента ТАСС и представителя Коминтерна при КПК П.П. Владимирова: «8-я НРА мирно уживается с врагом <…> Воинские части КПК торгуют по мере возможности с тылами японских войск. <…> В штабах 120-й дивизии разговоры сосредоточены <…> на коммерческих сделках, барышах и всякой чепухе»[332]. Неспособность Москвы удовлетворить требование руководства КПК о прямых поставках оружия, минуя гоминьдановскую систему снабжения, усиливала недовольство Мао Цзэдуна[333].

С началом Великой Отечественной войны обстановка требовала от СССР предельной концентрации сил на западном направлении. На Дальнем Востоке основные задачи советской дипломатии сводились к тому, чтобы максимально долго сохранить Китай в рядах противников держав Оси и не дать Японии повод для вступления в войну с СССР[334]. Учитывая критическое для СССР положение на фронте в 1941 г., КПК и ГМД ограничились формальным заверением в его поддержке и заняли выжидательную позицию.

Новое изменение международного положения на Дальнем Востоке было связано с вступлением в декабре 1941 г. США и Англии в войну против Японии. [335] Японо-китайское противостояние вышло за рамки локального конфликта. Китайский театр военных действий стал важной составной частью Второй мировой войны. 9 декабря 1941 г. Чунцин официально объявил войну Токио, Берлину и Риму[336]. Параллельно, ГМД приступил к свертыванию связей с СССР и стал открыто ориентироваться на Вашингтон и Лондон. Используя их заинтересованность в дальнейшем противостоянии Китая с Японией Чан Кайши хотел получить помощь в последующей борьбе с КПК[337].

Если, по мере продолжения войны в Европе, позиции Великобритании в Азии ослабевали, то для США значимость китайского направления во внешней

политике резко возросла. Вашингтону было необходимо удерживать Чан Кайши от заключения мирного соглашения с Токио. В качестве союзника Китай отвлекал значительную группировку войск и истощал экономику Японии, облегчая Америке ведение боевых действий. После войны Белый дом рассчитывал использовать контакты с Гоминьданом в качестве противовеса как в отношениях с Японией, так и с СССР[338].

НКИД, со своей стороны, был вынужден проявлять осторожность в отношении японо-китайского конфликта. Пакт о нейтралитете между Москвой и Токио давал, пусть и весьма условные, юридические гарантии сохранения мира. Начало войны на Тихом океане означало, что до ее окончания противостояние с СССР становилось для Японии крайне невыгодным. Кроме того, положение на фронтах в Китае оставалось достаточно стабильным. Заключение сепаратного мира между Чунцином и Токио было маловероятным. В данных обстоятельствах интересы безопасности побуждали Москву воздержаться от действий, которые могли быть расценены Японией как провокационные. Приоритет отдавался сохранению статус-кво даже при снижении политического влияния в регионе. Как следствие, Кремль ответил отказом на озвученное 8 декабря 1941 г. послам США, Великобритании и СССР предложение Чан Кайши о создании единого фронта держав на Тихом океане. До поражения Германии Советский Союз не мог вступить в войну с Японией[339].

Таким образом, к 1942 г. стало очевидно, что, если для Вашингтона Китай становился выгодным партнером, то для Москвы преобладающим было стремление избежать блокады Токио ленд-лизовских поставок через Владивосток и войны на два фронта. Это обуславливало охлаждение контактов с Китаем в обмен на лояльность Японии. Летом 1942 г., воспользовавшись тем, что обстановка на советско-германском фронте складывалась в пользу III рейха, Чан Кайши изменил свой курс в отношении СССР. Стержнем его политики стало стремление к ослаблению позиций Советского Союза на Дальнем Востоке.

Этому курсу соответствовали попытки ГМД обострить советско-японские отношения. Втягивание Москвы в одновременное ведение войны против

Германии и Японии позволило бы ГМД надеяться на разрыв связей СССР и КПК, уступки Китаю в вопросе возвращения Внешней Монголии[340]. Несмотря на то, что реализовать данный план Чунцину не удалось, в 1942 г. Чан Кайши использовал тяжелое положение СССР для укрепления своей власти в Синьцзяне.

С 1933 г. по 1942 г. советское влияние в Синьцзяне существенно укрепилось. СССР осуществлял добычу и переработку нефти в г. Тушанцзы, в г. Хами (по другим данным в 40 км. от Урумчи) [341] функционировал самолетостроительный завод (№ 600). Советские войска находились в столице провинции – г. Урумчи, авиазавод охранял 8-й полк РККА. Через Синьцзян осуществлялся транзит вооружения для НРА. На этом этапе Гоминьдан не имел возможности противодействовать Москве.

Вступление в 1941 г. СССР и США в мировую войну позволило Чан Кайши действовать более жестко в отношении Синьцзяна. В начале 1942 г. губернатор Шэн Шицай пошел на сближение с чунцинским правительством. В «Докладе командования войск Казахстанского пограничного округа об обстановке на советско-китайской границе в районе Синьцзяна в 1941 г.» от 31 января 1942 г. констатировалось, что в Синьцзяне усилились антисоветские настроения, проявлением которых стало «восстание казаков в Алтае» [342]. Основным требованием повстанцев было прекращение торговли с СССР. Отмечалось, что в подавлении этого восстания Шэн Шицай проявлял нерешительность и медлительность[343]. После убийства 29 марта 1942 г. брата Шэн Шицая – Шэн Шики в северо-западном Китае начались аресты коммунистов, работавших в провинциальных учреждениях. Местные власти чинили препятствия в разработке месторождений нефти в Тушанцзы, в работе советских торговых организаций[344].

Стратегия ГМД по вытеснению СССР из Синьцзяна заключалась в следующем. Шэн Шицай на подконтрольных ему территориях создавал проблемы в отношениях с Москвой, а Чунцин, вмешиваясь в конфликт, настаивал, что проблем можно избежать, если Кремль будет вести контакты не напрямую с Урумчи, а с центральными властями. Искусственно создавалась

ситуация, при которой Шэн Шицай оказывал давление на СССР, а Чан Кайши, выступая в роли посредника, мог формально поддерживать видимость дружественного отношения к Москве[345]. Совместные действия Урумчи и гоминьдановской администрации вынудили Кремль в ноябре 1942 г. согласиться на вывод войск из Синьцзяна и свертывание предприятий в Хами и Тушанцзы.

В сумме все приведенные выше обстоятельства привели к свертыванию в 1942 г. военно-политического сотрудничества СССР и ГМД. Однако Москва сохранила дипломатическое влияние на ситуацию в Китае, что позволило ей параллельно с американскими дипломатами принять меры к предотвращению войны между Гоминьданом и КПК в 1943 г. В дальнейшем, по мере улучшения ситуации на советско-германском фронте, СССР вновь стал играть более заметную роль на азиатском направлении[346].

На колебания в отношениях между СССР и Китаем оперативно реагировали советские периодические издания, в том числе региональные. Это подтверждает анализ материалов газеты «Сталинский Комсомольск» за лето 1938 и 1942 гг. Так, в 1938 г., в период наиболее интенсивного оказания СССР военной и политической поддержки Гоминьдану, информация о ситуации в Китае была представлена наиболее полно. Регулярно публиковались не только сводки о положении в зоне боевых действий, но и выступления официальных лиц КПК и ГМД, освещались события политической и общественной жизни[347] (Приложение 3). В 1942 г. основное внимание информагентств было приковано к событиям на советско-германском фронте и в Европе, что привело к резкому сокращению публикаций о Китае. Статьи о японо-китайской войне носили фрагментарный и обобщенный характер, события рассматривались исключительно в рамках общего положения дел на Тихом океане[348].

Таким образом, в 1930-е гг. отношения Советского Союза и Китайской Республики были связаны с обстановкой на Дальнем Востоке и в мире в целом. Накануне Второй мировой войны они стали структурным элементом многосторонней дипломатии и прошли в своем развитии несколько этапов.

1931–1935 гг. характеризовались расширением экспансии Японии в Северо-Восточном Китае. Однако стремление Москвы к возврату влияния на Дальнем Востоке после разрыва отношений с ГМД и наличие идеологических разногласий на этом этапе не позволило консолидировать усилия Москвы и Чунцина для противодействия Японии. Только с 1935 г. началось сближение внешнеполитических позиций Кремля и Гоминьдана, обусловленное общей заинтересованностью в сдерживании Токио. Изначально оно было направлено на организацию коллективной безопасности на Дальнем Востоке. Однако западные державы избрали для защиты своих интересов в Азии тактику нейтралитета.

В то же время рост националистических настроений в Китае вынуждал КПК и ГМД – две основные политические силы в стране, остро соперничавшие за общественную поддержку, – пересмотреть свой курс в направлении консолидации общества для оказания сопротивления японской экспансии. Захват Маньчжурии и размещение в непосредственной близости от советской границы сети военных баз Японии представляли реальную опасность для дальневосточного региона СССР. Это создало предпосылки для развития советско-китайских отношений. Для обоих государств, столкнувшихся с угрозой внешнего вторжения, обеспечение безопасности оказалось на этом этапе важнее идеологических разногласий.

Японо-китайская война изменила подход Москвы и Нанкина к двусторонним контактам. В 1937 г. прерванное десятью годами ранее сотрудничество СССР и Гоминьдана было восстановлено на иной основе. Политические мотивы и революционные идеи 1920-х гг. уступили место прагматичному расчету, основанному на необходимости противостояния внешней угрозе. Для Китая в первые годы войны стояла задача сохранения государственности и суверенитета страны. СССР преследовал цель удержать руководство ГМД от заключения мирного соглашения с Японией.

Затяжная война в Китае была выгодна для Кремля, поскольку отвлекала значительные силы императорской армии и являлась одним из важнейших факторов предотвращения вторжения японских войск в СССР. Москва не

отказалась от плана установления в послевоенном Китае просоветского режима, а, следовательно, и от помощи КПК. Создание единого антияпонского фронта позволило вновь легализовать Компартию. Временное прекращение ее вооруженной борьбы с ГМД обеспечивало условия для восстановления армии КПК, создания укрепленных баз во внутренних районах страны, подъема авторитета партии. Наконец, ослабление Китая в ходе длительного военного конфликта облегчало для СССР включение в сферу своего влияния Синьцзяна и Внешней Монголии. В связи с этим, поддержка Гоминьдана в борьбе с агрессией Токио стала приоритетным направлением советской внешней политики.

Следующее радикальное изменение международной обстановки на Дальнем Востоке, повлекшее постепенное свертывание сотрудничества СССР и ГМД было связано с началом в 1941 г. Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане. Советско-германский фронт в 1941 – 1942 гг. требовал от Москвы концентрации всех сил, тогда как вероятность поражения Китая существенно снизилась. Кроме того, после заключения советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. поддержание добрососедских отношений с Японией становилось для Кремля более весомым фактором для обеспечения безопасности дальневосточных регионов страны, чем помощь Гоминьдану. После нападение Японии на США позиции Чунцина и Вашингтона сблизились. Чан Кайши приступил к ликвидации советского влияния в Синьцзяне. В 1942 г. военно-политическое сотрудничество СССР и ГМД было свернуто.

Тем не менее, в 1930-е – начале 1940-х гг. СССР и Китай достигли существенных результатов в двусторонних отношениях. Они смогли преодолеть идеологические разногласия, стать союзниками на международных дипломатических площадках и создать базу для успешного военно-политического сотрудничества. В первые годы войны с Японией, наиболее тяжелые для национальной экономики и армии, ГМД получил помощь, позволившую избежать поражения. Для СССР втягивание Токио в затяжной конфликт в Поднебесной снизило вероятность военного вторжения Японии на территорию советского Дальнего Востока.

1.4. Советская политика в отношении Гоминьдана в 1932–1942 гг.

Изменение в 1930-х гг. международной обстановки на Дальнем Востоке способствовао новой трансформации политического курса СССР в отношении Китая. Ее основной вектор можно определить как отход от идеи подъема мировой революции в пользу прагматичного геополитического расчета. Восточная политика Москвы стала исходить из задач предотвращения угрозы безопасности дальневосточным районам СССР и защиты его интересов в регионе.

Вторжение японских войск в Маньчжурию диктовало необходимость поиска компромиссов во взаимодействии СССР и Китая. Правительства обеих стран были заинтересованы в сдерживании экспансии Токио на материке, что подталкивало стороны к восстановлению дипломатических связей. Однако в начале 1930-х гг. этого было недостаточно для объединения усилий Москвы и Нанкина по противодействию Японии. Советско-китайскому сближению препятствовал ряд обстоятельств:

1. Идеологический фактор продолжал играть значительную роль в межгосударственных контактах. При всей реальности угрозы со стороны Токио Чан Кайши отдавал приоритет уничтожению вооруженной оппозиции внутри страны. Он понимал, насколько опасно оставлять в тылу своей армии войска КПК в случае начала военной кампании в Маньчжурии. СССР, поддержавший КПК, не мог пойти на сближение с ГМД, поскольку это противоречило бы декларируемым через Коминтерн идеям отстаивания классовых интересов и поддержки коммунистического движения[349].
2. Гоминьдан придерживался в отношении Японии политики «уступок» и «умиротворения». Она была продиктована внутренними противоречиями в партии (на волне антияпонских настроений часть Гоминьдана выступала за немедленное начало войны, пренебрегая объективной оценкой готовности к ней – прим. *И.В.*), слабостью вооруженных сил ГМД, неспособных вести войну на два фронта – против Японии в Маньчжурии и КПК в собственном тылу. Положение Чан Кайши усугублялось наличием

в Китае провинциальных милитаристских группировок, не признававших нанкинское правительство и готовых к сотрудничеству с Токио[350].

3. Оборонительный потенциал и промышленная база Дальнего Востока СССР только формировались. К тому же Москва еще не имела достаточно прочных связей в мировом сообществе. Начало боевых действий против Японии могло нанести серьезный ущерб не только экономике, но и имиджу СССР в дипломатических кругах[351].

В данных обстоятельствах Кремль избрал стратегию сохранения нейтралитета в вопросе о статусе Маньчжурии[352]. Позиция Москвы определялась мнением И.В. Сталина. Свою точку зрения он изложил в телеграмме Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову от 23 сентября 1931 г.: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»[353]. Сталин рекомендовал ограничиться осуждением японской интервенции в периодической печати: «Пусть «Правда» ругает вовсю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира; пакт Келлога, как орудие оправдания оккупации; Америку как сторонницу дележа Китая. <…> «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном и архиосторожном тоне <…> Следовало бы навострить коминтерновскую печать и вообще Коминтерн. Этого будет пока достаточно»[354].

Политическая линия, реализуемая руководством ВКП(б) через ИККИ, была нацелена в большей степени не на сдерживание Японии, а на извлечение из ситуации в Маньчжурии пользы для КПК. В резолюции президиума ИККИ от 26 августа 1931 г. о задачах Компартии Китая вновь, как и в конце 1920-х гг., содержались обвинения Гоминьдана в терроре против рабочих и крестьян, в контрреволюционной направленности его политики. «Крупнейшим фактором, препятствующим расширению советского движения на решающую часть Китая» назывались «силы международного империализма». Указывалось, что «они проводят ничем не прикрытую интервенцию <…> подавляя совместно с Гоминьданом революционную энергию борющихся масс»[355]. Такого рода

заявления фактически не оставляли шанса на объединение усилий КПК и ГМД для отражения японской экспансии. Напротив, ИККИ выступал за дальнейшее укрепление территориальной базы Советов и Красной Армии, проведение аграрной революции, развертывание массового крестьянского движения и рабочих стачек на «несоветской территории»[356].

До конца 1932 г. Коминтерн последовательно проводил курс на свержение нанкинского правительства и советизацию страны. Считалось, что вторжение японских войск в Маньчжурию подорвет авторитет Чан Кайши и облегчит приход КПК к власти. Особое внимание этому уделялось в январе–марте 1932 г., когда высадка японского десанта в Шанхае на несколько месяцев лишила Нанкин возможности ведения боевых действий против коммунистов[357]. Однако попытки Компартии форсировать расширение советских районов, возглавить руководство «Шанхайской обороной», не увенчались успехом. В итоге, деятельность КПК на территориях, контролируемых Нанкином, осложнилась. Но в то же время оккупация Маньчжурии вызвала подъем патриотизма в стране и рост недовольства ряда некоммунистических политических групп и милитаристов мягкой политикой ГМД в отношении Японии. Эти обстоятельства стали решающими факторами для изменения стратегии Коминтерна.

С начала 1933 г. до середины 1935 г. тактика ИККИ была переориентирована на преодоление изоляции КПК и советских районов от потенциальных союзников среди политических и военных группировок, выступавших против Нанкина под антияпонскими лозунгами[358]. На этом этапе курс ИККИ продолжал носить антигоминьдановский характер. Однако был сделан первый шаг к осознанию необходимости компромиссов при выстраивании политики в Китае. Более того, ни маневры ИККИ, ни нейтралитет Кремля в отношении Маньчжурии не означали снятия вопроса о противодействии японской агрессии с повестки дня. В ответ на экспансию Токио Москва летом 1932 г. через НКИД активизировала контакты с ГМД[359].

К этому времени в Кремле уже сформировалось общее представление о положении на Дальнем Востоке. События в Шанхае и постоянные операции

войск ГМД против советских районов выявили политическую и военную слабость КПК. Следовательно, Москва не могла рассматривать ее как единственного или основного союзника в борьбе с Японией. Фактическое бездействие международного сообщества, в том числе Лиги Наций, подтвердило неготовность европейских держав и США гарантировать сохранение баланса сил в АТР. В то же время эффективное сотрудничество СССР и ГМД в период Северного похода свидетельствовало о наличии у сторон потенциала для совместного решения военных и политических задач. Конфронтация же с СССР могла подтолкнуть Чан Кайши искать договоренностей с Токио, тогда как для Кремля было выгоднее сохранение Гоминьдана на антияпонских позициях.

В результате, в декабре 1932 г. Советский Союз восстановил дипломатические контакты с Нанкином. Этот шаг устранил формальные препятствия для двусторонних договоренностей, но не привел к заметному прогрессу во взаимоотношениях. Последнее можно объяснить нежеланием Кремля идти на обострение отношений с Токио, а также поддержкой, которую СССР через ИККИ оказывал Компартии Китая.

Военное присутствие Японии в Маньчжурии создавало постоянную угрозу для СССР. Провоцируя инциденты на советско-маньчжурской границе, Токио стремился оправдать интервенцию в Северо-Восточном Китае в глазах Европы и США. Заместитель НКИД Л.М. Карахан 3 марта 1933 г. писал в ЦК ВКП(б): «идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ [США] и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией»[360]. Сохраняя нейтралитет по отношению к действиям Японии в Китае и жертвуя укреплением связей с Нанкином, советское руководство стремилось лишить Токио оснований для конфронтации с СССР. Учитывая неготовность к войне на Дальнем Востоке, Москве было необходимо избежать прямого участия в маньчжурском конфликте.

Нанкин делал ставку на то, что нормализация советско-китайских отношений может усилить противоречия между Москвой и Токио. В докладе от 30 января 1934 г. полпред СССР в Китае Д.В. Богомолов отмечал: «Первые

месяцы 1933 г. … в китайских кругах возлагали большие надежды на помощь со стороны Советского Союза в японо-китайском конфликте. <…> Но охлаждение наступило довольно быстро… совпало с опубликованием нашего предложения о продаже КВЖД»[361]. Данный шаг вызвал в Китае острую дискуссию о законности односторонних действий Кремля.

В руководстве ГМД росло разочарование советской политикой на Дальнем Востоке. Во время беседы заместителя НКИД СССР с послом Китая Янь Хойцином прозвучало заявление о неизменности мнения Москвы по маньчжурскому вопросу. В ходе встречи Л.М. Карахан подчеркнул: «Вы знаете, что с самого начала конфликта мы вели политику строгого невмешательства и нейтралитета <…> …и эту политику, с одной стороны строгого нейтралитета, а с другой стороны, работы по укреплению наших оборонительных сил мы будем продолжать и в дальнейшем»[362]. В результате надежды Нанкина оказать давление на Японию через СССР не оправдались.

Другим фактором в политике Москвы, отрицательно повлиявшим на развитие диалога с Нанкином, оставалась ее связь с руководством КПК. Вопрос о мировой революции уже не рассматривался с прежней остротой. Однако статус страны «победившей революции» в международном коммунистическом движении, как и само содержание платформы ВКП(б), обязывали Москву выступать с позиций защиты классовых интересов. Следовательно, по идейно-политическим соображениям СССР продолжал оказывать поддержку Компартии Китая.

В то время, когда Чан Кайши последовательно проводил военные операции против советских районов, Исполком Коминтерна и Дальбюро ИККИ посредством резолюций и директив, а также через своих представителей в Китае, фактически, осуществляли стратегическое планирование действий Красной Армии и КПК. В частности, рекомендации ИККИ от марта 1933 г. ориентировали КПК «сохранять и укреплять живые силы, усилить учебу, повышать боеспособность и дисциплину, форсировано продолжать формирование Красной армии»[363]. В той же телеграмме отмечалось: «Обороняя

советские территории <…> нужно сохранять подвижность Красной армии и не привязывать ее ценой существенных потерь к территории. <…> Нужно избегать невыгодных столкновений с большими силами противника»[364]. Директивы Дальбюро ИККИ 4-му фронту РККА Китая и советским районам в провинциях Хубэй, Хэнань, Аньхуэй от февраля 1933 г. содержали детальные распоряжения о тактике ведения военных действий. Они касались отдельных корпусов и армий с указанием задач, районов дислокации врага[365]. В августе 1934 г., когда в Центральном советском районе сложилась критическая ситуация, Политкомиссия Политсекретариата ИККИ приняла решение о создании в одном из портов Южного Китая аппарата для переброски оружия блокированным силам КПК, а также об отправке в 4-ю армию военного специалиста[366]. Общий характер директив ИККИ свидетельствовал о подготовке КПК к длительной вооруженной борьбе против ГМД с применением методов партизанской войны.

С точки зрения Чан Кайши, ставившего в качестве первоочередной задачи подавление оппозиции и централизацию власти в стране, действия Москвы воспринимались как вмешательство в дела Китая. Высокая активность ИККИ лишь усиливала конфронтацию КПК и ГМД и влекла ожесточение гражданской войны. Вполне естественно, что это вносило дополнительную напряженность в советско-китайские отношения.

Это привело к безрезультатному окончанию в 1933 г. переговоров о заключении советско-китайского договора о ненападении. В докладе от 30 января 1934 г. Д.В. Богомолов выделил следующие мотивы, определявшие позицию ГМД в этом вопросе: «Ожидание войны между Советским Союзом и Японией, уверенность в неизбежности такой войны… Нанкинское правительство не желает связываться с нами пактом, опасаясь, во-первых, репрессий со стороны Японии, … во-вторых, не желая связывать себе руки в случае, если война между СССР и Японией действительно возникнет»[367]. Однако, как следует из вышеизложенного, круг противоречий между Москвой и Нанкином был значительно шире.

В совокупности, это привело к смене приоритетов в советской внешней политике: сближение с Китаем временно уступило место идее коллективной поддержки мира и безопасности в регионе. Характерной чертой нового курса СССР стал призыв к «дипломатии мира»[368] с целью поиска потенциальных союзников и получения времени для укрепления своей обороноспособности.

Москва прогнозировала новый виток эскалации напряженности на севере АТР. 29 марта 1935 г. в беседе с заместителем министра иностранных дел Англии А. Иденом И.В. Сталин отметил, что опасность ситуации на Дальнем Востоке заключалась в неопределенности планов Токио. По его мнению, временное улучшение положения сохранялось «лишь до тех пор, пока Япония не переварит Маньчжурию», после чего развитие агрессивных тенденций должно было неизбежно продолжится [369] . Однако предложения Москвы объединить усилия держав с целью сохранить расстановку сил в АТР, неоднократно озвученные НКИД в 1933–1935 гг., не были поддержаны[370].

Усиление военной угрозы со стороны Токио, а также отсутствие прогресса в попытках обеспечения коллективной безопасности вынуждали НКИД искать альтернативные пути стабилизации обстановки на Дальнем Востоке. Идея заключения Тихоокеанского пакта продолжала обсуждаться до осени 1937 г. Вместе с тем внимание Москвы вновь было обращено на Китай. Однако он интересовал руководство СССР уже не как арена классовых боев, а как потенциальное средство решения актуальных задач в области госбезопасности.

После поражения коммунистов в Центральном советском районе и вынужденного отступления Красной Армии в Шэньси поддержка КПК постепенно утратила свое первостепенное значение для ВКП(б). Во-первых, становилось очевидным, что при слабости КПК советизация страны не может быть достигнута в ближайшем будущем. Во-вторых, сталинская концепция построения социализма в отдельно взятой стране предполагала, что сохранение советского строя и успешное развитие социализма в СССР было единственной гарантией на осуществление в будущем мировой революции. Поэтому в середине 1930-х гг. усилия Москвы концентрируются на

обеспечении территориальной целостности СССР и сохранении в нем руководящих позиций ВКП(б). Приоритеты внешней политики постепенно смещались от содействия зарубежным компартиям в борьбе за власть в сферу защиты государственных интересов СССР, в том числе посредством сотрудничества с некоммунистическими режимами. С этих позиций ценным оказывался факт подъема в Гоминьдане антияпонских настроений, которые в перспективе можно было использовать для сдерживания Токио.

Однако Москва была вынуждена считаться с потенциальной возможностью сближения Токио и Нанкина на базе проводимой ими антикоммунистической политики и с отсутствием в Китае иных, кроме Гоминьдана, политических сил, способных противостоять внешней агрессии. В результате прежняя тактика, направленная на эскалацию борьбы ГМД и КПК, становилась не только невыгодна, но и опасна для Москвы. Это приблизило СССР к принципиальному изменению курса в отношении Китая: переходу от партийного идейно-политического сотрудничества к взаимодействию на базе общности геополитических интересов.

Политическая платформа ВКП(б) предполагала обоснование всех действий, предпринимаемых руководством партии, на основе ключевых положений марксизма. В связи с этим, Кремль пришел к заключению о необходимости подчинения классовых лозунгов задачам обеспечения безопасности и территориальной целостности страны. Это потребовало наполнения прежних идеологических установок новым содержанием. Решение данного вопроса в основном осуществлялось через Коминтерн.

В середине 1930-х гг. Коминтерн стал активно использоваться СССР для подрыва позиций Токио за счет подъема широкого антияпонского движения. ИККИ разрабатывалась идея возрождения в Китае единого национального фронта сопротивления Японии[371]. Ее базовые принципы были отражены в решениях VII конгресса Коминтерна, состоявшегося летом 1935 г.

Конгресс признал несвоевременным курс на немедленное осуществление «социалистических революций» и установление «диктатуры

пролетариата», связывая это с неготовностью к данному сценарию большинства стран, с усилением фашизма и угрозой войны. Главной задачей коммунистов называлось объединение всех левых и демократических сил, как революционных, так и реформистских, в единый народный фронт. Если прежде политика единого фронта связывалась с вовлечением большинства населения в непосредственную подготовку социалистической революции, то в новых условиях его платформу составляла идея совместной антифашистской борьбы[372].

В ходе Конгресса отчетливо прозвучала мысль о необходимости направить деятельность КПК на создание «широкого антиимпериалистического единого фронта» для борьбы за национальную независимость страны, с привлечением всех заинтересованных политических сил[373]. В качестве одного из потенциальных участников единого фронта рассматривался Гоминьдан. 1 августа 1935 г. на заседании ИККИ делегацией КПК было представлено «Обращение к народу об отпоре Японии и спасении Родины», составленное под контролем Москвы. В нем содержался призыв к политическим и военным группировкам Китая, включая армию ГМД, прекратить гражданскую войну и объединиться для сопротивления Японии[374].

Однако в 1935 г. соглашение КПК и ГМД относительно совместного отражения японской агрессии достигнуто не было. 25 декабря 1935 г. Политбюро ЦК КПК, находившееся в Шэньси, ознакомившись с материалами VII конгресса Коминтерна, приняло резолюцию «О современном положении и задачах партии». Решение Компартии предполагало согласие с курсом на организацию единого фронта. Тем не менее, возможность вовлечения в него сторонников Чан Кайши первоначально была исключена. ГМД все еще рассматривался руководством КПК как главный враг китайского народа[375].

Более перспективным, с точки зрения Мао Цзэдуна, был союз с группировкой Чжан Сюэляна. Он планировал опереться на нее, используя ее войска, как против японцев, так и против Чан Кайши. В дальнейшем лидер КПК рассчитывал на отделение северной части Китая и создание на этой территории «Великого объединения на Северо-Западе»[376]. Чжан Сюэлян, со

своей стороны, не намеревался идти на обострение отношений с Гоминьданом, хотя и видел в едином фронте шанс вернуть утраченные позиции в Маньчжурии. По этой причине он шел на сближение с коммунистами и одновременно стремился убедить их в необходимости диалога с Чан Кайши.

На тот момент Москва не была заинтересована в новом обострении обстановки в Китае. Это ослабило бы его военный потенциал и облегчило Токио оккупацию страны по частям. В результате, Коминтерн продолжил курс на привлечение ГМД в единый фронт. Так, в июле 1936 г. в выступлении на заседании Секретариата ИККИ по китайскому вопросу, генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г.М. Димитров подчеркивал: «Задача в Китае состоит теперь не в расширении советских районов и расширении Красной Армии, а в том, чтобы найти возможности, найти пути и подходящие лозунги, подходящие методы для того, чтобы добиться объединения подавляющего большинства китайского народа против японских захватчиков»[377]. В том же докладе он обращался с призывом к КПК активизировать контакты с ГМД: «Было бы правильно, если бы наши коммунисты обратились к Гоминьдану как к партии, к Центральному Комитету Гоминьдана, <…> к Чан Кайши <…> с конкретными политическими предложениями. Наши товарищи <…> должны выступить как инициаторы, застрельщики и организаторы общего антияпонского фронта»[378]. В своих рекомендациях ИККИ учитывал, что именно правительство Чан Кайши сосредоточило в своих руках значительную армию и ресурсы страны.

Однако организацию антифашистских фронтов Коминтерн изначально расценивал лишь как необходимый этап в борьбе коммунистов за власть. Совместное противостояние фашизму не означало сглаживания классовых противоречий, а только временно отодвигало их на второй план. Сотрудничество с ГМД представлялось, как возможность вновь легализовать КПК и обеспечить необходимый ей стабильный период для укрепления армии[379].

Гоминьдан не желал действовать в интересах своих противников. Чан Кайши следовал тактике ликвидации сначала внутренней угрозы режиму в

лице Компартии и только затем внешней со стороны Японии. В этих условиях единый фронт воспринимался лидером ГМД как попытка коммунистов дипломатическими методами сгладить последствия поражений и подготовиться к новому витку гражданской войны. Оценивая текущее положение дел, Чан Кайши писал: «Тактика КПК состояла в том, чтобы принудить правительство к преждевременному открытию военных действий против Японии, что позволило бы китайским коммунистам, пользуясь обстановкой военного времени, набрать сил и укрепиться до такой степени, чтобы свергнуть правительство» [380]. Впоследствии сохранение в тактике единого фронта данного подтекста станет причиной его внутренних кризисов.

Таким образом, в 1935 г. политика СССР в отношении Китая претерпела существенные изменения. КПК уже не рассматривалась как единственная политическая сила, подходящая для диалога о сотрудничестве. С усилением экспансии Токио существенно выросла роль ГМД как партии, способной к объединению антияпонского движения в Китае [381]. В решении вопросов, связанных с поддержкой китайских коммунистов, Кремль стал исходить из того, насколько это было выгодно для СССР. Следствием этого стала ориентировка на привлечение к сдерживанию Японии всех заинтересованных сторон. Однако в силу внутренней противоречивости самой идеи, недостаточно отвечавшей ожиданиям Гоминьдана, формирование единого фронта в 1935–1936 гг. достигнуто не было. Стремительное развитие оно получило только в конце 1936 г. на фоне Сианьского инцидента.

События 14 декабря 1936 г. развивались без участия Москвы. Подтверждением этому служит изложенная в дневнике Г.М. Димитрова запись его телефонной беседы с И.В. Сталиным: «С вашей ли санкции происходят события в Китае (И.В. Сталин – прим. *И.В.*). (Нет!) (Г.М. Димитров – прим. *И.В.*). Это самая большая польза, которую можно было оказать Японии. (Так и мы рассматриваем эти события)»[382]. Следовательно, ни в руководстве ВКП(б), ни в ИККИ подготовки к организации государственного переворота в Китае не велось. Тем не менее, последовательные действия Кремля в этот напряженный

период говорили о наличии в ВКП(б) устоявшейся политической концепции в отношении Гоминьдана, позволившей избежать спонтанных решений.

Позиция Москвы строилась на следующих основаниях:

1. Обострение ситуации, возобновление гражданской войны в Китае, а следовательно, ослабление центрального аппарата власти были не выгодны СССР. В условиях втягивания армии ГМД в новый внутренний конфликт Нанкин оказался бы неспособным сколько-нибудь действенно противостоять интервенции Японии.
2. В случае смерти Чан Кайши ГМД могла возглавить политическая группа, готовая ради подавления КПК пойти на компромисс с Токио.
3. Даже с учетом помощи СССР и роста в Китае патриотических настроений КПК не располагала достаточными силами для ведения полномасштабной войны с Японией. Не обладая необходимым политическим влиянием, Компартия была не способна возглавить единый фронт. Кроме того, китайские коммунисты по-прежнему рассматривали сопротивление Японии в качестве сопутствующей цели, отдавая приоритет борьбе за власть и расширение революционного движения.

В период сианьского кризиса руководство ВКП(б) оказалось перед сложным выбором. С идеологической точки зрения, представлялось предпочтительным одобрить действия Чжан Сюэляна. Однако это способствовало бы эскалации конфликта между коммунистами и Гоминьданом. С другой стороны, выступить на стороне нанкинского правительства из сугубо прагматических интересов укрепления собственной безопасности на Дальнем Востоке, несмотря на антикоммунистическую политику Чан Кайши.

В результате позиция Кремля по сианьскому вопросу была определена стремлением Сталина к поддержанию стабильности на Дальнем Востоке. Избегая резкой критики действий Чжан Сюэляна, Кремль отверг свою причастность к событиям в Сиани. Высказавшись за скорое урегулирование разногласий между ГМД и КПК, он продемонстрировал готовность

поддержать Нанкин. Используя свое влияние на обе стороны, Москва стремилась убедить их в мирном разрешении конфликта.

15 декабря 1936 г. М.М. Литвинов в ходе беседы с послом Китая Цзян Тинфу отметил, что советская сторона «считает выступление Чжан Сюэляна большим несчастьем»[383]. 16 декабря Стомоняков в телеграмме временному поверенному в делах СССР в Китае И.И. Спильванеку также осудил инцидент, «который объективно может принести пользу только врагам Китая» [384]. Параллельно, через директивы Коминтерна, позиция Москвы было доведена до ЦК КПК. В телеграмме секретариата ИККИ от 16 декабря 1936 г. отмечалось: «Выступление Чжан Сюэляна <…> может только повредить сплочению сил китайского народа <…> и поощрить японскую агрессию» [385]. Компартии рекомендовалось стремиться к компромиссу в разрешении разногласий с ГМД.

Работа ИККИ велась под жестким контролем со стороны руководства ВКП(б). В частности, обсуждение проекта январской директивы 1937 г. к ЦК КПК, призывавшей к поддержке политического курса Нанкина и совместному сопротивлению КПК и ГМД японской экспансии, состоялось в ходе беседы Г.М. Димитрова с И.В. Сталиным в присутствии В.М. Молотова, Н.И. Ежова, А.А. Андреева, В.Г. Жданова[386]. В рассматриваемый период подобные встречи имели решающее значение при утверждении текстов резолюций ИККИ[387]. Это позволило избежать противоречий в действиях Коминтерна и НКИД СССР.

Таким образом, характеризуя позицию Москвы относительно Сианьского инцидента, следует отметить преобладание в ней прагматических мотивов, исходивших из интересов СССР на Дальнем Востоке. Кремль стремился за счет освобождения Чан Кайши продвинуться в вопросе формирования в Китае единого фронта, переориентировать политику ГМД от борьбы с КПК в направлении сопротивления японской экспансии.

Разрешение Сианьского кризиса продемонстрировало возможность конструктивного диалога между КПК и ГМД. Это являлось важным условием для сближения Москвы и Нанкина, преодоления их взаимного недоверия друг другу. Однако весной 1937 г. Кремль все же не стремился к активизации

двусторонних контактов с Чан Кайши по военно-политическим вопросам. Склоняясь к методам коллективной дипломатии, СССР предпочитал видеть Китай одним из партнеров по совместному обеспечению безопасности на Дальнем Востоке, а не единственным союзником по борьбе с Японией в рамках договора о взаимопомощи. Это было обусловлено проводившейся европейскими державами и США «политикой умиротворения» Токио и Берлина, подписанием Германией и Японией 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта, временным усилением влияния в Гоминьдане сторонников «уступок Токио»[388].

Решающее изменение курса СССР в пользу двустороннего сотрудничества с ГМД произошло на фоне обострения ситуации в Китае. Инцидент у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 г. стал поводом для военной интервенции Японии. Если в первые дни конфликта политика Нанкина основывалась на «тактике маневрирования», уклонении «от вызова» Токио[389], то с расширением агрессии, в Китае набрало силу движение сопротивления. В случае поражения Чан Кайши серьезно усилилась бы опасность вторжения императорских войск на территорию советского Дальнего Востока. Это подтолкнуло руководство ВКП(б) к активизации диалога с Гоминьданом.

На этом этапе взаимодействие между Москвой и Нанкином носило уже не межпартийный, а межгосударственный характер. Партийные интересы были вытеснены на второй план. Об этом, в частности, говорил тот факт, что ни Кремль, ни Коминтерн не возражали против изменения статуса территорий подконтрольных КПК и подчинения ее армии Центральному правительству[390].

Однако СССР не был готов взять на себя обязательства по договору о взаимопомощи. Усилия НКИД концентрировались на заключении договора о ненападении. Форма соглашения от 21 августа 1937 г. отвечала интересам Москвы. Договор не обязывал Москву оказывать военную помощь Нанкину, но и не препятствовал такой возможности. Он не давал Токио формального повода обвинить Кремль во вмешательстве в японо-китайский конфликт. Была заложена правовая база для дальнейшего развития советско-китайского сотрудничества. Создавались гарантии защиты подписавших договор сторон от

недружественных акций со стороны друг друга[391]. Кроме того, это был важный шаг в выработке новых принципов двусторонних отношений – уровня СССР и Китая, а не ВКП(б) и ГМД, – свободных от партийных идеологических установок и направленных на защиту государственных интересов.

С момента подписания советско-китайского договора о ненападении вопрос о заключении Тихоокеанского пакта перестал подниматься НКИД СССР. Международное сообщество в лице Лиги Наций продолжало придерживаться тактики попустительства Японии. В связи с этим, на начальном этапе японо-китайской войны внимание советской дипломатии было сосредоточено на поддержке Нанкина. Москва приступила к оказанию широкой военной помощи Гоминьдану[392].

Параллельно, Кремль и Коминтерн проводили последовательную политику, направленную на формирование и сохранение единого фронта КПК и ГМД. Принципиальная значимость общенационального антияпонского движения в Китае была охарактеризована в письме полпреда СССР Д.В. Богомолова к Б.С. Стомонякову от 17 июля 1937 г.: «Каждому ребенку ясно, что Китай может успешно сопротивляться только в том случае, если война против Японии будет для Китая действительно народной войной, если китайскому правительству удастся поднять в стране волну патриотизма и обеспечить себе поддержку всех политических партий и всех слоев населения»[393].

Продолжая следовать линии VII Конгресса Коминтерна, ИККИ добивался развития соглашений, достигнутых КПК и ГМД в ходе урегулирования Сианьского инцидента. На заседании секретариата ИККИ 10 августа 1937 г. Г.М. Димитров подчеркнул: «Вопрос в Китае идет уже не о советизации, а о сохранении китайского народа от поглощения его японским империализмом»[394]. Он рекомендовал китайским коммунистам сконцентрировать усилия на борьбе «за объединение на демократической основе сил китайского народа» [395]. Сложность этой задачи Димитров видел в необходимости радикальной перестройки не только курса партии, но и восприятия его членами КПК, «воспитанными» на идее вооруженной борьбы против Чан Кайши.

Действия ИККИ и руководства ВКП(б) были направлены на корректировку политики Яньаня. 11 ноября 1937 г. в присутствии Димитрова состоялась беседа Сталина с представителями Компартии Китая: Ван Мином, Кан Шэном и Ван Цзясяном. Глава СССР еще раз сосредоточил внимание на том, что задачей КПК в этих условиях должно стать «ее вливание в общенациональную войну и принятие руководящего участия»[396]. Сталин отметил, что возвращение к противостоянию КПК и ГМД возможно только после победы над Японией: «каким образом китайцам следует сражаться с внешним врагом – вот решающий вопрос. Когда это закончится, тогда станет вопрос, каким образом им воевать между собой!»[397]. В тактике ведения боевых действий, Сталин рекомендовал методы партизанской войны.

Содержание этой беседы раскрыло основные элементы стратегии Сталина в отношении КПК как участника единого антияпонского фронта:

Во-первых, Москва продемонстрировала, что идея создания единого фронта обусловлена не отступлением СССР от классовой доктрины, а объективными условиями, в которых агрессия Японии значительно опаснее внутренних разногласий КПК и ГМД. Следовательно, она по-прежнему идеологически связана с КПК и готова оказывать ей поддержку, в том числе и в противостоянии с Гоминьданом, но только после того, как будет ликвидирована угроза самой китайской государственности извне.

Во-вторых, предполагалось максимально использовать временное сотрудничество КПК и ГМД для укрепления позиций коммунистов в Китае. Существование единого фронта воспринималось как благоприятный период, необходимый Компартии для возвращения в большую политику и предоставлявший возможность легально бороться за лидерство в стране. Выступление КПК под антияпонскими лозунгами, лозунгами борьбы за национальную независимость становилось для партии еще и средством привлечения на свою строну общественной поддержки.

В-третьих, ориентировка на партизанскую войну была обусловлена стремлением максимально сохранить вооруженные силы КПК. Не принимая

участия в крупных операциях, Компартия могла сосредоточить, в том числе за счет поставок из СССР, значительные объемы оружия для последующего их применения против войск ГМД.

Эти составляющие политики единого фронта деструктивно сказывались на взаимодействии КПК и ГМД. Чан Кайши высоко ценил поддержку, оказанную СССР Нанкину. Но он не был намерен мириться с вмешательством во внутреннюю жизнь страны. Приоритеты Гоминьдана по-прежнему концентрировались на борьбе за централизацию власти и суверенитет Китая. Для Чан Кайши равнозначно были неприемлемы, как военная экспансия Токио, так и стремление СССР оказывать влияние на политические процессы в Китае. Гоминьдан сохранял нейтралитет в отношении КПК лишь в силу того, что это давало возможность сосредоточить силы на борьбе с агрессией Японии, поскольку продолжать политику уступок Токио вплоть до окончательного подавления баз КПК было уже невозможно. Однако при этом и ГМД, и Компартия последовательно искали повод к ослаблению друг друга.

Признаки кризиса в едином фронте стали проявляться после V пленума ЦИК Гоминьдана (21–30 января 1938 г.), обозначившего стремление Чан Кайши не допустить расширения территориальной базы КПК в тылу японских войск, добиться сокращения численности 8-й и Новой 4-й армий.[398]. В конце 1940 г. единый фронт оказался на грани раскола. В ноябре Чан Кайши ультимативно потребовал эвакуации частей 8-й и Новой 4-й армий из Центрального Китая. В ответ Мао Цзэдун заявил о готовности разорвать контакты с Чунцином.

В 1940 г. в ситуации, угрожавшей возобновлением гражданской войны, Москва оказала существенное влияние на ее урегулирование. Посол СССР в Китае А.С. Панюшкин высказал несогласие с решением руководства КПК пойти на конфликт с Чан Кайши. 15 ноября 1940 г. Г.М. Димитров в телеграмме просил Мао Цзэдуна «подождать с окончательным решением»[399]. 23 ноября И.В. Сталину был представлен проект директивы ИККИ. В ней КПК рекомендовалось «не начинать первыми военное наступление против экспедиционных войск и не дать

возможности Чан Кайши представить вас перед народом как нарушителей единства антияпонской борьбы и воспользоваться вашими действиями для оправдания попыток заключения компромиссного мира с японцами»[400].

Из данного документа можно сделать заключение, что Москва больше заботилась о том, чтобы Компартия не растеряла политических очков, чем о судьбе единого фронта. Иными словами, Кремль не ориентировал КПК на принципиальное сохранение контактов с Чан Кайши, а лишь предостерегал от возможности быть инициатором конфликта. Ставка при этом делалась на то, что обострение, по инициативе Чан Кайши, отношений КПК и ГМД во время войны сопротивления будет негативно встречено общественностью и подорвет его позиции как национального лидера.

Тем не менее, целенаправленной деятельности по разложению единого фронта Москвой не велось. Об этом, в частности, свидетельствует позиция СССР, занятая в отношении кризиса 1941 г., связанного с боями между частями НРА и Новой 4-й армии, продвигавшихся из южных районов Янцзы на север. Так, в телеграмме Г.М. Димитрова Мао Цзэдуну отмечалось: «Вы не должны ориентироваться на разрыв. Наоборот, опираясь на массы, которые стоят за сохранение единого фронта, сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны»[401].

Внешнеполитические приоритеты И.В. Сталина трансформировались по мере роста напряженности в Европе. Уже в 1939 г. это повлекло корректировку его курса и в отношении Китая. Как писал по этому поводу Чан Кайши: «10 марта 1939 г. Сталин на XVIII съезде ВКП(б) <…> подчеркнул, что впредь СССР должен рассчитывать только на свои собственные силы для обеспечения свей неприкосновенности… Эта речь свидетельствовала об изменении тактики Сталина: с политики “народного фронта” на “защиту отечества”»[402]. Таким образом, усилия советской дипломатии были перенаправлены на поиск любых возможностей обеспечения правовых гарантий защиты СССР, в том числе через соглашения с Германией и Японией. Коррективы в курсе Кремля вызвали настороженность Чан Кайши, опасавшегося советско-японского сближения.

Принципиальных изменений в отношении СССР к ГМД это не повлекло. Москва продолжала рассматривать его как основного союзника в сдерживании Токио. Это было подтверждено в беседе, состоявшейся осенью 1940 г. между И.В. Сталиным и В.И. Чуйковым, направлявшимся в Китай в качестве военного атташе. Советский лидер объяснял проводимую политику так: «Казалось бы китайские коммунисты нам ближе, чем Чан Кайши. <…> [Но] позиции коммунистов Китая еще не прочны внутри страны. Чан Кайши легко может объединиться против коммунистов с японцами, коммунисты с японцами объединиться не могут. Чан Кайши получает помощь от США и Англии. Мао Цзэдун никогда не будет поддержан этими державами, пока не изменит коммунистическому движению <…> Чан Кайши, как только почувствует опасность потерять власть <…>, тут же найдет пути соглашения с японскими милитаристами. Тогда они общими усилиями обрушатся на китайских коммунистов…»[403].

На тот момент Сталин не видел альтернативы Чан Кайши, в качестве политического и военного лидера Китая. Однако нападение Германии на СССР и начало войны на Тихом океане повлияли на характер сотрудничества Москвы с ГМД. В новых условиях помощь Чунцину становилась маловыгодной с точки зрения внешнеполитических перспектив и обременительной для советской экономики. Сокращение связей с Китаем выступало своего рода гарантией лояльности СССР к действиям Японии на континенте[404].

Чан Кайши все более ориентировался на сближение с Англией и США. СССР, уже в 1941 г. рассматривавший Лондон и Вашингтон как своих союзников, был заинтересован в скорейшем создании мощной антигерманской коалиции. В этом плане расширение связей Китая с США и Англией, в известной степени, снимало с СССР проблему снабжения армии ГМД оружием, не ставя Чунцин на грань военного поражения. В то же время, поскольку Чан Кайши был уже не столь зависим от поставок военных материалов и техники из СССР. Это позволяло ему занимать более жесткую позицию в отношении КПК и вести подготовку к предстоящему

возобновлению силовых акций против нее. В совокупности эти факторы привели к свертыванию в 1942 г. активной фазы военно-политического сотрудничества СССР и ГМД.

Таким образом, на начальном этапе японо-китайской войны сформировалась сложная структура двусторонних отношений. Когда стороны руководствовались реалиями международной обстановки и действовали, исходя из общности их геополитических интересов, это приводило к развитию конструктивного диалога. При усилении классовых, идеологических мотивов в советско-китайских отношениях возрастала напряженность. Однако осуществление сторонами с 1937 г. широкой программы военного и дипломатического сотрудничества и отсутствие между ними острых конфликтов говорило о том, что ВКП(б) и Гоминьдану к этому времени удалось преодолеть идейно-политические разногласия. При всем различии политических платформ двух партий, стороны смогли выйти на уровень межгосударственных отношений, отвечавший интересам защиты суверенитета и территориальной целостности обеих стран.

С конца 1932 г. по 1937 г. в советской внешней политике классовые лозунги были постепенно подчинены задаче обеспечения государственной безопасности СССР. На дальневосточном направлении это было связано с необходимостью предотвращения военной интервенции Японии. Тактическая линия Кремля эволюционировала от обеспечения коллективной безопасности в АТР, к двустороннему военно-политическому сотрудничеству с Гоминьданом.

Усилия СССР ориентировать международное сообщество на сдерживание экспансии Японии расходились со стремлением европейских стран и США защитить свои экономические интересы в Китае путем попустительства агрессии в ожидании советско-японского конфликта. В начале 1930-х гг. действия НКИД, направленные на заключение Тихоокеанского пакта, остались безрезультатны. В связи с этим, ключевым партнером Москвы стал Гоминьдан. Наибольшее сближение геополитических интересов сторон было достигнуто на начальном этапе японо-китайской

войны. Кремль поддержал ГМД на международных дипломатических форумах, а также в вопросах обеспечения обороноспособности и урегулировании внутриполитических кризисов.

Сокращение контактов Москвы с ГМД также находилось в зависимости от степени безопасности Дальнего Востока СССР. В обстановке роста военной угрозы со стороны Германии и, напротив, снижения опасности нападения Японии, формально гарантированного договором о нейтралитете, а фактически − затянувшимся противостоянием в Китае, свертывание советско-китайского сотрудничества было оправданной издержкой.

Исходя из вышеизложенного, можно представить схему развития военно-политического сотрудничества Советского Союза и Гоминьдана в 1923–1942 гг. (Приложение 4). На основании анализа факторов, определявших формирование внешнеполитического курса Москвы в отношении Китая, следует выделить два периода сотрудничества СССР и ГМД. Первый («политико-идеологический») ограничен 1923–1927 гг. Москва стремилась тогда к решению следующих задач: обеспечению прихода к власти в Китае просоветского или лояльного к СССР режима и развитию коммунистического движения на Востоке; ослаблению в Китае позиций западноевропейских держав, Японии и США за счет подъема националистических настроений и создания противовеса этим державам в виде собственной сферы влияния в Маньчжурии и Внешней Монголии;

При этом на позицию СССР оказывал воздействие ряд факторов: его неудачные попытки подталкивания мировой революции в Европе; стремление к международному признанию и расширению контактов; наличие в Китае революционного движения, организационно представленного двумя партиями – Коммунистической партией Китая и Гоминьданом (Национальной партией); потребность ГМД во внешних союзниках для реализации своей политической программы; готовность Гоминьдана совместно с другими политическими силами Китая, бороться за объединение страны и национальную независимость (основание для создания единого фронта КПК и ГМД). Курс СССР по отношению к Гоминьдану формировался в условиях неполного

разделения партийных и государственных интересов, межгосударственных и межпартийных отношений, а также усиления с середины 1920-х гг. фракционной борьбы в ВКП(б).

Сотрудничество СССР и ГМД должно было способствовать дальнейшему расширению национально-революционного движения в Китае, росту авторитета Гоминьдана и объединению страны под его контролем. С укреплением в ВКП(б) положения И.В. Сталина получила развитие другая тенденция, направленная на усиление в Гоминьдане руководящей роли членов КПК и переориентировку политической программы ГМД. Внимание военному сотрудничеству уделялось в объеме, необходимом для реализации политических задач ГМД в условиях гражданской войны.

Кризис в отношениях сторон был вызван недостаточным учетом в политике ВКП(б) организационных и идейных принципов Гоминьдана. Реакцией на попытки Кремля развернуть революционное движение в Китае «по советскому образцу» стал рост в ГМД фракционной борьбы и укрепление правого крыла партии во главе с Чан Кайши. Оно было ориентировано на защиту партийных интересов и права на независимость проводимого курса. В результате диалог КПК и ГМД трансформировался в острое соперничество за власть. Это повлекло прекращение сотрудничества СССР и Гоминьдана. На этом основании можно констатировать, что определяющей в развитии военно-политического сотрудничества СССР и ГМД в 1923–1927 гг. стала идеологическая составляющая.

Продолжавшееся вмешательство Москвы во внутриполитическую борьбу в Китае и поддержка СССР коммунистического движения привели к дальнейшему обострению советско-китайских отношений. С распадом единого фронта и закрытием в 1927 г. советских представительств в Южном и Центральном Китае и внешнеполитический курс СССР был переориентирован на КПК. Пиком кризиса 1927–1929 гг. стал советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г., в ходе которого стороны прервали дипломатические контакты. Однако в данной модели период разрыва советско-китайских отношений 1929-

–1932 гг. выступает не как рубеж, полностью разрушивший прежнюю систему взаимоотношений, а как пауза, обусловленная кризисом и пересмотром концепции двусторонних отношений.

Новая концепция двусторонних отношений сложилась после восстановления в 1932 г. официальных контактов между СССР и Китаем. Это было связано с пересмотром ЦК ВКП(б) прежних целей и методов выстраивания диалога с гоминьдановской администрацией. На протяжении 1932–первой половины 1937 г. происходило постепенное усиление внимания к геополитическим процессам в регионе. Эту стадию развития взаимодействия СССР и Гоминьдана нельзя характеризовать как полноценное сотрудничество. Однако данный период имеет принципиальную значимость для понимания механизма и динамики взаимодействия Москвы и Нанкина, а, следовательно, является неотъемлемой частью его целостной оценки. Согласование позиций сторон и поиск оптимальных форм диалога, оказали непосредственное влияние на выбор методов сотрудничества, предопределили переход от попытки организации коллективной безопасности в тихоокеанском регионе к оказанию СССР военной помощи Китайской Республике. Отправной точкой для возобновления двустороннего военно-политического сотрудничества стало подписание в августе 1937 г советско-китайского пакта о ненападении.

В связи с этим, выделяется второй («военно-стратегический») период 1937–1942 гг. На его протяжении СССР стремился использовать улучшение отношений с Китаем для предотвращения открытого военного конфликта с Японией и создать в противовес японскому влиянию в Маньчжурии собственные буферные зоны в Монголии и Синьцзяне. Москва не отказалась от задачи привести к власти в Китае Компартию, а лишь отложила ее решение. Она была заинтересована в обеспечении для КПК относительно стабильного периода и восстановления ее вооруженных сил, практически полностью уничтоженных в противостоянии с войсками Чан Кайши.

На формирование советской позиции в диалоге с Гоминьданом влияли следующие факторы. За исключением ГМД, в Китае отсутствовали

политические силы, способные на сопротивление Японии, но, вместе с тем, рост националистических настроений создавал условия для создания единого антияпонского фронта КПК и ГМД. Это стало возможно, поскольку в обстановке борьбы Китая за сохранение государственности, требовавшей консолидации общества для противостояния внешней угрозе, понятия патриотизм и национализм были тесно связаны. Легализация КПК в рамках единого фронта создавала возможность для ее восстановления после потери опорных баз на юге Китая, привлечения общественной поддержки, расширения агитационной деятельности. Продолжение конфронтации СССР с правительством Чан Кайши могло подтолкнуть его к поиску компромиссов с Токио. Поражение Гоминьдана создавало перспективу высвобождения Японией войсковой группировки, использовавшейся в войне с Китаем и применения ее против СССР.

Основным мотивом для сближения И.В. Сталина и Чан Кайши в 1930-е гг. стала их заинтересованность в сдерживании вооруженной экспансии Японии на материке. В силу этого в 1937 – 1942 гг. в двусторонних связях преобладало военное сотрудничество. Идеологический фактор продолжал играть существенную роль, политика получала марксистско-ленинское обоснование, но в основе стратегии Кремля оказались уже геополитические мотивы, связанные с обеспечением безопасности и территориальной целостности страны.

Сокращение сотрудничества СССР и ГМД было продиктовано изменением международной обстановки в АТР, вызванным началом Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане, что повлекло смещение приоритетов во внешней политике как Москвы, так и Чунцина.

Таким образом, на протяжении 1923–1942 гг. внешнеполитическая концепция СССР в отношении Китая претерпела кардинальное изменение. На смену политико-идеологическим мотивам пришли военно-стратегические. Это, в свою очередь, было определяющим для форм и методов реализации военно-политического сотрудничества СССР и ГМД в каждом из периодов.

[1] Из беседы Л.М. Карахана с Г.В. Чичериным: «Арена международной борьбы империализма из Европы, Тихоокеанского бассейна переходит к берегам Тихого океана и намечает своим центром Китай». Подробнее см.: Соколов В.В. На боевых постах дипломатического фронта: Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М., 1983. С. 110–126.

[2] Цит. по: Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2. : 1922–1926. М., 2015. С. 631.

[3] Генералы-милитаристы – военные губернаторы провинций, именовавшиеся до июля 1916 г. *цзянцзюнями*, в период 1916–1924 гг. – *дунцзюнями*, с 1924 г.– *дубанями*. См.: Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011. С. 210.

[4] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 224.

[5] Системная история международных отношений. Т. 1 : События 1918–1945 гг. / Под. ред. А.Д. Боготурова. М., 2000. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1.

[6] После Синьхайской революции 1911–1913 гг. и до середины 1916 г. власть в Китае удерживала Бэйянская группировка генералов-милитаристов, возглавляемая Юань Шикаем. После его смерти 6 июня 1916 г. Бэйянская группировка распалась. Военные губернаторы провинций начали борьбу за власть. Наиболее крупными милитаристскими кликами являлись Аньхойская (Аньхуэйская), Фэнтяньская и Чжилийская группировки. В сферу влияния Аньхойская клики (лидер Дуань Цижуй) входили провинции Хэнань, Аньхуэй, Чахар, Чжили, Шаньдун, Внутренняя Монголия, частично провинция Фуцзянь. Группировка контролировала пекинское правительство в 1916–1920 гг. и ориентировалась на Японию. В 1920 г. Аньхойская клика утратила свое влияние, потерпев поражение в войне с Чжилийской группировкой (лидеры Цао Кунь и У Пэйфу). Чжилийцы контролировали провинции Чжили, Шаньдун, Хэнань, с 1921 г. Цзянсу, Хубэй и Шэньси. Чжилийская клика преобладала в центральном правительстве в 1920–1924 гг., но и после своего ослабления оказывала влияние на политику Пекина до 1926–1927 гг. Основным соперником этой группировки являлась Фэньтяниская клика Чжан Цзолиня. Ей подчинялись провинции Цзилинь, Хэйлуцзян, с 1921 г. Внутреняя Монголия, Синьцзян, Жэхэ, Суйюань и Пекин Тяньцзинский район. В 1924–1928 гг. Фэньтяньская группировка наравне с чжилийскими генералами боролась за влияние в Пекине, в 1928 г. признала власть гоминьдановского правительства Чан Кайши. Кроме того, в северных провинциях существовали генералы-милитаристы, временно примыкавшие к обозначенным выше группировкам. Наиболее влиятельным из них являлся Янь Сишань, укрепившийся в провинции Шаньси. Милитаристы провинций Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Хунань, Гуандун, Гуанси составляли Юго-Западную группировку, не входившую в состав первоначальной Бэйянской клики. Подробнее см.: Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 210–214.

[7] Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 96.

[8] Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 195.

[9] Там же.

[10] Цит. по: Капица М.С. Советско-китайские отношения. С. 102.

[11] Там же. С. 103.

[12] Системная история международных отношений. Т. 1. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1.

[13] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М., 1959. С. 82–83.

[14] О реакции иностранных представителей посольского квартала в Пекине на переговоры и заключение советско-китайского соглашения подробнее см.: Соколов В.В. На боевых постах… С. 120–126.

[15] Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М., 2011. С. 89.

[16] Подробнее см.: Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 111-116; Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014. С. 12–56.

[17] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 94.

[18] Подробнее см.: Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 23–30.

[19] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 83.
[20] Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. С. 94.
[21] Там же. С. 94–95.
[22] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 92–93.
[23] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 310.
[24] Там же. С. 311.
[25] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 83–85.
[26] Воскресенский А.Д. Россия и Китай … С. 201.
[27] Термин «неравноправный договор» (不平等条约) был зафиксирован в китайской газетной публикации 1897 г. и получил широкое распространение во время «движения 4 мая». В советской политической литературе он закрепился в 1920-е гг. В исследованиях этим термином обозначаются межгосударственные соглашения, предоставляющие одному из контрагентов односторонние преимущества. В договорах Китая с европейскими державами, Японией и США в число такого рода положений чаще всего включали: право экстерриториальности и консульской юрисдикции, создания сеттльментов, наличие односторонних таможенных привилегий, право на размещение воинского контингента. Китайский исследователь Ван Тэй наравне с содержательной стороной документов предложил рассматривать обстоятельства, при которых был заключен договор. В частности, применение военной силы или угрозы ее применения. Тем не менее, вопрос об определении понятия «Неравноправный договор» по-прежнему остается дискуссионным. Подробнее см.: Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии … Т. 2. С. 896–904.
[28] Воскресенский А.Д. Россия и Китай … С. 202–207.
[29] Там же. С. 203.
[30] Подробнее см.: Elleman B.A. Diplomacy and deception: the secret history of Sino-Soviet diplomatic relations, 1917–1927. N.Y., 2015. P. 205–206.
[31] Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003. С. 140.
[32] Капица М.С. Советско-китайские отношения. С. 133.
[33] Сапожников Б.Г. Первая гражданская революционная война в Китае 1924–1927 гг. Военно-исторический очерк. М., 1954. С. 6–7.
[34] Подробнее см.: Воронцов В.Б. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989. С. 30–32; Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М., 2001. С. 24–25.
[35] Далин С.А. Китайские мемуары 1921–1927 гг. М., 1975. С. 133.
[36] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2147. Л.25.
[37] Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990. С. 24.
[38] Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 39.
[39] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2194. Л.112.
[40] Сунь Ятсен и советско-китайские отношения: новые архивные документы // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 115.
[41] Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / К.П. Агеенко, П.Н. Бобылев, Т.С. Манаенков [и др.]. М., 1975. С. 17; Юркевич А.Г. Советская помощь Гоминьдану в 1920-е гг.: к вопросу о критериях оценки // Проблемы Дальнего Востока. 2011. №6. С. 135–136.
[42] Подробнее о подходах РКПБ(б) и Коминтерна к стратегии единого фронта и роли в нем КПК см. п. 1.2 – прим. *И.В.*
[43] Северный поход 1926–1927 гг. – поход Национально-революционной армии Китая (НРА) из провинции Гуандун на север, против северных генералов-милитаристов, в целях формирования сильной центральной власти и ликвидации полуколониального статуса

Китая. См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 12 : Репарации – Славяне / Гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1969. Ст. 657–658.
[44] Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М., 2000. С. 67,70.
[45] К весне 1926 г. в распоряжении ГМД находилась НРА и Национальные армии соседних с Гуандуном южных провинций – Гуанси и Гуйчжоу. Расстановка сил милитаристов была следующей: Маньчжурия, провинция Шаньдун и центральный район Пекин–Тяньцзинь контролировались фэньтянской группировкой, которой командовали Чжан Цзолин и Чжан Цзунчан. Центральный Китай (юго-запад провинции Чжили, Хэнань, восточная часть Шэньси, Хубэй, Хунань) управлялся чжилийской группировкой У Пэйфу. В восточном Китае (провинции Цзянсу, Аньхуэй, Чжэцзян, Цзянси, Фуцзянь) дислоцировались войска маршала Сунь Чуаньфана. Подробнее см.: Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 239.
[46] О составе и командовании национальных армий см. прим. к п. 1.2 – прим. *И.В.*
[47] Александров С.И. Помощь Советского Союза национальным армиям в Северном Китае в 1925 – 1927 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №3. С. 133–134.
[48] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 239-240.
[49] Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. С. 70.
[50] Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае. С. 38–39.
[51] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 39.
[52] Там же
[53] Подробнее см.: Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. N.Y., Oxford, 1988. P. 42–46.
[54] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 244.
[55] Командиры НРА были недовольны выступлениями крестьянских союзов и рабочих пикетов, организованных КПК. Направленные против зажиточных слоев населения, они затрагивали интересы тех социальных групп, к которым принадлежало большинство офицерского корпуса НРА. 17 мая 1927 г. командир дивизии НРА Ся Доуинь поднял мятеж, требуя взять под контроль объединения аграриев. 21 мая 1927 г. командир полка НРА Сюй Кэсян разоружил рабочие пикеты в Чанша; аналогично действовал в Наньчане Чжу Пэйдэ. См. Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 40–41.
[56] Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана … С. 88.
[57] Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. С. 9–10.
[58] «Меморандум Танака» фигурировал в материалах Токийского международного военного трибунала (1946–1948 гг.), как документ, представленный американской стороной обвинения под № 169. См.: Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 25.
[59] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 143; Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С.31.
[60] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. С. 27–30.
[61] Там же
[62] Цит. по: Можейко И.В. Западный ветер – ясная погода. М., 2012. С. 15.
[63] Цит. по: Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. С.21–22.
[64] Цит. по: Можейко И.В. Западный ветер – ясная погода. С. 15.
[65] Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. С. 11–12.
[66] Там же. С. 12.
[67] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 41.
[68] Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. М., 1995. С. 10; Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949). / под ред. Е. М. Жукова. М., 1956. С.409.
[69] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 42.
[70] Вооруженному восстанию рабочих и военнослужащих в Гуанчжоу 11–13 декабря 1927 г. См.: Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 239.

[71] Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / Е.Г. Капустян и др. ; отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 1998. URL: http://militera.lib.ru/research/bogaturov/index.html.
[72] ГАХК. Ф.Р-893. Оп.1. Д.1. Л. 224.
[73] Там же.
[74] Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / Под. ред. В.П. Зимонина. Хабаровск, 1989. С. 32–33.
[75] Таэль – денежно-весовая единица Восточной Азии, применявшаяся с древних времен в Китае; ныне вышла из употребления. 1 лян (серебряный таэль) – слиток серебра весом 36 г. до 1930–1933 гг. использовался для расчета таможенных пошлин См.: Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М., 1999. // URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/
[76] Советско-китайская торговля расширяется // Тихоокеанская звезда. 1929. 5 января.
[77] ГАХК. Ф.Р-893. Оп.1. Д.1. Л.28–31.
[78] По сообщению агентства «Азиатик» // Тихоокеанская звезда. 1929. 1 сентября.
[79] Мукденские авантюристы захотели мира // Тихоокеанская звезда. 1929. 29 октября.
[80] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 45.
[81] Конфликт на КВЖД … С. 32–33.
[82] В ноте Народного комиссара по иностранным делам (НКИД) СССР поверенному в делах Китайской Республики в Москве содержались следующие условия: «созвать немедленно конференцию для урегулирования всех вопросов, связанных с КВЖД; китайские власти немедленно отменяют все самоличные действия в отношении КВЖД; все арестованные советские граждане немедленно освобождаются, и китайские власти прекращают все преследования и притеснения в отношении как советских граждан, так и в отношении советских учреждений». См.: Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 126–130.
[83] Конфликт на КВЖД … С. 38–39.
[84] Подробнее о ситуации на советско-китайской границе см.: Волкова И.В. Обстановка на советско-китайской границе в конце 1920-х гг. // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной молодежной научной конференции. Томск, 2015. Вып. 11. Т. 1. С. 423–428.
[85] Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. М., 1985. С. 92.
[86] Подробнее об операциях проведенных силами ОДВА на границе с Китаем в 1929 г. см.: Волкова И.В. Анализ политической ситуации вокруг конфликта на Китайско-Восточной железной дороге 1929 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов II Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Самара, 2015. С. 38–46.
[87] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С.139–140.
[88] Конфликт на КВЖД … С. 154.
[89] Лига Наций не поможет // Тихоокеанская звезда. 1929. 1 декабря.
[90] Нанкинские дипломаты запутались // Тихоокеанская звезда. 1929. 3 декабря.
[91] Конфликт на КВЖД … С. 154.
[92] Декларация французского, американского и британского правительств, врученная т. Литвинову // Тихоокеанская звезда. 1929. 5 декабря.
[93] Документы внешней политики СССР. Т. 12 : 01 января 1929 – 31 декабря 1929. М., 1967. С. 603–605.
[94] Документы внешней политики СССР. Т. 12. С. 601–602, 673–676.
[95] Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. С. 4.
[96] Подробнее см.: Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана … С. 91–120.

[97] Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). М., 1978. С. 8–9.
[98] Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. С. 23.
[99] Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства … С. 10.
[100] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 35–36; Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. / под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток, 2015. С. 244.
[101] Цит. по: Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии … Т. 2. С. 627.
[102] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41: май – ноябрь 1920 г. М., 1981. С. 161–168, 437–438, 457, 458–460. Подробнее см.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 70–72.
[103] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 6–14, 26–37; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 161–169.
[104] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 14.
[105] Картунова А.И. Политика Москвы … М., 2001. С. 18.
[106] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 10.
[107] Там же. С. 13–14.
[108] Там же. С. 25–26.
[109] Там же. С. 34.
[110] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 37.
[111] Подробнее см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. : 1920–1925 гг. М., 1994. С. 149–151.
[112] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 64–65.
[113] Там же. С. 54.
[114] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 56.
[115] Подробнее см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. С. 239–240.
[116] Подробнее см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. С. 308–311; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 245, 251–253, 277, 309, 314, 318, 325, 330, 335.
[117] Сталин И.В. Сочинения. Т. 10 : август – декабрь 1927 г. М., 1949. С. 10–36, 41–60. Подробнее см.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 122–123.
[118] Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. С. 51.
[119] На формирование данного подхода существенное влияние оказали взгляды Г.Н. Войтинского, заведующего Дальневосточным отделом ИККИ – прим *И.В.*
[120] Сталин И.В. Сочинения. Т. 7 : 1925 г. М., 1947. С. 146–147.
[121] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 126–129.
[122] Цит. по: там же. С. 131.
[123] В феврале 1926 г. ЦИК ГМД даже обратился в ИККИ с официальной просьбой о принятии Гоминьдана в состав Коминтерна – прим *И.В.*
[124] Движение тридцатого мая – мощный подъем массовых патриотических и антиколониальных выступлений в Китае летом 1925 г., поводом для которого послужил расстрел 30 мая 1925 г. полицией международного сеттльмента демонстрации в Шанхае. Подробнее см.: Советская историческая энциклопедия. Т. 14. : Таанах – Фелео. / Гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1973. С. 415.
[125] Подробнее см.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. С.44–58.
[126] Идея создания специальной наблюдательной комиссии при ИККИ была изложена Г.В. Чичериным в письмах к Г.Е. Зиновьеву от 1 ноября и 5 декабря 1923 г. Однако на тот момент эта инициатива реализована не была. Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б) была образована 19 марта 1925 г. Первым ее руководителем стал председатель Реввоенсовета,

народный комиссар по военным делам СССР М.В. Фрунзе. После его смерти пост был передан заместителю председателя Реввоенсовета, замнаркома по военным и морским делам СССР И.С. Уншлихту. 20 сентября 1926 г. его Комиссию возглавил К.Е. Ворошилов. В состав нового органа входили Фрунзе, Чичерин, Молотов и Петров (Ф.Ф. Раскольников) с заменой Войтинским. По первоначальному замыслу Комиссия создавалась «для наблюдения за текущими мероприятиями по помощи Гоминьдану и сочувствующим ему группам» (ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т.1. С. 534). Однако достаточно быстро она стала вторым после Политбюро органом по выработке политики СССР в отношении Китая. Протоколы Китайской комиссии Политбюро см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т.1. Подробнее о деятельности Комиссии см.: Картунова А.И. Роль Г. В. Чичерина в китайской политике Советской России. // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №4. С.77–96; Новые материалы о Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП (б). Публикация А. Григорьева, К. Шевелева. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. №4. С.87–95.

[127] В состав гоминьцзюня входили три армии. Главнокомандующим гоминьцзюня и командующим 1-ой Национальной армии являлся Фэн Юйсян, руководство 2-ой Национальной армией осуществлял Ху Цзинъи (военный губернатор – дубань – провинции Хэнань), затем Юэ Вэйцзюнь, 3-ю Национальную армию возглавлял генерал Сунь Юэ (дубань провинции Шэньси). См.: Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 238.

[128] Цит. по: Галенович Ю.М. Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М., 2008. С. 99.

[129] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 110.

[130] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 58.

[131] Там же.

[132] Там же. С. 74.

[133] Там же. С. 75.

[134] Там же. С. 76.

[135] Там же.

[136] Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М., 2016. С. 219.

[137] Подробнее см. п.2.1 – прим. *И.В.*

[138] Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае. С.55.

[139] В начале 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было создано две специальных комиссии. Первая под председательством Л.Д. Троцкого работала в Москве. Вторая под руководством начальника Политического управления РККА А.С. Бубнова (псевдоним на период командировки – Ивановский) была сформирована для непосредственной работы в Китае. В ее состав были включены Н.А. Кубяка, И.И. Лепсе, Л.М. Карахан. В задачи комиссии входили анализ текущей обстановки в Китае с целью определения перспектив развития революции и целесообразности Северного похода НРА, оценка корректности подбора кандидатур и упорядоченье работы советских военных советников в НРА, выработка рекомендаций о корректировке советской политики в отношении Китая. Подробнее о работе комиссии А.С. Бубнова (Ивановского) см.: Картунова А.И. Политика Москвы … С. 96–109.

[140] После фамилии здесь и далее в скобках указаны псевдонимы советских специалистов на период их командировки в Китай – прим. *И.В.*

[141] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 236–237.

[142] Там же. С. 238–239.

[143] Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 102–103.

[144] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 666.

[145] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2. : 1926–1927 гг. Ч.1. М., 1996. С. 161.

[146] Подробнее см: Картунова А.И. Политика Москвы … С. 80–95.

[147] Там же. С. 112.
[148] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 2. Ч. 1. С. 174.
[149] Там же. С. 195.
[150] Там же. С. 228.
[151] Там же. С. 239.
[152] Картунова А.И. Политика Москвы … С. 138–141.
[153] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 156.
[154] Цит. по: там же. С. 154
[155] Троцкий Л.Д. Коммунистический Интернационал после Ленина (Великий организатор поражений). М., 1993. С. 221
[156] Цит. по: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 160.
[157] Из выступления И.В. Сталина на июльском (1926 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б): «Это было месяца два назад, когда Зиновьев вышел в Политбюро с рядом директив китайским коммунистам, требуя, чтобы мы допустили выход китайской компартии из Гоминьдана. Еще раньше тов. Троцкий выходил в политбюро с этим предложением, но Политбюро отвергло его». Подробнее см.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 162.
[158] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 2. Ч. 1. С. 202.
[159] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 : в 4 т. Т. 2. М., 1990. С. 103.
[160] Там же. С. 104.
[161] Там же. С. 106–107.
[162] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 171.
[163] О формировании в ВКП(б) оппозиционной платформы по китайскому вопросу см.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 161–177.
[164] Подробнее см.: Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 257–278.
[165] Основные решения по китайскому вопросу. М., 1927. С. 22–23.
[166] Там же. С. 22–25.
[167] Там же. С. 31–32.
[168] Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции (на примере Китая) : сборник документов. М., 1934. С. 134–135.
[169] Там же. С. 136.
[170] Там же. С. 141–142.
[171] Цит. по: Картунова А.И. Почему В.К. Блюхер поддерживал Чан Кайши. // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С.62.
[172] Там же.
[173] Цит. по: там же. С.61.
[174] Цит. по: там же.
[175] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 313.
[176] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 183.
[177] Архив Троцкого : в 3 т. Т. 1. Харьков, 1999. С. 75.
[178] Там же.
[179] Там же. С. 78.
[180] Там же. С. 78–79.
[181] Там же. С. 102.
[182] Там же. С. 134–136.
[183] Там же. С. 136–138.
[184] ИККИ и ВКП(б) по китайскому вопросу (основные решения). М., 1927. С. 77–90.
[185] Архив Троцкого : в 3 т. Т. 1. Харьков, 1999. С. 143.
[186] Там же.
[187] Там же. С. 144–145.

[188] Там же. С. 203.
[189] Там же.
[190] Там же. С. 215.
[191] Подробнее см.: ИККИ и ВКП(б) по китайскому вопросу … С. 162.
[192] Там же. С. 163–164.
[193] Там же. С. 164.
[194] Подробнее см.: там же. С. 169–203.
[195] Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 116.
[196] Подробнее см.: Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 325–340.
[197] Рафес М.Г. Китайская революция на переломе. М., 1927. С. 206–207.
[198] Там же. С. 207.
[199] Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. С. 11.
[200] Там же. С. 15.
[201] Там же. С. 26.
[202] Там же. С. 27.
[203] Там же. С. 35.
[204] Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции … С. 188.
[205] Там же. С. 189.
[206] Там же. С. 191.
[207] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 217–219.
[208] Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае. С.72.
[209] Подробнее см.: Советы в Китае : сборник материалов и документов. М., 1933. С.115–145.
[210] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 224.
[211] Рафес М.Г. Китайская революция на переломе. М., 1927; Миф П.А. Китайская революция. М., 1932; Против троцкистской оппозиции : сборник статей. М., Л., 1927; Рой М.Н. Китайская революция и Коммунистический Интернационал : сборник статей и материалов. М., Л., 1929; Мадьяр Л.И. Современное состояние китайской революции : дискуссия в коммунистической академии. М., 1929.
[212] РГАСПИ. Ф.495. Оп.44. Д.13. Л.2.
[213] РГАСПИ. Ф.495. Оп.44. Д.13. Л.25–26.
[214] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 198.
[215] Там же. С. 200–202.
[216] Там же. С. 205–206.
[217] См.: Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 82; Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 350.
[218] Подробнее см.: Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002; Его же. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М., 2010; Кошкин А.А. Россия и Япония : Узлы противоречий. М., 2010; Смирнов А.Г. Рожденный на Уссури. К 85-летию Уссурийского Краснознаменного ордена Трудового Красного Знамени пограничного отряда имени В.Р. Менжинского. Владивосток, 2007; Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.
[219] Подробнее см.: Ямпольский В.П. На границе тучи ходят хмуро. // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 44–50; Его же. Ё. Мацуока: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска» // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 50–55; Его же. «…не хочешь находиться в тюрьме – изъяви желание сотрудничать с разведкой». Подрывная работа японских спецслужб против Советского Союза // Военно-исторический журнал. 2001. № 12. С. 29–33; Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014; Волкова И.В. Деятельность японских спецслужб на Дальнем Востоке СССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг. // Амурский научный вестник. 2016. №2. С.36–46. URL: http://www.amgpgu.ru/activity/scinsce/library/sborstat/1798/7707433/?id=4

[220] Подробнее см. п.1.4
[221] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. М., 1980. С. 39–40.
[222] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 7.
[223] Центральный советский район – опорная база КПК, расположенная в пограничных районах провинций Цзянси и Фуцзянь. Административный центр – г. Жуйцзин. См.: Великий поход 1-го фронта китайской Рабоче-крестьянской Красной Армии. Воспоминания. М., 1959. С. 13.
[224] Браун О. Китайские записки (1932–1939). М., 1974. С. 106.
[225] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 345.
[226] Там же. Подробнее см.: Великий поход 1-го фронта китайской Рабоче-крестьянской Красной Армии. Воспоминания. М., 1959.
[227] По данным О.Е. Непомнина за период 1932–1935 гг. из 180 тыс. военнослужащих, вооруженные сила КПК потеряли убитыми, ранеными, пленными, больными и отставшими 120 тыс. См.: Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 346.
[228] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 350.
[229] Цит. по: Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. С. 64.
[230] Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. С. 427-428.
[231] Кошкин А.А. Россия и Япония : Узлы противоречий. С. 150.
[232] Цит. по: там же.
[233] Смирнов А.Г. Рожденный на Уссури. С. 54.
[234] Мильбах В.С. «У высоких берегов Амура…». Пограничные инциденты на реке Амур в 1937–1939 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. С. 38.
[235] Ямпольский В.П. «…не хочешь находиться в тюрьме … С. 29–33
[236] Пограничные войска СССР 1929–1938 : сборник документов и материалов. М., 1972. С. 537.
[237] Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. С. 432.
[238] 5 июня 1937 г. на участке ответственности 21-й советской стрелковой дивизии японское воинское подразделение заняло одну из приграничных сопок в районе озера Ханка. На помощь пограничникам был направлен 63-й стрелковый полк под командованием полковника И.Р. Добыша. Однако к моменту его прибытия к месту нарушения границы, японцы отошли на свою территорию. 30 июня 1937 г. на Амуре японцы потопили советский пограничный бронекатер. При этом погибли 7 членов экипажа и командир - лейтенант И.В. Беляев. В это же время со стороны маньчжурского населенного пункта Ганьчаза были обстреляны бронекатер № 74 и канонерская лодка № 308. См.: Мильбах В.С. «У высоких берегов Амура…». С. 39.

21 августа 1938 г. в районе Туаньшаньцзы (р. Уссури) японо-маньчжурский отряд численностью 16 чел. открыл огонь по советской пограничной заставе. В ходе боя с советскими пограничниками 12 солдат противника взяты в плен. 25 мая 1939 г. сторожевые катера «Цзи-Мин», «Эн-Мин» и один катер погранполиции высадили на остров № 124 (2,5 км. северо-западнее села Видное) более двух взводов пехоты. В ходе боя с советскими пограничниками убито около 120 солдат и офицер. Все три катера в результате обстрела были выведены из строя и сожжены. См.: Ямпольский В.П. На границе тучи ходят хмуро. С. 41.
[239] Подробнее см.: Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 412–413
[240] Гасанлы Дж.П. Синьцзян в орбите советской политики … С. 21.
[241] Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т. 3. : Советско-китайские отношения, сент. 1931 – сент. 1937. М., 2010. С. 193.
[242] Цит. по: Мировицкая Р.А. Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутриполитической стабильности в Китае. // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне : сб. материалов науч. конф. М., 2012. С. 20.
[243] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 310.

[244] Там же. С. 315–316.
[245] Подробнее см.: Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях в 1918–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. №4. С. 113–122; Бармин В.А. Синьцзян в истории советско-китайских отношениях в 1931–1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 6. С. 91–103. ; Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1. : от октября 1917 г. до октября 1949 г. М., 1992.
[246] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 127.
[247] С июля 1934 г. –Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД – прим. *И.В.*
[248] Подробнее о спецоперации войск ОГПУ (НКВД) в Синьцзяне 1934 г. см. Гасанлы Дж.П. Синьцзян в орбите советской политики … С. 37–39.
[249] Паршев А.В., Степаков В.Н. Когда началась и закончилась Вторая мировая. М., 2007. С.369–370
[250] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.60. Л.65.
[251] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.60. Л.66.
[252] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.60. Л.70.
[253] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.60. Л.75.
[254] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.25. Л.18.
[255] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 154–155.
[256] Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. С. 385–386
[257] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 154.
[258] Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 146.
[259] 24 марта 1936 г. нападению японо-маньчжурского отряда подверглась погранзастава МНР Монгол-Дзагас в районе озера Буир-Нур. 29 марта 1936 г. японо-маньчжурские отряды предприняли попытку захвата погранзаставы Адык-Долон, находившейся в 45 км от линии границы, и Булун-Дерсу, в 50 км северо-западнее Адык-Долон. Пограничники отбили оба нападения. Но уже 31 марта Адык-Долон вновь подвергся атаке и был занят противником. Вооруженным силам МНР удалось вернуть контроль над этим пунктом только на следующий день. Подробнее см.: Горбунов Е.А. Восточный рубеж. С. 206; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. С. 63–64.
[260] Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай … С. 205.
[261] Документы внешней политики СССР. Т. 19. : 01 января 1936 – 31 декабря 1936. М., 1974. С. 136–137.
[262] Горбунов Е.А. Восточный рубеж. С. 206–207.
[263] Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай … С. 208.
[264] Цит. по: там же. С. 208–209.
[265] Цит. по: там же. С. 209.
[266] Там же.
[267] Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. С. 137–139.
[268] Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае. С. 94.
[269] Там же. С. 95.
[270] Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. С. 77.
[271] Там же. С. 78,112.
[272] Подробнее о китайско-немецком сотрудничестве см.: Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. С. 116–121.
[273] Там же. С. 153–154.
[274] Там же. С. 137–138.
[275] Цит. по: Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 347.
[276] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 47–48.
[277] Цит. по: Браун О. Китайские записки (1932 – 1939). С. 210.
[278] Цит. по: там же.
[279] Цит. по: там же.

[280] Воронцов В.Б. Судьба китайского Бонапарта. С. 149–151.
[281] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 736.
[282] An Illustrated History of China's War of Resistance Against Japan. Beijing, 1995. P. 21–26.
[283] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 733.
[284] Подробнее о позиции СССР в урегулировании Сианьских событий см. п. 3.1. – прим. *И.В.*
[285] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 362.
[286] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html
[287] Дивизия типа «А» (трехполкового состава) имела: 22618 солдат и офицеров, 145 артиллерийских орудий, от 37-мм пушек ПТО до 105-мм гаубиц, 24 танка и бронемашины. В составе дивизии типа «Б» (четырехполкового состава) было 24317 солдат и офицеров, 104 артиллерийских орудия. Авиаотряд сухопутной авиации имел от 30 до 50 самолетов. См.: Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977. С. 82. Подробнее о составе и организации японской армии см.: Джоуэтт Ф. Японская армия. 1932–1942. М., 2003. С. 9–15.
[288] Там же.
[289] Там же. С. 83.
[290] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html
[291] An Illustrated History of China's War … P. 27–34.
[292] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html
[293] Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961. С. 55.
[294] Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 39.
[295] Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт - человек и политик. М., 1969. С. 309.
[296] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 31–32.
[297] Севостьянов Г.Н. Политика великих держав … С. 62.
[298] Там же. С. 64.
[299] Ледовский А.М. Китайская политика США и советская дипломатия. 1942–1945 гг. М., 1985. С. 75.
[300] Капица М.С. Советско-китайские отношения. С. 282–283.
[301] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.330. Л.117.
[302] Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953. С. 208.
[303] 1 юань (кит. долл.) – в рассматриваемый период серебряная монета, равная 24 г. серебра. См.: Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М., 1999. // URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ econ_dict/
[304] Там же. С. 209.
[305] Подробнее в военных планах Японии в отношении СССР и Китая см.: Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. С. 24–62; Его же. Россия и Япония: Узлы противоречий. С. 145–176; Его же. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М.: Вече, 2011. С. 13–55; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. С. 38–67; Партитура Второй мировой. Гроза на востоке / Авт. сост. А.А. Кошкин. М., 2010. С. 7–16.
[306] В 1937 г. на предложение советского посла в Вашингтоне А.А. Трояновского о заключении пакта о ненападении без Японии Ф.Д. Рузвельт прямо ответил: «Пактам веры нет… Главная гарантия... – это сильный флот...». Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт … С. 309–310.
[307] Подробнее см. п. 3.1 и 3.2 – прим. *И. В.*
[308] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 58.
[309] Ibid. P.75–76.
[310] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 366–368; Зайцев Е.Б., Смирнов Л.Н. Суд в Токио. М., 1984. С. 469.

[311] Ухань – город расположенный в районе слияния рек Янцзы и Ханьшуи, представлял собой агломерацию трех городов (Трехградье) – Учан, Ханькоу и Ханьян – прим. *И.В*.
[312] Подробнее о сражении по Тайэрчжуань см.: Mitter R. China's War With Japan, 1937–1945. The Struggle for Survival. N.Y., 2013. P. 141–154.
[313] Подробнее о военной экономике Японии см.: Можейко И.В. Западный ветер – ясная погода; Биссон Т.А. Военная экономика Японии. М., 1949; Лиф Ш.Б. Война и экономика Японии. М., 1940; Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). М., 1970.
[314] О японо-китайской войне подробнее см.: Mitter R. Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945 N.Y., 2013; Mitter R. China's War With Japan, 1937–1945. The Struggle for Survival. N.Y., 2013; Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977; Партитура Второй мировой. Гроза на востоке / Авт. сост. А.А. Кошкин. М., 2010.
[315] Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства … С. 59.
[316] Там же. С. 63.
[317] Рябченко Н.П. О Китае и российско-китайских отношениях. Владивосток, 2016. С. 72; Шубин А.В. Мир на пути к войне. С. 245.
[318] Русско-китайские отношения в XX в. : материалы и документы. Т. 4. : Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1. : 1937–1944 гг. М., 2000. С. 256.
[319] Шубин А.В. Мир на пути к войне. С. 246; Рябченко Н.П. О Китае и российско-китайских отношениях. С. 71–73.
[320] Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства … С.76.
[321] Используя изоляционизм США летом 1939 г. Токио усилил давление на Англию и Францию. В результате Тяньцзинского инцидента Японии удалось добиться подписания соглашения Ариты – Крейги, фактически означавшего признание Лондоном законности власти Токио на оккупированных территориях. Франция не возражала. См.: Шубин А.В. Мир на пути к войне. С. 248.
[322] Подробнее см.: Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства … С. 88–128.
[323] Там же. С. 92.
[324] Там же. С. 109.
[325] Подробнее о политике Японии, европейских держав и США на Дальнем Востоке в 1937–1941 гг. см.: Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961; Его же. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1962.
[326] Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999. С. 71.
[327] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 182–183.
[328] Мировицкая Р.А. Китайская государственность … С. 71.
[329] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 81–82.
[330] Ibid. P.6.
[331] Цит. по: Мировицкая Р.А. Китайская государственность … С. 79.
[332] Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942–1945. М., 1974. С. 92–93,124.
[333] Там же. С. 41.
[334] Подробнее о позиции СССР в отношении политического и дипломатического сотрудничества с гоминьданом в начале 1940-х гг. см. п. 3.1. – прим. *И. В.*
[335] Подробнее о событиях войны в Тихом океане 1941–1945 см.: Хорикоши Д. «Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне. М., 2001; Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. СПб., 2000; Клавинг В.В. Япония в войне. М., 2004; Можейко И.В. Западный ветер – ясная погода. М., 2012.
[336] Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 : По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996. С. 359.

[337] Астафьев Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945). // Вопросы истории. 1984. №9. С. 81.
[338] Павляк С. Политика США по отношению к Китаю (1941–1955). М., 1976. С. 62–64.
[339] Подробнее см.: Мировицкая Р.А. Китайская государственность … С. 75–78.
[340] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 191.
[341] Мухин М.Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930–1940-е годы. // Новая и Новейшая история. 2004. №5. С. 234–236.
[342] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 136.
[343] Там же.
[344] Астафьев Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю … С. 81.
[345] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 165.
[346] Мировицкая Р.А. Советско-китайское взаимодействие накануне и на первом этапе Второй мировой войны (1937–1941 гг.). // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 111.
[347] Жертвы японских захватчиков // Сталинский Комсомольск. 1938. 16 июня; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 25 июня; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 28 июня; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 2 июля; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 4 июля; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 6 июля; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 14 июля; Чан Кайши об итогах первого года японо-китайской войны // Сталинский Комсомольск. 1938. 10 июля; Участие компартии Китая в национально-политическом совете // Сталинский Комсомольск. 1938. 10 июля; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 16 июля; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 20 июля; Военные действия в Китае // Сталинский Комсомольск. 1938. 25 июля; В провинции Шаньси // Сталинский Комсомольск. 1938. 4 августа; Бой китайских истребителей с японскими истребителями // Сталинский Комсомольск. 1938. 9 августа; Бомбардировка Янсина // Сталинский Комсомольск. 1938. 18 августа.
[348] Война на Тихом океане и в Китае (Обзор телеграмм с 20 по 23 мая) // Сталинский Комсомольск. 1942. 26 мая; Война на Тихом океане (Обзор телеграмм с 20 по 30 мая) // Сталинский Комсомольск. 1942. 2 июня; Война на Тихом океане (Обзор телеграмм с 3 по 6 июня) // Сталинский Комсомольск. 1942. 9 июня; Война на Тихом океане (Обзор телеграмм с 13 по 17 июня) // Сталинский Комсомольск. 1942. 20 июня; Война на Тихом океане // Сталинский Комсомольск. 1942. 29 июля; Война на Тихом океане // Сталинский Комсомольск. 1942. 16 августа; Война на Тихом океане // Сталинский Комсомольск. 1942. 9 сентября; Война на Тихом океане // Сталинский Комсомольск. 1942. 18 сентября.
[349] Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 135.
[350] Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. С. 91.
[351] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 348–352.
[352] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. С. 45–46.
[353] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. : ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. Ч. 1. М., 2003. С. 70–71.
[354] Там же.
[355] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 237–238.
[356] Там же. С. 239.
[357] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. Ч. 1. С. 44–48.
[358] Там же. С. 44, 48. Подробнее см.: Заявление Временного центрального правительства Китайской советской республики и Реввоенсовета Китайской рабоче-крестьянской армии от 10 января 1933 г., Письмо ЦК КПК парийным организациям и всем коммунистам в Маньчжурии от 26 января 1933 г.
[359] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 6. О восстановлении советско-китайских отношений подробнее см. п. 3.1.
[360] Цит. по: Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. С. 34.

[361] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 254.
[362] Документы внешней политики СССР. Т. 16. : 01 января 1933 – 31 декабря 1933. М., 1970. С. 191.
[363] Там же.
[364] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 257.
[365] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. Ч. 1. С. 264–274.
[366] Там же. С. 659.
[367] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 256.
[368] Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 145.
[369] Документы внешней политики СССР. Т. 18. : 01 января 1935 – 31 декабря 1935. М., 1973. С. 248.
[370] Подробнее см. п. 2.2 – прим. *И.В.*
[371] Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 145.
[372] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 259–261.
[373] Из доклада Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 261–262.
[374] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 46.
[375] Там же. С. 47.
[376] Цит. по: Шубин А.В. Мир на пути к войне. С. 235.
[377] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 264.
[378] Там же. С. 265.
[379] Рябченко Н. П. О Китае и российско-китайских отношениях. С. 74.
[380] Цит. по: Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 143.
[381] Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 157.
[382] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 610.
[383] Там же. С. 613.
[384] Там же. С. 23.
[385] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 270.
[386] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 616.
[387] Там же.
[388] Там же. С. 23.
[389] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. Ч. 1. С. 65-66.
[390] Галенович Ю.М. Два генералиссимуса … С. 154.
[391] Подробнее о содержании договора см. п. 3.1.
[392] Подробнее см. п. 3.1, 3.2. – прим. *И.В.*
[393] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 4. Ч. 1. С. 65
[394] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 5 : ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М., 2007. С.65.
[395] Там же.
[396] Там же. С.27.
[397] Там же.
[398] Там же. С.38.
[399] Там же. С.459.
[400] Там же. С.461.
[401] Там же. С.485.
[402] Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае. С. 113–114.
[403] По дорогам Китая. 1937–1945. Воспоминания. М., 1989. С. 258–259.
[404] Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. С.75.

ГЛАВА 2. СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И ГОМИНЬДАНА В 1923–1927 гг.

2.1. Политическое взаимодействие СССР и Гоминьдана

В рассматриваемый период международная обстановка на Дальнем Востоке и внутриполитическая ситуации в Китае способствовали интенсивному развитию военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана. Правительство Сунь Ятсена, сформированное 21 февраля 1923 г., пошло на установление связей с Москвой в целях применения советского опыта военного и политико-административного строительства в Китае[1].

Деятельность лидера Гоминьдана была направлена на создание на юге провинции Гуандун надежной базы революционного движения для его последующего распространения на всю территорию страны. Однако события 1922 г.[2] показали, что добиться этого только военной силой и дипломатической игрой на противоборстве милитаристов невозможно. В результате Сунь Ятсен переосмыслил значение идеологической работы, а также роль иностранного фактора в процессе объединения Китая. К 1923 г. поиск внешних союзников не дал результатов. В то же время реализовать намеченные планы своими силами Гоминьдан был не способен[3]. В связи с этим кантонское правительство обратило более пристальное внимание на Советский Союз.

В организации политработы Сунь Ятсен рассчитывал на опыт СССР. Революционные движения в Китае и России развивались в схожих условиях. В начале 1920-х гг. в структуре населения Китая подавляющее большинство составляли крестьяне. Подобная картина была характерна и для периода революции в России. Доктрина Сунь Ятсена, как и программа РКП(б), уделяла значительное внимание преобразованиям в аграрном секторе. К концу 1923 г. Советскому Союзу уже удалось преодолеть многие трудности в формировании новой системы управления и добиться относительной политической стабилизации. СССР интересовал Сунь Ятсена в качестве базовой модели для реформирования Китая на принципиально новой политической основе[4].

Росла и заинтересованность к событиям на юге Китая со стороны СССР. К 1923 г. РКП(б) решила первоочередные задачи, связанные с установлением в стране советской власти и в основном контролировала внешние границы. На этом этапе интересы государства требовали преодоления международной изоляции, возврата утерянных экономических и дипломатических позиций. Гоминьдан в этом контексте стал рассматриваться как инструмент для укрепления СССР на Дальнем Востоке и в мировом коммунистическом движении. Полпред в Китае А.А. Иоффе отмечал в телеграмме Г.В. Чичерину и И.В. Сталину: «Если мы станем лидерами в освободительной борьбе против империалистов четырехсотмилионного народа, а это легко возможно, то от этого выиграет не только дело мировой революции, но и наша внешняя политика и международное положение, ибо с нами будут больше считаться»[5].

Коминтерн, преследуя цель создания в странах Азии единого антиимпериалистического фронта, также выступал за поддержку национально-революционного движения в Китае. На первый план выдвигалось оказание помощи в организации политической работы, подготовки партийных кадров. Это вполне сочеталось с планами Сунь Ятсена по реорганизации Гоминьдана. Однако в условиях гражданской войны и борьбы за власть милитаристских группировок объединение Китая было возможно только силовым методом. В связи с этим Сунь Ятсен был заинтересован в широкомасштабном сотрудничестве с СССР, включая взаимодействие в военной сфере (займы, поставки вооружения, военные советники).

Осенью 1923 г. кантонское правительство направило в Советский Союз делегацию в составе Чан Кайши, Шэнь Диньи, Ван Дэньюаня, Чжан Тайлэя. В ходе поездки они изучили структуру советских партийных учреждений, включая ЦК РКП(б), ознакомились с работой Советов, приняли участие в заседании Моссовета, провели встречи с ведущими политическими деятелями СССР[6].

Миссия Чан Кайши носила не только ознакомительный характер. Сторонам предстояло обсудить ключевой вопрос: готовность НКИД СССР и Коминтерна сотрудничать с ГМД в развитии национально-революционного

движения[7]. Мнение делегации о ситуации в Китае и положении партии было представлено в письменном докладе. В последних его пунктах содержались краткая программа ГМД, основанная на трех принципах Сунь Ятсена, план реорганизации партии и обоснование необходимости взаимодействия с РКП(б). В качестве аргументов, подтверждавших взаимную выгоду такого сближения, указывались: для Китая – положительное влияние на развитие революции, борьбу с милитаристами и «мировыми империалистическими державами»; для СССР – укрепление позиций на Дальнем Востоке. В тексте подчеркивалось, что сотрудничество с Гоминьданом отвечало интересам СССР: «хотя России удалось избавиться от иностранного влияния, капиталистические державы все еще планируют подорвать существование рабоче-крестьянского движения…»[8].

Свою заинтересованность в развитии переговоров продемонстрировал и НКИД СССР. Это нашло отражение в рекомендациях, направленных наркомом иностранных дел в адрес председателя ИККИ Г.Е. Зиновьева[9]. В письме от 1 ноября 1923 г. Г.В. Чичерин со ссылкой на полпреда в Китае Л.М. Карахана отзывался о необходимости реорганизации ГМД, как об «одном из важнейших вопросов китайской политики»[10].

28 ноября 1923 г. ИККИ принял «Резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан». В ней были даны рекомендации о толковании трех принципов Сунь Ятсена с точки зрения Коминтерна, подчеркивалась важность сотрудничества КПК и ГМД, высказывалось мнение о необходимости «образования общего фронта против милитаристов и их влияния в Китае с рабоче-крестьянским государством СССР» [11] . Таким образом, ИККИ продемонстрировал свою готовность поддержать Гоминьдан как основного претендента на лидерство в национально-революционном движении в Китае.

В ходе встреч делегации Чан Кайши с представителями НКИД и РКП(б) обсуждались и военные вопросы. При этом советская сторона признала целесообразность применения Сунь Ятсеном силы для достижения целей революции, допускала возможность заключения временных соглашений между

ГМД и милитаристами[12]. Однако приоритетным направлением для Москвы в отношении Гоминьдана продолжала оставаться политическая работа.

Этот факт проиллюстрирован докладной запиской М.И. Барановского о посещении 27 ноября 1923 г. китайской делегацией народного комиссара по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета СССР Л.Д. Троцкого. В ходе беседы нарком проанализировал положение в Китае и дал рекомендации о соотношении военной и политической работы в Гоминьдане. По его мнению, концентрация внимания исключительно на военных операциях не могла привести к успеху революционного движения. В восприятии рядовых граждан такая тактика сближала бы Сунь Ятсена в с северными милитаристами Чжан Цзолинем и У Пэйфу, пользующимися иностранной поддержкой. Советскую военную помощь Гоминьдану китайское общественное мнение могло оценивать аналогично: «Чжан Цзолинь – агент Японии, У Пэйфу – Америки и Англии, а Сунь Ятсен – Советской России»[13]. Троцкий пришел к выводу, что ГМД следовало резко изменить вектор своей политики, сосредоточив внимание на политической работе, тогда как «военная работа не должна превышать одной двадцатой и ни в коем случае одной десятой политической деятельности»[14].

Таким образом, за время работы в СССР миссии Чан Кайши была намечена общая концепция взаимодействия Москвы и Кантона. Однако при всей продуктивности переговоров, мнения делегатов об их результатах разделились. Чан Кайши выступал против сближения с Советским Союзом и КПК, утверждая, что Москва вынашивала агрессивные замыслы. В докладе Сунь Ятсену он отмечал, что руководство РКП(б) не верит в возможность длительного сотрудничества с Гоминьданом, а его истинная цель советизация Маньчжурии, Монголии, Синьцзяна и Тибета. По словам Чан Кайши: «Их [советский] интернационализм и мировая революция есть не что иное, как царизм под другим названием»[15]. Чжан Тайлэй, напротив, настаивал на укреплении отношений с СССР. Он утверждал, что «СССР искренне поддерживает Китай»[16].

Сунь Ятсен склонялся в пользу активизации контактов с Москвой. Большое влияние на это решение оказал внешний фактор: отсутствие поддержки

со стороны других иностранных держав. Более того, ГМД было необходимо преодолевать сопротивление Франции и Англии, стремившихся удержать свои экономические позиции в Гуанчжоу. СССР, напротив, выступал за расширение революционного движения в Китае, сотрудничество Гоминьдана и КПК.

В 1923 г. и среди коммунистов, и в Гоминьдане были противники идеи единого фронта. В ГМД данную позицию поддерживали Дэн Цзэжу, Сунь Кэ, Ху Ханьминь, Цзюй Чжэн и другие влиятельные партийные лидеры. В КПК в числе скептически относившихся к вступлению в ГМД были Чэнь Дусю, Цай Хэсэнь и Чжан Готао[17]. Напряженность в отношениях Компартии и Гоминьдана была связана с предшествовавшими событиями. Так, летом 1922 г., в период конфликта между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюнмином, КПК предпочла сохранить нейтралитет. Однако гуанчжоуская организация Компартии поддержала Чэнь Цзюнмина, что впоследствии осложнило контакты с ГМД[18].

Для преодоления недоверия между партиями руководство РКП(б), контролировавшее деятельность ИККИ, использовало IV съезд Коминтерна. Его решения были представлены в специальной резолюции от 12 января 1923 г. по вопросу отношения Компартии к Гоминьдану. В документе отмечалось, что возглавляемые Сунь Ятсеном силы являются «единственной серьезной национально-революционной группировкой в Китае»[19]. Исходя из этого, ИККИ рекомендовал членам КПК «оставаться внутри партии Гоминьдан» при сохранении собственного организационного аппарата[20].

При таком компромиссе КПК сохраняла свою специфику, оставалась активным участником революционного движения, а Гоминьдан приобретал союзника в борьбе за суверенитет и объединение Китая. СССР получал через КПК возможность влиять на политику ГМД. Резолюцией ИККИ коммунистам предписывалось «противодействовать всяким заигрываниям партии Гоминьдан с капиталистическими державами <…> влиять на Гоминьдан в смысле объединения усилий с усилиями Советской России для совместной борьбы против европейского, американского и японского империализма»[21].

Директивы Коминтерна нашли отклик в решениях III съезда КПК в Гуанчжоу (10-23 июня 1923 г.). В обращении к нему ИККИ еще раз подчеркнул, что «…в вопросе гражданской войны между Сунь Ятсеном и северными милитаристами мы [члены Коминтерна] поддерживаем Сунь Ятсена»[22]. Съезд согласился с предложением об индивидуальном членстве и поддержке ГМД, при сохранении автономии КПК в вопросах проводимой ей политики. Эти решения были закреплены в закрытой «Резолюции по вопросу о национальном движении и Гоминьдане»[23].

Таким образом, в течение первой половины 1923 г. СССР удалось заложить основу для консолидации национально-революционного движения в Китае. В результате Сунь Ятсен принял решение о расширении военно-политического сотрудничества с Москвой. В октябре 1923 г. в Гуанчжоу по приглашению лидера ГМД был направлен М.М. Бородин. Во время командировки он совмещал должности представителя Коминтерна при ЦИК КПК и главного политического советника в Гоминьдане[24].

С момента прибытия в Китай М.М. Бородин приступил к подготовке реорганизации Гоминьдана. Основные задачи партии на период реформирования Бородин видел в следующем:

1. Расширить агитационную работу, направленную на ознакомление населения Южного и Центрального Китая с программой ГМД. Этот пункт предполагал создание в крупных городах, таких как Кантон и Шанхай, органов партийной периодической печати.
2. Создать в Гуандуне социальную базу для развития революционного движения и его последующего распространения во всем Китае. Для этого Гоминьдану было необходимо посредством пропаганды среди рабочих и крестьян заручиться поддержкой местного населения, провести серию правительственных мероприятий, направленных на разработку трудового законодательства и регулирование земельных отношений.
3. Подчинить ГМД вооруженные силы Южного Китая. Для этого предполагалось взять под контроль армейское командование, организовать

политико-просветительскую работу в войсках: создать военные школы, начать подготовку политработников[25].

В целом, данный комплекс мер должен был повысить активность партии, укрепить ее структуру, увеличить численность и способствовать росту авторитета ГМД в обществе. При этом советскому представителю приходилось постоянно согласовывать свои действия с требованиями обстановки, а именно:

1. Необходимо было сохранить баланс интересов СССР в регионе. С одной стороны, цели советской дипломатии 1920-х гг. и установки Коминтерна требовали участия в поддержке китайской революции. С другой стороны, это могло вызвать обострение отношений с европейскими державами, США и Японией и вместо желаемого укрепления позиций СССР на международной арене лишь усилить его изоляцию.
2. В процессе реорганизации Гоминьдана и подготовки партийных кадров требовалось учитывать мнения как представителей ГМД, так и КПК.
3. Вести работу в обстановке фактического отсутствия у кантонского правительства способности влиять на действия союзных ему милитаристов. Учитывать изменения интересов и целей их лидеров.

Дополнительную трудность для советских представителей создавали субъективные факторы. В частности, Л.М. Карахан в своем письме к М.М. Бородину из Пекина от 6 октября 1923 г. указывал: «Китайцы очень охотно обсуждают и намечают всякие планы, но если осуществляют их, то с чрезвычайной медлительностью. Поэтому нужно постоянно контролировать каждый их шаг, держать их в большом напряжении и не полагаться на то, что они сами понимают и сами сделают все как следует»[26].

Тем не менее, к концу 1923 г. была сформирована база для реформирования ГМД. В ее основу легли результаты работы в Советском Союзе миссии Чан Кайши, а также полномочного представителя СССР А.А. Иоффе и члена Коминтерна Х. Маринга в Китае. Сунь Ятсен опубликовал «Манифест о реорганизации Гоминьдана» и новый проект программы партии. Это позволило М.М. Бородину включиться в процесс

подготовки Съезда ГМД. На данном этапе в компетенции главного политического советника находились следующие вопросы: пересмотр и обсуждение программы Гоминьдана, выработка устава партии, консолидация партийного ядра в Гуанчжоу и Шанхае, расширение сети представительств ГМД на подконтрольных территориях, организация подготовки к съезду[27].

Основное обсуждение предстоящей работы по реорганизации партии и дальнейшему взаимодействию с КПК состоялось на I конгрессе Гоминьдана, проходившем в Гуанчжоу 20–30 января 1924 г. Съезд согласился с индивидуальным вступлением коммунистов в ГМД, при сохранении КПК самостоятельности и всех организационных структур. Новая программа Гоминьдана была отражена в манифесте Конгресса, в составлении которого активное участие принял М.М. Бородин. В документе давалась обновлённая формулировка «трех принципов» Сунь Ятсена. Основной акцент делался на идее национализма, который понимался как стремление к равноправным отношениям с другими государствами, противостояние колониальным устремлениям иностранных держав и борьба с милитаризмом. Это, в целом, соответствовало рекомендациям Коминтерна[28]. Прообразом для руководящих органов ГМД послужила структура ВКП(б). По словам исследователя Пын Мина, «система Центрального Комитета с сохранением поста “президента”, которая была принята на I конгрессе ГМД, построена по образцу советской системы демократического централизма»[29].

В процессе реорганизации Гоминьдана от М.М. Бородина требовалась осторожность и минимальная огласка его роли. Москва стремилась избежать претензий со стороны других держав по поводу вмешательства во внутренние дела Китая. Советский представитель в Пекине Михайлов в письме М.М. Бородину от 27 декабря 1923 г. отмечал: «Если будет известно, что Бородин реорганизует партию, то это будет означать, что Бородин собственно сочиняет все эти декреты и руководит всей этой “большевизацией” кантонского правительства»[30]. Такое восприятие роли СССР в политических процессах в Китае было крайне не желательно для НКИД.

Советских дипломатов беспокоило, что, как только лидер ГМД укрепит свое положение и приступит к воплощению программы партии, особенно по земельному вопросу, это может вызвать рост революционных настроений не только в соседних провинциях, но и в Индии и Индокитае. Уязвимость позиции главы Гоминьдана Михайлов видел в следующем: «Если движение Сунь Ятсена до сих пор было движением национальным и никто не мог ему бросить обвинения, что он действует по планам и инструкциям других держав, то теперь есть опасность, что именно такое обвинение будет брошено против него и его акции внутри Китая»[31]. Это было бы серьезным препятствием для усиления позиций ГМД в стране.

Более того, разглашение советского участия в китайских событиях могло стать ударом по международной репутации СССР и негативно отразиться на преодолении внешней изоляции. В обозначенном выше письме М.М. Бородину отмечалось: «Всякое наше выступление на международной арене, из которого будет видно, что мы по-прежнему вызываем революцию в других странах, несомненно, повредило бы и заставило бы эти страны насторожиться»[32]. Подобная задержка в переговорах не входила в планы руководства РКП(б).

В связи с этим, удовлетворительно оценивая результаты работы советников в Гоминьдане и принятые Съездом решения, Москва все же не стремилась побудить Сунь Ятсена к острой конфронтации с Европой и США. Из переписки М.М. Бородина с Михайловым следовало, что такие действия были бы оправданы при возможности признать кантонское правительство и оказать ему широкомасштабную помощь. Однако в ситуации, «когда мы восстанавливаем сношения с этими державами и они нас признают, это было бы совершенно нецелесообразной политикой»[33]. Главному политическому советнику рекомендовалось в ходе встреч с Сунь Ятсеном разъяснять «действительное значение и характер этих либеральных демократических наций», указывать на сложность положения Гоминьдана и призывать к проявлению осторожности[34].

Советская помощь в реформировании ГМД получила высокую оценку со стороны его руководства. 16 февраля 1924 г. Сунь Ятсен писал Г.В. Чичерину: «выражаю мою глубокую признательность за те услуги, которые товарищ Бородин оказывал нам в реорганизации Гоминьдана»[35]. В марте 1924 г. лидер ГМД высказался в поддержку Советской России в интервью корреспонденту японского печатного агентства «Кантон ньюс сервис». В частности, он заявил, что «приветствует» признание СССР Пекином. На вопрос корреспондента о характере отношений между Советским Союзом и Кантонским правительством он ответил: «они настолько дружественны, что похожи на отношения двух братьев»[36]. Следовательно, сотрудничество между СССР и Кантоном доказало свою эффективность уже на начальном этапе.

Тем не менее, в условиях постоянного противостояния с милитаристами формировать и расширять базу революционного движения на юге Китая исключительно методами политической борьбы было невозможно. Для реализации силового сценария объединения страны ГМД было необходимо укрепить свой авторитет в войсках. Как следствие, большое значение для воплощения плана Сунь Ятсена приобрела идеология. Для контроля Гуандуна и организации военной экспедиции на Север лидеру Гоминьдана требовалась боеспособная армия, личный состав которой объединяли бы не столько страх наказания или материальный интерес, сколько общие цели. В этой связи важную роль играла пропагандистская работа среди населения. В ходе создания своих вооруженных сил стратегической задачей ГМД было формирование эффективной структуры материального обеспечения войск. Решение данной задачи было возможно только при поддержке со стороны рабочих и аграриев. Кроме того, в обществе, разделявшем единые политические идеалы, медленнее распространялись сепаратистские настроения.

Оба направления политработы были тесно связаны. Основную часть населения Китая составляли малограмотные или вовсе не имевшие образования крестьяне и низкоквалифицированные рабочие. В подобной среде наиболее эффективными средствами идеологического просвещения были разного рода

беседы, индивидуальная работа. В связи с этим, проводниками идей Гоминьдана должны были стать военные, прошедшие курсы политподготовки. Устанавливая на занимаемых территориях контакт с местным населением, они имели возможность вести первичную пропаганду целей ГМД. За образец были взяты организационные принципы и методы политработы в РККА периода гражданской войны в России.

Использование в Китае советского опыта политработы в армии стало одной из составляющих военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана. Первым шагом в данном направлении было открытие летом 1924 г. Высшей военной школы на о. Вампу (Хуанпу) [37] . В ней при непосредственном участии советских специалистов осуществлялось обучение будущих командиров армии Гоминьдана. Независимо от их специальности в программу подготовки включалось обязательное обсуждение актуальных социально-политических вопросов, программных документов ГМД.

Для усиления политической работы в школе был создан специальный отдел и ячейки Гоминьдана, разработаны положения об их деятельности. В подготовке нормативных документов участвовали советские советники: И.Я. Разгон, А.И. Черепанов, В.А. Степанов, В.П. Рогачев, И.К. Мамаев [38]. В 1925 г. начал функционировать политкласс. Через год в нем обучалось 500 будущих политработников [39].

В процессе набора курсантов большое внимание уделялось их политическим взглядам и общей осведомленности о положении в стране. Еще до начала вступительных экзаменов претенденты проходили собеседование с мандатной комиссией, в которую входили и советские советники. Перечень вопросов[40] включал блоки, направленные на проверку общей эрудиции будущих слушателей; знания основных событий революционного периода в Китае; современной внутри и внешнеполитической обстановки; целей, задач и принципов деятельности Гоминьдана [41] (Приложение 5). По результатам беседы лица, которых комиссия считала не соответствовавшими требованиям для поступления, к экзаменам не допускались. В отношении остальных

выносилась резолюция: «желательно принять с указанием в какой класс, и какого отделения…»[42].

После зачисления курсанты проходили подготовку по следующим курсам: «три принципа Сунь Ятсена», история и организация ГМД, национальная революция в Китае, международное политическое и экономическое положение, история мирового революционного движения, политэкономия, общественные движения в Китае, пропаганда, политработа в армии. По воспоминаниям политического советника С.Н. Наумова, «большой популярностью в школе пользовались лекции на тему о двух направлениях в развитии военной научной мысли – западной, буржуазной и советской» [43]. Чтение курса лекций было начато А.С. Бубновым, который в марте 1926 г. посетил Гуанчжоу и несколько раз бывал в Вампу. В дальнейшем эту работу продолжили военные инструкторы Г.И. Гилев, М.И. Дратвин, С.Н. Наумов.

Выпускники школы направлялись для службы в политорганы, формируемые в НРА. В 1925 г. был образован главный руководящий институт новой структуры – Политический департамент. В дивизиях создавались политические отделы, в бригадах и полках – ячейки ГМД. В. К. Блюхер добился введения должностей военных комиссаров[44].

Политическая комиссия при Главном военном совете с участием советских специалистов разработала положение о комиссарах НРА, в котором содержался перечень возлагаемых на них обязанностей и полномочий. Целями института военкомов назывались: «политическое воспитание войск в национально-революционном духе, поднятие их боеспособности и укрепление дисциплины, проведение в армии основ сунятсенизма»[45].

Согласно положению, политработник нес ответственность за соблюдение дисциплины и моральное состояние воинских частей. Он непосредственно осуществлял политическую работу в войсках, возглавлял партячейку и руководил работой всех остальных общественных организаций, в число которых входили клуб, Союз молодых Военных, Общество по изучению сунятсенизма, спорткружки. Комиссар отвечал за проведение воспитательной

работы. Он должен был разъяснять солдатам «их роль освободителей народа от иностранного империализма», приучать военнослужащих бережно относиться к государственному имуществу, препятствовать причинению ущерба местному населению [46] . Особое значение придавалось укреплению контактов с крестьянскими и рабочими организациями. Военкомы следили также за обеспечением частей продовольствием, материалами периодической печати[47].

Политработники получали право осуществлять контроль за оперативными приказами командира. В положении отмечалось: «В тех ситуациях, когда комиссар находит распоряжение командира вредным для национальной революции, он доносит об этом вышестоящему комиссару. В случае же явной измены или предательства он принимает меры к неисполнению отдельных распоряжений <…>, одновременно сообщая об этом вышестоящему комиссару и Председателю Военного Трибунала»[48].

В обязанность каждому комиссару полка вменялось еженедельное проведение встреч с офицерами, продолжительностью не менее часа. Основной организационной формой этих занятий являлось заслушивание устных докладов с их последующим обсуждением всеми участниками учебной группы. В программу включались вопросы, касавшиеся политики иностранных государств в отношении Китая, организации армии и управления на подконтрольных ГМД территориях, обзор военных и политических аспектов вооруженных конфликтов между милитаристами[49] (Приложение 6).

За 1924–1925 гг. советским специалистам удалось достигнуть определенных успехов в организации идеологической работы в войсках ГМД. Избранные ими методы политработы подтвердили свою эффективность. Их внедрение в НРА способствовало укреплению дисциплины и повышению мотивации военнослужащих. В дальнейшем это положительно сказалось на результатах Северного похода и способствовало приходу ГМД к власти в стране. В характеристике вооруженных сил Национального правительства, подготовленной советниками для комиссии А.С. Бубнова (Ивановского) в 1926 г., было отмечено: «Основное, не имеющее себе подобных оружие в НРА

– это ее политическая сознательность, ее политическая подготовка. При всех прочих равных условиях с противниками НРА всегда окажется сильнее благодаря этому оружию, которым только она и владеет»[50].

Однако советским специалистам пришлось столкнуться с рядом трудностей. Среди них выделялись:

1. Расхождение официальной линии НКИД СССР в отношении Китая и теневой политики Коминтерна.
2. Низкая заинтересованность командного состава отдельных подразделений НРА и ее союзников в политико-идеологической работе.

Итоги начального этапа реорганизации были подведены в ходе работы I конгресса ГМД в 1924 г. С этого момента возникла необходимость поиска методов достижения целей революции, сформулированных в решениях Съезда. Уже более самостоятельный в выработке своей политической теории ЦИК ГМД продолжал прислушиваться к мнению советского руководства и ИККИ. Однако на этом этапе стала проявляться противоречивость политики Москвы. Установки Коминтерна, ориентировавшие КПК на борьбу за лидерство в национально-революционном движении, явно выходили за рамки курса на укрепление единого фронта и сотрудничество с Фэн Юйсяном, декларируемых НКИД и Политбюро ЦК РКП(б). Нарушился баланс во взаимодействии между ИККИ, обеспечивавшим теоретическую базу, и НКИД, реализующим на практике внешнеполитический курс СССР[51]. Более того, некоторые разработки Кремля не отвечали настроениям непосредственно в Гоминьдане[52].

В частности, в выводах Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б) о военно-политическом положении в Китае от 19 октября 1925 г. внимание было сконцентрировано на предстоящем конфликте между Фэн Юйсяном и Чжан Цзолинем. Учитывая заинтересованность СССР в ослаблении мукденской группировки Чжан Цзолиня, Комиссия планировала временно направить основной вектор советской политики на Север. В сложившейся обстановке Москва видела задачу Народных армий в том, чтобы «не форсируя своего участия в столкновении, самым энергичным образом к нему готовиться»[53].

Намечалось усилить военную помощь Фэн Юйсяну «обратив внимание главным образом на пулеметы, артиллерию и авиацию» [54] . Работа инструкторов должна была стать еще более интенсивной и постепенно направляться на создание школ по типу Вампу. Параллельно планировалось усиление на Севере военно-политической работы Компартии и Гоминьдана. При этом, хотя положение Кантона Комиссия считала устойчивым, в северной стратегии ему отводилась второстепенная роль. Ближайшими задачами в Гуандуне назывались внутреннее закрепление провинции за ГМД, разгром Чэнь Цзюнмина и реорганизация армии[55].

Однако еще летом 1925 г. Коминтерн в письме к ЦК Компартии Китая ориентировал ее на расширение и радикализацию народного движения. При этом напрямую указывалось, что сохраняя блок со всеми национально-революционными силами и поддерживая Гоминьдан, КПК должна «во всей своей работе выявлять свое особое классовое лицо» [56] . ИККИ призывал китайских коммунистов к активизации работы со студентами, интеллигенцией, ремесленниками. Основные усилия предлагалось сконцентрировать на пропаганде среди сельского населения, «чтобы руководящее влияние ККП (так в тексте – прим. *И.В.*) проходило красной нитью через всю работу крестьянского отдела Гоминьдана и деятельность всех организаций крестьянского союза»[57].

В связи с этим советские политические советники в Китае оказались в ситуации, когда им приходилось испытывать давление одновременно со стороны ГМД, КПК, ИККИ и ЦК РКП(б), стремившихся в первую очередь реализовать исключительно собственные планы. Например, 4 декабря 1925 г. Ф.Ф. Раскольников писал Н.Г. Войтинскому :«Действительно удивительно, как могла получиться такая программа, почему Б[ородин] до сих пор изображает из себя Наполеона, почему, несмотря на неопределенность позиции Фэна, он в данном случае был выдвинут как опорное ядро. Когда берешь программы за последние две недели и сравниваешь, в глаза бросаются <…> резкие колебания от одной крайности к другой. <…> Сначала все подготовлено, вопрос часов, на другой день, ввиду неопределенности, вопрос

снят»[58]. Вынужденные принимать решения исходя из фактической обстановки, советники рисковали вызвать неодобрение Москвы или Кантона.

Другой проблемой для советских специалистов стало отсутствие заинтересованности в политработе со стороны местного комсостава. Данная тенденция была характерна и для НРА, но более отчетливо она проявилась в войсках Фэн Юйсяна, формально союзных ГМД. Возникшие в результате постоянной борьбы милитаристов за власть Национальные армии существовали за счет доходов от военных кампаний[59]. Отношение к советским специалистам в них было неоднозначным. Военный референт при Полпреде СССР в Пекине, характеризуя работу советников в войсках Фэн Юйсяна, докладывал Л.М. Карахану о «благожелательном отношение к советскому в 1-й армии и наличии ряда “антисоветских” течений во 2-й»[60]. О полноценном ведении политической работы в условиях настороженности и недоверия со стороны армейского руководства не могло быть речи. Ситуация усугублялась с началом боевых действий. В виду острой нехватки в войсках офицерских кадров, курсантов отзывали на фронт. В такие периоды советские инструкторы констатировали полное прекращение работы военных школ[61].

Национальным армиям также был свойственен и ряд других негативных факторов, осложнявших работу советской миссии:

1. Уровень образования и подготовки военнослужащих, включая офицеров, в провинциальных армиях был крайне слабым. Число членов ГМД в них также было значительно меньше, чем в гуандунских войсках.
2. Политработа воспринималась комсоставом как излишняя, не влияющая на результат боевых действий. Посещаемость занятий была низкой.
3. Характерными явлениями были протекционизм, коррумпированность офицеров, их оторванность от рядового состава, сочетавшиеся с высоким уровнем преступности и наркомании в армейских подразделениях.

Свидетельство о наличии схожих явлений в войсках кантонского правительства было представлено в докладе политотдела 3-го корпуса НРА за 1925 г. об обстоятельствах работы в Юньнаньской армии: «Из всех учеников

1/3 грамотна, а остальные вышли из солдат. <…> …судя по внешнему впечатлению, все они похожи на маленьких детей и не имеют установившихся взглядов. <…> Все люди чересчур пристрастились к опиуму и очень трудно предвидеть результаты этого»[62].

Таким образом, в 1920-е гг. советские советники столкнулись в Китае с серьезными проблемами. Трудности были обусловлены как недостаточной теоретической разработкой ВКП(б) и ИККИ политики в отношении Гоминьдана, так и реалиями обстановки в стране: низким уровнем политической культуры в армии и среди населения, сохранением системы дунцзюната.

Влияние советских советников на развитие революционного движения на юге Китая и действия кантонского правительства еще более уменьшилось с усилением в Гоминьдане внутрипартийной борьбы. Разногласия в ГМД проявились уже в ходе подготовки к Северному походу. Смерть Сунь Ятсена усугубила конфликт. Напряженным стал диалог ГМД с КПК, радикализация программы которой вызывала недовольство правых гоминьдановцев[63]. В этой обстановке лидеры ГМД – Чан Кайши, Ван Цзинвэй и Ху Ханьмин – стремились за счет привлечения на свою сторону советских советников усилить собственные позиции в партии. Однако нарастающая борьба за лидерство в Гоминьдане и углубление его разногласий с КПК вели к ухудшению отношений с Советским Союзом.

Сигналом о начале распада единого фронта стала демонстрация силы, предпринятая Чан Кайши 20 марта 1926 г. В Гуанчжоу было объявлено военное положение, введены воинские части и арестованы видные деятели КПК. Помещение, в котором проживали советники из СССР, оцепили войска. Несмотря на то что ситуация была урегулирована, а представители Компартии освобождены, становились очевидными принципиальные расхождения в стратегических планах Кремля и Гоминьдана относительно дальнейшего развития революции в Китае, а также роли в ней армии, особенно выпускников школы Вампу.

Политическая линия Москвы предполагала постепенное усиление влияния в национальном движении советских политических советников и членов КПК. Это должно было привести к подъему в Китае «классовой борьбы», укреплению позиций КПК, левой фракции в ГМД и последующему установлению просоветского режима. Реализация данного плана предполагала использование уже апробированной в годы гражданской войны в России модели политического и военного строительства, а именно: ускоренной политподготовки командных кадров на базе сети военных школ для их последующего внедрения в войска и активизации на местах агитационной работы. Школа Вампу в перспективе должна была стать экспериментальным учебным центром, опыт которого можно было распространить на всю страну[64].

Расчет Москвы на установление контроля над реорганизованными частями строился на участии в обучении, финансировании и вооружении учебных подразделений. В сентябре 1924 г. и.о. начальника военного отдела советнической группы П. Нилов (Сахновский) в докладе военному атташе полпредства СССР в Пекине А.И. Геккеру отмечал, что в случае гарантий советским специалистам непосредственного руководства учебно-кадровым полком, «перед нами открывается новая возможность проникновения в армию»[65]. Кроме того, при том же условии полк рассматривался как надежное формирование, которое может быть представлено в распоряжение левого крыла Гоминьдана.

Однако Чан Кайши стремился не допустить вмешательства СССР во внутреннюю политику Гоминьдана. В его стратегии выпускникам Вампу и созданной на базе учебного центра «партийной армии» отводилась роль организационного стержня в формировании воинских частей лично преданных главнокомандующему и не связанных с интересами милитаристов. Росту авторитета лидера ГМД должны были способствовать сильные в Китае землячества, так как вербовка военнослужащих для полков Вампу осуществлялась в провинциях Чжэцзян, Цзянсу, Аньхой, Цзянси, где был распространен родной для Чан Кайши диалект. В результате в его руках

оказывался инструмент как для влияния на общественное мнение, так и для силового сдерживания. В связи с этим Чан Кайши был недоволен стремлением Кремля привести китайских генералов в прямое подчинение советникам, а тем более попыткой Н.В. Куйбышева лишить «войска Хуанпу» статуса элитных подразделений, уравняв 1-й корпус в правах с другими корпусами НРА[66].

Силовая акция 20 марта 1926 г., проходившая в период работы в Гуанчжоу военно-политической комиссии ЦК ВКП(б) под руководством начальника Политуправления РККА А.С. Бубнова, позволила Чан Кайши добиться отзыва неугодных лиц и ослабления советского контроля в войсках. Более того, она должна была служить сигналом о готовности к разрыву контактов с СССР и Компартией Китая. Однако такой шаг мог вызвать ответную консолидацию левых сил. К тому же в период Северного похода НРА нуждалась в военных советниках. Это отсрочило начало антисоветских выступлений. Тем не менее, Чан Кайши стремился ограничить сотрудничество с Москвой исключительно военно-техническими аспектами[67].

В этой ситуации советские советники должны были согласовывать свои действия с курсом Национального правительства. Политическая работа в НРА и подготовка Северного похода были продолжены. Однако по мере роста антикоммунистических настроений в окружении Чан Кайши, контакты стали концентрироваться на представителях лояльного левого крыла ГМД и КПК[68].

Методы работы советских политинструкторов непосредственно во время Северного похода практически не отличались от применявшихся ранее. Деятельность политкомиссаров была направлена на разъяснение целей и задач кампании. Перед началом выступления политотделом Главного штаба были сформулированы лозунги для агитации среди военнослужащих: «Бей милитаристов! Да здравствует Северный поход! Да здравствует единение крестьян, солдат, студентов, купцов! Солдаты – авангард в борьбе с милитаристами и империалистами» [69] . Параллельно было решено вести пропаганду созыва крестьянских собраний, расширения рабочего движения, практической помощи НРА в обеспечении продовольствием, транспортировке

грузов, сборе разведданных. Представители обеих фракций ГМД понимали, что эта работа являлась необходимой и соответствовала запросам военного времени.

Однако по мере развития Северного похода раскол внутри единого фронта и ГМД становился все более очевидным. Для советских специалистов это не означало немедленного прекращения всякой политической работы, но полноценное сотрудничество в этой сфере становилось практически невозможным. К нарушению диалога вело сразу несколько факторов.

Во-первых, успешное для Чан Кайши начало боевых действий и быстрый темп продвижения на север привели к тому, что к Национально-революционной армии присоединилось значительное количество отрядов милитаристов. При выходе к Шанхаю в рядах северной экспедиции насчитывалось до 170 тыс. человек. Но в их составе из 60 тыс. контингента армии ГМД, выступившей в поход с территории Гуандуна, сохранилось не больше 30 тыс.[70]. Следовательно основную массу личного состава НРА составляли «попутчики». По своей структуре и целям они продолжали оставаться наемными армиями с тем же командованием, что и до перехода к южанам[71]. По мере роста численности НРА комсостав терял единство политических взглядов. Роль политкомиссаров, прошедших подготовку в военных школах Гоминьдана, постепенно снижалась. Это влекло усиление разногласий между офицерами.

Во-вторых, в руководстве ГМД продолжали развиваться внутренние противоречия. Ярким примером назревавшего конфликта стал спор о переносе резиденции Национального правительства, повлекший целый ряд кадровых перестановок, что, однако, не привело к консолидации партии.

В-третьих, на освобожденных территориях укреплялись позиции численно возросшей Компартии. Ее политика, направленная на расширение забастовочного движения, вооруженных выступлений рабочих и крестьян, вызывала серьезные опасения ГМД. Лозунги классовой борьбы, призывы к «гегемонии пролетариата» были неприемлемы для Гоминьдана[72].

В-четвертых, в ГМД усиливалось недовольство возросшим влиянием СССР на внутриполитические процессы в Китае. В интервью для иностранной

прессы Чан Кайши по этому поводу открыто заявил: «Стоит только посмотреть на советские консульства в различных городах Китая. Фактически они являются отделами Третьего Интернационала и одновременно рассадниками китайских коммунистических интриг»[73].

В-пятых, в советской группе отсутствовала единая позиция по вопросу отношений с Чан Кайши. Сказывался конфликт между главным военным советником В.К. Блюхером и главным политическим советником М.М. Бородиным [74]. Согласно докладам секретаря юридического сектора постпредства СССР в Пекине М. Юшкевича, посетившего в 1927 г. в качестве дипкурьера г. Ухань, Бородин препятствовал отъезду Блюхера в Шанхай, занятый силами Чан Кайши. Главный военный советник, напротив, придавал большое значение приглашению командующего НРА: «[Он] был убежден, что ехать ему необходимо, во что бы то ни стало, что Чан Кайши перебрасывает мостик, чтобы еще не рвать отношения с нами»[75]. Генконсул СССР О.И. Пличе, в целом, разделял мнение Блюхера. Однако телеграфная связь с Москвой находилось в руках Бородина, и оперативная информация о ситуации в Китае доносилась в Кремль преимущественно односторонне.

В этой ситуации Москва еще продолжала придерживаться курса на поддержку сотрудничества. Однако контакты советских советников все более концентрировались на КПК и левом течении в Гоминьдане. В февральском докладе 1926 г. М.М. Бородин высказал свое видение основных задач стоявших перед левой фракцией ГМД. Они сводились к развитию массового движения на основе борьбы крестьян за власть и землю и классовой борьбы в городах; борьбе с империализмом посредством объединения всех сил, выступавших против него; использованию противоречий военных группировок для «ослабления позиций мартовцев» [76]; усилению существующих и формированию новых коммунистических частей, преобразованию полка Е Тина в дивизию, а по возможности – в корпус.

Однако полноценная реализация данного плана оказалась невозможна. Ситуация обострилась после V съезда КПК, прошедшего в Ухане 27 апреля – 11

мая 1927 г. в присутствии делегаций Коминтерна и Профинтерна. В основе решений Съезда лежала резолюция VII пленума ИККИ, утверждавшая, что национальная буржуазия идет на сближение с иностранными державами, так как переход контроля над революционным движением в руки пролетариата угрожает ее интересам. Перспективу революции ИККИ видел в «некапиталистическом пути развития», создании блока рабочих, крестьян и мелкой буржуазии[77]. В последующей резолюции VIII пленума ИККИ от 30 мая 1927 г. эти идеи прозвучали еще отчетливей: «переворот Чан Кайши и выражаемая им радикальная классовая перегруппировка являются исходной точкой всей дальнейшей тактики, исключающей единство, компромисс или соглашательство с буржуазией, которая изменила национально-революционному движению и стала активной силой контрреволюции»[78]. Распад единого фронта стал неизбежен. Прекращение сотрудничества СССР и ГМД также было лишь делом времени. И хотя репрессивных действий со стороны правительства в отношении советских советников не последовало, их роль в политических процессах в Китае оказалась сведена к нулю.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июля 1927 г. из Уханя были отозваны М.М. Бородин, и другие военные и политические советники[79]. Дальнейшее развитие революционного движения в Китае связывалось исключительно с действиями КПК. На это и были ориентированы теоретические разработки ВКП(б) и ИККИ второй половины 1927–1929 гг. На данном этапе расхождение политических платформ Коминтерна, ВКП(б), с одной стороны, и ГМД – с другой, оказалось непреодолимым препятствием для развития сотрудничества.

При анализе советского влияния на политические процессы в Китае в 1920-е гг. нельзя не уделить внимание вопросу финансирования Москвой национально-революционного движения. Материальное положение партии всегда существенным образом сказывается на успешности ее политической деятельности, а денежные дотации являются мощным инструментом для

внешнего воздействия. Поэтому экономический аспект достаточно ярко отражал изменения во внешнеполитическом курсе Кремля.

Основным проводником курса на мировую революцию и инструментом для осуществления РКП/ВКП(б) финансирования зарубежных компартий являлся Коминтерн, обеспечение которого в подавляющей части производилось за счет бюджета СССР. Это давало возможность Политбюро ЦК ВКП(б) контролировать деятельность ИККИ. В тоже время каналы Коминтерна, активно использовавшиеся Москвой для передачи средств на развитие революционного движения, позволяли избежать обвинений со стороны третьих держав во вмешательстве во внутренние дела Китая.

Необходимо отметить, что лакуны в документах ИККИ и КПК, отсутствие единого канала передачи средств, привлечение дочерних организаций, таких как Профинтерн, Крестинтерн, Коммунистический Интернационал Молодежи и др., использование в расчетах разных валют, ценных металлов, бриллиантов и разница их курсов, − все это затрудняет точное определение объема ассигнований. Однако имеющиеся данные вполне позволяют выявить характерные черты финансовой политики Коминтерна.

Так, согласно смете расходов КПК на 1923 г., утверждённой Оргбюро ИККИ, китайским коммунистам на поддержку печатных изданий, содержание и путевые расходы пропагандистов планировалось выделить 12 тыс. зол. руб. Дополнительно в течение года на развитие в Китае профсоюзного движения было перечислено 3500 амер. долл. Даже с учетом того, что при малочисленности КПК эти средства практически полностью обеспечивали ее функционирование, помощь китайским коммунистам являлась весьма скромной. Для сравнения: в марте 1923 г. Москвой было принято решение об оказании поддержки ГМД в размере 2 млн. зол. руб., с первым траншем 500 тыс.[80]. Столь существенное превышение объема дотаций Гоминьдану, по сравнению с КПК, наглядно свидетельствовало, что на этом этапе Кремль видел потенциал в сотрудничестве именно с партией Сунь Ятсена.

Как следовало из доклада Чэн Дусю, одного из основателей КПК, в Москву, в 1924 г. Компартия получила более солидную сумму – 34467 мекс. долл[81]. (мекс. долл. имел статус официальной валюты в Китае – прим. *И.В.*). По курсу тех лет это равнялось около 1500 амер. долл. Дополнительные средства были выделены на создание Северного бюро ЦК КПК в Пекине. Согласно следующего отчета Чэн Дусю, только за первые три месяца 1925 г. КПК было передано 5887 кит. долл.[82], что составило около 3400 амер. долл. Всего за 1925 г. на работу в Китае Коминтерном было направлено 52 тыс. зол. руб. В 1926 г. ежемесячные ассигнования для КПК возросли до 6000 кит. долл. (с 3650 кит. долл. в 1925 г.), что должно было составить 72 тыс. руб. в год[83]. Для сопоставления, по некоторым данным, в течение 1924 г. Москва субсидировала Гоминьдан через М.М. Бородина в размере 35 тыс. кит. долл. в месяц[84]. После переворота Чан Кайши 20 марта 1926 г. помощь Компартии была увеличена сверх основной сметы. В результате КПК за 1926 г. было получено 109390 руб., без учета средств на военно-политическую работу, выделявшихся профильными ведомствами СССР[85].

Всего по сведениям, приведенным И.Н. Сотниковой со ссылкой на китайские исследования, к 1927 г., финансовая помощь КПК со стороны Москвы превысила 1 млн. кит. долл., т.е. 500000 в американской валюте. Бюджет КПК на 1927 г. был определен Коминтерном в размере 120 тыс. руб., т.е. по 10 тыс. руб. в месяц, но фактические выплаты составили 187674 руб.[86]. Кроме того, средства на военные расходы КПК и создание Национальных армий выделялись отдельно в рамках 10-миллионного займа уханьскому правительству.

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. отмечалось стабильное увеличение финансирования СССР Компартии Китая. В ситуации, когда в России не были преодолены до конца последствия гражданской войны, а экономика остро нуждалась в инвестициях, подобный шаг говорит о большом значении, которое придавал Кремле развитию мирового коммунистического движения и КПК, как его важной составляющей. В период активного сотрудничества СССР и ГМД материальная помощь ему значительно

превышала КПК (до тех пор, пока политические разногласия не стали критическими). В то же время увеличение отчислений Компартии указывало на устойчивую тенденцию к усилению в Москве ориентации на КПК, на расширение ее влияния в Китае.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что в 1923–1924 гг., Советскому Союзу и руководству Гоминьдана достаточно быстро удалось достигнуть взаимовыгодных соглашений по ключевым вопросам двусторонних отношений. Сунь Ятсен получил помощь в вопросах партийного строительства и формирования единого национального фронта. Кремль продемонстрировал свою способность оказывать влияние на международную обстановку на Дальнем Востоке. Его политика в Китае воспрепятствовала укреплению позиций Англии и США. Кроме того, деятельность СССР и Коминтерна заложила основу для дальнейшего развития коммунистического движения в Китае.

Политработа, организованная советскими советниками в армии и среди жителей подконтрольных Национальному правительству территорий, отвечала интересам, как Гоминьдана, так и Москвы. За счет увеличения численности рабочих и крестьянских союзов ГМД мог опереться на поддержку населения. Внедрение политработы в армиях Гоминьдана и союзных ему милитаристов способствовало повышению их боеспособности. У военнослужащих создавалось представление о значимости их действий для достижения общих целей похода. Это способствовало росту инициативы подразделений и укреплению дисциплины в войсках ГМД.

Руководство РКП(б) и ИККИ рассматривали солдатскую среду в качестве удобной почвы для распространения прокоммунистических идей. Оказание помощи правительству Сунь Ятсена вполне соответствовало внешнеполитическому курсу Москвы и теории мировой революции. Дискуссионным стал лишь вопрос о роли КПК в политических процессах в Китае, а не необходимости революции. Сотрудничество в политической сфере между ГМД и СССР продолжалось до тех пор, пока идеологические

платформы обеих сторон были совместимы на основе общей борьбы с «империализмом» и стремлении к развитию революции в Китае.

Таким образом, в 1920-е гг. политическая составляющая в сотрудничестве СССР и Гоминьдана определяла характер и объемы оказываемой поддержки. Однако достижение в Китае главных целей революционного движения (объединение страны, обретение суверенитета и т.д.) исключительно мирным путем было невозможно. Армии ГМД предстояло преодолеть вооруженное сопротивление многочисленных милитаристских группировок. На помощь в решении данной практической цели была направлена деятельность советских военных советников.

2.2. Советская военная помощь Гоминьдану

В 1920-е гг., параллельно с политическим взаимодействием, развивалось сотрудничество Москвы и Кантона в военной сфере. Основаниями для этого являлись два обстоятельства. Во-первых, формирование 21 февраля 1923 г. в Гуанчжоу правительства во главе с Сунь Ятсеном было серьезной заявкой революционных сил на борьбу за лидерство в Китае. В условиях противостояния с пекинским правительством и милитаристами объединение страны под руководством ГМД могло быть достигнуто только в ходе вооруженной борьбы. Масштабные военные операции (Первый и Второй Восточные походы, Северный поход) являлись механизмом расширения политического влияния, а армейская среда выступала проводником для идей, заложенных в программу партии. На занятых территориях армия становилась гарантом сохранения власти ГМД. Во-вторых, военный аспект был неотъемлемой частью общего внешнеполитического курса СССР в отношении Китая. Использование вооруженных сил Гоминьдана в ходе борьбы с империализмом и милитаризмом должно было способствовать достижению глобальной цели, сформулированной в ходе II и IV конгрессов Коминтерна, – подъема революционных настроений в «странах Востока»[87].

Таким образом, в 1920-е гг. взаимодействие СССР и Гоминьдана по военным вопросам внешне носило, в большей степени, утилитарный характер. Оно преследовало решение прагматичных задач, связанных с реализацией силового сценария объединения Китая под контролем ГМД, и было ориентировано на интересы кантонского правительства, а также его союзников из числа генералов-милитаристов. Однако внутренне советское военное присутствие в Китае было направленно на создание условий для активной пропаганды коммунистических идей, а в итоге − на экспорт революции.

Подтверждение этого представлено в документах военного референта при полпреде СССР в Пекине. В материалах, адресованных Л.М. Карахану, он дал следующую характеристику целей пребывания советских военных специалистов в Китае: «Наша инструкторская работа <…> должна являться определенным фактором нашего политического влияния; это средство – путем умелого внедрения и завоевания авторитета в “народных армиях” – подготовить почву и создать известную обстановку для другой, более глубокой “работы”. Считать же эту инструкторскую работу – как нечто самодовлеющее, как самостоятельный способ организации и управления “революционными силами” Китая было бы <…> в корне ошибочным взглядом»[88]. Активизация военного сотрудничества СССР и Гоминьдана совпадала с периодом сближения их политических позиций.

Главу Гоминьдана интересовал опыт боевых действий и организация РККА. В феврале 1923 г. Сунь Ятсен, обратившись к советскому правительству за помощью в вопросах партийного строительства, просил направить в Гуандун военных специалистов[89]. Как следует из протокола № 53 заседания Политбюро ЦК РКП(б), в Кремле существовали некоторые опасения относительно того, что лидер ГМД «уделяет слишком большое внимание военным операциям в ущерб организационно-подготовительной работе», но это не отразилось на готовности Москвы оказать затребованную помощь[90]. В ходе того же заседания было принято решение о выделении для Гоминьдана финансирования в размере двух миллионов мексиканских долларов и возможности командирования в Китай группы советских советников[91].

Обмен первыми делегациями состоялся в 1923 г. В марте в Китай отправилась группа советских специалистов для изучения вопроса о характере и объемах необходимой помощи[92]. С китайской стороны эта задача была возложена на группу под руководством Чан Кайши, прибывшую в Москву 2 сентября 1923 г.[93]. В СССР ее члены провели ряд встреч по военно-политическим вопросам с представителями руководящего состава РКП(б): М.И. Калининым, Г.В. Чичериным, секретарем ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутаком, заместителем председателя Реввоенсовета СССР Э.М. Склянским и главкомом С.С. Каменевым, наркомом просвещения А.В. Луначарским, председателем Реввоенсовета СССР Л.Д. Троцким[94]. Основные цели миссии в области военного сотрудничества были изложены Чан Кайши 9 сентября 1923 г. на приеме делегации Э.М. Склянским и С.С. Каменевым. Он высказал просьбу, «чтобы Реввоенсовет послал на Юг Китая возможно большее количество людей для обучения китайской армии по образцу Красной»[95]. Кроме того, он просил Реввоенсовет о предоставлении возможности «ознакомиться с Красной Армией» и организации совместного обсуждения плана боевых действий в Китае[96].

Из докладной записки М.И. Барановского, составленной по результатам беседы, следовало, что руководство Реввоенсовета положительно отнеслось к запросу представителей ГМД. Относительно отправки в Гуандун инструкторов было предложено организовать специализированные учебные заведения на территории СССР, ввиду сложности для советских военных специалистов овладения китайским языком. Вопрос о знакомстве делегатов с организацией РККА Э.М. Склянский «счел весьма приемлемым». Северо-Западный план[97] Сунь Ятсена был оставлен для дальнейшего рассмотрения.

В ходе визита в СССР китайская делегация посетила военно-учебные заведения и воинские части, а так же корабли ВМФ в Кронштадте. Члены миссии ознакомились с методами боевой подготовки в РККА[98].

Советская сторона проанализировала Северо-Западный план. Идея переноса революционной базы к границам Монголии была расценена, как опасная для СССР. А.А. Иоффе, ознакомившийся с данным планом в беседах с

Сунь Ятсеном, предупреждал Кремль о вероятных международных осложнениях в случае реализации этого проекта:

1. США и Япония были заинтересованы в сохранении концессий на территории Маньчжурии и Монголии. Продвижение войск ГМД на север создавало опасность иностранного вмешательства в ход революции. Угроза установления «международного контроля над финансами Китая» или открытой военной интервенции лишила бы Сунь Ятсена необходимой общественной поддержки внутри страны.
2. Участие СССР в Северо-Западной экспедиции могло помешать установлению дипломатических отношений Москвы и Пекина, затянуть завершение переговоров о статусе Монголии и принадлежности КВЖД. Действия СССР по подготовке в районе Синьцзяна 100-тысячной армии Сунь Ятсена могли быть истолкованы пекинским правительством и поддерживающими его иностранными державами как «возврат к империалистической, агрессивной политике царизма», «подготовка оккупации Маньчжурии»[99].

Учитывая данные обстоятельства, руководство Реввоенсовета не одобрило представленную на его рассмотрение редакцию Северо-Западного плана. Однако это не исключало дальнейшей поддержки ГМД со стороны СССР. Основные силы кантонского правительства предполагалось направить на политическую работу, а также реструктуризацию армии, улучшение ее материальной базы, подготовку квалифицированных офицерских кадров[100]. В этих целях со второй половины 1923 г. из СССР в Китай направлялись советники для основных родов войск: пехоты, артиллерии, инженерных войск, авиации, военно-морского флота и штабные работники. Кроме того, в состав групп советских специалистов включались политработники и преподаватели для военно-учебных заведений ГМД[101].

В число первых советских специалистов, командированных на юг Китая в 1923 г., входили В.Я. Поляк, И.Г. Герман. В начале 1924 г. в Кантон прибыли А.И. Черепанов, Н.И. Терешатов, Н.И. Кончиц, Е.В. Тесленко, М.Ф. Куманин

и главный военный советник П.А. Павлов[102]. На начальном этапе их миссия носила в основном ознакомительный характер. Непосредственное реформирование вооруженных сил, подконтрольных Сунь Ятсену, началось в 1924 г., когда I съезд Гоминьдана принял решение о создании революционной армии (с 1 июля 1925 г. – Национально-революционной армии, НРА), что предполагало реорганизацию старых и образование новых воинских частей[103].

В 1924–1927 гг. в Китае находилось около 135 советских советников[104], а по данным, приведенным А.Я. Калягиным, общий состав миссии мог достигать 150 человек[105]. Все специалисты из СССР были разделены на три группы. Самой многочисленной из них являлась Кантонская (Южнокитайская), которая работала непосредственно в армии Национального правительства и школе Вампу (Приложение 7). К июню 1924 г. в Гуанчжоу было 25 советников, к апрелю 1926 г. их численность увеличилась до 58 чел.[106]. Вторая и третья группы были сформированы в Национальных армиях маршала Фэн Юйсяна. Руководство РКП(б), заинтересованное в распространении своего влияния на севере Китая, поддержало военно-политический союз ГМД с маршалом. Решение об оказании помощи Национальным армиям было принято в марте 1925 г. по просьбе Фэн Юйсяна и генерала Ху Цзинъи, обратившихся в Москву в начале года[107].

Весной 1925 г. Калганская группа советских военных советников (получившая название по месту расположения штаба в г. Калгане) приступила к работе в 1-й Национальной армии. В апреле в состав группы входили 29 инструкторов, 2 политических работника, 1 врач и 4 переводчика. К сентябрю ее численность возросла до 35 специалистов, в январе – феврале 1926 г. до 36. Затем она сократилась, к марту 1926 г − до 27 чел.[108]. Кайфынская (Кайфэнская) группа советников (г. Кайфэн, провинция Хэнань) была организована в июне 1925 г. для поддержки 2-й и 3-й Национальных армий[109]. Численность группы постоянно сокращалась: с 44 чел. в июне 1925 г. до 30 чел. в сентябре 1925 г. и до 21 чел. в январе 1926 г.[110].

По данным материалов РГВА, на январь 1926 г. в Калганскую группу военных советников входили 28 инструкторов и 11 технических работников[111]

(Приложение 8). В то же время Кайфынская группа включала в себя 16 инструкторов и 7 технических работников[112] (Приложение 9).

В 1920-е гг. в Китае работали ведущие военные специалисты из СССР. Главным военным советником в Кантоне был П.А. Павлов, а после его гибели в июне 1924 г. – В.К. Блюхер. Начальником военного отдела Южнокитайской группы советников являлся Н.В. Куйбышев (Кисанька), в ноябре 1925 г. – марте 1926 г. он замещал Блюхера на посту главного военного советника. Советником при штабе Чан Кайши был В.П. Рогачев. В разное время в Китае работали С.В. Шалфеев, М. Чубарева, Д. Угер, П.И. Смирнов, А.Я. Климов, А.Я. Лапин, Р.А. Таиров, В.М. Примаков, И. Корнеев, В.М. Акимов, И. Корейво, К.Б. Калиновский, С.С. Чекин, М.Г. Ефремов, Н.А. Соколов и др. Кроме того, была сформирована группа советских летчиков и техников численностью около 20 человек. Среди них Сергеев (начальник авиагруппы), Кравцов, Тальберг, Базенау, Костюченко, Казюра, Паков и др.[113].

Подготовка командных кадров для войск ГМД осуществлялась в возглавляемой Чан Кайши Высшей военной школе на о. Вампу. В ее создании принимали участие: А.И. Черепанов – главный советник, В.М. Акимов и Н.А. Шевалдин (Прибылев), отвечавшие за тактическую, стрелковую и строевую подготовку, Е.А. Яковлев – советник по инженерному делу, Т.А. Бесчастнов и Г.И. Гилев – советники по артиллерии, Н.А. Кочубеев и М.И. Дратвин – специалисты по средствам связи. Разработкой учебных программ занимались И.Я. Разгон (Ольгин), Степанов, А.И. Черепанов, В.П. Рогачев, И.К. Мамаев, А.С. Бубнов, Г.И. Гилев, М.И. Дратвин, С.Н. Наумов (Калачев), назначенный с ноября 1925 г. главным советником по политической работе в Вампу.

Советские военные советники находились и непосредственно в частях НРА, сведенных к июлю 1926 г. в шесть корпусов (позже – восемь). В 1-м корпусе – А.И. Черепанов, во 2-ом – И.Я. Зенек (Зебровский), в 3-ем – В.Н. Панюков, в 4-ом – В.Е. Горев, в 5-ом – А.Б. Портненко, в 6-ом – А.Н. Черников, Н.И. Кончиц, Лунев, в 7-ом – И.К. Мамаев, в 8-ом – Ф.И. Ольшевский (Войнич)[114].

Первым руководителем Калганской группы был В.К. Путна, с мая 1925 г. этот пост занял В.М. Примаков. Начальником штаба группы являлся И. Корнеев. В качестве советников в группу входили Н.Ю. Петкевич, И. Корейво, А.А. Аргенов – по артиллерии, И. Лодзинский – по тылу, А.П. Миронов, Довгаль, С.С. Чекин – по бронепоездам, М.О. Зюк, Б.И. Кузьмичев – по кавалерии, Н.С. Молчанов – по медицине и др.[115].

Кайфынскую группу возглавлял Г.Б. Скалов, его заместителем и начальником штаба был А.Я. Лапин. В составе группы работали В. Васин – советник по военно-инженерному делу, Лубе – по кавалерии, А.Н. Шелавин (Руднев) и А.В. Благодатов – по артиллерии и др.[116].

Распространенной практикой был перевод советников на другие места службы, их отправка в СССР и замена новыми. В связи с этим, приведенный выше список дает лишь общее представление о кадровом потенциале советской миссии.

Данные, собранные военными специалистами из СССР, позволяют сделать анализ общего положения дел и характерных проблем вооруженных сил Гоминьдана и его союзников[117]. В отчете начальника Южнокитайской группы советских военных советников Н.В. Куйбышева[118] за март 1926 г. представлена краткая справка о состоянии армии ГМД в 1924 г. Первое, на что автор документа обратил внимание, это отсутствие контроля кантонского правительства за действиями войск, находившихся в Гуандуне. Возглавлявшие их генералы подчинялись только тем приказам центральных властей, которые отвечали их интересам. Непосредственное управление войсками осуществлялось через средний и младший комсостав. На этом уровне при распределении должностей основное значение играли протекционизм и коррупция. Многие командиры среднего звена были наркозависимы[119].

Характеризуя состояние рядового состава, Куйбышев отмечал значительный процент «стариков, прослуживших в армии лет 10 и более, больных и бывших бандитов»[120]. Для предотвращения массового дезертирства солдаты вербовались в основном в удаленных северных провинциях.

Учитывая существенную разницу в диалектах жителей разных регионов Китая, это серьезно осложняло работу командиров подразделений. Языковый барьер являлся причиной роста конфликтных ситуаций, так как военнослужащие в большинстве своем не имели устойчивых контактов с местным населением. При низком уровне дисциплины в войсках постоянным явлением было участие солдат в грабежах и мародерстве.

Низкий моральный уровень личного состава усугублялся его плохим материальным содержанием. Куйбышев признавал: «Солдаты раздеты и разуты, жалование не выплачивается годами, солдатский паек обкрадывается, и солдат живет впроголодь»[121]. В виду отсутствия контроля по расходу средств, отпускаемых на содержание частей, создавалась система, в которой «крадут все, начиная от командарма, кончая командиром роты»[122].

Материально-техническая база и боевая учеба военнослужащих также были неудовлетворительными. На вооружении армии Гоминьдана находились стрелковое вооружение разнообразных систем и калибров. В частях отсутствовал какой-либо учет оружия и боеприпасов. Советские инструкторы отмечали крайне низкий уровень стрелковой подготовки личного состава пехотных частей: «В 2-часовом бою на 10-11 тыс. выпущенных патрон нормальное число потерь 10-20 человек, а то и меньше. <…> Процент попаданий ничтожный, со 100 м. в щит 1-0,7 м. 50% непопадания»[123]. Согласно отчета начальника Южнокитайской группы, в строевой подготовке основное внимание было обращено «на внешнюю плац-парадную сторону»[124]. Части не имели представления о ведении разведки. Связь отсутствовала. Инженерное дело практически не имело места в войсках. «Штабы в частях существовали только на бумаге, о какой- либо правильной штабной работе не могло быть и речи»[125]. На данных основаниях Н.В. Куйбышев сделал заключение: «Благодаря вышеприведенным недостаткам, боевая мощь армии сводилась почти к нулю. <…> Располагая на бумаге 150000 армией, правительство не может провести ни одной операции, ни одного мероприятия, если в нем не заинтересован генерал, командующий той или иной армией»[126].

Не менее сложной была ситуация и в военно-морском флоте (ВМФ) Гуандуна. Характеристика его состояния была представлена в отчетах советника по флоту Южнокитайской группы А.Н. Грея[127] за 1924–1926 гг. По результатам первичного ознакомления с обстановкой морским инструктором были отмечены следующие факты:

1. Отсутствие единой системы командования и снабжения, поступление жалования и обмундирования в недостаточном количестве и с задержками.
2. Необходимость капитального ремонта большинства судов с высоким процентом износа.
3. Низкая квалификация экипажей. Острый недостаток представителей отдельных военно-морских специальностей.
4. Устаревшее вооружение различных систем с недостаточным боезапасом. «Артиллерия расположена очень плохо, с небольшими углами обстрелов, у судов большие мертвые углы, в которых они совершенно беспомощны»[128].

В более поздних отчетах приведены примеры, конкретизирующие данные положения. В докладе за октябрь 1925 г. говорилось, что при наличии «больших и маленьких пароходов всего свыше пятидесяти, 2/3 требуют починки». По вопросу о финансовом положении китайских военных моряков в этом документе отмечалось: «за исключением судна “Чжун-шань” жалование на кораблях чрезвычайно низкое, и капитаны для поднятия и выдачи его матросам прибегают к “мертвым душам”, избегая доведения числа людей до штата»[129].

В обзоре состояния морского и речного флота Национального правительства к марту 1926 г. А.Н. Грей указывал на следующие проблемы: «…офицерский состав абсолютно не годен ни только как администратор, но и специалист. <…> На всем флоте есть только 1 минер, т.е. единственный человек, знающий минное дело, из бывших унтер-офицеров, сейчас ему 72 года, и если он умрет, то во флоте не будет ни одного человека, который бы смог собрать и разобрать мину, несмотря даже на то, что имеются на флоте офицеры, занимающие должность по минному делу»[130].

Острая нехватка квалифицированных специалистов, а также высокий износ материально-технической базы были свойственны и другим родам войск. В общей характеристике вооруженных сил Национального правительства, подготовленной для военно-политической комиссии А.С. Бубнова за 1926 г., отмечалось: «Основным родом войск НРА является пехота. Здесь она является, в полном смысле слова, царицей полей. Насыщение ее артиллерией и техническими средствами в некоторых отношениях ниже, чем в Наполеоновскую эпоху <…> Авиация и связь в зачаточном состоянии, военно-инженерное дело отсутствует, кавалерия и бронесилы не находят себе применения на этом театре военных действий. Морской флот по своему состоянию может выполнять лишь задачи узко-местного значения…»[131]. При таком положении дел армии и ВМФ ГМД, несомненно, требовалось серьезное реформирование. В первую очередь, преобразования были необходимы в организационно-управленческой структуре и в системе подготовки офицерских кадров всех уровней.

Под руководством первого главного военного советника П.А. Павлова был разработан план реорганизации армии, утвержденный правительством Сунь Ятсена. После гибели П.А. Павлова в июле 1924 г. реализацию намеченной программы продолжил В.К. Блюхер [132]. В плане мероприятий значились: создание высшего военного руководства (Совета обороны), подготовка офицерских кадров, организация политической работы, создание в частях ячеек Гоминьдана, принятие мер по укреплению тыла. Предполагалось изменить всю систему боевой подготовки – проводить ее с учетом требований современной войны и природно-климатических условий Китая, а также опыта гражданской войны в России [133]. Важной составляющей этой программы являлось оказание СССР финансовой помощи Гоминьдану.

В начале 1924 г. в письме И.В. Сталину Л.М. Карахан указывал на прямую связь поддержки войск Сунь Ятсена с достижением политических целей СССР в Китае: «Если мы действительно откажем ему в помощи снаряжением, то я предвижу серьезные затруднения для дальнейшего нашего

воздействия на Гоминьдан и серьезные затруднения в работе т. Бородина, если не полную невозможность дальнейшего его пребывания в Кантоне» [134]. В.К. Блюхер в телеграмме Л.М. Карахану от 7 декабря 1924 г. также отмечал важность укрепления армии Гоминьдана: «…опираясь лишь на рабоче-крестьянское движение и прогрессивную часть купечества, удержать Кантон под нашим влиянием надежды мало. Продолжительный период основной, решающей судьбу Кантона, силой будет военная»[135].

Значимым шагом в реорганизации вооруженных сил ГМД стало открытие летом 1924 г. Высшей военной школы на о. Вампу. Однако на тот момент правительство Сунь Ятсена не располагало средствами для ее обеспечения. Милитаристы провинций Гуанси и Юньнань контролировали основные финансовые потоки на юге Китая. Это срывало график закупок оружия и боеприпасов кантонскими властями. Например, Сунь Ятсен договорился о поставке академии 300 маузеров, а она получила только 30[136]. Покрытие основных расходов, связанных с созданием школы, взяла на себя Москва, перечислив Гоминьдану 500 тыс. рублей[137]. Кроме того, в 1924 г. в Китай был направлен советский военный корабль «Воровский» с грузом оружия и боеприпасов. Он доставил в Кантон 8 тыс. винтовок, 9 млн. патронов, снаряды, артиллерийские орудия. В общей сложности на нужды школы Вампу СССР затратил более 900 тыс. рублей[138]. Это позволило сформировать материально-техническую базу, необходимую для организации учебного процесса.

1 мая 1924 г. в Высшую военную школу был проведен первый набор слушателей. Параллельно на о. Вампу формировались учебные полки специального назначения. За время существования школы состоялось четыре выпуска: первый и второй насчитывали примерно по 500 человек, третий – 800, четвертый – около 2600. Срок обучения в первых трех наборах не превышал нескольких месяцев. В связи с острой нехваткой офицеров Кантон был вынужден привлекать курсантов к участию в Восточных походах, направленных на создание в южном Китае революционной базы ГМД[139].

Советникам приходилось вести работу не только со слушателями, но и с преподавателями школы. С китайской стороны для обучения курсантов часто назначались офицеры, оказавшиеся неспособными к командованию войсками. Многие из них не разделяли идеологию Гоминьдана. Уровень их подготовки был недостаточным, единого стиля в работе не существовало. Среди преподавателей военных дисциплин только 60 % офицеров были выпускниками императорской военной академии, а 40% − прошли обучение за границей[140].

При первых двух наборах специализация классов отсутствовала. Затем были созданы три основных факультета: пехотный, артиллерийский и инженерный. К началу четвертого набора наибольшее число слушателей насчитывалось в пехотном командирском классе – 980 курсантов, в кавалерийском – 850, в артиллерийском – 500. Кроме того, функционировали инженерный, хозяйственный и политический классы[141].

Программа командирского класса была рассчитана на 8 месяцев. Так как НРА готовилась к Северному походу, то первые месяцы обучения целиком отводились теоретической и строевой подготовке, и только затем проводились маневры и стрельбы. Для специальных классов занятия разрабатывались с учетом специфики родов войск. Например, в артиллерийском классе изучали материальную часть, общие сведения по артиллерии, ведение огня из орудий, тактику артиллерии во взаимодействии с пехотой, связь, топографию[142].

Школа Вампу зарекомендовала себя как эффективная база подготовки офицерских кадров и стала системообразующим учебным заведением данного профиля для войск ГМД. В ходе общеармейской реформы, начатой летом 1925 г., она была преобразована в Центральную военно-политическую школу (ЦВПШ). Остальные военные учебные заведения либо полностью утрачивали самостоятельность, либо становились ее филиалами[143].

После реструктуризации в школе обучалось 2640 курсантов. Существовали 4 отделения: пехотное, артиллерийское, техническое и снабжения. По-прежнему большое внимание в учебном процессе уделялось идеологии. Из 56 преподавателей школы 11 были задействованы в ведении

политических дисциплин[144] (Приложение 10). Постепенное увеличение числа выпускников Вампу и их авторитет в армии делали пост начальника школы, сохраненный за Чан Кайши, опорой его политической карьеры.

Школа на острове Вампу являлась основной базой подготовки кадров для НРА, ее окончило около 4500 офицеров[145]. Однако функционировали и другие, узкоспециализированные учебные заведения. Среди них была кантонская разведшкола, созданная по инициативе советских специалистов. Сведения о ней были изложены Д. Позднеевым в «Отчетном докладе о контрразведывательной работе в Кантоне за ноябрь месяц 1925 г.»[146]. В документе отмечалось, что до прибытия на юг Китая военных советников «борьба со всякой преступностью, начиная с уголовников и кончая шпионами, легла, главным образом, на так называемый “Департамент общественной безопасности”»[147]. Создание «школы контрразведывательной и разведывательной службы» было необходимым шагом для формирования в Гуандуне органов госбезопасности[148]. Это направление имело особую важность, поскольку языковой барьер не позволял восполнить нехватку сотрудников ведомства за счет специалистов из СССР, и работа должна была строиться с опорой на местные кадры.

Первые краткосрочные курсы, рассчитанные на 32 часа, дали возможность подготовить группу из 24 чел. В нее входили «одни из лучших военкомов и политработников» армии ГМД[149]. После выпуска часть курсантов вернулась на прежние места службы, остальные были распределены в округа и центральный аппарат «будущего китайского ГПУ»[150]. Их основными задачами стали «охрана страны от контрреволюции, шпионажа, бандитизма, крупных должностных преступлений и контрабанды»[151].

В дальнейшем планировалось увеличить число курсантов и подготовить к 1 ноября 1926 г. 360 человек[152]. Это было обусловлено острой нехваткой кадров даже для выполнения первоочередных задач. Как отмечал в отчете Д. Позднеев: «Граница не обслуживается совсем – некому. Поднимался вопрос о посылке людей для осмотра прибывающих кораблей, пришлось оставить,

т.к. некого послать. <…> О большинстве частей не знают даже их численности, не говоря уже о более детальном их изучении. Результатом этого и являются постоянные измены, кончая изменой 12 дивизий всего лишь месяц тому назад. С другой стороны, хотя воруют здесь 95% чиновников, но заниматься этим не приходится совсем…» [153]. По мере расширения зоны влияния ГМД необходимо было распространить работу органов государственной безопасности и на соседние провинции.

Учитывая, что дополнительный набор курсантов мог повлечь снижение уровня их подготовки, программа была пересмотрена в сторону увеличения сроков обучения. Взамен 32-часового был разработан трехмесячный курс на 624 часа (не считая строевой подготовки) [154] (Приложение 11). Согласно данным отчета за ноябрь 1925 г., планировалось подготовить три группы. Первый поток с 15 декабря 1925 г. по 15 марта 1926 – 95 чел., второй – с 1 апреля по 1 июля 1926 г. – 120 чел., третий – с 15 июля по 15 октября 1926 г. – 145 чел.[155]. Расчеты делались из минимальной потребности в специалистах для организации разведывательной работы в Южном Китае и сопредельных районах. На содержание учебных центров СССР ежемесячно выделял финансирование в размере от 5 тыс. долл. (в первые месяцы) до 20 тыс. долл.[156].

Таким образом, советскими инструкторами были не только заложены основы подготовки политработников и офицеров для основных родов войск НРА, но и созданы органы разведки и контрразведки, постоянно функционировавшие на подконтрольных ГМД территориях за счет местных кадров. Данная работа способствовала укреплению власти кантонского правительства на юге Китая.

Калганская группа военных советников, опираясь на опыт работы школы Вампу, создала учебные пункты по подготовке офицеров для войск Фэн Юйсяна. В них только по линии 1-й и 2-й Национальных армий прошло обучение в общей сложности около 4200 человек [157]. В частности, функционировала артиллерийская школа на 114 курсантов (для командиров взводов и батарей). В ней Н.Ю. Петкевич (Дюфрен) и А.А. Аргентов (Марино)

организовали занятия по стрельбе с закрытых позиций. Была открыта высшая пехотная школа. В созданной кавалерийской школе прошли подготовку 240 курсантов (80 офицеров и 160 унтер-офицеров), в пулеметной – 180, в инженерной – 40 слушателей. Параллельно под руководством К.Б. Калиновского и инженера С.С. Чекина осуществлялось оснащение трех бронепоездов, а их экипаж обучался приемам ведения боевых действий на железной дороге[158].

Подготовка офицеров для НРА производилась не только в Китае, но и на территории СССР. В Москве военные курсы были организованы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), осуществлявшем подготовку кадров для КПК и ГМД. Специальная группа просуществовала до 1928 г., когда китайский сектор КУТВ влился в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), который ранее именовался Университетом трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК). Военное дело в данном учреждении изучалось во всех академических группах[159].

Согласно советским исследованиям, в 1927 г. в учебных заведениях СССР завершили курсы 50 слушателей. В военных училищах находилось 86 чел., из них летом 1927 г. окончили обучение 35 авиаспециалистов, 21 офицер пехоты и кавалерии. В том же году было зачислено 163 чел., из них 8 – в Военную академию, 79 чел. отобраны для дальнейшего обучения в военных училищах из числа выпускников университета имени Сунь Ятсена[160].

В том же 1927 г. при КУТВ была организована группа из 500 иностранных слушателей для подготовки к военно-политической работе в НРА[161]. Как следовало из письма ректора КУТВ Б. Шумяцкого от 4 декабря 1926 г., руководство университета предполагало ввести для них концентрическую систему образования, позволяющую уже в первый год выпустить их вполне усвоившими минимум знаний «масштаба примерно наших районных и уездных работников»[162]. Преподавание военной теории, обязательной во всех комвузах, планировалось построить таким образом, чтобы к концу года студент, «получивший в первую очередь парторганизационную подготовку, и теоретически и особенно практически

был бы также подготовлен к занятию должности командира взвода или даже комроты» [163] . Исходя из этих задач, был разработан учебный план, включавший как политические, так и военные дисциплины (Приложение 12).

Поскольку цель курсов заключалась в подготовке партработников для сельской местности и вооруженных сил ГМД, при наборе слушателей предпочтение отдавалось рабочим, участвовавшим в стачечном движении, солдатам революционных армий, активным представителям крестьянских союзов[164]. Помощь в отборе кандидатов для обучения в КУТВ должны были оказать советские советники и инструкторы, находившиеся в Китае[165].

Как было отмечено выше, в рассматриваемый период советские военные специалисты работали не только в учебных заведениях, но и непосредственно в частях НРА. При Главном штабе и Политическом департаменте, а также в корпусах и дивизиях были учреждены должности советников. По их рекомендации была реорганизована система высшего командования НРА. 24 октября 1924 г. по инициативе В.К. Блюхера был сформирован Военный совет. Этот орган должен был повысить оперативность управления войсками. Заседания Совета способствовали активизации диалога между входившими в него генералами, лучшему пониманию ими своей роли в достижении совместных целей. Политбюро ЦИК ГМД включило в его состав и главного военного советника. В результате Совет не только ограничил самостоятельность командующих отдельными армиями, создав условия для централизации управления, но и стал своеобразной площадкой для регулярного представления Блюхером собственного анализа военно-политической обстановки на юге Китая и планов для НРА[166].

Идея Сунь Ятсена об объединении страны посредством проведения Северного похода требовала стратегического планирования боевых действий. Это входило в компетенцию главного военного советника. К моменту приезда В.К. Блюхера ГМД контролировал лишь около трети территории Гуандуна. Восточная часть провинции была занята войсками генерала Чэнь Цзюнмина. Поэтому Блюхер видел главную угрозу не столько в сопротивлении северных

милитаристов, сколько в опасности потерять Кантон в результате удара с тыла армии Чэнь Цзюнмина или его сторонников. В приложении к докладу от 10 января 1925 г. Блюхер отмечал, что Северная экспедиция «будет успешной лишь при условии вполне закрепленного за собой тыла (Гуандун) и благоприятной обстановки в соседних провинциях»[167]. Исходя из этого, главный военный советник считал первоочередной задачу убедить командование войск ГМД организовать наступление на Восточном фронте в направлении Шаньтоу.

Уже через два месяца работы в Кантоне Блюхером совместно с другими советскими специалистами была подготовлена «Общая сводка перспектив ближайшей работы». В документе были намечены мероприятия по обороне Гуанчжоу и представлен план наступательной операции против войск Чэнь Цзюнмина. Кроме того, рассматривался дальнейший ход политической работы и обучения личного состава в Юньнаньской, Гуансийской, Гуанчжоуской армиях, дивизии Чан Кайши. В начале ноября 1924 г. с материалами сводки ознакомился Сунь Ятсен[168].

План Блюхера не был реализован немедленно. Предложения советских советников далеко не всегда находили поддержку среди китайских генералов, привыкших к атмосфере недоверия друг другу и больше заботившихся о сохранении собственных армий, чем о достижении общих целей[169]. Тем не менее, во многом благодаря настойчивости Блюхера, первый Восточный поход все же состоялся. Согласно записке военного атташе СССР в Пекине А. Геккера от 19 марта 1925 г., направленной Л.М. Карахану, «в результате полуторамесячного воздействия <…> т. Блюхера на гуанчжоуский генералитет удалось привить последнему мысль о необходимости безотлагательного перехода в наступление против генерала Чэнь Цзюнмина»[170]. Решение о проведении операции было принято в конце января 1924 г.

В феврале-марте 1925 г. части революционной армии нанесли поражение основным силам Чэнь Цзюнмина и заняли г. Шантоу. Первая крупная победа способствовала росту авторитета ГМД. По словам Блюхера, «победа над Чэнь Цзюнмином и разгром могущественной в Гуандуне военной группировки

показали жизнеспособность партии и стоящую за ее спиной реальную силу»[171]. Благодаря этому, аппарату главного военного советника удалось быстро подготовить план дальнейших действий. 1 октября 1925 г. войска НРА начали второй Восточный поход. Силам ГМД удалось занять юго-восточную часть провинции Гуандун и озеро Хайнань, овладеть крепостью Вэйчжоу[172]. Таким образом, Гуандун оказался под контролем Кантонского правительства, и основное препятствие для Северного похода было устранено.

Выводы, сделанные В.К. Блюхером на основе анализа результатов двух Восточных походов, были изложены им в записке от 20 сентября 1925 г. «Перспективы дальнейшей работы на Юге, или большой план военной работы Гоминьдана на 1926 г.». Во вступительной части документа отмечалось, что в связи с укреплением положения ГМД в Гуандуне «теперь не только возможно, но и необходимо в интересах национально-революционного движения возродить идею Северной экспедиции и вооруженного выхода на Янцзыцзян»[173]. По расчетам главного военного советника Северный поход мог быть осуществлен в начале второй половины 1926 г.

До начала операции требовалось провести работу по обеспечению войск всем необходимым. Слабое финансирование тормозило реорганизацию НРА. В связи с этим СССР предоставил правительству Сунь Ятсена заем в 10 млн. юаней и командировал в Кантон советника по бюджетным вопросам[174]. В целом, в период подготовки к Северному походу советские советники не вмешивались в порядок снабжения армии, кроме тех случаев, когда была необходима санкция на получение денежных средств. Однако в снабжении войск существовали значительные проблемы. К началу Северного похода в частях НРА сохранялся некомплект 15000 винтовок, 100 пулеметов. Из 130 орудий половина была неисправна. 1/3 огнестрельного оружия требовала замены [175]. В армиях Фэн Юйсяна во многих дивизиях оставалось до 30 патронов на винтовку и 50 снарядов на орудие[176].

В телеграмме полпреду СССР в Китае Л.М. Карахану от 7 декабря 1924 г. В.К. Блюхер обосновал необходимость отправки в Китай партии оружия и

боеприпасов. Главным образом, речь шла о поставках НРА вооружения иностранного производства. Часть его приобреталась Россией еще в период Первой мировой войны, значительный объем был захвачен Красной Армией у белогвардейцев во время гражданской войны 1917–1922 гг. Блюхер подчеркивал, что все запрашиваемое вооружение «имеется на складах ГАУ (главное армейское управление – прим. *И.В.*) лежа без применения, просимое для флота, валяется на складах Кронштадта»[177]. Он так же отмечал, что все образцы, за исключением гранат и японских винтовок, на вооружении Красной армии не состоят и могут быть предоставлены в распоряжение войск ГМД без ущерба для обороны СССР. Предложение Блюхера было весьма рациональным: «Здесь пригоден всякий старый хлам лишь бы он был обеспечен военприпасами»[178].

Учитывая эти обстоятельства, Москва направила в Китай дополнительную помощь. В 1925–1926 гг. Национальным армиям было поставлено около 43 тыс. винтовок и 87 млн. патронов к ним, 60 орудий различных систем, 230 пулеметов с боекомплектами, 10 тыс. ручных гранат, 4 тыс. шашек[179]. По другим данным, приведенным В.М. Примаковым, за период с марта 1925 г. по июль 1926 г. Национальные армии получили: винтовок – 38828, патронов японских – 17029, германских – около 12 млн., патронов для трехлинейных винтовок – 46,2 млн, 48 орудий, 12 горных пушек, более 10 тыс. ручных гранат, 230 пулеметов, 18 бомбометов, медикаменты[180]. Для НРА в мае–октябре 1926 г. выделено 28,5 тыс. винтовок, 31 млн. патронов, 145 артиллерийских орудий, 19 тыс. снарядов, 100 тыс. ручных гранат, более 20 самолетов, 100 бомбометов[181].

Этот список не следует считать исчерпывающим, поскольку архивные данные свидетельствуют также об отправке в Китай значительного количества других военных материалов. Так, в справке о поставке вооружения и снаряжения по состоянию на февраль 1926 г. отмечался факт передачи в армию Фэн Юйсяна 21928 штыков, 4890 ремней для ружей, 11 ящиков запасных деталей для артиллерии, 9 машинок для набивки пулеметных лент и другого имущества[182]. Из того же документа следовало, что поддержку получила Пекинская Коммунистическая Организация, в распоряжение которой

поступили винтовочные патроны [183] (Приложение 13). Кроме того, СССР оказывал помощь партизанским отрядам в тылу войск милитаристов. В 1926 г. во Внутреннюю Монголию было отправлено 1000 винтовок, 5 тяжелых пулеметов, 500 ручных гранат, 1 млн. винтовочных патронов и 50 тыс. патронов для пулеметов. В отряды также командировались военные инструкторы[184].

2 января 1927 г. К.Е. Ворошилов сообщил в телеграмме М.М. Бородину, что Кантону было передано военное имущество на сумму 6,844 млн. руб., не считая еще остававшегося во Владивостоке груза стоимостью 1,487 млн. руб. При этом задолженность кантонского правительства за советские поставки, с учетом необходимости возмещения 50% затрат на обучение в СССР военнослужащих НРА, составила 6,440 млн. руб. [185] . Оказание Москвой материально-технической помощи ГМД, даже при условии задержки платежей, говорило не только о высоком уровне доверия сторон, но и большой значимости поддержки революционного движения в Китае для руководства СССР.

Однако успех Северного похода зависел не только от состояния материальной базы. Советские специалисты постоянно вели работу по повышению боеспособности НРА: принимали участие в разработке планов операций, консультировали офицеров, координировали действия частей. По воспоминаниям А.В. Благодатова, «роль советника во многом зависела от “характера” подопечного генерала и диапазона его военных знаний» [186] . Советники разъясняли стоящие перед армией задачи, чтобы комсостав мог правильно оценить обстановку и сделать соответствующие выводы.

Определяя направления и прогнозируя результаты своей деятельности, советские специалисты исходили из состояния армии ГМД и ее вероятных противников, а также природно-климатических условий театра военных действий. В частности, учитывалось, что «НРА и ее ближайшие противники вооружены магазинными винтовками при незначительном количестве пулеметов (6–10 на полк) и артиллерии (6–24 орудия преимущественно устарелых облегченных и горных систем на корпус), при очень скудных и зачастую трудно применяемых технических средствах связи и полном отсутствии кавалерии»[187].

Как отмечали советники, по меркам РККА «подготовка войск не выдерживает никакой критики», однако у противников, с которыми НРА сражалась, она «…в лучшем случае такая же или еще ниже» [188]. Относительно перспектив на будущее указывалось, что поскольку «задачи НРА в общем выходят за пределы борьбы с ближайшими соседями и ей придется, вероятно, иметь дело с более подготовленными армиями срединного и северного Китая, то подготовка ее должна быть значительно повышена…» [189]. Климат, рельеф местности и отсутствие развитой дорожной сети ограничивали возможность применения в ходе боевых действий тяжелой техники. Высокий уровень бандитизма препятствовал регулярному снабжению армии. В этих условиях достаточным для ведения боевых действий считался уровень подготовки, «на каком находились европейские армии накануне мировой войны плюс политподготовка»[190].

О примерном содержании комплекса мер, реализуемых советскими инструкторами в этом направлении, можно судить по декабрьскому 1925 г. докладу начальника Южнокитайской группы советников Н.В. Куйбышева. В нем был представлен перечень из 13 пунктов, затрагивавших все основные вопросы подготовки армии к длительному военному походу[191] (Приложение 14).

Согласно докладу, последовавшему в марте 1926 г., за три месяца были получены определенны результаты. За период с декабря 1925 г. по март 1926 г. в двух корпусах была закончена работа реорганизационных комиссий, части были переформированы по новым единым штатам НРА. Параллельно проводилась реорганизация штабов. Были разработаны формы учета личного состава, вооружения. Эти меры способствовали рациональной дислокации армии[192].

В процессе реформирования системы высшего командования НРА были пересмотрены функции Политбюро ЦК Гоминдана, Военного Совета и Главного Штаба. На должность Начальника Штаба назначен один из влиятельных генералов – командир 4-го корпуса Ли Тисин. Для борьбы с преступностью и произволом офицеров создавался военный трибунал. Было сформировано Центральное Управление Снабжения, начата организация аппаратов ведомства

на местах, введен твердый военный бюджет, система отчетности и контроля за расходованием средств, налажена работа арсенала[193].

В рамках программы по повышению квалификации комсостава НРА в начале марта 1926 г. была открыта единая военно-политическая школа, организованы занятия с офицерами в частях. Создание Военно-политического издательства позволило выпускать брошюры, книги, листовки, а также еженедельную армейскую газету с тиражом 18 тыс. экземпляров[194].

С целью улучшения морального состояния рядового состава производилась его чистка от опиекурильщиков и криминальных элементов. Разрабатывались программы и методики по тактической, огневой и строевой подготовке. Почти во всех частях были созданы политические отделы и введен институт комиссаров, организованы партийные ячейки[195].

Общие результаты работы советских специалистов в ВМФ ГМД были представлены в отчете А.Н. Грея «О состоянии морского и речного флота Национального правительства» от 15 марта 1926 г. К этому времени военно-морские силы, состоявшие изначально из 7 группировок, были объединены под общим командованием. При Главном Штабе создана секретная служба. На боевые корабли назначены комиссары. Проведен учет имущества и составлены дефектные ведомости, на основании которых готовились сметы и план ремонта судов. В рамках работы с экипажами были разработаны проекты школ и учебных отрядов, уставов морской службы, организован политотдел и морской клуб для офицеров. В целях повышения эффективности охраны побережья в ключевых пунктах по заданиям военного совета были поставлены брандвахтенные суда. Создана лоцманская станция в устье р. Жемчужная[196].

Эффективность работы советских военных специалистов в Национальных армиях была ниже, чем в НРА. Наиболее результативным оказалось сотрудничество с 1-й армией, находившейся непосредственно под руководством Фэн Юйсяна. Во 2-й и 3-й армиях взаимодействие с комсоставом носило поверхностный характер. В материалах о работе Калганской и Кайфынской групп за 1925–1926 гг., направленных военным референтом при Полпреде

СССР в Пекине на имя Л.М. Карахана, советники характеризовали достижения во 2-й Национальной армии, как «совершенно ничтожные»[197]. Сообщалось, что «работа в школе шла больше на завоевание доверия… Знания были даны небольшие, и они растворились без всякого следа в массе армии»[198]. В тот же период в 1-й Национальной армии советские специалисты получили допуск к инспектированию частей и инструктированию штабов, произвели два выпуска из военных школ. Кроме того, была завершена постройка двух бронепоездов, в качестве самостоятельного рода войск создана кавалерия[199].

Деятельность военных инструкторов в Китае затрагивала все основные рода войск, включая артиллерию, авиацию, инженерное дело и военную медицину[200]. Однако к началу Северного похода, несмотря на ускоренную подготовку офицеров, вопрос о комплектовании командных кадров в НРА полностью решен не был. Продолжала ощущаться острая нехватка квалифицированных специалистов. К декабрю 1926 г. потери среди офицеров составляли: командиров взводов – 80%, офицеров рот – 50%, командиров полков – 50%[201]. Когда учебный процесс в военных школах временно приостанавливался, поскольку курсанты были вынуждены отправляться на фронт, советские военные не только участвовали в разработке планов операций, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях.

Например, в сентябре 1926 г. после неудачного штурма г. Наньчан, проведенного по плану, подготовленному китайским штабом, вмешательство в ход операции В.К. Блюхера позволило войскам НРА овладеть этим пунктом. Советник Теруни при штурме г. Учан в самые критические моменты брал руководство войсками на себя. В этих боях также отличились В.М. Примаков и летчик Сергеев. Последний за 6 дней боев провел в воздухе 37 часов [202].

Несомненно, что пребывание советских специалистов на фронте имело позитивный итог. Войска убедились во многих положительных сторонах новой тактики и методов борьбы (использование артиллерии, разведка, окопное дело). Некоторые рискованные ситуации были ликвидированы, благодаря вмешательству советских инструкторов[203]. Таким образом, советники не только

осуществляли теоретическую подготовку личного состава НРА, но и вели работу по внедрению новых приемов непосредственно в ходе боевых действий.

Однако не всегда инструкторам удавалось выстроить конструктивный диалог с местным комсоставом. Особенно сложно отношения складывались в армиях Фэн Юйсяна. Советник П.П. Македонский в анализе работы в ходе Тяньцзинской операции от 15 января 1926 г. отмечал: «Только на бронепоездах под руководством наших работников, последние пользовались большим влиянием… В общем роль наших работников на фронте больше сводилась к роли наблюдателей… Генералы армии Фына не только не соглашались с советами…, но часто избегали их выслушивать и затрудняли осведомление в обстановке»[204]. В то же время, военный референт при Полпреде СССР в Пекине указывал и на ряд ошибок в работе инструкторов, выявленных в ходе Тяньцзинской операции: «недостаточно серьезный учет китайских условий – назойливое навязывание решений, не понятных или непривычных китайскому комсоставу; понукание и критику высшего комсостава, привыкшего быть хозяином своей части; излишнее афиширование нашего участия в операции»[205].

Следует учитывать и то, что в Китае советским военным пришлось столкнуться с проблемами, напрямую не связанными с их обязанностями. Неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия стали причиной того, что более 75 % советников переболели дизентерией[206]. Крайне сложно создавались амбулатория и стационар для советников и работников посольства. Только благодаря медицинскому советнику 1-й Национальной армии, врачу калганской группы Н.С. Молчанову[207], несколько человек, включая начальника группы В.К. Путну, по болезни досрочно вернулись в СССР.

Во время Северного похода серьезную опасность для здоровья советских специалистов представляли длительные марши. По воспоминаниям советника по артиллерии при НРА Т.С. Бородина, «сильная жара выматывала людей. <…> мало кто из советников вернулся из Китая здоровым»[208]. Эпидемиологическая ситуация в стране была неблагоприятной, и медико-санитарная служба в войсках не справлялась со своими обязанностями. Как отмечено в докладе «О

санитарном состоянии НРА по состоянию на 15 марта 1926 г.» среди медперсонала большой процент составляли врачи с низким уровнем квалификации. Так, «по произведенному испытанию врачей 2-го корпуса, из 19 человек оказались годными для службы лишь двое»[209]. В сочетании с отсутствием на фронте практики оказания скорой медицинской помощи это приводило к высокой смертности среди раненых – 5-10 %[210]. Физическое состояние личного состава НРА нельзя было признать удовлетворительным. Показателен в этом плане тот факт, что медкомиссия, проведенная в школе Вампу, считавшейся элитной, дала следующие результаты: из 5790 осмотренных 153 чел. – уволено со службы, 15% из всего числа курсантов признано годными лишь для несения нестроевой службы[211].

В этой ситуации помощь советских медработников имела огромное значение для поддержания боеспособности НРА. Комплекс первоочередных мер в этом направлении предполагал: «разверстку лечебных заведений согласно дислокации войсковых единиц и по выработанным штатам, …необходимые мероприятия по приведению военно-лечебных заведений в надлежащий вид, а также организации по санобслуживанию войсковых частей и флота»[212].

Тем не менее, санитарных отрядов в войсках не хватало, в армии быстро распространялись опасные инфекции, такие как брюшной тиф и холера. Летом 1926 г. НРА пересекла 150-киллометровую полосу заражения холерой на севере Гуандуна и юге Хунань. По свидетельствам Т.С. Бородина, в одном из населенных пунктов зараженной зоны был обнаружен советник по снабжению НРА Лодзинский, оставленный в бессознательном состоянии. Лишь благодаря вовремя оказанной первой медицинской помощи его удалось спасти[213]. Таким образом, оказавшись в совершенно новых для себя условиях, советские специалисты должны были не только выполнять свои профессиональные обязанности, но и быть постоянно готовыми к любым нештатным ситуациям.

Другая, весьма серьезная для инструкторов проблема заключалась в недостаточном количестве переводчиков и их слабой подготовке. Большинство советников не владело ни одним из иностранных языков. Как следует из

доклада начальника Южнокитайской группы: «Приходится работать через двух переводчиков – англо-русского и англо-китайского и потому большая часть времени тратится непроизводительно, причем при двойном переводе теряется значительная часть существа дела. Да и англо-русских переводчиков в группе имеется всего один»[214]. С подобной трудностью пришлось столкнуться и в Национальных армиях, и в процессе создания разведшколы в Кантоне.

Для решения данной проблемы 26 октября 1925 г. Китайской комиссией Политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление о необходимости создания в Москве школы переводчиков на 100 человек[215]. Однако обучение специалистов требовало времени. В этой ситуации советники, насколько это было возможно, изучали разговорный китайский язык, применяли в учебном процессе самостоятельно изготовленные наглядные пособия, демонстрировали приборы и механизмы. А.А. Аргентов, П. Зюк работали без переводчиков[216].

Дополнительным препятствием в работе советских специалистов являлось постоянное преодоление стереотипов, сопротивления и недоверия в офицерской среде. Для китайской армии были свойственны негативное отношение к любому иностранному инструктору, склонность к традиционным методам ведения войны; расчет на превосходство в оружии и боеприпасах как гарантию достижения победы над противником. Местные чиновники и командующие отличались частыми переменами политических взглядов, отсутствием мотивации к обучению, отношением к войскам как средству улучшения своего материального положения и карьерного роста [217]. Им была присуща переоценка реальных возможностей подконтрольных армий и, как следствие, постановка перед советниками невыполнимых задач. Примером этому стала попытка создания в 1-й Национальной армии одновременно шести кавалерийских дивизий. Штат инструкторов был недостаточным для столь масштабного проекта. Многие из них не заканчивали кавалерийских школ и не владели необходимыми навыками[218]. В итоге новые подразделения оказались неэффективны и лишь ослабляли армию в целом.

В этой ситуации инструкторам приходилось постоянно прибегать к «доказательствам правдивости проповедуемого новшества», добиваться «наглядных положительных результатов»[219]. Это позволяло минимизировать негативные факторы во взаимоотношениях советников с китайскими офицерами.

Враждебность командования НРА по отношению к советским специалистам усилилась в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена. Каждое предложение советникам приходилось отстаивать в длительных дискуссиях, доказывать правомерность своих рекомендаций. Отдельные генералы были неспособны реализовать намеченные планы в боевой обстановке, но под сомнение ставилась именно первоначальная разработка[220].

Приблизительно на этот же период приходился рост разногласий внутри советской миссии. Характеризуя состав и работу Калганской группы, советник П.П. Македонский 15 января 1926 г. сообщал: «Эта группа, до сих пор не выказывавшая признаков разложения, была укомплектована <…> исходя из расчета на напряженную, но непродолжительную работу[221]. …Ее подбирали с личного согласия каждого, не из числа лиц, стремящихся <…> связать свою жизнь с Китаем…»[222]. Однако это не исключало таких проблем, как случайный подбор специалистов, неслаженность и трения внутри группы, слабое знание обстановки, не всегда достаточный профессиональный опыт и низкий уровень педагогических способностей большинства инструкторов, «неумение сразу подойти к жизненному, нужному, нащупывание “программ”», текучесть личного состава и неравномерность нагрузки, нехватка переводчиков[223].

На деятельности Южнокитайской группы советников отрицательно сказался конфликт В.К. Блюхера с М.М. Бородиным. Взаимные претензии стали возникать в середине мая 1925 г., после возвращения последнего из поездки на север Китая, в которую он отправился практически сразу после прибытия в Кантон Блюхера. Обострению отношений способствовали недостаточное разграничение полномочий военного и политического отделов, а порой и личные амбиции.

В своем докладе о поездке в Кантон в октябре 1925 г. советник А. Хмелев отмечал, что в период, когда политической и военной работой руководил Блюхер, управление было сосредоточено только в его руках. С приездом Бородина была предпринята попытка разделить обязанности. Однако она не дала положительных результатов. По замечанию А. Хмелева: «Военный отдел тов. Бородин прибрал к своим рукам как следует… Военные работники обезличены <…> даже лишены права непосредственной телеграфной переписки с Пекином. Вся переписка идет только от имени Бородина»[224].

Нарекания к работе М.М. Бородина возникали и у Н.В. Куйбышева. В декабре 1925 г. он докладывал Москву: «Во-первых, Бородин мыслит меня как своего военного советника. <…> Во-вторых, мы расходимся в оценке положения в Гуандуне и состояния армии. А отсюда - и в методах работы. <…> Осложняется это еще тем, что Бородин безграмотен в военном отношении и так же безграмотен во всех вопросах гражданской войны, советского строительства и громадного опыта нашей партии. Он как с луны свалился»[225]. В январском письме 1926 г. также содержалась негативная характеристика текущей работы главного политического советника: «Он сделал все от себя зависящее, и впредь за событиями и обстановкой он не поспевает»[226].

Разногласия внутри миссии ухудшали обеспечение военных инструкторов оперативными данными, замедляли обмен информацией с Москвой. Это осложняло работу В.К. Блюхера и Н.В. Куйбышева по вопросам военно-стратегического планирования и в части принятия организационных решений. В соответствии с положением о Южнокитайской группе военно-политических работников в задачи советских специалистов входила «популяризация идей коммунизма, советской государственности и работа за всестороннее сближение и поддержку СССР»[227]. Сотрудничество политических и военных советников являлось необходимым условием эффективности их деятельности. Особенно опасными такие конфликты становились в обстановке кризиса единого фронта.

С укреплением позиций правого крыла Гоминьдана и ростом в нем антикоммунистических настроений процесс реформирования НРА затянулся.

Чан Кайши понимал необходимость реорганизации вооруженных сил. Однако он опасался, что это приведет к подрыву его авторитета и ущемлению прав как главкома. Находясь в напряженных отношениях с председателем Военного совета, он, по словам А.В. Благодатова, «скорее саботировал эти мероприятия (реорганизацию армии – прим. *И.В.*), чем способствовал их проведению в жизнь»[228]. В 1927 г., ввиду усиления политических разногласий, контакты с ГМД по военным вопросам были прекращены.

За период активного сотрудничества СССР и Гоминьдана в военной сфере, несмотря на все трудности, советским специалистам удалось реализовать основные задачи по реорганизации и повышению боеспособности вооруженных сил ГМД. Результаты этой работы были высоко оценены китайской стороной. В письме на имя посла СССР Л.М. Карахана бригадный командир 2-й запасной бригады 3-й Национальной армии Ху Дэфу просил направить опытных специалистов по артиллерии, инженерному и пехотному делу: «Приехав, они могли бы руководить всем, чтобы знания и качество всех частей бригады могли улучшиться»[229]. Сам факт подобных обращений в Москву доказывал, что польза от пребывания в войсках советских инструкторов китайскими военными под сомнение не ставилась.

В отзывах по результатам опроса офицеров, окончивших курсы высшего командного состава, переданных Фэн Юйсяном А.С. Бубнову в феврале 1926 г., отмечалось: «…не только никто из иностранцев, но даже китаец не стал бы так внимательно и аккуратно следить за работой своих слушателей»[230]. Сам Фэн Юйсян подчеркивал, что «инструкторы работали чрезвычайно энергично, отдавая все свои силы»[231]. Вдова Сунь Ятсена, представительница левого крыла Гоминьдана, Сун Цинлин, в ходе официально визита в Москву в 1927 г. выразила благодарность советскому правительству за помощь Китаю, оказанную в ходе революции 1925–1927 гг.[232].

Руководство СССР также признало заслуги военных специалистов. Об этом свидетельствовали правительственные награды, полученные ими по

результатам командировки. Советники Блюхер, Сергеев, Кравцов, Теруни, Черепанов, Палло, Горев и др. были удостоены орденов Красного Знамени[233].

Практика реализации сотрудничества СССР и ГМД в военной сфере в 1923 – 1927 гг. показала, что определяющее воздействие на него оказала политико-идеологическая составляющая. Ключевым фактором, изменившим позицию Советского Союза и повлекшим прекращение военного сотрудничества с Гоминьданом, стала не его безрезультатность, а политические разногласия. В рассматриваемый период советским специалистам удалось добиться существенных результатов в плане повышения боеспособности армии ГМД и его союзников. За короткий срок из разрозненных, не имеющих единой организационной структуры, практически небоеспособных военизированных формирований они создали вооруженные силы, достаточно подготовленные для эффективного противостояния войскам милитаристов. В комплекс мероприятий, осуществленных при помощи СССР, вошли: поставки оружия, боеприпасов и других материалов для войск ГМД; организация и обеспечение работы военно-политических школ; обучение личного состава НРА и Национальных армий Фэн Юсяна. При содействии Москвы на территориях подконтрольных ГМД была начата работа по созданию органов государственной безопасности, подготовке кадров разведки и контрразведки, восстановлению флота, организации в войсках медицинской службы. Советские советники приняли непосредственное участие в подготовке и проведении многих локальных операций, были привлечены к планированию военной кампании Гоминьдана по объединению страны.

В период 1923 – первой половины 1927 гг. взаимодействие СССР и ГМД в военной сфере развивалось весьма конструктивно. Затруднения, возникавшие в ходе работы советских специалистов, носили по большей части объективный характер, поскольку опыта инструкторской, политической, международной советнической деятельности у командиров РККА на тот момент не было. Возросшую боеспособность и результативность действий НРА подтверждало успешное осуществление Восточных и Северного походов. Это говорило в

пользу того, что Гоминьдан не имел оснований для свертывания военного сотрудничества с Москвой по причине его низкой эффективности, тем более в период активных боевых действий до завершения Северного похода.

Неотъемлемой частью деятельности советских специалистов в Китае являлось проведение занятий по политической подготовке в войсках ГМД. С одной стороны, это была необходимая работа, направленная на повышение дисциплины в войсках, морального уровня военнослужащих, разъяснение им целей военной кампании, привлечение общественной поддержки. С другой стороны, учитывая зависимость административного аппарата от поддержки армейского командования, влияние на настроения в войсках могло стать для Кремля мощным средством давления на партийные институты Гоминьдана. В связи с этим, политработа среди военнослужащих являлась одной из важных составляющих в стратегии Москвы по внедрению просоветских и прокоммунистических идей в армии и их последующему распространению на занимаемых НРА территориях.

Однако с усилением кризиса в политическом диалоге Москвы и Гоминьдана взаимодействие в военной сфере потеряло свое основание и было свернуто. Отказ Чан Кайши от следования директивам Москвы, поддержки единого фронта с КПК, привел к тому, что деятельность коммунистических организаций оказалась под угрозой, а ИККИ и ВКП(б) утратили возможности влиять на развитие внутриполитической ситуации в Китае. Дальнейшее оказание военной помощи Гоминьдану противоречило курсу ВКП(б) на поддержку китайских коммунистов в борьбе за власть.

Таким образом, в 1920-е гг. ведущим в сотрудничестве СССР и Гоминьдана являлся политический, а не военный аспект. Последний, при всей его значимости, как для китайской, так и для советской стороны, следует рассматривать, как инструмент для достижения политических целей (Приложение 15).

[1] Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 97.
[2] Имеется в виду первая попытка военной экспедиции против группировки маршала У Пэйфу и мятеж генерала Чен Цзюнмина – прим. *И.В.*
[3] Подробнее см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. : 1920–1925 гг. М., 1994. С. 329–341.
[4] Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990. С. 24.
[5] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2194. Л.143.
[6] Капица М.С. Советско-китайские отношения. С. 97.
[7]Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999. С. 55.
[8] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 268–273.
[9] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 55.
[10] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 277–278.
[11] Там же. С. 308–311.
[12] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 56.
[13] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 306.
[14] Там же. С. 306–307.
[15] Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009. С. 39.
[16] Цит по.: Капица М.С. Советско-китайские отношения. С. 98.
[17] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 93.
[18] Там же. С. 93–94.
[19] Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986. С. 37.
[20] Там же
[21] Там же. С. 37–38.
[22] Там же. С. 39–40.
[23] Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 95.
[24] Там же. С. 99.
[25] Записки М.М. Бородина о положении на юге Китая от 10 декабря 1923 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 339–341.
[26] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.4. Л.1.
[27] Мировицкая Р.А. Первое десятилетие // Ленинская политика Москвы в отношении Китая. М., 1968. С. 27–28.
[28] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011. С. 230.
[29] Цит. по.: Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959. С. 117.
[30] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.4. Л.7.
[31] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.4. Л.8.
[32] Там же.
[33] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.4. Л.21.
[34] Там же.
[35] Цит. по.: Мировицкая Р.А. Первое десятилетие. С. 29.
[36] Сунь Ятсен и советско-китайские отношения: новые архивные документы // Проблемы Дальнего Востока. 1996. №6. С. 116.
[37] В 1925 г. в ходе общеармейской реформы Высшая военная школа на о. Вампу была преобразована в Центральную военно-политическую школу (ЦВПШ). Подробнее см.: Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу в политической стратегии Чан Кайши (1924–1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. №9. С. 136–143.
[38] На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1977. С. 43.
[39] Окороков А.В. В боях за Поднебесную Русский след в Китае. М., 2013. С. 33.

[40] Рассматривается на основе рекомендованных для Центральной военно-политической школы – прим. *И.В*.
[41] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.23. Л.73–74.
[42] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.23. Л.73.
[43] На китайской земле. С. 43.
[44] Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / К.П. Агеенко, П.Н. Бобылев, Т.С. Манаенков [и др.]. М., 1975. С. 22
[45] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.23. Л.97.
[46] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.23. Л.97–98.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.23. Л.84.
[50] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.127.
[51] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 111.
[52] Подробнее о противоречиях между НКИД и ИККИ см. п. 1.2. – прим. *И.В.*
[53] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 648.
[54] Там же.
[55] Там же. С. 649.
[56] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 57.
[57] Там же. С. 56.
[58] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 667.
[59] Подробнее о национальных армиях и действовавших при них советских военных специалистах см. п. 2.2 – прим. *И.В.*
[60] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.56.
[61] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.6, 10
[62] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.12. Л.24–25.
[63] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 235–236.
[64] Подробнее см.: Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу … С.136–137.
[65] Цит. по: Юркевич А.Г. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. №3. С. 41
[66] Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу … С.139–141.
[67] Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 206.
[68] Подробнее см.: Мировицкая Р.А. Первое десятилетие. С. 38–39.
[69] Цит. по: Там же. С. 41.
[70] ГАРФ. Ф.Р-5216. Оп.2. Д.1954 Л.112
[71] Там же.
[72] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. С. 243–244.
[73] Цит. по: Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М., 2011. С. 259.
[74] Подробнее о взаимоотношениях М.М. Бородина и В.К. Блюхера см. п.2.2. – прим. *И.В.*
[75] Цит. по: Картунова А.И. Почему В.К. Блюхер поддерживал Чан Кайши. // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С.63.
[76] Цит. по: Мировицкая Р.А. Первое десятилетие. С. 38–39.
[77] Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 93–94.
[78] Там же. С. 121.
[79] Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 337.
[80] Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М., 2015. С. 240.
[81] 1 мекс. долл. = 1,007 зол. руб.
[82] 1 амер. долл. = 1,71 кит. долл.
[83] Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна … С. 241–246.

[84] Wilbur C.M. The Nationalist Revolution in China, 1923–1928. Cambridge, 1984. P. 41.
[85] Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна … С. 246.
[86] Там же. С. 247–249, 253.
[87] Подробнее см.: II конгресс Коминтерна. Тезисы по национальному и колониальному вопросам. 28 июля 1920 г. См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 6–11. ; IV конгресс Коминтерна. Общие тезисы по восточному вопросу. 5 декабря 1922 г. См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 26–37.
[88] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.35.
[89] Военная помощь СССР … С. 16.
[90] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 206.
[91] Там же.
[92] Военная помощь СССР ... С. 17.
[93] О составе, политической и дипломатической рабочей программе делегации см. п. 2.1. – прим. *И.В.*
[94] Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М., 2001. С. 33.
[95] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 257.
[96] Там же.
[97] Северо-Западный план Сунь Ятсена предполагал перенесение основного театра военных действий с юга Китая (провинции Гуандун) в его северо-западную часть. Через провинции Сычунь, Ганьсу и Шэньси выдвинуть армию в район Синьцзяна, к границе с Внешней Монголией, с последующей организацией похода на Пекин. Подробнее о содержании Северо-Западного плана Сунь Ятсена см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 257; Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2. : 1922–1926. М., 2015. С. 702–705.
[98] Капица М.С. Советско-китайские отношения. С. 97.
[99] Цит. по: Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии … Т. 2. С. 704–705.
[100] Картунова А.И. Политика Москвы ... С. 35–36.
[101] Там же. С. 38
[102] Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. (Записки военного советника в Китае). М., 1979. С. 10.
[103] Военная помощь СССР … С. 19.
[104] Там же. С. 18.
[105] Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. С. 12; Подробнее см.: Усов В. Н. Советская разведка в Китае ... С. 225.
[106] Там же. С. 224; Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу … С. 113.
[107] Александров С.И. Помощь Советского Союза национальным армиям в Северном Китае в 1925 – 1927 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №3. С. 133–134.
[108] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 265.
[109] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … М., 2011. С. 244.
[110] Там же; Мировицкая Р.А. Первое десятилетие. С. 55.
[111] РГВА Ф.33987. Оп.3а. Д.179. Л.1-3.
[112] РГВА Ф.33987. Оп.3а. Д.179. Л.5-6.
[113] Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. С. 12.
[114] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 31–32.
[115] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … М., 2011. С. 240–242.; РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 179. Л. 1-3.
[116] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 244–246; РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 179. Л. 5-6.

[117] Для анализа использованы, в том числе, обращения к характеристике вооруженных сил Гоминьдана на 1923–1924 гг. в более поздних докладах советских военных специалистов и начальника Южнокитайской группы советников, датированных 1925–1926 гг., из фондов РГАСПИ – прим. *И.В.*
[118] Н.В. Куйбышев с 1 ноября 1925 г. по 27 марта 1926 г. замещал на посту главного военного советника Южнокитайской группы В.К. Блюхера, в период отъезда последнего в СССР для лечения. См.: Картунова А. И. В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы. М., 1979. С. 54.
[119] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.4–5.
[120] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.6.
[121] Там же.
[122] Там же.
[123] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.23. Л.40-41.
[124] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.7.
[125] Там же.
[126] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.8.
[127] В том числе не подписанные и не датированные документы, автором которых предположительно является А.Н. Грей – прим. *И.В.*
[128] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.7. Л.34–35.
[129] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.12. Л.17–18.
[130] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.36.
[131] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.131.
[132] Военная помощь СССР … С. 19.
[133] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 32.
[134] Цит. по: Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 221.
[135] В.К. Блюхер в Китае. 1924-1927 гг. Новые документы главного военного советника. / Сост., отв. ред., авт. введения и примечаний А.И. Картунова. М., 2003. С. 45.
[136] Пын Мин История китайско-советской дружбы. С. 119.
[137] Юркевич А.Г. «Верное ядро Вампу». К 90-летию «партийной военной школы Гоминьдана» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №6. С. 123.
[138] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 33.
[139] На китайской земле. С. 39–40.
[140] Военная помощь СССР … С. 20.
[141] На китайской земле. С. 40–41.
[142] Там же. С. 42.
[143] Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу … С. 140.
[144] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.23. Л.56–57.
[145] Военная помощь СССР … С. 21.
[146] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.1–19.
[147] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.1.
[148] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.19.
[149] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.3.
[150] Там же.
[151] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.11.
[152] Там же.
[153] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.4–5.
[154] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.19.
[155] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.11.
[156] Усов В.Н. Советская разведка в Китае ... С. 234.
[157] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 35.
[158] Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. М., 1978. С. 55.

[159] Подробнее см.: Чжан Юйсинь Подготовка китайских военных кадров в СССР в 1920-е годы. // Военно-исторический журнал. 2017. №3. С. 51–56.
[160] Военная помощь СССР … С. 26.
[161] Там же.
[162] РГАСПИ. Ф.495. Оп.154. Д.278. Л.23–24.
[163] Там же.
[164] РГАСПИ. Ф.495. Оп.154. Д.278. Л.28.
[165] РГАСПИ. Ф.495. Оп.154. Д.278. Л.24.
[166] Янгузов З.Ш. Забвенья нет. Хабаровск, 1990. С. 194.
[167] Картунова А.И. В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. С. 125.
[168] Янгузов З.Ш. Забвенья нет. С. 195.
[169] Великанов Н.Т. Блюхер. М., 2010. С. 157.
[170] Картунова А.И. В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. С. 38.
[171] Там же.
[172] Янгузов З.Ш. Забвенья нет. С. 198.
[173] Картунова А.И. В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. С. 199–200.
[174] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 33–34.
[175] Там же. С. 34.
[176] Примаков В.М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М., 1967. С. 163.
[177] В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы … С. 45.
[178] Там же. С. 45–46.
[179] Военная помощь СССР … С. 27.
[180] Примаков В.М. Записки волонтера. С. 15.
[181] Военная помощь СССР … С. 27.
[182] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.97.
[183] Там же.
[184] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. С. 35–36.
[185] РГВА Ф.33987. Оп.3а. Д.178. Л.31.
[186] Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. С. 155.
[187] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д. 23. Л.36.
[188] Там же.
[189] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д. 23. Л.38.
[190] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д. 23. Л.36.
[191] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.13. Л.40–42.
[192] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.14–15.
[193] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.14,16.
[194] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.15.
[195] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.14,16.
[196] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.44–45.
[197] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.66.
[198] Там же.
[199] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.65.
[200] Подробнее см.: Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской войны (1924–1927). М., 1964; Кончиц Н.И. Китайские дневники. 1925–1926 гг. М., 1969; Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. М., 1978; Далин С.А. Китайские мемуары 1921–1927 гг. М., 1975; Примаков В.М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М., 1967; На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1977; Картунова А.И. В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы. М., 1970; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника. М., 2003.
[201] Военная помощь СССР … С.26.

[202] Там же. С.32–33.
[203] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.70.
[204] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.5.
[205] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.69–70.
[206] Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. С. 55.
[207] Н.С. Молчанов - после Великой Отечественной войны генерал-лейтенант медицинской службы, начальник кафедры терапии Военно-медицинской академии им. Кирова, главный терапевт Советской Армии, действительный член Академии медицинских наук. Подробнее см.: Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. С. 48.
[208] На китайской земле. С. 54.
[209] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.46–47.
[210] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.52.
[211] Там же.
[212] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.46.
[213] На китайской земле. С. 55.
[214] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.13. Л.39.
[215] Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 236.
[216] Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. С. 56.
[217] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.56.
[218] Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. С. 56.
[219] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.56.
[220] Военная помощь СССР … С. 35.
[221] С условием о службе в Китае не дольше года – прим. И.В.
[222] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.8–9.
[223] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.15. Л.57.
[224] Цит. по: Усов В.Н. Советская разведка в Китае … С. 224.
[225] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.12. Л.44–45.
[226] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.12. Л.47.
[227] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.22. Л.113.
[228] Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925–1927. С. 156.
[229] РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.25. Л.1.
[230] Примаков В.М. Записки волонтера. С. 14.
[231] Там же.
[232] Пын Мин История китайско-советской дружбы. С. 168.
[233] Военная помощь СССР … С. 36.

ГЛАВА 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ГОМИНЬДАНА В 1932 – 1942 гг.

3.1. Политическое сотрудничество СССР и Гоминьдана

В начале 1930-х гг. рост экспансионистских и милитаристских настроений в Токио привел к изменению международной обстановки на Дальнем Востоке. Для Гоминьдана утрата северо-восточных провинций представляла серьезную опасность. В условиях продолжавшейся гражданской войны, внутрипартийной борьбы в Гоминьдане, снижения авторитета Чан Кайши после потери Маньчжурии дальнейшее расширение японской агрессии угрожало ГМД утратой власти. Руководство Гоминьдана столкнулось с необходимостью поиска союзников, способных оказать давление на Японию и предотвратить ее дальнейшую экспансию в Китае. Поскольку Кремль также не был заинтересован в усилении позиций Токио на континенте, это создавало основания для возвращения Москвы и Нанкина к двустороннему диалогу.

Однако возобновления советско-китайских отношений немедленно после начала японского вторжения в Маньчжурию не последовало. Уровень взаимного недоверия сторон оставался высоким. СССР изначально занял нейтральную позицию по отношению к событиям в Северо-Восточном Китае. Отчасти это было обусловлено тем, что Москва и Токио поддерживали контакты с момента их восстановления в 1925 г., и в рассматриваемый период они были продуктивнее отношений с Англией, США и Китаем[1]. Кроме того, экономические интересы СССР связанные с КВЖД, проживание на оккупированной Японией территории советских граждан создавали практическую необходимость вести диалог с мукденскими властями. Отклонив в 1932 г. предложение об обмене послами Москва согласилась на открытие 5 консульств Маньчжоу-го на территории СССР и такого же количества советских представительств в Маньчжурии[2]. В совокупности с начавшимся летом того же года обсуждением с Токио вопроса о продаже

КВЖД, это вызвало недовольство Нанкина. Сомнение Гоминьдана вызывала также проблема целесообразности восстановления дипконтактов с государством, оказывающим поддержку силам КПК, продолжавшим вооруженную борьбу против центрального правительства.

Тем не менее военно-стратегические мотивы подталкивали руководство ВКП(б)и ГМД к сближению. Для СССР с его относительно слабой системой обороны на Дальнем Востоке было важно избежать усиления Японии. Попытка Нанкина воздействовать на Токио через Лигу Наций осталась безрезультатной. Комиссия Литтона по расследованию событий в Маньчжурии, действовавшая по поручению Лиги, признала действия Японии спланированной агрессией, но не предполагала введения против нее экономических санкций. Согласительные процедуры категорически не устраивали китайскую сторону[3]. В этой обстановке Национальное правительство было всецело заинтересовано в международной поддержке. В 26 июня 1932 г. Янь Хуэйцин, возглавлявший китайскую делегацию в Комитете по разоружению в Женеве, обратился к наркому М.М. Литвинову с предложением о переговорах по восстановлению дипломатических отношений. 12 декабря 1932 г. СССР и Китайская Республика заявили о возобновлении официальных контактов[4]. О потенциале военно-стратегического партнерства двух стран говорит тот факт, что за короткий промежуток времени с 1932 г. по 1937 г. они прошли путь от формального восстановления консульских отношений до партнерства в области обороны и на международных дипломатических площадках.

Первая попытка реализовать общие интересы СССР и Китая в официальном двустороннем соглашении была предпринята Нанкином в 1933 г. Китайский МИД форсировал переговоры с Москвой, так как в феврале 1933 г. Япония захватила провинцию Жэхэ, 27 марта − вышла из Лиги Наций. Это могло привести к эскалации военной активности Токио. 11 мая министр иностранных дел Китайской Республики Ло Вэньгань представил полпреду Богомолову проект договора о ненападении. Нанкин стремился добиться от СССР признания своих суверенных прав на Маньчжурию и воспрепятствовать

продаже Токио КВЖД. Советские дипломаты предложили включить в проект соглашения раздел о свободе экономической деятельности СССР в МНР и в Синьцзяне. Вопросы, касавшиеся КВЖД и непризнания результатов японского вторжения в Маньчжурию в 1931 г., напротив, были исключены. Китайская сторона отвергла этот вариант договора. В итоге переговоры затянулись и фактически зашли в тупик [5].

После того как японская военная активность в Северо-Восточном Китае несколько ослабла, руководство Гоминьдана пересмотрело свои приоритеты. Нанкин был убежден в неизбежности войны между Москвой и Токио и опасался возобновления японской агрессии в ответ на заключение соглашения с Кремлем. Кроме того, некоторые китайские политики считали, что пакт о ненападении не имел большого значения, так как он не предусматривал военное сотрудничество сторон [6]. В результате вплоть до очередного этапа японо-китайского противостояния, начавшегося в июле 1937 г., Чан Кайши надеялся путем уступок Токио, если не предотвратить конфликт, то, по крайне мере, отсрочить его. Параллельно с этим руководство ГМД рассчитывало заручиться поддержкой Англии, Франции и США.

В этой ситуации весной 1933 г. СССР выступил в поддержку любых коллективных мер, которые могли быть прямо или косвенно направлены против агрессивной политики страны Восходящего солнца[7]. 7 марта 1933 г. НКИД информировал об этом Генерального секретаря Лиги Наций [8]. М.М. Литвинов сообщал: «Советское Правительство <…> всегда будет солидарно с действиями и предложениями международных организаций и отдельных правительств, направленными к скорейшему и справедливому разрешению конфликта и обеспечению мира на Дальнем Востоке» [9]. Предложение прозвучало на фоне таких важных для отечественной дипломатии событий, как признание Советского Союза США и его вступления в Лигу Наций. Кремль стремился зарекомендовать себя как активного, самостоятельного участника международных отношений в АТР, готового на равных вести диалог с ведущими мировыми державами.

В конце 1933 г. Москва предложила Белому дому заключить пакт о ненападении между США, СССР, Китаем и Японией с целью стабилизации положения на Дальнем Востоке. Однако Америка ответила отказом[10]. В 1935 г. М.М. Литвинов воспользовался визитом в Москву заместителя министра иностранных дел Англии А. Идена, для того чтобы обсудить с ним вопрос о перспективе создания Тихоокеанского пакта. 28 марта 1935 г. в личной беседе с ним нарком подчеркнул, что для прочного обеспечения мира на Тихом океане «нужны коллективные усилия всех заинтересованных государств»[11]. Предполагалось противопоставить экспансии Японии силы остальных участников соглашения: СССР, Китая, Франции, Великобритании и Голландии. А. Иден не поддержал инициативу СССР, обосновав свою позицию сомнением в готовности США к такой форме сотрудничества[12].

Лондон и Вашингтон стремились за счет Китая оградить собственные интересы в регионе. Кроме того, разрыв экономических связей с Токио, активно наращивавшим импорт сырья и промышленных технологий, был невыгоден североамериканским деловым кругам[13]. В результате попытка НКИД в 1935 г. объединить усилия западных держав и США на Тихом океане не увенчалась успехом. В связи с этим Кремль, по-прежнему не отказываясь от идеи обеспечения коллективной безопасности на Дальнем Востоке, начал поиски альтернативных мер противодействия Японии через развитие двусторонних контактов с Нанкином.

В октябре 1935 г. председатель исполнительного юаня Кун Сянси поставил перед советским полпредом Д.В. Богомоловым вопрос о том, может ли Китай в случае конфликта с Японией рассчитывать на получение из СССР военных материалов. 20 ноября 1935 г. Богомолов передал Куну положительный ответ. Но Нанкин и Москва вновь затягивали заключение договора[14]. Эта медлительность могла негативно отразиться на развитии советско-китайских отношений. По мнению заместителя НКИД Б.С. Стомонякова «следовало бы избежать такого положения, при котором Чан Кайши и прояпонские лидеры Китая использовали бы наше “нежелание помочь” как аргумент в пользу уступок Японии»[15].

Позиция Стомонякова была небезосновательна. В рассматриваемый период руководство ГМД склонялось к тактике «умиротворения» страны Восходящего солнца, надеясь, таким образом, направить ее агрессию против СССР. В военных и политических кругах Нанкина продолжала циркулировать идея о целесообразности выжидательной позиции как в отношениях с Токио, так и с Москвой. Эта точка зрения нашла свое отражение в статье Лунь Чжаохуаня «Угроза русско-японской войны и тактика, которой мы должны придерживаться», размещенной в официальном журнале морского министерства Китая «Военный флот» в ноябре 1934 г.[16].

В публикации подчеркивалось, что советско-японская война неизбежна, а подготовка обеих сторон к ней является нескрываемым фактом. В этой ситуации Китай представлялся находящимся «между двумя империализмами: японским и русским»[17]. Империалистические амбиции Токио автор видел в стремлении к территориальным захватам, а СССР – в продолжении политики царской России, но под прикрытием революционных лозунгов. Лунь Чжаохуань утверждал: «поэтому безразлично, будем ли мы просить милостыню у Токио или плакать и жаловаться перед воротами Москвы»[18].

В данных обстоятельствах автор статьи предлагал придерживаться тактики провокации войны между Японией и СССР, но при этом избежать фактического участия в ней. Заняв нейтральную позицию, следовало дождаться истощения сторон или выхода одной из конфликта, и только затем «привлечь Англию и Америку к обузданию победителя, вместе с тем тайно выражать симпатию побежденному, соглашаться на вмешательство с непременным условием возвращения нам наших прав, не останавливаясь перед небольшими жертвами»[19]. Естественно, что Китай в роли «наблюдателя за войной» не был выгоден для Советского Союза.

Тем не менее, НКИД по-прежнему не стремился форсировать контакты с Нанкином. 2 сентября 1936 г. Богомолов писал Стомонякову о желательности заключения с Китаем пакта о взаимопомощи. Однако он указывал, что внутриполитическая обстановка в Китае слишком неясная чтобы идти на этот шаг.

Богомолов предлагал по возможности затянуть переговоры, но «не нарушая той достаточно дружественной атмосферы, которая существует…»[20]. Преодоление сомнений Москвы зависело от двух ключевых моментов: готовности Чан Кайши к сопротивлению Японии и формирования единого фронта ГМД и КПК.

Своего рода проверкой на лояльность и готовность к сотрудничеству для СССР и Гоминьдана стал Сианьский инцидент конца 1936 г. К этому моменту основным направлением, которое по линии НКИД и ИККИ разрабатывала Москва, являлось создание в Поднебесной единого антияпонского фронта ГМД и КПК. Этот альянс был предпочтителен для Кремля, рассматривавшего Китай в качестве государства, которое должно было принять на себя главный удар Японии и, тем самым, если не остановить, то максимально оттянуть распространение экспансии Токио на советский Дальний Восток.

Однако в условиях острой вооруженной конфронтации Гоминьдана и Компартии реализовать идею альянса антияпонских сил было невозможно. Арест Чан Кайши в Сиани, произведенный 12 декабря 1936 г. вступившими в союз с КПК Чжан Сюэляном и Ян Хучэном, мог иметь серьезные, в том числе международные последствия[21]. В справке НКИД СССР от 15 апреля 1940 г. «События в Сиани в декабре 1936 г.: причины, участники, роль КПК и СССР», направленной В.М. Молотову, отмечалось: «Сианьские события приобретали особое значение в связи с тем, что, во-первых, происходили они во время, когда японская военщина готовила против Китая очередной удар и, во-вторых, что к моменту возникновения этих событий, <…> нанкинское правительство <…> в известной мере выправило курс своей внешней политики, поворачиваясь все более и более в сторону сопротивления японской агрессии»[22].

Уже 14 декабря 1936 г. газеты «Правда» и «Известия» опубликовали передовицы, отражавшие официальную позицию СССР относительно Сианьского инцидента. В них основная ответственность за организацию выступления возлагалась на японские спецслужбы и их «агента» Ван Цзинвэя, «которые используют все средства для облегчения японскому милитаризму дела закабаления страны»[23]. Чжан Сюэлян, лишившийся большей части

подконтрольных территорий, был представлен в публикации исполнителем этих планов[24]. При этом «Известия» отмечали, что его действия «не являются подходящим методом объединения живых сил страны в борьбе против внешнего врага. Ближайшим результатом подобного рода выступления может явиться новая вспышка междоусобной войны, которую японский империализм поспешит использовать для дальнейших агрессивных действий против Китая»[25]. Кроме того, в обозначенном выше номере «Правды» от 14 декабря 1936 г. ТАСС выступил с официальным опровержением сообщения японской газеты «Ници-ници» о поддержке СССР «правительства» Чжан Сюэляна и заключении с ним «оборонительно-наступательного союза» [26].

Активизация японской прессы была обусловлена тем, что для кабинета Хирота арест Чан Кайши мог послужить убедительным поводом к расширению военного присутствия в Китае. По информации полпредства СССР в Токио, представленной в приведенной выше справке НКИД, в японской армии в связи с Сианьскими событиями были отменены отпуска офицерам, готовилась отправка в Китай Осакской дивизии. Размещение в печати материалов о «наступлении коммунизма на Китай» должно было оправдать политику применения силы[27].

В целях пресечения распространения китайскими и европейскими информагентствами сообщений о причастности Москвы к действиям Чжан Сюэляна, временному поверенному в делах СССР в Китае И.И. Спильванеку были даны четкие инструкции НКИД. Б.С. Стомоняков рекомендовал сделать официальное заявление о том, что советское правительство после занятия Маньчжурии японскими войсками никогда не поддерживало отношений с Чжан Сюэляном, и «оно не может нести ответственности за действия китайской Красной армии»[28]. Декларации, подчеркивавшие непричастность Москвы к Сианьским событиям, должны были продемонстрировать руководству КПК неприемлемость для Кремля дальнейшей эскалации конфликта, а также снять напряжение в отношениях с Нанкином. Последнее было важно, поскольку внутри ГМД не существовало единого подхода к вопросу о методах урегулирования кризиса.

27 января 1937 г. И.И. Спильванек в докладе Б.С. Стомонякову отмечал, что особенно опасной для интересов СССР в Китае была точка зрения по вопросу освобождения Чан Кайши, занятая группой нанкинских политиков под руководством военного министра Хэ Инциня и министра иностранных дел Чжан Цюня. Сходясь во мнении, что первостепенное значение имела проблема власти и организации правительства без Чан Кайши, они рассчитывали путем подавления антияпонских настроений в стране обеспечить себе содействие Токио. Японский посол Кавагоэ еще в сентябре 1936 г. провел несколько встреч с Чан Кайши, стремясь склонить его к сотрудничеству. Однако все эти попытки не увенчались успехом[29]. В новой ситуации, по словам советского поверенного в Китае, Кавагоэ в беседе с Чжан Цюнем уведомил его о готовности Японии поддержать борьбу против Чжан Сюэляна и китайской Красной Армии, а так же о том, что в этот период «не будет сделано ничего, могущего затруднить деятельность правительства, но без Чан Кайши»[30].

В связи с этим еще более возрастала заинтересованность Москвы в мирном разрешении Сианьского конфликта. Это сближало позицию НКИД с мнением другой политической группировки в ГМД, возглавляемой Кун Сянси, изначально настаивавшим на переговорах с КПК и Чжан Сюэляном. В результате в урегулировании событий в Сиани СССР сделал ставку на умеренные круги Гоминьдана. Выбор Москвы был также обусловлен политической слабостью КПК и ее непопулярностью среди китайской общественности. Контакты руководства ВКП(б) с представителями Компартии могли привести к распространению мнения о причастности СССР к организации выступления против Чан Кайши или, по крайней мере, осведомленности о таких планах, поскольку китайским политическим и военным кругам уже было хорошо известно о связи Чжан Сюэляна с КПК[31].

В тоже время действия Нанкина в период, предшествовавший Сианьскому кризису, способствовали формированию в Китае и за рубежом восприятия Чан Кайши в качестве наиболее вероятного лидера единого антияпонского фронта. В справке НКИД СССР от 15 апреля 1940 г.,

посвященной событиям 1936 г., отмечалось, что «поворот Нанкина к политике более решительного сопротивления Японии вызывался наличием в Китае к тому времени мощного антияпонского движения и был несомненно связан с процессом консолидации национальных сил Китая и концентрацией власти в руках центрального правительства, возглавляемого Чан Кайши»[32].

Исходя из расстановки сил и возможных перспектив развития ситуации в Китае, СССР избрал тактику поддержки умеренно настроенных политиков в руководстве Гоминьдана и демонстрации неприятия силового разрешения конфликта, даже при наличии идеологических разногласий с Чан Кайши. Отказавшись от предложения посредничества в урегулировании конфликта, высказанного послом Китая Цзян Тинфу в беседе с М.М. Литвиновым, НКИД СССР оставил за собой роль теневого игрока в китайских делах[33].

Выстраивая отношения с КПК, СССР использовал авторитетное для китайских коммунистов мнение Исполкома Коминтерна, который рекомендовал руководству КПК придерживаться курса на консолидацию всех сил для защиты страны. Следовало не только воздержаться от выступлений против Чан Кайши, но и принять все меры, чтобы добиться его освобождения[34].

16 декабря 1936 г. Чжан Сюэлян согласился на прибытие в Сиань Сун Мэйлин и Сун Цзывэня. Параллельно ЦК КПК начал переговоры с Чан Кайши, который согласился обсудить вопросы о прекращении гражданской войны и едином фронте. 25 декабря 1936 г. лидер ГМД был освобожден[35].

После возвращения Чан Кайши в Нанкин Кремль, действуя через Коминтерн, продолжил стимулировать сближение КПК и ГМД. Директива ИККИ для ЦК КПК от 19 января 1937 г. предполагала: «курс на поддержку всех мероприятий Гоминьдана и нанкинского правительства, направленных на прекращение гражданской войны и объединение всех сил китайского народа в борьбе против японской агрессии»[36]. В феврале 1937 г. пленум ЦИК ГМД дал согласие на реализацию декабрьских договоренностей 1936 г.[37].

Таким образом, действия СССР в период Сианьского кризиса продемонстрировали твердую готовность Кремля вести диалог с Гоминьданом

на базе общности внешнеполитических задач, продиктованных реалиями международной обстановки, несмотря на различие идеологических платформ. Однако, этот факт не повлек немедленного перехода Москвы к оказанию военной и политической поддержки Нанкина. Катализаторами для этого стали эскалация агрессии Японии в Поднебесной и бездействие мирового сообщества.

После урегулирования Сианьского инцидента Кремль предпринял еще одну попытку возврата к вопросу об обеспечении коллективной безопасности на Дальнем Востоке. 11 марта 1937 г. М.М. Литвинов в беседе Цзян Тинфу поднял тему Тихоокеанского пакта. Нарком отметил, что заключение только двустороннего соглашения о взаимопомощи между Москвой и Нанкином нежелательно, поскольку может убедить Англию и США в достаточности принятых мер для безопасности Китая. В связи с этим Литвинов рекомендовал объединить усилия советской и китайской дипломатии для того, чтобы склонить Вашингтон и Лондон к подписанию коллективного договора[38].

1 апреля 1937 г. Богомолов озвучил советское предложение Кун Сянси. Предполагалось заключение договора о дружбе, включавшего кредитное соглашение на сумму 50 млн. долл. для закупки Нанкином боевой техники и снаряжения, а также обучение в СССР китайских летчиков и танкистов. Отдельно предусматривалось обязательство обеих сторон всемерно содействовать заключению Тихоокеанского пакта о взаимопомощи. Несмотря на очевидную выгоду предложения, ГМД продолжал оставаться в нерешительности. По мнению Богомолова, Чан Кайши еще не потерял надежду договориться с Японией. Поэтому предложение Москвы осталось без ответа[39].

14 мая 1937 г. премьер-министр Австралии Дж. Лайонс выступил с предложением заключить Тихоокеанский пакт о ненападении. Советский полпред в Англии И.М. Майский обсудил с ним перспективы переговоров, сообщив о предпочтительности пакта о взаимопомощи. Представитель Австралии позитивно отнесся к данной идее, но высказал сомнение в готовности к ее реализации Англии и США. Это подтвердили результаты работы полпреда в Америке А.А. Трояновского. Вашингтон отверг возможность взаимопомощи,

а пакт о ненападении счел бесполезным без участия в нем Японии[40]. В результате очередная мирная инициатива так и не была реализована.

Инцидент у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 г., положивший начало японо-китайской войне, резко изменил настроения в дипломатических кругах. Международное сообщество вновь продемонстрировало нежелание способствовать урегулированию конфликта на Дальнем Востоке. Дальнейшее развитие событий во многом зависело от договоренностей Москвы и Нанкина.

В новых условиях Чан Кайши стремился к немедленному заключению пакта о взаимопомощи между Китаем и СССР без участия в нем третьих держав. 16 июля 1937 г. соответствующий вопрос был поднят Сунь Фо в ходе беседы с советским полпредом Д.В. Богомоловым в рамках обсуждения мер по стабилизации обстановки на Дальнем Востоке. 19 июля последовало повторное официальное предложение. Представитель Гоминьдана Чэнь Лифу подчеркнул, что «китайское правительство в любую минуту готово подписать пакт о взаимопомощи»[41]. Но Москва придерживалась схемы, согласно которой в первую очередь следовало вести переговоры по Тихоокеанскому пакту, после этого перейти к обсуждению договора о ненападении, и только затем ставить вопрос о взаимопомощи[42]. В ситуации, когда Нанкин уже вел войну с Японией, Москва не считала возможным в двустороннем порядке брать на себя такие обязательства. Это могло стать поводом к конфликту с Токио. Кроме того, требовалось подтверждение, что в случае предоставления военных материалов, они не будут использованы против страны-поставщика. В качестве гарантии выступил договор между СССР и Китаем о дружбе и ненападении. Он был подписан 21 августа 1937 г.[43]. Соглашение стало фундаментом для военного и политического сотрудничества СССР и Гоминьдана.

В соответствии с положениями этого документа, Москва и Нанкин приняли решение воздерживаться от нападения друг на друга, в том числе совместно с иными державами. Вторая статья договора закрепляла, что в случае агрессии третьей стороны участники соглашения «обязуются не оказывать ни прямо, ни косвенно никакой помощи такой третьей или третьим

державам в продолжение всего конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде Стороны подвергшейся нападению»[44].

В ходе подписания договора его участники выступили с устными декларациями, уточнявшими второй пункт соглашения. Д.В. Богомолов отметил, что «Советский Союз не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены». Министр иностранных дел Китая Ван Чжунгуй от имени своего правительства заявил, что его страна «…не заключит в течение действия договора о ненападении… какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР»[45]. Эти заявления потребовались, так как Москва стремилась получить подтверждение неприсоединения Китая к антикоминтерновскому пакту, а Нанкин – конкретизировать позицию Кремля в отношении Японии и удержать советское правительство от заключения с Токио пакта о ненападении.

Подписание советско-китайского договора, как отмечал полпред СССР в Японии М.М. Славуцкий, произвело в Токио «огромное впечатление»[46]. Кабинет Коноэ расценивал это соглашение как свое дипломатическое поражение. Об этом свидетельствовала телеграмма, направленная Славуцким в НКИД СССР 30 августа 1937 г.: «Договор с Китаем здесь в центре внимания. Не только пресса, но и первые комментарии МИД, <…> открыто демонстрируют озлобление японцев этим их новым внешнеполитическим поражением на фоне и без того осложненного положения на фронтах, усиливающихся финансово-экономических затруднений…»[47]. В ответных рекомендациях НКИД предлагал свести к минимуму обсуждение в Токио вопросов военной помощи Китаю и торговли оружием или отстаивать позицию, что эти действия соответствуют нормам международного права. В тени оставался тот факт, что именно советско-китайский пакт о ненападении открыл для подписавших его сторон возможность перейти к широкомасштабному сотрудничеству в военной сфере.

Таким образом, в 1933–1937 гг. произошли изменения в представлениях советского руководства о методах обеспечения безопасности на Дальнем Востоке. Попытки создания многостороннего соглашения, направленного на сдерживание экспансии Японии в АТР, были пересмотрены в пользу двустороннего сотрудничества с Китаем, так как все действия НКИД СССР, направленные на заключение Тихоокеанского пакта, остались безрезультатны. Это было вызвано желанием европейских держав и США в ожидании начала советско-японской войны защитить свои экономические интересы в Поднебесной посредством «умиротворения» Токио.

Ярким примером попытки западной дипломатии добиться компромисса с Токио в обмен на безразличное отношение к действиям Японии в Китае являлась дискуссия, развернувшаяся в 1937 г. в Лиге Наций. 30 августа 1937 г. Нанкин направил генеральному секретарю Лиги сообщение об агрессии Японии. Англия и Франция, занимавшие в организации ведущее положение, не имели намерения выступать против Токио. Желая выяснить позицию США, не состоявших членом Лиги, Лондон обратился к Белому дому с вопросом, будут ли Штаты представлены в Женеве. Вашингтон ответил согласием.

После обращения правительства Чан Кайши в Совет Лиги Наций с просьбой применить сдерживающие меры в отношении Японии 13 сентября 1937 г., Великобритания и Франция, опасавшиеся за свои колонии вблизи зоны боевых действий, добились передачи этого вопроса на рассмотрение Консультативного комитета, созданного для обсуждения маньчжурского вопроса[48]. В результате была принята резолюция, осудившая бомбардировки китайских городов, но не предусматривавшая никакой помощи Нанкину.

15 сентября 1937 г. состоялось открытие очередной Ассамблеи Лиги Наций. Ее повестка предусматривала обсуждение ситуации в Китае. Лига не могла отказать Нанкину в рассмотрении этого вопроса, т. к. статья 10 Устава обязывала ее гарантировать территориальную целостность и политическую независимость каждого члена организации, а статья 16 предусматривала применение к агрессору экономических и военных санкций[49].

В день открытия сессии Ассамблеи представитель от Гоминьдана Веллингтон Ку призвал Лигу Наций помочь Китаю. Однако его заявление нашло поддержку только со стороны СССР. М.М. Литвинов обвинил членов Лиги в бездеятельности. С начала аннексии Маньчжурии пассивная позиция мирового сообщества в отношении Японии приводила лишь к расширению агрессии в Китае. Он указал, что сохранить мир возможно только путем последовательного проведения политики коллективной безопасности [50]. Однако предложение Москвы не было рассмотрено форумом. Консультативный комитет ограничился решением о созыве конференции стран-участниц «договора девяти держав». 6 октября 1937 г. оно было одобрено Лигой Наций [51].

Информагентства Японии одобрительно отреагировали на нерешительность международного сообщества. Газета «Иомури» 6 октября 1937 г. разместила сообщение о проекте резолюции Лиги Наций под заголовком «Даже Лига Наций отвергает китайские утверждения и заявляет, что японские действия не являются агрессией»[52]. В официальном ответе на резолюцию Лиги Токио возложил ответственность за начало войны на Нанкин. Действия Японии были названы мерой обороны «к которой она вынуждена прибегнуть ввиду заранее обдуманных провокационных актов Китая» [53]. В документе подчеркивалось, что Токио стремился лишь добиться отказа Китая от антияпонской политики и не имел к нему территориальных претензий, тогда как «именно китайское правительство, поддаваясь коммунистической интриге, вызвало нынешние военные действия»[54].

На Брюссельской конференции 3–24 ноября 1937 г. мнения делегатов о мерах воздействия на Японию разделились. Американские и британские представители полагали, что смысл работы форума должен был состоять в примирении враждующих сторон. Определяющей в Брюсселе стала позиция Вашингтона, которая, по словам госсекретаря США К. Хэлла, сводилась к тому, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции» [55]. Соединенные Штаты, Британия и Франция настойчиво предлагали Нанкину и Токио согласительные процедуры. Советская сторона,

напротив, накануне открытия конференции заявила о недопустимости лишь морального осуждением японской агрессии и о необходимости применения к Токио эффективных мер[56]. Однако, когда 13 ноября 1937 г. В. Ку поднял вопрос о санкциях и оказании материальной помощи Китаю, западные делегации предпочли уклониться от обсуждения этой темы[57].

Стремление стран-участниц Брюссельской конференции 1937 г. подтолкнуть СССР на выступление против Японии проиллюстрировала беседа советского представителя В.П. Потемкина с председателем форума министром иностранных дел Бельгии П. Спааком. Последний провокационно заявил, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов попугать Токио»[58]. Потемкин отметил, что «охотники загребать жар чужими руками, очевидно, имеются и в Брюсселе, но роль мавра СССР предоставляет другим»[59]. Понимая неэффективность дискуссий в Брюсселе накануне голосования по заключительной резолюции конференции советский представитель запрашивал Москву: «не воздержаться ли нам от голосования, если воздержатся китайцы или они выскажутся против»[60]. Это еще раз подтверждало солидарность СССР с Китаем относительно японской агрессии, но неготовность Кремля идти на крайние меры.

В итоге, несмотря на все усилия Москвы и Нанкина, декларация от 24 ноября 1937 г. лишь подтверждала принципы «договора девяти держав», и призывала Китай и Японию прекратить боевые действия. Конкретных шагов по противодействию агрессивной политике Токио не предусматривалось[61]. После завершения Брюссельской конференции 1937 г. Литвинов в письме послу в США А.А. Трояновскому констатировал, что «конференция закончила свое существование даже более позорно, чем можно было ожидать»[62].

Расчет западной дипломатии, что форум в Брюсселе сам по себе произведет отрезвляющее впечатление на Токио, не оправдался. Напротив, конференция продемонстрировала бессилие Запада перед экспансией Японии[63]. СССР был единственной страной готовой поддержать Китай. Но все же он был вынужден соотносить свои действия с настроениями в мировом сообществе. Ни

одной из западных держав партнерство с Китаем в тот период не представлялось важнее собственных позиций в Азии и экономических связей с Токио. Не имея возможности действовать через международные организации, Советский Союз оказывал прямую военную и экономическую помощь Китаю. Однако на тот момент начать боевые действия против Японии означало для СССР дать формальный повод Германии на основании условий Антикоминтерновского пакта вмешаться в конфликт и развязать войну в Европе.

В 1938 г. правительство Чан Кайши все же предприняло попытку склонить Москву к вступлению в войну на Дальнем Востоке, используя в качестве основания вооруженное столкновение СССР и Японии на озере Хасан. 30 июля 1938 г. Кун Сянси в беседе с Временным Поверенным в делах СССР в Китае доказывал предпочтительность военного решения хасанского конфликта. В обоснование своей позиции председатель Исполнительного юаня привел следующие аргументы: наличие у Москвы формального повода для начала войны, возможность нанесения СССР и Китаем совместного ответного удара, неготовность Германии к войне. Кун Сянси, со ссылкой на данные полученные в 1937 г. от В. Бломберга, сообщил, что для завершения подготовительных мероприятий Германии потребуется еще 2–3 года[64]. При этом Кун Сянси заметил, что Китай готов поддержать СССР и в случае избрания им мирного пути урегулирования хасанского инцидента[65].

Советская сторона сочла невозможным вступление в войну с Японией. Полпред в Китае И.Т. Луганец-Орельский от имени СССР отклонил предложение Чан Кайши, переданное ранее через Сунь Фо, о заключении как секретного, так и открытого договора, расширявшего военное сотрудничество[66]. Сближение в этой области, по мнению Москвы, помимо общего обострения международной обстановки на Дальнем Востоке, могло привести к усилению в Китае прояпонской оппозиции, опасавшейся «большивизации» страны[67].

В телеграмме заместителя НКИД СССР В.Л. Потемкина к Луганец-Орельскому от 8 сентября 1938 г. были представлены доводы к правительству ГМД, отражавшие позицию советской стороны. В частности указывалось, что

СССР не считает целесообразным начинать боевые действия против Японии изолировано без Англии или США. Москва готова пойти на этот шаг лишь при трех следующих условиях: а) если Япония нападет на СССР; б) если Англия или США присоединятся к войне против Японии; в) если Лига Наций обяжет тихоокеанские державы выступить против Японии. Тем не менее, НКИД подтвердил готовность СССР помогать Китаю средствами обороны согласно двусторонним договоренностям[68].

Таким образом, Москва последовательно придерживалась политической линии, занятой в 1937 г. Не отказываясь от взятых на себя обязательств по оказанию военной помощи Китаю, а также его поддержки дипломатическими методами, СССР стремился избежать обострения отношений с Японией.

В этом направлении серьезным ударом по интересам Чан Кайши стало заключение советско-германского пакта о ненападении. Оформление данного соглашения серьезно ухудшило связи Москвы, Лондона и Парижа. Это подрывало план Чунцина по созданию альянса против Токио, в который входили бы Китай и западные державы. Через дипломатические каналы лидер ГМД стремился убедить Сталина взаимодействовать с Англией и Францией на Дальнем Востоке. Однако эти усилия не имели успеха. Более того, в Кремль оценил их, как очередную попытку втягивания СССР в войну с Японией [69].

В телеграмме председателя законодательного юаня Сун Ке из Москвы в Чунцин от 17 сентября 1939 г. отмечалось, что ранее СССР был готов сотрудничать с Англией и США, если бы эти страны активно препятствовали агрессивной политике Японии. В новых условиях Кремль отошел от прежних ориентиров[70]. 18 сентября 1939 г. Сталин в телеграмме Чан Кайши отметил, что удовлетворен известием о готовности США оказать Китаю материальную помощь. Однако советский лидер подчеркнул, что «при таких обстоятельствах нет никакой необходимости в советском альянсе с США на Дальнем Востоке» [перевод мой – *И.В.*][71]. Таким образом, Москва позитивно оценила англо-американскую поддержку правительства Чан Кайши. Но и провоцирование

Токио не входило в планы Кремля. Это и послужило основанием для отклонения просьбы Чунцина об объединении усилий СССР с западными державами.

Подписание советско-германского договора, успех СССР в конфликтах на озере Хасан и, особенно, р. Халхин-гол создавали предпосылки для активизации обсуждения Москвой и Токио пакта о нейтралитете. Возможный вариант такого соглашения рассматривался в ходе беседы между В.М. Молотовым и послом Японии С. Того 2 июля 1940 г. Одним из условий подписания пакта, озвученных Того, был отказ СССР от помощи Чунцину: «Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству»[72].

В данном контексте необходимо обратить внимание на тот факт, что в 1940 г. объем военных поставок из СССР в Китай значительно снизился. А к сентябрю 1940 г. «китайские вопросы», по выражению советника посольства Китая в Москве Лю Цзэжуна, оказались «замороженными»[73]. 17 октября 1940 г. во время встречи с заместителем НКИД СССР А. Вышинским посол Шао Лицзы отметил, «что в принципе политика СССР не изменилась, но практическая помощь Китаю за это время приостановилась» [74].

Причины данного явления в историографии объясняются по-разному. Н.П. Рябченко связывает временное прекращение советских поставок с попыткой Кремля воздействовать на правительство Чан Кайши, принуждая его к ослаблению давления на подконтрольные КПК районы и сохранению единого фронта[75]. Дж. Гарвер считает, что приостановка советской помощи ГМД в 1940 г. была реакцией СССР на позицию Китая в Лиге Наций во время советско-финской войны. Москва рассчитывала на поддержку Чунцином ее действий, но Китай не воспользовался правом вето, чтобы заблокировать решение Лиги об исключении СССР из ее состава вследствие агрессии последнего против Финляндии. Прекращение поставок могло выступать предостережением для Чунцина от подобных действий в дальнейшем[76]. Не стоит оставлять без внимания и тот факт, что Япония, завершавшая подготовку к агрессии в странах Юго-Восточной Азии, нуждалась в гарантиях невмешательства

СССР в конфликт. В то же время Москва столкнулась с ростом напряженности в отношениях с Германией, установившей свой контроль над большинством стран Западной Европы. В этих условиях возросло стремление НКИД к заключению пакта с Японией, а сокращение объемов военной помощи ГМД могло выступать в качестве доброжелательного жеста в адрес Токио.

Чан Кайши был недоволен упрочением советско-японских контактов. По этому поводу он отмечал в своем дневнике: «Хотя Россия не вступила в альянс, Сталин был принципиальным подстрекателем. Если Япония не двинется прямо на юг, Сталин использует русско-японский договор о ненападении, одобрит продвижение Японии на юг. Это очевидное сталинское намерение» [перевод мой – *И.В.*][77]. Кроме того, сближение Москвы и Токио усиливало тревогу Чунцина о возможном разделении ими Китая на сферы влияния.

Чан Кайши пытался воспрепятствовать советско-японскому соглашению, прибегая к двойственной политике. В официальных контактах с Москвой руководство ГМД делало акцент на убеждении в необходимости дальнейшего сотрудничества. В частности, Чунцин заявлял о готовности признать особые советские права на Синьцзян. Чан Кайши использовал удобные случаи, чтобы обозначить свои дружеские чувства к Советскому Союзу. Например, 23 февраля 1941 г. он впервые посетил посольство СССР, чтобы принять участие в праздновании 23-й годовщины РККА. Вместе с тем, с 7 мая по 8 октября 1940 г. правительство ГМД вело тайные переговоры о мире с Японией. Это было и реакцией на осложнение для Китая международной обстановки, и средством давления на Москву. Однако после формирования в июле 1940 г. второго кабинета премьер Коноэ взял курс на вторжение в Юго-Восточную Азию. 1 октября того года военный министр Японии Хидэки Тодзио отдал приказ о свертывании переговоров с Чунцином.

В конце 1940 г. поставки советской техники и вооружения в Китай были возобновлены, но помощь поступала в неполном объеме. По подсчетам Дж. Гарвера, в течение года СССР удовлетворил запросы Чунцина по винтовкам только на 13 %, по моторам – на 14 %, по самолетам – на 28 %[78].

На этом фоне подписание 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете было крайне негативно воспринято в Китае. Чунцин отнесся к данному соглашению как нарушению советско-китайского договора о ненападении 1937 г.[79]. Прежде всего это касалось части, в которой речь шла об обязательстве воздерживаться от соглашений со страной, развязавшей агрессию в отношении стран – участниц договора, до окончания вооруженного конфликта. Недовольство также вызывало обоюдное признание СССР и Японией суверенитета Маньчжоу-го и МНР. Однако негодование китайского внешнеполитического ведомства было во многом формальным. Оставить спорный вопрос без внимания было для Чунцина равносильно согласию с утратой прав на эти регионы. Но в обстоятельствах, когда Чан Кайши не имел возможности повлиять на развитие ситуации, сохранение сотрудничества с Москвой было важнее демонстративного протеста.

В ходе беседы, состоявшейся 19 апреля 1941 г. между Чан Кайши и послом СССР в Китае А.С. Панюшкиным, стороны попытались сгладить негативные последствия от заключения пакта для взаимоотношений Москвы и Чунцина. Чан Кайши заметил, что «несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина остается непоколебимой… Мне хотелось бы только надеяться на то, что если СССР будет предпринимать какие-либо шаги в отношении Японии, то это не будет тайной для нас». Панюшкин, в свою очередь, заявил: «Пакт о нейтралитете, заключенный СССР с Японией, не вносит каких-либо изменений в советско-китайские отношения. Это подтверждается, с одной стороны, тем, что при заключении пакта Китай совершенно не упоминается и не затрагивается, с другой – нашей непрекращающейся помощью Китаю»[80].

В дальнейшем Чан Кайши избрал пассивную тактику. Поскольку подписание Москвой и Токио пакта о нейтралитете стало провалом политики лидера ГМД, ориентированной на втягивание Советского Союза в войну с Японией, это могло подорвать его авторитет в партии. В докладе правительству от 24 апреля 1941 г. Чан Кайши проигнорировал то обстоятельство, что гоминьдановская дипломатия пыталась препятствовать

соглашению между СССР и Японией. Он, напротив, утверждал, что апрельский пакт полезен для Китая, так как может стать одним из оснований для начала японо-американской войны.

Заключение советско-японского пакта о нейтралитете не привело к фатальным последствиям для политического взаимодействия СССР и ГМД. Это говорило о том, что баланс, установившийся в советско-китайских отношениях, был выгоден обеим сторонам. Они понимали, что война между СССР и Японией не снята с повестки дня. 30 декабря 1941 г. вице-министр иностранных дел Китая Фу Бинчан сделал заявление о том, что Чунцин заинтересован в советско-японской войне и что он верит в ее неизбежность[81]. Вероятность конфликта не исключалась и Токио. В беседе с послами Германии и Италии министр иностранных дел Японии, адмирал Т. Тойода, разъяснял, что «это лишь временная договоренность <…> своего рода сдерживающее начало Советского Союза до тех пор, пока не будет закончена подготовка»[82].

Нападение Германии на Советский Союз, а также начало войны на Тихом океане существенно изменили ситуацию в АТР. В сложившейся обстановке основные задачи советской внешней политики на Дальнем Востоке ограничивались поддерживанием дружественных связей с Китаем при соблюдении пакта о нейтралитете с Японией. Вопрос об оказании военно-технической помощи Гоминьдану стал второстепенным для СССР.

В 1942 г. эта тенденция отчетливо проявилась в ходе обсуждения возможности транзита американских ленд-лизовских грузов в Китай через советские республики Средней Азии. После оккупации Японией Бирмы Чунцин вынужден был срочно искать альтернативные пути доставки иностранных военных материалов. Наиболее предпочтительным для Чан Кайши был вариант снабжения НРА из Ирана, через южные районы Туркмении, Узбекистана, Казахстана до Синьцзяна. Но вопрос о транзите грузов для Китая через СССР был тесно связан с советско-японскими отношениями. В составе антигитлеровской коалиции Китай и США были союзниками против Японии, так же как СССР и США – против Германии. Открытие Москвой «коридора»

для транспортировки американских грузов в Китай могло стать поводом для Токио пойти навстречу призывам Берлина о начале войны против СССР[83].

Как следовало из записи беседы заместителя наркоминдел СССР С.А. Лозовского с послом Китая Шао Лицзы от 11 апреля 1942 г., в ответ на настоятельную просьбу Чунцина о разрешении транзита до 4000 тонн в месяц советский представитель занял уклончивую позицию. Не давая однозначного отказа, Лозовский подчеркивал сложность этого вопроса. Он неоднократно ссылался на необходимость специального его изучения «компетентными органами»; слабую пропускную способность дорожной системы Ирана; ее загруженность большим объемом транзитных перевозок в СССР; необходимость концентрации всех ресурсов на советско-германском фронте[84]. В итоге переговоры окончились безрезультатно, решение проблемы было отложено на неопределенный срок.

При всей сложности советско-китайских отношений наличие общего врага было важным объединяющим фактором в диалоге Москвы и Чунцина. Несмотря на то, что Кремль сохранял предельную корректность в контактах с Японией, он все же не был заинтересован в полном отказе от сотрудничества с Китаем. Так, в 13 августа 1941 г. посол СССР в Токио К.А. Сметанин в беседе с министром иностранных дел Т. Тойода в ответ на претензии в адрес Москвы заявил, что «Япония имеет не больше прав требовать от СССР прекратить отношения с Китаем, чем СССР требовать от Японии прекратить отношения с Германией и Италией» [перевод мой – *И.В.*][85]. В обстановке 1941 – 1942 гг., когда основное внимание советского руководства было приковано к ситуации в Европе, Китай оставался государством, которое поглощало военные усилия Токио. Даже при ведении позиционной войны НРА отвлекала крупные силы императорской армии.

Для Чунцина также было выгодно продолжать поддерживать дипломатические контакты с Москвой на высоком уровне[86]. После резкого изменения международной обстановки в 1941 г. было трудно прогнозировать дальнейшее развитие событий и расстановку сил на Дальнем Востоке. Нельзя

было утверждать, что советская военно-техническая помощь не будет возобновлена в дальнейшем, как это уже было в конце 1940 г. То обстоятельство, что на протяжении всего 1942 г. СССР и Китай не пресекли в корне, а продолжали пусть и непродуктивный переговорный процесс по вопросам транзита военных материалов через Среднюю Азию, позволяет сделать вывод о том, что стороны в принципе не исключали возможность достижения взаимопонимания и при благоприятных условиях возобновления активного взаимодействия в будущем.

В феврале 1942 г. Генштаб Китая подготовил прогноз военно-политической обстановки. Из него следовало, что ни Токио, ни Чунцин не в могут самостоятельно завершить военную кампанию, а исход противостояния будет определяться ситуацией в мире в целом[87]. В столь нестабильный период элементарная осторожность требовала от руководства ГМД сохранения внешних связей. Даже видимость добрососедских отношений с Москвой укрепляла позиции Чунцина в формирующейся коалиции союзных держав. На протяжении 1941–1942 гг. СССР и Китай через свои посольства вели обсуждение текущей международной обстановки и ближайших перспектив развития событий, осуществляли обмен информацией о положении на фронтах[88].

Вместе с тем, именно 1942 г. стал кризисным в отношениях Москвы и Гоминьдана. Стремление Чан Кайши втянуть Кремль в войну против Японии, или, по крайней мере, использовать ослабление СССР для сокращения советского влияния в Синьцзяне[89], нарастание напряженности между КПК и ГМД, при общем снижении внимания Москвы к событиям в Китае привели к свертыванию двустороннего политического сотрудничества. Но это не повлекло полного разрыва отношений. Советско-китайское сотрудничество постепенно стало частью многосторонней системы международных отношений периода Второй мировой войны.

Таким образом, в 1937 г. СССР и Китай смогли прийти к официальному оформлению двусторонних договоренностей в формате договора о ненападении. Этому предшествовал длительный процесс согласования

позиций, преодоления разногласий, определения оптимальных форм взаимодействия. В условиях, когда японское военное присутствие в Маньчжурии представляло ощутимую угрозу Дальнему Востоку СССР, а Китай подвергся вторжению императорских войск, внешнеполитические ведомства обоих государств смогли быстро согласовать свои позиции. 1937–1939 гг. характеризовались интенсивным развитием дипломатических контактов Советского Союза и Китайской Республики. Основой политического сотрудничества выступали уже не идейные установки, а баланс стратегических интересов сторон. Оперативно была создана нормативно-правовая база для взаимодействия в военной сфере. СССР оказал поддержку китайской делегации в Лиге Наций и на других дипломатических площадках. Изменение приоритетов во внешней политике Кремля и руководства ГМД в 1941 – 1942 гг. повлекло снижение их заинтересованности друг в друге и сворачивание активной фазы сотрудничества. Тем не менее, доверительные отношения, заложенные в конце 1930-х гг., позволили Москве и Чунцину поддерживать диалог вплоть до окончания боевых действий в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1945 г.

3.2. Военная помощь СССР Гоминьдану

В 1930-е гг. сотрудничество СССР и Гоминьдана в военной сфере было обусловлено сближением их внешнеполитических интересов. Курс Японии на расширение зоны влияния посредством захвата территорий на материке требовал от руководства СССР и ГМД эффективных средств для сдерживания агрессии. Угроза, исходившая от Токио, стала тем консолидирующим фактором, под действием которого Москва и Нанкин преодолели политико-идеологические разногласия. Однако для перехода к сотрудничеству в военной сфере СССР и Китаю потребовалось время и создание необходимой нормативно-правовой базы. Отправной точкой для широкомасштабной военно-технической и экономической помощи правительству Чан Кайши стало заключение 21 августа 1937 г. советско-китайского договора о ненападении.

Затягивание японо-китайского противостояния было выгодно СССР по следующим причинам. Во-первых, расширение японской агрессии в Южных и Центральных провинциях Китая требовало постоянного пополнения воинского контингента, что снижало активность Токио в Маньчжурии. Во-вторых, длительные боевые действия были неизбежно сопряжены с ростом военных расходов, что негативно отражалось на экономике империи, пережившей кризис 1929–1934 гг. В-третьих, оказание СССР экономической и военной помощи Китаю, ставшему жертвой беспрецедентной по масштабам и жестокости военной интервенции Японии, укрепляло международный имидж СССР как противника агрессивной политики. В-четвертых, в условиях перехода Германии и Италии к территориальным захватам в Европе, Африке и пассивной позиции ведущих мировых держав для Москвы было крайне важно снизить вероятность вооруженного конфликта с Токио, отвлечь его внимание от дальневосточных рубежей СССР.

Следует учитывать, что оказание поддержки армии Чан Кайши осуществлялось во время серьезных структурных изменений в экономике СССР. В 1934 г. был утвержден второй пятилетний план развития народного хозяйства на 1933–1937 гг., предполагавший реконструкцию и строительство предприятий на всей территории страны. Модернизация индустриальной базы требовала высокой концентрации ресурсов и огромных финансовых затрат. Предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК) только приступали к запуску в производство новых образцов боевой техники. В соответствии с программой технического перевооружения, потребность РККА в их продукции постоянно возрастала, увеличивая нагрузку на ВПК. В период 1933–1937 гг. объем поставок техники и боеприпасов в РККА динамично увеличился: по самолетам в 2 раза (с 3493 единиц в 1933 г. до 7388 единиц в 1937 г.), по снарядам почти в 4 раза (с 2135 до 8382 тыс. штук), по артиллерийским орудиям так же почти в 4 раза (с 1797 до 7073 единиц)[90]. На следующий пятилетний период 1938–1942 гг. планировалось дальнейшее расширение военного заказа (Приложение 16). Наиболее остро проблема дефицита

производственных мощностей ощущалась в дальневосточном регионе СССР, где тяжелая промышленность только создавалась. Кроме того, в 1936-1939 гг. СССР оказывал широкую помощь республиканской Испании. Согласно советским источникам в 1936 – 1938 гг. Мадриду было переправлено: 648 самолетов, 347 танков, 60 бронеавтомобилей, 1186 орудий, 340 минометов, 20486 пулеметов, 497813 винтовок, 862 млн. патронов, 3,4 млн. снарядов, 4 торпедных катера. Английский историк Х. Томас доводит эти цифры до 1 тыс. самолетов, 900 танков, более 1 тыс. артиллерийских стволов. Испанские исследователи утверждают о поставках 500 танков Т-26 и 100 – БТ-5, 1968 орудий и 1008 самолетов [91]. Советские военные специалисты принимали активное участие в боевых действиях против сил генерала Франко.

В итоге военно-промышленный комплекс Советского Союза работал в состоянии дефицита производственных мощностей. В 1936–1937 гг. советская экономика переживала кризис. Темпы ее роста замедлялись. Даже при том, что объектам ВПК придавалось приоритетное значение в 1937 г. оборонный заказ был исполнен только на 67,8% от плана. По отдельным показателям процент выполнения был еще ниже: самолеты – 66,6%, снаряды – 59,3% (Приложение 17)[92]. Отсюда следует, что договоренности с Нанкином не могли быть обеспечены за счет резервов и «излишков» производства. Тем не менее, советское руководство изыскало средства для оказания поддержки Гоминьдану. Это подчеркивало значимость, которую Кремль придавал роли Китая в международной обстановке на Дальнем Востоке и в обеспечении собственных интересов в регионе.

Консультации по вопросам военного сотрудничества начались практически сразу после подписания советско-китайского соглашения о дружбе и ненападении. Уже в сентябре 1937 г. в Москву прибыла делегация от Гоминьдана для ознакомления с советской боевой техникой. На Щелковском аэродроме делегации, а также послу, маршалу Ян Цзе, членам ЦИК ГМД Чжан Цюню и Ван Шучану были продемонстрированы зенитная батарея на автоустановках с электрическим управлением, 45-мм противотанковая пушка,

два танка Т-26 и четыре типа самолетов: средний бомбардировщик «СБ», истребители И-15 и И-16, учебный двухместный самолет типа И-16[93].

Договоренность о военных поставках Нанкину в счет долгосрочного советского кредита была достигнута 14 сентября 1937 г. Первоначально предусматривалось выделение 500 млн. долл. с предоставлением займа частями в течение нескольких лет. Однако в силу различных обстоятельств контракты были заключены только на половину указанной суммы[94]. Первое кредитное соглашение между СССР и Китаем на сумму 50 млн. долл. с начальной датой отсчета 31 октября 1937 г. было подписано 1 марта 1938 г.[95]. 1 июля 1938 г. последовало второе, аналогичное[96]. Ставка по ним составляла 3% годовых. Предусматривался следующий порядок погашения займов: по первому – с 31 октября 1938 г. по 31 октября 1943 г., по второму – с 1 июля 1940 г. по 1 июля 1945 г. Третье соглашение было заключено 13 июня 1939 г. на сумму 150 млн. долл. Процентная ставка осталась неизменной, но срок погашения был увеличен до 10 лет с датой начала отсчета 1 июля 1942 г.[97].

Поддержка, оказанная СССР Гоминьдану, была значительно больше помощи китайским коммунистам. В распоряжение Компартии поступала часть вооружения, переданного Москвой в счет кредитных соглашений с правительством Чан Кайши. Изначально речь шла о 20–25 % от общего объема поставок. Это подтверждается воспоминаниями Ван Мина. Однако согласно телеграмме ЦК КПК Г.М. Димитрову, в 1939 г. средства, отпущенные Чунцином на содержание войск КПК, составили лишь 1/40 часть от всех военных расходов НРА. Какая доля при этом приходилась на советское вооружение в документе не уточнялось[98].

Кроме того, СССР осуществлял прямое финансирование Компартии Китая по каналам Коминтерна. По воспоминаниям представителя КПК в ИККИ Ван Цзясяна, в июле 1937 г. он доставил из Москвы в Китай 300 тыс. амер. долл. 28 апреля 1938 г. КПК вероятно получила еще 300 тыс. амер. долл.[99] 20 июля 1939 г. ЦК ВКП(б) приняло решение о предоставлении КПК через ИККИ 300 тыс. зол. руб.[100] В феврале 1940 г. ЦК КПК вновь информировал Г.М.

Димитрова о дефиците бюджета партии: по партийной линии – 58 280 амер. долл., по военной – 300 тыс. амер. долл., о чем председатель ИККИ сообщал в письме И.В. Сталину[101]. В августе того же года Яньань телеграфировал в Москву о получении средств в размере 212590 амер. долл., не считая целевых ассигнований – 10 тыс. амер. долл. для связи, 5000 амер. долл. для Носака Сандзо (по заданию ИККИ был занят в Китае организацией антивоенной пропаганды в японской армии – прим. *И.В.*) и 40 тыс. амер. долл. для организации VII съезда КПК. При этом, по мнению китайской стороны, КПК недополучила около 87 тыс. долл. из обещанных Москвой 300 тыс. из-за снижения в Китае курса американской валюты к английскому фунту[102]. После ухудшения отношений между КПК и ГМД и прекращения Чан Кайши финансирования 8-й и 4-й НРА Москва увеличила ассигнования КПК. В частности, из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1941 г. следует, что для оказания помощи Компартии Китая ИККИ рассчитывал перечислить 1 млн. амер. долл[103]. Однако даже эта сумма оказалась далека от тех, что были выделены Москвой для поддержки ГМД в первые годы войны с Японией.

Детальное изучение финансирования КПК по линии Коминтерна не входит в предмет данного исследования. Тем не менее, приведенные выше данные указывают на то, что средства, предназначенные для поддержки Яньаня даже с учетом поставок оружия, осуществлявшихся при посредничестве правительства Чан Кайши, были значительно меньше трех многомилионных кредитов, предоставленных ГМД.

Первые два займа (1938 г.) были полностью использованы Национальным правительством. Вопрос об объемах реализации третьего, самого крупного соглашения (1939 г.), остается спорным. Наиболее распространенной является версия, согласно которой кредит был освоен китайской стороной наполовину, и соглашение по нему перестало выполняться в 1941 г.[104] Существуют и иные точки зрения. Согласно подсчетам Р.А. Савушкина, из кредита на 150 млн. долл. было использовано 84,6 млн. долл., а по данным исследования В.Н.

Вартанова, поставки были осуществлены только на 22,5 млн. долл.[105]. Однако уже сам факт того, что сумма закупок значительно превысила 100 млн. долл. подтверждает значимость заключенных контрактов. Тем более, что в отличие от обычной международной практики, СССР начал отправку грузов в Китай уже в сентябре-октябре 1937 г., за несколько месяцев до официального оформления сторонами кредитного соглашения[106].

Программа по оказанию военно-технической помощи Китайской Республике, включая отправку добровольцев, получила кодовое наименование «операция Z (Зет)» (по образцу «операции Х» в Испании). В сентябре 1937 г. в составе Генштаба РККА для организации доставки военных грузов в Китай была создана одноименная группа со штатом 3–5 чел. В дальнейшем, согласно приказа Наркома обороны (НКО) К.Е. Ворошилова, ее преобразовали в 11-й отдел Генштаба РККА с увеличением числа сотрудников до 45 чел., в период с марта 1939 г. по июль 1940 г. до 99 чел. В штат вошли работники Генштаба и Разведывательного управления. В составе отдела были выделены командование и пять отделений: оперативное, транспортное, политическое, кадровое и финансовое, а также канцелярия. В их ведении находились вопросы отбора и отправки советских военнослужащих к месту командировки, транспортировки военных грузов, учета и анализа результатов боевого применения советской техники и вооружения в природно-климатических условиях Китая. В июле 1940 г. согласно приказа НКО, отдел был включен в состав Разведывательного управления Генштаба РККА[107].

В первую очередь осуществление «операции Z» требовало решения вопроса о логистике грузоперевозок. ВМФ и авиация Японии блокировали морские порты на юге Китая. Это заставило руководство ГМД искать другие, более безопасные пути снабжения своих войск, пролегавшие на значительном отдалении от линии фронта. Наилучшим образом этой цели отвечала провинция Синьцзян, с 1933 г. находившаяся под контролем генерала Шен Шицая, формально признавшего правительство Чан Кайши[108]. Транспортная система Северо-Западного Китая была развита крайне слабо. Тем не менее, именно

через Синьцзян можно было организовать стабильное сухопутное и воздушное сообщение с СССР. В связи с этим в 1937 г. Нанкин обратился к Москве с просьбой оказать помощь в создании автотрассы Сары-Озек – Урумчи – Ланьчжоу («трасса Z»).

Схема транспортного сообщения между СССР и Китаем через Синьцзян выглядела следующим образом. Все специальные грузы доставлялись на станцию Сары-Озек Туркестано-Сибирской железной дороги. Там начиналась автотрасса, которая на советской территории доходила до поселка Хоргос, пограничного пункта с Синьцзяном, а затем шла по его территории и далее до конечной точки маршрута – г. Ланьчжоу в провинции Ганьсу. Общая протяженность магистрали составляла 2925 км. На трассе было организовано 20 пунктов питания, заправки машин и отдыха водителей (из них 18 пунктов на территории Китая) [109] . Общее руководство транспортировкой грузов осуществлял оперативный штаб, находившийся в Алма-Ате.

Организация автомобильного сообщения требовала высокой концентрации техники. Первоначально для этих целей было выделено 750 автомашин ЗИС-5 и ЗИС-6[110]. С октября 1937 г. до середины февраля 1938 г. для доставки военных материалов в Китай на территории СССР использовалось 5640 товарных вагонов[111]. С ростом объемов перевозок автопарк был увеличен. Число советских грузовиков на Синьцзянском тракте превысило 5260 единиц. На обслуживании дороги было занято более 4000 чел.[112]. Потребовалась также организация новых складов горючего, службы материального обеспечения, санитарной службы.

Доставка автоколонной первой партии спецгруза из Сары-Озека продолжалась с 17 октября 1937 г. по 20 ноября 1937 г. После этого рейса на всей трассе были произведены дополнительные работы по расчистке и расширению перевалов, отремонтированы мосты. К середине ноября 1937 г. весь маршрут был полностью освоен. По просьбе китайской стороны в 1938 г. дорога была проложена до Сяньяна. Ее общая протяженность составила 3750 км. В январе 1938 г. среднесуточный пробег автомашин уже составлял 168 км. Расстояние до Ланьчжоу караваны преодолевали за 18,5 суток[113].

О высоком уровне организации работы автотрассы свидетельствуют воспоминания советского военного разведчика К. Покровского, служившего в Китае в 1939–1940 гг.: «Автомобильные караваны двигались в направлении Центрального Китая без каких-либо вынужденных задержек. На базах в Шихо, Урумчи расположились ремонтные мастерские, гостиницы и столовые, круглые сутки готовые обслужить прибывшие караваны машин»[114].

Несмотря на важность трассы, не все участки дороги были хорошо подготовлены, особенно в начале ее эксплуатации. И.Г. Минке, служивший в Синьцзяне с октября 1937 г. по октябрь 1940 г. в должности водителя автомашин ЗИС-5, ЗИС-6, командира отделения, входил в состав группы, первой проследовавшей по маршруту Сары-Озек – Урумчи – Ланьчжоу. В своих мемуарах он отмечал, что в Сары-Озеке личный состав проживал в палатках или кабинах машин. В случае недостатка продовольствия приходилось направлять в ближайший населенный пункт одну из машин или организовывать бригаду охотников. На ряде участков следования автоколонн отсутствовали колодцы[115].

Для безопасного и непрерывного движения автокараванов и авиации требовалась постоянная и устойчивая радиосвязь, которая отсутствовала на территории Синьцзяна и Ганьсу. На всем протяжении трассы советской стороной были размещены мобильные радиостанции. Они обеспечивали караваны и самолеты сводками погоды[116]. Это было особенно важно, так как большая часть пути проходила в сложных природно-климатических условиях.

Значительная часть дороги пролегала на высоте 1500–2000 м. над уровнем моря, через сеть горных перевалов. Особую трудность представляло преодоление Турфанской долины, где температура воздуха летом могла превышать 40 °С[117]. Другой опасный участок маршрута подробно описан в воспоминаниях И.Г. Минке: «Где-то у поселка Цзяюйгуань есть впадина на 90 метров ниже уровня моря и длиной километров 50 …, изрытая каждые 200–300 метров бездонными колодцами. <…> Приходится двигаться, сцепив 3–4 машины вместе, каждая на расстоянии 10 метров от другой. Если такой порядок нарушается, машины оседают по кузов. Тогда спасение – сбор

верблюжьих, ишачьих и других костей <…> Прокладываем дорогу костями до тех пор, пока машина не наберет некоторую скорость»[118]. В зимний период движение караванов осложняли ветры, морозы, снег и гололед. Весной – сильные разливы горных рек с быстрым течением[119].

Помимо природно-климатического фактора эксплуатация «трассы Z» затруднялась высокой вероятностью нападения на караваны как местных бандформирований, так и японских диверсионных групп. Для охраны дороги в Синьцзян была направлена специальная бригада, в состав которой вошли кавалерийский полк, танковое, артиллерийское и саперное формирования, автобатальон, хозчасть, санчасть. Бригаду поддерживало подразделение ВВС. Военнослужащие РККА были экипированы в форму китайской армии[120]. Содействие им оказывали местные воинские части[121].

Успешность проекта «трассы Z» подтвердил тот факт, что за период с октября 1937 г. по начало 1940 г. она обеспечила непрерывную транспортировку в Китай военных грузов. Только в 1937–1938 гг. было доставлено 10965 т. различного вооружения. К концу 1941 г. общий объем перевозок составил около 30 тыс. т. различных грузов и 5 тыс. чел. Пробег автопарка равнялся 32 млн. км.[122]. Кроме того, как отмечал в мемуарах А.И. Черепанов, назначенный летом 1938 г. на пост главного военного советника, «последний участок трассы проходил в относительной близости от района, контролируемого китайскими коммунистами, и это позволило оказывать им значительную помощь.»[123]. На начальном этапе японо-китайской войны маршрут через Синьцзян стал ключевым в схеме поставок оружия, боеприпасов и других материалов, предназначавшихся для сил сопротивления[124].

Однако это была не единственная транспортная артерия, связывавшая СССР и Китай. Для перевозки специалистов и особо важных грузов действовала авиационная трасса Алма-Ата – Ланьчжоу протяженностью 2611 км. Ее обслуживали бомбардировщики ТБ-3 (переделанные в транспортные машины), а затем и двухмоторные ДС-3. В общей сложности для работы на авиатрассе было задействовано 35 самолетов различных типов[125].

Транспортировка самолетов из СССР в Китай заслуживает отдельного внимания. Бомбардировщики перегонялись советскими экипажами. К 21 октября в Алма-Ате уже находилось около 450 летчиков и авиатехников. Истребители, в основном, перевозились по Синьцзянскому тракту в разобранном виде до города Хами, где была организована их сборка. Затем самолеты перегонялись на фронтовые базы [126] . Первые 225 машин, и в их числе 62 средних бомбардировщика, 155 истребителей, 8 учебных самолетов, были доставлены в Китай к ноябрю 1937 г. 1 декабря 1937 г. самолеты прибыли в Нанкин.[127].

В 1937–1938 гг. срочные военные грузы также доставлялись в Поднебесную морским путем. Для этого китайской стороной был зафрахтован английский пароход «Лорд Кокрейн», который пришел в порт Одессы в ноябре 1937 г. Погрузка его была произведена в Севастополе, куда к 20 ноября прибыл 431 вагон с артиллерийским, автобронетанковым и авиационным снаряжением. 15 декабря 1937 г. английский пароход «Боксхилл» с аналогичным грузом общей массой около 3158 т. начал переход в Гонконг. 14 февраля 1938 г. пароход «Тоуэр-Филд» с 76-мм пушками, гаубицами, пулеметами, боеприпасами общей массой 4334 т. на борту взял курс на Сингапур[128]. Всего в 1937–1938 гг. из Севастополя в Китай было направлено пять судов общим водоизмещением 36200 т. с военными грузами на борту[129].

В целом, в 1937–1941 гг. китайская сторона получила от СССР около 1300 самолетов, 82 танка, около 1550 орудий, свыше 15,3 тыс. пулеметов, около 180 млн. патронов, 31,6 тыс. авиабомб, 2 млн. снарядов, 1850 автомашин и тракторов, а также другое вооружение и материалы[130]. Основной объем поставок пришелся на период с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г., когда в Китай было отправлено 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов[131]. По данным приведенным А.А. Деминым со ссылкой на исследования В.Н. Вартанова и Ма Юйфу, в 1937 – начале 1942 гг. в СССР для китайских ВВС было закуплено 1235 самолетов, из которых 777 составляли истребители, 328 – бомбардировщики СБ, 30 – ДБ-3, а также 100 – УТС[132]. Кроме того, в Китай в большом количестве поставлялись авиамоторы,

запчасти, авиационный бензин, смазочные масла, боекомплекты для советской техники, заправщики и радиостанции[133].

Необходимо отметить, что, хотя правительство Чан Кайши производило закупки боевой техники и в других странах, именно СССР оказал ему наиболее существенную поддержку на начальном этапе войны с Японией. Так, в 1938 г. США продали Китаю 143 самолета, 84 мотора, а также запчасти на общую сумму 6,4 млн. долл.[134]. В китайских школах подготовки летчиков работало незначительное число американских инструкторов. В Англии руководство ГМД приобрело 36 истребителей «Гладиатор», но к середине 1938 г. к месту назначения прибыло лишь 18 из них[135].

Советско-китайское военное сотрудничество не ограничивалось поставками боевой техники и вооружения. В сентябре 1937 г. параллельно с обсуждением вопроса о закупке военных материалов Нанкин обратился к СССР с просьбой о помощи в организации на китайских заводах производства боеприпасов для артиллерийских орудий и пулеметов. Предприятиям ВПК остро требовались станки, оборудование и квалифицированные специалисты.

Вопрос о создании в Китае собственной военной промышленности обсуждался в личной беседе посла в СССР Ян Цзе с И. В. Сталиным. Советский лидер выразил готовность оказать содействие руководству ГМД: «Мы вам дадим сколько угодно моторов. Мы сами делаем самолеты из дерева, и вы также можете их изготовлять <…> Заводите свое самолетостроение, мы вам дадим инструкторов»[136]. Дополнительно Ян Цзе вел переговоры с Москвой об обучении в советских авиашколах 100–200 китайских летчиков и сообщил о готовности открыть в г. Урумчи летную школу при наличии соответствующих учебников и инструкторов[137]. 9 июля 1938 г. Ян Цзе заявил о намерении Чан Кайши создать в Китае завод, для сборки истребителей типа И-15 и И-16, оборудованный советской техникой. По итогам переговоров на территории Синьцзяна в короткий срок было создано авиасборочное предприятие[138].

Однако повысить боеспособность вооруженных сил Гоминьдана исключительно посредством материально-технической помощи и развития

военно-промышленного комплекса Китая было невозможно. НРА существенно уступала японской армии не только в материальной базе, но и в уровне подготовки личного состава. Это не позволяло войскам ГМД в полной мере реализовать численное превосходство.

В 1937 г. комсостав армии Чан Кайши не справлялся с возложенными на него задачами. Главными причинами этого, как и в 1920-е гг. оставались коррупция, некомпетентность, политические разногласия, консерватизм, сословность. Старшие офицеры, зачастую получавшие образование за рубежом, не были едины в подходах к решению тактических и стратегических задач. Уровень их подготовки также существенно отличался [139]. Уставы были переводными или составленными по иностранным, преимущественно японским или немецким образцам. Проверка их знания сводилась командирами к точности воспроизведения, с учетом количества пропущенных иероглифов[140].

О манере разработки боевых операций, присущей командному составу армии ГМД, можно судить по воспоминаниям генерал-лейтенанта А. И. Черепанова, прибывшего в Китай в качестве военного советника летом 1938г. Оценивая штабную работу, он охарактеризовал Военный совет как «чисто декоративный орган»[141]. По описанию Черепанова: «Должность начальника штаба главкома занимал тихий старенький генерал, не произнесший на совете ни слова <…> Начальник оперативного отдела Лю Фей <…> при разработке оперативных карт любил, где попало изображать «шлифенские» Канны. …красиво изогнутые стрелки <…> оставались на бумаге, а китайские войска – не двигались с места»[142]. При назначении на командные должности главную роль играли личные связи. Члены Военного совета «назначались Чан Кайши не за военные доблести, а за “особые заслуги” перед генералиссимусом» [143].

Младший и средний командный состав также не отличались дисциплиной, профессионализмом и исполнительностью. В. И. Чуйков, командированный в Китай в конце 1940 г. в качестве военного атташе и главного военного советника, отмечал: «ни один нижестоящий командир не проявлял инициативы, пока не

получал указаний свыше»[144]. На учебных занятиях офицеры прибегали к шаблонным схемам без оценки их целесообразности в конкретной обстановке.

Большое значение в войсках ГМД имели сословные различия. Они усиливали разрыв между командным и рядовым составом, негативно сказываясь на моральном состоянии войск. Весьма характерно, что во время переходов офицеры передвигались преимущественно в паланкинах, которые несли 3–11 носильщиков, в зависимости от звания. Г.Н. Паталах, находившийся в 1940–1941 гг. в качестве советника в Китае, в своем дневнике отмечал: «…На марше редко какой офицер сядет на лошадь, он всегда предпочтет носильщиков. <…> В горах – какой бы ни был высокий и крутой подъем, как бы ни было тяжело носильщикам – все равно офицер не встанет»[145]. Авторитет комсостава в солдатской среде был чрезвычайно низок. Основным средством поддержания дисциплины был не патриотический порыв, а страх наказания.

Серьезной проблемой армии ГМД была коррупция. Распространенным явлением было предоставление в Генштаб завышенных данных о численности личного состава, с целью получения дополнительных средств на довольствие и выплату жалования. Офицеры всех рангов пользовались этим способом или скрывали число убитых и выбывших в результате ранения солдат[146].

Ситуация усугублялась неэффективной системой формирования воинских подразделений. В начале войны армия Национального правительства была наемной. В ней традиционно отсутствовал подготовленный армейский резерв и допризывная подготовка. Только в конце 1938 г. был принят закон о всеобщей воинской повинности, проведена реорганизация запасных частей. Однако это не решило всех проблем, связанных с мобилизацией.

Например, согласно установленного постановлением правительства мобилизационного стандарта первую категорию призывников составляли лица мужского пола 18–35 лет, а вторую – 35–45 лет[147]. Однако число подлежащих призыву в уезде определялось без указания возраста призывников. В результате, по воспоминаниям А.И. Черепанова, «начальник уезда, стремясь собрать требуемое количество солдат, зачастую набирал непригодных к

строевой службе людей – молодых до 16 лет и пожилых старше 40 лет, <…> к тому же не везде работали медицинские комиссии» [148] . Дополнительную сложность создавало отсутствие регулярного учета численности населения и паспортной системы. Это приводило к тому, что основную массу призывников составляли неграмотные, бедные, физически слабые крестьяне.

Воинские части, понесшие большие потери, не выводились в тыл для пополнения. Они преобразовывались в мелкие подразделения и оставались в районе боевых действий. Новые части полностью состояли из вновь завербованных солдат, не имевших боевого опыта. Длительное пребывание на фронте серьезно подрывало моральное состояние военнослужащих. Это приводило к дезертирству, росту преступности, массовому неповиновению.

Кроме того, рядовые и младшие командиры были плохо вооружены и практически не обучались. В.И. Чуйков, присутствовавший по приглашению Чан Кайши на учениях чунцинского гарнизона, указывал, что смотр продемонстрировал формальный подход командования к состоянию вооружения и не затронул практической подготовки личного состава, «…а между тем большинство солдат не умели разобрать и собрать затвор винтовки…»[149]. Огневой подготовке уделялось мало внимания. В результате пулеметный расчет «…15 минут копался у пулемета, но не только не открыл огонь, но и не сумел произвести наводку пулеметов в цель…»[150]. Столь низкие результаты были вполне естественны, так как на обучение стрелка отпускалось 20 патронов, ручного пулеметчика – 30, станкового пулеметчика – 50 патронов[151].

В снабжении воинских частей также существовал ряд проблем. Питание солдат было недостаточным, что негативно сказывалось на их физическом состоянии. Нормы материального довольствия предполагали выплату военнослужащим 12 долл. в месяц и ежедневную выдачу 650 г. риса. Однако финансовые злоупотребления офицеров, недостаток продовольствия и трудности его транспортировки ухудшали рацион солдат. В.И. Чуйков отмечал, что нередко наблюдал как «группа солдат, расположившись на рисовых полях, ловила мелкую рыбешку, змей и этим скрашивала свой скудный стол»[152].

Плохое питание и отсутствие внимания к элементарным нуждам рядового состава приводили к вспышкам опасных инфекционных заболеваний: холеры, малярии, туберкулеза. Ситуация осложнялась отсутствием регулярных служб оказания медицинской помощи и санитарно-эпидемиологического контроля[153].

Данные факторы серьезно снижали боеспособность и во многом обуславливали стремительное отступление армии Чан Кайши в первые месяцы войны. Однако это не было показателем полной несостоятельности вооруженных сил Китая. Отчасти, именно отсутствие единой стратегии и низкий уровень дисциплины в войсках делали их действия непредсказуемыми для противника. Неоправданное отступление или самовольное оставление позиций подразделениями НРА часто позволяло ими сохранить личный состав. По этой причине японское командование нередко было дезориентировано относительно расположения войск ГМД. Кроме того, захватывая внутренние районы Китая, императорская армия теряла свою маневренность. Это повышало ценность длительного сопротивления НРА, поскольку оно демонстрировало, как переоцененная слабость противника превращалась в его силу.

Существенный вклад в решение проблем вооруженных сил Гоминьдана внесли советские военные советники. Первая группа специалистов из СССР (27 человек) прибыла в Китай в конце мая – июне 1938 г. К ноябрю 1939 г. их число возросло до 80[154]. До этого времени в НРА работала группа немецких советников, численностью около 70 человек. Однако в 1938 г. большинство их было отозвано из-за нейтралитета Германии. В мае 1938 г. после отъезда немецкой миссии генерала Фалькенхаузена на пост главного военного советника армии ГМД был назначен комкор М.И. Дратвин. Он прибыл в Китай еще в конце ноября 1937 г. в качестве военного атташе при посольстве СССР и оставался им до августа 1938 г. В дальнейшем главными военными советниками состояли А.И. Черепанов (август 1938 – август 1939 гг.), К.М. Качанов (сентябрь 1939 – февраль 1941 гг.), В.И. Чуйков (февраль 1941 – февраль 1942 гг.). В.И. Чуйков одновременно являлся и советским военным

атташе. В 1938–1940 гг. военными атташе при посольстве СССР были Н.П. Иванов и П.С. Рыбалко[155].

Советнический аппарат при НРА формировался по мере пребывания новых групп. Он включал специалистов всех основных родов войск. В 1937–1940 гг. в Китае работало свыше 300 советских военных советников[156]. Приобретенный опыт открывал для офицеров перспективу дальнейшего карьерного роста. Например, с осени 1938 г. почти год в составе группы советников работал А.А. Власов[157]. 29 декабря 1939 г. в аттестации, данной комбригом Ильиным, он был рекомендован для назначения на должность начальника штаба армии и присвоения внеочередного звания комбрига[158].

Советский Союз направлял в Китай квалифицированных специалистов с высоким уровнем оперативно-тактической и специальной подготовки. Об этом, в частности, свидетельствовали высокие воинские звания и должности, которые многие из них занимали во время Великой Отечественной войны. Среди них Маршалы Советского Союза П.Ф. Батицкий и В.И. Чуйков, маршалы родов войск П.В. Рычагов, П.Ф. Жигарев, П.С. Рыбалко, К.П. Козаков, генералы Г.И. Тхор, А.Г. Рытов, Р.И. Панин, А.И. Черепанов, М.И. Блохин, А.Я. Калягин, М.И. Дратвин, А.Н. Боголюбов, И.П. Алферов, Н. В. Славин и др.[159]. Оценку руководством ГМД уровня подготовки советских кадров содержат воспоминания К.М. Покровского: «Переводчик поделился со мной мнением Чан Кайши о советских советниках. “Это деловые, с большими военными знаниями и опытом люди, – говорил генералиссимус – они не любят праздности…”»[160].

Специалисты из СССР привнесли в армию ГМД новый стиль работы. Большую часть времени они проводили в войсках, выезжали на передовую. В короткий срок они наладили обучение военнослужащих владению советским оружием, приступили к работе над программами боевой подготовки, планированием военных операций. В учебном процессе основной упор делался на полевую выучку, использование оружия на всех этапах боя, инженерное оборудование местности. В штабной работе – на планирование и изучение опыта проведенных операций, применение разведки, улучшение организационной

структуры управления войсками. Авиаспециалисты главное внимание уделяли концентрированному использованию ВВС по целям, улучшению взаимодействия с наземными подразделениями, вопросам связи, маскировке и подготовке новых аэродромов, обучению местного летного состава[161].

В Китае многие советники преподавали в военно-учебных заведениях. По просьбе Чан Кайши в 1938 г. в СССР был разработан проект авиашколы в г. Кульджи для подготовки летных кадров. Об его эффективности свидетельствовала просьба Национального правительства расширить заведение, увеличив набор слушателей со 180 до 500–600 человек, усилить материальную часть и поставить для нужд учебного центра авиационный бензин и смазочные масла. При содействии СССР военная школа в г. Урумчи готовила военно-технические кадры (летчиков, артиллеристов, танкистов, водителей и радистов). К осени 1939 г. в ней обучалось 400 слушателей[162]. Всего под руководством советских инструкторов прошли переподготовку около 90 тыс. китайских военнослужащих[163].

Усилиями военных советников были разработаны планы многих оборонительных и наступательных операций (Уханьская, Наньчанская, Чаншаская, Ичанская и др.). Их помощь была особенно значимой на начальном этапе войны, когда НРА потерпела ряд крупных поражений. В результате захвата в конце 1937 г. Нанкина и успешной для японцев Сюйчжоуской операции Китай лишился важных в промышленном и сельскохозяйственном отношении Северных и Центральных провинций. Под контролем захватчиков оказались такие крупные города, как Бэйпин, Тяньцзинь, Тайюань, Баодин, Цзинань, Шанхай, Ханчжоу[164]. Войска Чан Кайши стремительно отступали вглубь страны, проходя по 10–20 км в сутки[165].

В июле 1938 г. императорская армия развернула наступление общим направлением на г. Ухань (агломерацию, состоявшую из трех городов – Учан, Ханькоу и Ханьян). Сохранение контроля над этим густонаселенным, стратегически важным центром пересечения транспортных путей являлось одной из важнейших задач Гоминьдана.

Ведущую роль в организации обороны Уханя сыграли советские специалисты. В штаб, занимавшийся разработкой боевых операций входили: главный военный советник при Ставке Чан Кайши – М.И. Дратвин, сменивший его в августе 1938 г. А.И. Черепанов; советник в инженерных войсках – А.Я. Калягин; по артиллерии – И.А. Шилов; по связи – Буров; по авиации – Г.И. Тхор; Р.И. Панин – советник по юго-западному направлению; А.В. Васильев – советник по северо-западному направлению[166].

План обороны Уханя, представленный советскими специалистами, отражал результаты их наблюдений за тактикой китайских войск и изучения будущего театра военных действий. Учитывались неготовность китайского командования к ведению боев в условиях окружения; невозможность сконцентрировать в городе объемы боеприпасов и оружия, достаточные для организации обороны кольцевых позиций; сложный ландшафт, изобиловавший различными естественными водными преградами (реки с широкими поймами, протоки, озера, заболоченные участки, рисовые поля).

В соответствии с новым планом, предложенным взамен разработанного германской миссией, предполагалось построить три фронтальных полевых рубежа, не считая подготовки укреплений непосредственно в городе. Кроме того, советские советники считали необходимым создать ряд отсеченных позиций, обращенных фронтом на север и юг от реки. На берегах Янцзы, удобных для высадки десантов, планировалось установить заграждения, в ряде мест оборудовать артиллерийские позиции для кочующих батарей, главной задачей которых являлась борьба с кораблями противника[167].

При всей сложности ситуации и превосходстве японской армии в технике НРА удалось сорвать план противника – занять Ухань к 15 августа[168]. В короткие сроки были отстроены оборонительные рубежи, эшелонированные в глубину с востока на запад. В 120 км от Ханькоу возведена крепость Тяньцзячжэнь. Усиленная полевой артиллерией, она должна была препятствовать проходу японских судов вверх по Янцзы. На подступах к Уханю инженерные части НРА создали полевые укрепления, артиллерийские

позиции, укрытия, командные пункты, склады[169]. Несмотря на недостаточную активность в обороне, рядовой и младший офицерский состав армии ГМД продемонстрировал стойкость в позиционной борьбе. На узком фронте вероятного наступления японцев создавались оборонительные «пробки», существенно замедлявшие его темп[170].

Таким образом, совместные усилия командования НРА и советских военных советников позволили на несколько месяцев задержать продвижение противника в районе Уханя. Только 25 октября 1938 г. японские войска заняли город. По официальным данным китайского генштаба, общий урон императорской армии убитыми, ранеными и пленными составил 300 тыс. чел. (по японским данным, на всех фронтах за 1938 г. − около 444 тыс. чел.)[171]. При этом, если в первый год войны убыль убитыми и ранеными в войсках ГМД составила около 800 тыс. чел. (5:1 к потерям японцев), то за второй год, согласно советской статистике, их потери уравнялись с японскими (300 тыс. чел.)[172]. Вооруженные силы Японии постепенно утрачивали свои преимущества.

Оборона Уханя ярко иллюстрировала деятельность советских специалистов в Китае, но являлась лишь частным случаем среди других операций. Например, в сентябре 1941 г., действуя согласно плану главного военного советника, командованию НРА удалось сорвать очередное наступление противника на Чанша.

Однако далеко не все предложения советников воплощались на практике. Некоторые рекомендации саботировались Чан Кайши и военным министром Хэ Инцинем[173]. Многие проблемы советских специалистов были обусловлены средой, далекой от российских условий. Существенные отличия касались нравов и обычаев, мировоззрения, психологии людей, с которыми требовалось выстраивать диалог. По воспоминаниям В.И. Чуйкова: «Во взаимоотношениях с военными руководителями Китая нашим военным советникам следовало быть особенно осторожными, учитывая особую чувствительность этих людей к сложившимся обычаям, нетерпимость к критике, даже самой разумной»[174].

Положение советников дополнительно осложняли местничество в офицерской среде, разница в воинских званиях, возрастной и языковой барьер.

При разработке операций им приходилось учитывать вероятность рассогласования действий командования в Чунцине и на местах. Причина заключалась в том, что большинство генералов воспринимало подконтрольные территории как собственные владения. При ведении боевых действий они исходили из стремления к личной выгоде, а не успешности общего стратегического плана. Разница в чине также негативно влияла на результаты работы советников. Имея звание капитана или майора, они часто оказывались наставниками генералов. С этим была связана и проблема разницы в возрасте. Средний возраст советников составлял 25-30 лет, а китайских генералов – 55-70 лет[175]. Принимая во внимание особенности восточного менталитета, такие, как строгая иерархия подчинения, уважение мнения старшего, восприятие «потери лица», как непоправимого позора, далеко не каждый из китайских командующих был готов прислушаться к рекомендациям молодого и имевшего более низкое звание советника. Сказывалось и недостаточное владение советских военных специалистов китайским языком. При нехватке переводчиков это вынуждало прибегать к двойному переводу, используя в качестве средства общения английский или немецкий язык.

Весь комплекс данных обстоятельств существенно влиял на стиль работы советников. По воспоминаниям будущего генерал-лейтенанта инженерных войск А.Я. Калягина, «военный советник должен сочетать в себе и черты дипломата: при разговорах уметь сдерживать эмоции, быть психологом, заботиться о престиже собеседника, предвидеть его намерения; давать советы и рекомендации, скрупулезно обосновывая их документами и фактами»[176].

Даже при наличии опыта и ответственном подходе к своим обязанностям советским военным специалистам не удалось полностью преодолеть пассивность гоминьдановского командования в ведении боевых действий. Во многом это объяснялось сложностью внутриполитической ситуации в Китае и спецификой подхода Национального правительства к планированию военной кампании. Учитывая вероятность возобновления внутреннего вооруженного конфликта с войсками КПК, Чан Кайши стремился вывести в тыл и сохранить наиболее

боеспособные подразделения и большую часть артиллерии. Кроме того, оценивая международную обстановку второй половины 1930-х гг., руководство ГМД исходило из неизбежности вступления СССР и США в войну с Японией. Поэтому, по словам В.И. Чуйкова, «оно [китайское правительство] считало, что выгоднее выждать время, чем бросать войска в наступление и тем самым ослаблять их и подвергать опасности возможного уничтожения»[177].

На начальном этапе войны ситуация на фронте складывалась не в пользу Гоминьдана. В то время как сухопутные подразделения НРА по мере своих способностей сдерживали продвижение противника, положение китайских ВВС и сил ПВО оказалось критическим. Надежда исключительно на внешнее вмешательство в данной обстановке фактически означала полное поражение. Угроза для сил сопротивления, которую несло превосходство Японии в воздухе, заставила Чан Кайши уделить авиации особое внимание.

По сравнению с предыдущими конфликтами, в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. влияние ВВС на ход боевых операций существенно возросло. В Китае их интенсивному использованию способствовали географические особенности театра военных действий. Сложность горного рельефа, заболоченность пойменных участков рек, наличие протяженных пустынных районов существенно снижали возможность применения бронетехники.[178]. Этот недостаток компенсировала авиация.

Успех императорских ВВС во многом предопределяла слабость китайской противовоздушной обороны или ее полное отсутствие. Даже крупные города не имели достаточного зенитного прикрытия. Экономика страны, недавно начавшей процесс деколонизации и пережившей длительную гражданскую войну, испытывала значительные трудности. Это препятствовало созданию в Китае авиационной промышленности.

Авиапарк ВВС Китая был малочисленным и по большей части состоял из машин устаревших образцов. Летный и технический состав не имели необходимого уровня подготовки и боевого опыта. По данным отчета от 25 апреля 1936 г. о состоянии ВВС Китая, составленного советским военным

атташе, комкором Лепиным для Разведупра РККА: «крупнейший недостаток китайской авиации – это отсутствие в стране промышленной базы. Пока все вплоть до запчастей приходится импортировать из-за границы. <…> Подготовка авиационных единиц для боевой работы на очень низком уровне»[179].

Такое положение дел привело к трагическим последствиям. В первые месяцы боев императорские ВВС практически безраздельно господствовали в воздухе [180]. По разным данным, в военной авиации Китая насчитывалось около 500–600 машин иностранных образцов. Согласно исследованию А.А. Демина, воздушный флот Китая на 20 января 1937 г. имел 23 эскадрильи: 279 боевых самолетов, 150 учебных и 35 транспортных, всего 455 единиц. Со ссылкой на японские данные, автор привел следующие цифры: 257 бомбардировщиков, 212 истребителей и 251 разведчик, из которых постоянно находилось в летном состоянии 150–200 машин[181]. Так или иначе, общее количество самолетов ВВС Китая существенно уступало численности авиапарка Японии, в котором суммарное количество машин сухопутной и морской авиации превосходило 2000 [182] . Численное превосходство императорских ВВС сочеталось с достаточно высоким качеством техники и подготовки летного состава[183].

В результате подавляющая часть военной авиации Китая была уничтожена в первые месяцы войны. В конце 1937 г. осталось 20 исправных самолетов из 500, находившихся в строю до начала конфликта[184]. Согласно публикации шанхайского корреспондента информагентства «Ассошиэйтед пресс», «к началу войны по официальным данным Китай располагал 600 самолетами. В действительности самолетов первой линии в его распоряжении было лишь около 200 штук. Через 3 месяца эти небольшие авиационные силы Китая были уничтожены в боях и не принимали участия в обороне Нанкина»[185]. По другим источникам, на 10 октября 1937 г. в строю оставалось 130 самолетов, а к началу ноября боеспособными оставались не более трех десятков машин[186].

В результате японские бомбардировщики, используя разветвленную сеть аэродромов, могли беспрепятственно совершать налеты на города, расположенные на значительном удалении от линии фронта, часто без

истребительного прикрытия. Бомбардировки серьезно осложняли тыловое обеспечение НРА, приводили к потерям в живой силе, разрушали и без того слабую индустриальную инфраструктуру. Среди основных целей ВВС были промышленные предприятия, мосты, линии коммуникаций, порты.

8 декабря 1939 г. газета «Таймс» разместила данные, согласно которым только за первые 7 месяцев 1939 г. в результате авиаударов по населенным пунктам Китая было убито и ранено больше 40 тыс. мирных жителей. В публикации указывалось: «Совершив за это время 1200 налетов, японская авиация сбросила на города и села Китая более 32 тыс. бомб. <…> разрушено 64 тыс. домов и 60 тыс. частично повреждено. Потоплено около 400 джонок. Лишь во время налета на Чунцин 4 мая было убито 4572 чел. и ранено 3637 чел.»[187].

В публикации от 7 мая 1939 г. шанхайский корреспондент «Таймс», сообщая об авиаударах по Чунцину 4 и 5 мая, отмечал: «бомбардировке были подвергнуты центральные улицы города, включая районы, где находятся английское, германское и французское консульства. <…> Английский посол в Китае Керр и его секретарь легко ранены. <…> Германское консульство было почти окружено пламенем. Сотрудники консульства видели, как более 100 женщин и детей, прижатые огнем к городской стене, сгорели заживо»[188].

Слабые силы ПВО Китая прикрывали только военные объекты. Гражданское население было практически беззащитно перед воздушными ударами. По воспоминаниям Героя Советского Союза, будущего генерал-полковника авиации Ф.П. Полынина, «японские бомбардировщики разбойничали в небе Китая, по существу, безнаказанно. <…> Зажигательные бомбы вызывали многочисленные пожары, и люди гибли тысячами в огне. Японская авиация буквально деморализовала население и войска»[189].

Бомбардировщики наносили постоянные удары по Шанхаю, Нанкину и Уханю. Только на Нанкин было произведено до 120 налетов[190]. Однако самые мощные бомбардировки за весь период войны 1937–1945 гг., по данным японских исследователей, были связаны с атакой на Чунцин в 1940 г. В ходе нее 130 морских бомбардировщиков G3M (кодовое название, присвоенное в

США, «Nell») при содействии армейской авиации выполнили 168 дневных и 14 ночных атак, совершив 3717 самолето-вылетов[191].

В виду тяжелого положения на фронте Нанкин обратился за помощью к Москве. 28 августа 1937 г. полпред СССР в Китае Д.В. Богомолов направил в НКИД телеграмму о результатах его беседы с Чан Кайши. В документе сообщалось об обсуждении возможности «разрешить советским летчикам поступить волонтерами в китайскую армию»[192], а также о просьбе лидера ГМД содействовать скорейшей отправке самолетов с инструкторами в Ганьсу.

25 сентября 1937 г. китайское посольство вновь обратилось в НКИД СССР в связи с бомбардировками ряда городов японскими ВВС. В ноте указывалось, что нападению с воздуха подверглись гражданские объекты и отряды Красного Креста, культурные учреждения, в том числе находившиеся вдали от линии фронта. «Разрушение Нанькайского университета в Тяньцзине - <…> иллюстрирует войну Японии против китайской культуры. Бомбардировка беженцев, ожидающих поездов на Южной станции Шанхая, показывает, как мало считается Япония с невинными беззащитными женщинами и детьми», – аргументировал Цзян Тинфу[193]. В документе содержалась просьба к СССР, принять меры, способствующие прекращению данных действий.

Вопрос об отправке в Китайскую Республику советских летчиков был решен положительно. Первые из них прибыли к месту командировки в ноябре–декабре 1937 г. Основные аэродромы базирования советских авиационных групп располагались в Наньчане и Ханькоу[194] (Приложение 18, 19, 20). Среди принимавших участие в боевых действиях в Китае советских летчиков следует отметить будущих дважды Героев Советского Союза С.П. Супруна, С.И. Грицевца, К.К. Коккинаки, Г.П. Кравченко; Героев Советского Союза С.В. Слюсарева, А.А. Губенко, Г.М. Мачина, Т.Т. Хрюкина, А.С. Благовещенского, О.Н. Боровкова, Е.М. Николаенко, И.П. Селиванова, В.В. Зверева, С.С. Гайдаренко, ставших командирами авиационных соединений А.Г. Рытова, Г.И. Тхора, П.Ф. Жигарева, Н.Г. Козлова и др.[195]. Многие из них имели боевой опыт, прибыв в Китай сразу после возвращения из Испании[196].

Иностранные журналисты внимательно следили за ходом поставок советской техники и прибытием пилотов в Китай. Информационные агентства Европы, США и Японии неоднократно публиковали сообщения о количестве и типах самолетов, численности инструкторов и летчиков в Китае [197] (Приложение 21). Следует отметить, что ряд заметок о присутствии в районе боевых действий советских пилотов был размещен японскими газетами практически сразу после заключения советско-китайского пакта о ненападении, еще до достижения официальных договоренностей между Москвой и Нанкином по вопросам военного сотрудничества[198] (Приложение 22).

Об эффективности советской поддержки НРА свидетельствовала тенденция к изменению характера боевых действий. До прибытия первых партий самолетов из СССР численное превосходство японской авиации в небе достигало соотношения 30:1[199]. С появлением в Китае советских летчиков и техники, несмотря на сохранявшийся численный перевес противника, ситуация изменилась. Японские войска были вынуждены укрепить систему ПВО военных баз и портов, отодвинуть аэродромы от линии фронта на 500 км, осуществлять истребительное прикрытие бомбардировщиков, модернизировать авиапарк[200].

Высокую результативность советская авиация продемонстрировала и в отдельных операциях. Истребительное прикрытие позволило НРА четыре месяца защищать Ухань (Шанхай оборонялся три месяца, Нанкин – пять дней, Гуанчжоу – один день)[201]. 29 апреля 1938 г. (в день рождения императора Хирохито) над Уханем произошел самый масштабный воздушный бой за всю войну в Китае. С японской стороны в нем участвовало 45 самолетов (18 бомбардировщиков и 27 истребителей). Им противостояли 64 советских истребителя И-15 и И-16[202]. В сражении был сбит 21 самолет императорских ВВС (10 бомбардировщиков и 11 истребителей), а 31 мая того же года – еще 15 самолетов[203].

По воспоминаниям летчика-истребителя А. Ровнина, «японские летчики демонстрировали чудеса храбрости <...> Но смогли прорваться лишь к концессионным заводам... При этом японцы потеряли более полусотни самолетов; значительные потери понесли и наемники, воевавшие на стороне

Китая, – американцы, французы, англичане, – почти половина их не вернулась из этого боевого вылета. Советская группа потеряла лишь двух летчиков»[204].

Советская бомбардировочная авиация также провела в Китае ряд успешных операций. Пилоты, прибывшие в район Нанкина в ноябре 1937 г., уже 2 декабря совершили первый налет на Шанхай[205]. Примечательно, что бомбардировочная и минно-торпедная авиация ВМФ в СССР только создавались. Тем не менее, группа в составе 18 самолетов СБ по командованием М.Г. Мачина нанесла удар по аэродрому Шанхая. В то же время 9 бомбардировщиков Н.М. Кидалинского и И.И. Козлова атаковали японские суда на шанхайском рейде в районе Цзяниня[206].

Данные о результатах этого авиаудара несколько разнятся. Китайские информагентсва сообщали о двух потопленных и шести поврежденных кораблях. Летчик С.В. Слюсарев утверждал, что были потоплены «большой крейсер, два транспортных судна; на шести других военных кораблях возник пожар» [207] . Налет на Шанхай стал первым крупным успехом советских бомбардировщиков в Китае.

В 1938 г. советские летчики провели целый ряд успешных операций на р. Янцзы. После занятия Нанкина 12 декабря 1937 г. эта водная магистраль активно использовалась японцами для продвижения во внутренние районы страны. В обстановке, когда командование НРА не имело средств береговой обороны и военного речного флота, перед авиацией стояла задача сдерживать противника, уничтожая транспортные конвои и боевые корабли. Следует отметить следующие задания, успешно выполненные советскими бомбардировщиками. 11 января 1938 г. один японский корабль был потоплен, второй получил серьезные повреждения; 19 февраля того же года группа СБ уничтожила канонерскую лодку противника, а 28 февраля – две канлодки и миноносец; 10 июня – были потоплены два судна в районе Уху-Аньцин[208], и это далеко неполный список.

29 февраля 1938 г. советские летчики в составе группы из 28 СБ совершили беспосадочный перелет через Тайваньский пролив, на расстояние

около 1000 км. Бомбовый удар по военной базе на Тайване был столь внезапным, что противник не успел поднять в воздух истребители. По воспоминаниям Ф.П. Полынина, японцы «потеряли 40 самолетов (не считая тех, что находились в контейнерах); сгорели ангары и трехгодичный запас горючего». Все самолеты вернулись на аэродром, несмотря на неприспособленность СБ к полету над большими водными пространствами[209].

В феврале 1938 г. группа из 30 СБ нанесла удар по Тяньцзиню – крупной станции Пукоуской железной дороги. В конце марта 1938 г. авиагруппа под командованием Ф.П. Полынина уничтожила железнодорожный и понтонный мосты на р. Хуанхэ[210].

В сентябре 1939 г. две эскадрильи тяжелых бомбардировщиков произвели массированный налет на аэродром в Ханькоу. В тот же день западные информагентства сообщили о потере японцами 64 самолетов, позже увеличив эту цифру до 96. В середине октября того же года в результате успешного бомбового удара было уничтожено еще 36 машин[211].

Однако к некоторым данным стоит отнестись критически. В частности, более чем сомнительной представляется информация об уничтожении авианосца «Рюдзе» летом 1938 г. По советской интерпретации, 3 июля 1938 г. группа СБ (10 машин) под командованием Т.Т. Хрюкина атаковала японские корабли под Аньцином. В результате был потоплен авианосец противника. По данным, приводившимся источниками в Шанхае, «…авианосец «Рюдзе» с 40 самолетами действительно был разбит китайскими воздушными силами в верховьях Янцзы 3.7.38 г., разбиты его палуба и машинное отделение»[212]. Но в Токио не подтвердили информацию о гибели или повреждении «Рюдзе», а скрыть факт уничтожения корабля такого класса весьма трудно. Например, 17 августа 1937 г. китайские бомбардировщики повредили авианосец «Кага». Судно провело в ремонте около месяца, что стало широко известно[213]. По официальным данным, «Рюдзе» был потоплен ВВС США в августе 1942 г. в сражении за Гуадалканал[214]. Это не противоречит вполне правдоподобной китайской версии о повреждении авианосца советскими СБ. Тем не менее, за

«уничтожение японского авианосца» Т.Т. Хрюкину было присвоено звание Героя Советского Союза, а китайское правительство наградило его орденом[215]. Операция 3 июля 1938 г. является единственной успешной атакой на авианосец противника в истории ВВС СССР.

При оценке деятельности советских летчиков в Китае необходимо учитывать, что им пришлось столкнуться с рядом проблем. Пилотов, воевавших в Испании и имевших боевой опыт, было сравнительно немного. Вновь прибывавшим экипажам были незнакомы особенности тактики борьбы с японскими ВВС. Положение усугублялось сложным рельефом, недостатком ориентиров на местности, изменчивыми метеоусловиями. Сказывалась и слабость материально-технической базы. Запасы горючего и авиабомб советского производства были ограничены, а коммуникации, по которым в Китай доставлялось все необходимое, чрезвычайно растянуты[216].

Состояние посадочных площадок и их обслуживания описал в своем дневнике заместитель командира бомбардировочной группы М.Г. Мачин. Он отмечал, что аэродром в Ланьчжоу, расположенный в горах на высоте 1900 м над уровнем моря, не был приспособлен для приема бомбардировщиков типа СБ. Разреженность воздуха увеличивала длину пробега при посадке. Это привело к гибели командира эскадрильи И-16 В. Курдюмова. В момент прибытия группы в Ханькоу в результате повреждения японскими бомбардировщиками обводной дамбы аэродрома взлетно-посадочная полоса была залита водой. Ее уровень на летном поле составлял примерно 15-20 см, что делало чрезвычайно опасной посадку самолетов с грузом авиабомб. Обслуживание самолетов также осуществлялось самыми примитивными средствами. По записям М.Г. Мачина: «…обычно для заправки наших СБ бензином и маслом местные власти выделяли 200–300 крестьян, и они на себе подносили к самолетам по 2–4 цинковые канистры емкостью 20 л каждая. <…> Не было даже воронок для слива, не говоря уже о бензозаправщиках» [217].

О высоком уровне опасности в повседневной работе советских специалистов в Китае говорит большое количество небоевых потерь.

Значительная часть авиапарка (до 50%) требовала ремонта, взлет и посадка часто сопровождались авариями[218]. В первую очередь, это было вызвано низким качеством аэродромов и посадочных площадок, а также неудовлетворительным уровнем текущего обслуживания самолетов[219].

Однако при всех сложностях, с которыми столкнулись советские летчики, именно они приняли на себя основной удар японских ВВС. По подсчетам профессора Оксфордского университета Р. Миттера только за период с 1938 г. по 1940 г. в Китай из СССР было командировано 2000 пилотов[220]. 23 августа 1938 г. агентство Рейтер опубликовало сообщение своего обозревателя из Ханькоу, в котором отмечалось: «Россия играет очень умную роль в войне. Она дает Китаю в достаточном количестве самолеты. Русские летчики обслуживают эти машины, русские механики следят за ними. <…> Конечно, русские – номинально добровольцы, но указывают, что через несколько месяцев опыта в настоящей войне, русские летчики возвращаются домой и заменяются новыми»[221].

Боевая практика в Китае позволила советским пилотам накопить опыт, наилучшим образом изучить тактико-технические характеристики своих самолетов и даже внести отдельные доработки в их конструкцию. Так, командовавший эскадрильей А.С. Благовещенский централизовал ведение стрельбы из пулеметов, приказав разместить кнопочную гашетку на ручке. Его инициативой так же была установка на И-15 бронеспинок, поскольку первые серии самолетов их не предусматривали. Это спасло жизнь многим летчикам[222].

Анализ боевых вылетов существенно пополнил арсенал тактических приемов советской авиации. При численном превосходстве японских ВВС в Китае характерными для истребителей стали групповые бои, в которых каждая из сторон стремилась заставить противника покинуть район сражения. Используя преимущества своих машин, летчики, пилотировавшие И-15, старались втянуть врага в маневренный бой, ставя целью выполнить разворот в горизонтальной плоскости и, благодаря его меньшему радиусу, оказаться позади самолетов противника. В невыгодных условиях они выстраивались в

оборонительный круг [223] . Это позволяло максимально контролировать ситуацию и обезопасить все машины в группе.

Ввиду нехватки истребителей и горючего бомбардировщики часто были вынуждены вылетать на боевые задания без прикрытия. В результате пилоты СБ отработали действия группой, в плотном строю. Прикрывая друг друга, они нередко давали достойный отпор японским истребителям. С появлением летом 1938 г. в ВВС Японии истребителя Ki-27, способного набирать скорость до 450 км/ч, советским летчикам пришлось сменить тактику, полагаясь больше не на скорость, а на потолок высоты СБ. До этого бомбардировщики действовали на высоте 2000–4000 м. В новых условиях полет выполнялся с использованием кислородного оборудования на высоте до 7500–8500 м[224].

Летчики советской миссии регулярно анализировали результаты боевых вылетов в Китае. Проведенные ими наблюдения и сделанные на их основе выводы, касавшиеся тактических приемов воздушного боя и тактико-технических характеристик самолетов противника, представляли собой ценный материал для дальнейшей модернизации ВВС и системы ПВО СССР. В докладах военных специалистов по опыту применения авиации также содержались рекомендации конструкторским бюро по доработке советских боевых машин и организации аэродромной сети[225] (Приложение 23).

Кроме непосредственного участия в боевых действиях, советские пилоты обучали китайских коллег. В частности, уже в 1937 г. на аэродроме г. Наньчана инструкторами из СССР была организована ускоренная подготовка летно-технического состава расположенной там эскадрильи. По воспоминаниям пилота бомбардировочной авиации Ф.И. Добыша, «китайские летчики очень добросовестно относились к учебе, соблюдали строжайшую дисциплину. Руководство осуществляло жесткий контроль»[226]. Только за декабрь 1937 г. по этой программе было обучено на самолетах СБ 40-45 специалистов.

Параллельно с этим подготовка кадров для ВВС Китая велась в Советском Союзе. 13 октября 1938 г. газета «Таймс» сообщила, что «700 китайских офицеров, присутствовавших на маневрах в честь Красной Армии,

остались в СССР, где они перед возвращением на родину получают усиленную военно-теоретическую подготовку. Кроме того, 112 китайских летчиков заканчивают учебу в Воронеже и 350 летчиков – в других городах СССР»[227].

6 июля 1938 г. английская газета «Дейли Ньюс Самэри», ссылаясь на «Норд Чайна Дейли Ньюс» опубликовала информацию об уничтожении китайскими самолетами в течение восьми дней 11 японских военных кораблей. Результативность боевых вылетов ВВС Китая объяснялась тем, что «30 китайских летчиков только что вернулись из Советского Союза, где они окончили авиационную школу. Подготовка китайских летчиков оказалась настолько высокой, что позволила им преодолеть противовоздушную оборону японских военных кораблей»[228].

Согласно данным, находившимся в распоряжении Национального правительства к 1940 г., за 40 месяцев войны при непосредственном участии советских летчиков в воздухе и на земле было уничтожено 986 японских самолетов [229]. Согласно выписке из статьи «Победы китайской авиации» в сводке иностранной прессы за апрель 1940 г. для 1-го Отдела Управления и 1-го Отдела (оперативного) Штаба ВВС РККА, с 15 августа 1937 г. по 31 августа 1939 г. было уничтожено 796 самолетов противника, потери личного состава императорских ВВС составили 1062 чел. убитыми и 51 – пленными. Кроме того, по неподтвержденным данным в результате бомбардировки на аэродроме в Ханькоу японская авиация лишилась еще около 100 самолетов [230] (Приложение 24). Уже в ноябре 1938 г., оценив высокую эффективность советских ВВС, Чунцин обратился к СССР с просьбой направить новую группу пилотов на смену возвращавшихся на Родину[231].

О самоотверженном подходе летчиков к исполнению воинского долга говорит и тот факт, что А.А. Губенко, Б.И. Михайловым, В.Е. Шараем, Л.З. Шустером в Китае были совершены воздушные тараны. 14 пилотам было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1939 г. за мужество, проявленное в боевых действиях в Китае, орденами и медалями были награждены 424 чел.,

из них 49 – посмертно. Всего при отражении японской агрессии погибли более 200 советских военных специалистов[232].

По данным материалов ГРВА, за период с 16 ноября 1937 г. по 26 мая 1939 г. из 149 военнослужащих РККА, погибших в ходе выполнения операции «Z» скончались в результате ранения или осложнений заболеваний – 10, пропали без вести – 15, попали в плен – 1, были ранены и/или контужены – 22 (число погибших возросло с увеличением интенсивности боевых вылетов в 1938 г. – прим. *И.В.*) [233] (Приложение 25).

Подтверждением высокой результативности действий советских пилотов может служить предъявление японским правительством в апреле 1938 г. требования об их отзыве из Китая, отвергнутое НКИД СССР.

Военное сотрудничество с Китайской Республикой эффективно развивалось до начала 1940-х гг. Немаловажную роль в сворачивании советской военной помощи Китаю оказало подписание советско-японского пакта о нейтралитете. Учитывая тот факт, что еще летом 1940 г., в самом начале переговорного процесса между Москвой и Токио, посол Японии С. Того неоднократно поднимал вопрос об отказе СССР от поддержки Чунцина, он не мог быть проигнорирован в дальнейшем. Поскольку НКИД был крайне заинтересован в достижении соглашения с Токио, обстоятельства требовали уступок требованиям японской стороны за счет Китая. События развивались следующим образом. 18 марта 1941 г. Наркомвнешторг издал приказ о запрещении импорта в воюющие страны оружия, оборудования, медикаментов и иных военных материалов. В апреле последовал запрет на транзит этих товаров. А уже 13 апреля 1941 г. было объявлено о заключении советско-японского договора о нейтралитете[234].

Однако Кремль также старался сохранить стабильные отношения с Китаем. За два дня до соглашения с Японией, 11 апреля 1941 г. светский посол А.С. Панюшкин заверил Чан Кайши, что СССР не намерен жертвовать интересами дружественной державы[235]. До осени 1941 г. советские военные материалы, пусть и ограниченном объеме, продолжали поступать в Китай. 29 июля 1941 г.

Национальное правительство обратилось в НКИД с просьбой о продлении на один год (с 20 августа 1941 г. по 20 августа 1942 г.) договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже. Москва ответила положительно[236].

С началом Великой Отечественной войны вопрос о свертывании военной помощи НРА стал еще более острым. С одной стороны, это был политический шаг обусловленный стремлением не провоцировать Токио. Япония могла использовать факт оказания СССР поддержки Гоминьдану как повод к войне. С другой стороны, ввиду тяжелого положения на советско-германском фронте, Москва уже не могла сохранять прежний уровень поставок, а РККА остро нуждалась в военных специалистах. К концу 1941 г. предоставление военно-технической помощи Китаю было остановлено. В том же 1941 г. в СССР вернулись летчики, а в марте 1942 г. отозваны военные советники[237]. В конце 1942 г. было принято решение о закрытии авиастроительного завода в Хами и вывозе оборудования, а также выводе советских специалистов и воинского контингента из Синьцзяна. Последнее было тесно связано с общим ослаблением позиций СССР в Китае, усилением разногласий между Москвой и Гоминьданом.

Оценка значимости военной помощи СССР Гоминьдану заслуживает отдельного внимания. Прежде всего, необходимо обратить внимание на относительность многих данных. По материалам, приведенным во втором томе «Истории второй мировой войны», благодаря советской поддержке, Китай к середине 1939 г. смог восстановить и развернуть 245 пехотных, 16 кавалерийских, одну механизированную дивизию общей численностью 3 млн. чел.[238]. Однако доля советского участия при этом не уточняется. В связи с этим представляется целесообразным дополнительно проанализировать показатели расстановки сил и потери китайской и японской армий в ходе войны.

Поскольку одной из основных задач советской внешней политики на Востоке было предотвращение вторжения императорских войск на территорию дальневосточных регионов СССР, важным является вопрос о размерах японской группировки в Китае, сдерживаемой силами НРА. Согласно данным второго тома «Истории войны на Тихом океане» со ссылкой на

китайские источники, на начальном этапе японо-китайской войны численность войск интервентов в Китае колебалась от 832 тыс. чел (26 дивизий) в 1937 г. до 1168 тыс. чел (36,5 дивизий) в 1941 г., что в среднем составило 1075 тыс. чел. [239] (Приложение 26). Согласно официальным сообщениям гоминьдановского правительства, за период с 7 июля 1937 года до падения Уханя потери убитыми и ранеными в НРА составили 2122690 чел., в японской армии – 1454432 чел.[240]. Таким образом, втягивание Японии в длительный конфликт в Китае позволило СССР избежать масштабных боевых действий на своей территории и сохранить человеческие ресурсы.

Объемы финансирования военно-технической помощи, предоставленной советской стороной НРА, по подсчетам Дж. Гарвера, со ссылкой на китайские исследования, только с 24 октября 1937 г. по 14 февраля 1938 г. достигли 47262929 долл.[241]. Если ориентироваться на общую сумму советско-китайских кредитных соглашений и наиболее распространенное в отечественной историографии мнение об их использовании, то экономическая нагрузка на СССР составила около 175 млн. долл. Однако следует учитывать, что советская помощь не была полностью безвозмездной, частично она возмещалась Китаем. Вооруженный конфликт с Токио потребовал бы несравненно больших затрат не только на производство оружия, боеприпасов, ведение боевых действий и пр., но и на послевоенное восстановление коммуникаций, военных и гражданских объектов. Расходы СССР компенсировались эффектом от сдерживания японских войск в Китае, а сотрудничество с ГМД было выгодно для Москвы.

Таким образом, в период 1937–1942 гг. СССР оказал Китаю широкомасштабную поддержку. Советские специалисты принимали участие в разработке и осуществлении военных операций, обучали солдат и офицеров армии Чан Кайши современным методам ведения войны. Об эффективности данной работы говорит повышение боеспособности китайской армии. В 1937 г. в ситуации, когда ВВС Китая были практически уничтожены, а японская авиация безраздельно господствовала в воздухе, только помощь извне могла

стабилизировать ситуацию. Советские летчики, в силу слабой подготовки и малочисленности китайских пилотов, приняли на себя основной удар в борьбе с превосходящими силами императорских ВВС.

Наиболее тесным взаимодействием Советского Союза и Гоминьдана по вопросам военно-стратегического партнерства характеризовался начальный этап японо-китайской войны (1937–1941 гг.). Техническая и финансовая помощь имели для Китая исключительно важное значение в сохранении национальной независимости. СССР же был заинтересован в поддержке сопротивления Китая японской агрессии. На фоне обострения обстановки на Дальнем Востоке в развитии военно-политического сотрудничества СССР и ГМД фактор внешней угрозы превалировал над политическими разногласиями (Приложение 27). В 1942 г. активная фаза военного сотрудничества СССР и ГМД была свернута в силу изменения международной обстановки на Дальнем Востоке и изменения стратегических приоритетов сторон.

---

[1] Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / Е.Г. Капустян и др. ; отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 1998. URL: http://militera.lib.ru/research/bogaturov/index.html.

[2] Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С.152–153.

[3] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html

[4] Россия и Китай: четыре века взаимодействия. С.152–153; Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т. 3. : Советско-китайские отношения, сент. 1931 – сент. 1937. М., 2010. С. 6.

[5] Сидоров А.Ю. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.). // Проблемы Дальнего Востока. 2009. №1. С. 125.

[6] Там же. С. 126.

[7] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html

[8] Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941 гг. М., 1965. С. 84.

[9] Документы внешней политики СССР Т. 16 : 01 января 1933 – 31 декабря 1933. М.:, 1970. С. 150.

[10] Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу ... С. 84.

[11] Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979. С. 138.

[12] Там же.

[13] Иванов В.В. Модернизация и усиление военно-морского флота, как фактор стабилизации экономики Японии в 1933–1941 гг. // «Перспективные разработки науки и техники» Вып.8. : История, философия. Материалы X Междунар. научно-прак. конф. Пшемысль (Польша), 2014. С. 14.

[14] Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба ... С. 138.

[15] Цит. по: Сидоров А.Ю. Проблема заключения пакта о ненападении ... С. 130.
[16] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.19. Л.64.
[17] Там же.
[18] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.19. Л.63.
[19] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.19. Л.59.
[20] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 22.
[21] О предпосылках и развитии Сианьского инцидента см. п. 1.3.
[22] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 734.
[23] Сианьские события // Правда. 1936. 14 декабря.
[24] Там же.
[25] Восстание Чжан Сюэляна. Международное обозрение // Известия. 1936. 14 декабря.
[26] Опровержение ТАСС // Правда. 1936. 14 декабря.
[27] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 737.
[28] Документы внешней политики СССР. Т. 19 : 01 января 1936 – 31 декабря 1936. М., 1974. С.670.
[29] Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977. С. 80.
[30] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 752.
[31] Там же. С. 755.
[32] Там же. С. 734.
[33] Документы внешней политики СССР. Т. 19 С. 668–669.
[34] Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 : По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996. С. 295.
[35] Подробнее см.: Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. М., 1980. С. 47–52.
[36] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. С. 616.
[37] Воронцов В.Б. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989. С. 158.
[38] Документы внешней политики СССР. Т. 20 : январь – декабрь 1937. М., 1976. С. 117.
[39] Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба ... С. 140.
[40] Там же. С. 141.
[41] Цит. по: там же. С. 67.
[42] Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т. 4. : Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1. : 1937–1944 гг. М., 2000. С. 62.
[43] Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба ... С. 142.
[44] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. М., 1959. С. 161–162.
[45] Цит. по: Сидоров А.Ю. Проблема заключения пакта о ненападении … С. 135.
[46] Цит. по: Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 271.
[47] Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 482.
[48] Системная история международных отношений. Т. 1 : События 1918–1945 гг. / Под. ред. А.Д. Боготурова. М., 2000. 510 с. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1.
[49] Устав Лиги Наций. URL: http://doc20vek.ru/node/451
[50] Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 509–518.
[51] Договор девяти держав (1922) – договор формально, провозглашавший принцип уважения суверенитета, территориальной и административной неприкосновенности Китая. Был подписан 6 февраля 1922 г. представителями Бельгии, Великобритании, Италии, Китая, Нидерландов, Португалии, США, Франции и Японии, участвовавшими в работе Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Договор обязывал государства, которые его подписали, придерживаться в Китае принципа «равных возможностей» в области торговой и предпринимательской деятельности, не прибегать к использованию внутренней обстановки в Китае в целях получения специальных прав и привилегий, могущих нанести ущерб правам и интересам других государств – участников договора. Приводится по: Советская историческая энциклопедия. Т. 5 : Двинск – Индонезия / Гл. ред. Е.М. Жуков.

М., 1964. Ст. 270. Подробнее см: Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961. С. 54–78.
[52] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.181. Л.16.
[53] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.181. Л.18.
[54] Там же.
[55] Цит. по: Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 45.
[56] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html
[57] Там же.
[58] Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 617.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html
[62] Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 623.
[63] О последующих фактах обстрела японскими судами английских канонерок и реакции западной дипломатии подробнее см.: Howarth S. Morning glory. A History of the Imperial Japanese Navy. London, 1983. P. 214–216.
[64] Документы внешней политики СССР Т. 21 : 01 января – 31 декабря 1938. М., 1977. С. 410–413.
[65] Там же.
[66] Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба ... М., 1979. С. 155.
[67] Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 462–464.
[68] Там же. С. 482.
[69] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. N.Y., Oxford, 1988. P. 93.
[70] Ibid.
[71] Цит. по: Ibid.
[72] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С. 600.
[73] Цит. по: Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 129.
[74] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С. 623–624.
[75] Рябченко Н.П. О Китае и российско-китайских отношениях. Владивосток, 2016. С. 74.
[76] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 102.
[77] Цит. по: Ibid. P.14.
[78] В расчетах Дж. Гарвера отсутствуют сведения о том, использовался ли при вычислениях первоначальный запрос Чунцина или так же учитывался дополнительный - на 800 тыс. винтовок, 96 гаубиц и др., направленный в Москву в марте 1940 г., в дополнение к ордеру от 20 января того же года. Подробнее см.: Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 104.
[79] Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю … С. 130.
[80] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С. 646–647.
[81] Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). С. 122.
[82] Цит. по: Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX век. Хабаровск, 2000. С. 81.
[83] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 188.
[84] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С. 691–692.
[85] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 188.
[86] Подробнее см.: Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999. С. 75–96.
[87] Там же. С. 85.
[88] Подробнее см. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С. 648–714

[89] Подробнее о советско-китайских переговорах по Синьцзяну см.: Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 170–173.
[90] Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 207.
[91] Приводится по: Телицын В.Л. «Пиренеи» в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003. С. 96.
[92] Самуэльсон Л. Красный колосс. С. 208.
[93] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2 : 1917–1945 гг. / ред. кол. Е.М. Жуков, М.И. Сладковский, А.М. Дубинский. М., 1973. С. 130.
[94] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html
[95] Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 167–171.
[96] Там же. С. 172–176.
[97] Там же. С. 176–179.
[98] Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М., 2015. С. 277.
[99] Там же. С. 277–278.
[100] Там же. С. 280.
[101] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 5 : ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М., 2007. С. 404.
[102] Там же. С. 445; Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна. С. 281–282.
[103] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 5. С. 540.
[104] Кризис и война … URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html
[105] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1 : У истоков китайской авиации. М., 2008. С. 282–283.
[106] Там же. С. 279.
[107] Там же. С. 313.
[108] Окороков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013. С. 134.
[109] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 66–67.
[110] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 131.
[111] Там же.
[112] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 79.
[113] Там же. С. 77–78.
[114] Покровский К.М. Чунцин – Куньминь – Чунцин. // Военно-исторический журнал. 1994. №5. С. 17–18.
[115] Градов Ю.Н. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов). // Проблемы Дальнего Востока. 1990. №2. С. 174–177.
[116] Покровский К.М. Чунцин – Куньминь – Чунцин. С. 18.
[117] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 77.
[118] Градов Ю.Н. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов). С. 177–178.
[119] Там же.
[120] Нех В.Ф. Специальная операция НКВД в Синьцзяне. URL: http://uighur.narod.ru/History/spets_operatsiya.html
[121] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения ... С. 77.
[122] Горбачев Б.Н. Москва и Пекин: плечо к плечу в кровавых битвах. // Независимое военное обозрение. 2011. 30 сентября. Электронная версия-приложение «Независимой газеты». URL: http://nvo.ng.ru/history/2011-09-30/14_china.html
[123] Черепанов А.И. Поле ратное мое. М., 1984. С. 188.
[124] Подробнее см.: Волкова И.В. Автотрасса «Z» в организации советской помощи Китаю в 1937–1941 гг. // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: материалы VI заочной Международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2014. С. 10–15.

[125] Горбачев Б.Н. Москва и Пекин: плечо к плечу ... URL: http://nvo.ng.ru/history/2011-09-30/14_china.html
[126] Там же.
[127] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 131.
[128] Там же. С. 132.
[129] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 287.
[130] Системная история международных отношений. Т. 1. URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1
[131] Чуйков В.И. Миссия в Китае. М., 1983. С. 8; Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. С. 333.
[132] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 285.
[133] Калягин А.Я. По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М., 1979. С. 90.
[134] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 275.
[135] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 134.
[136] Переписка Чан Кайши с И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым 1937–1939 гг. Предисловие академика С.Л. Тихвинского. // Новая и новейшая история. 1995. №4. С. 82–83.
[137] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 130.
[138] Там же. С. 133. Подробнее см.: Мухин М.Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930–1940-е годы. // Новая и Новейшая история. 2004. №5. С. 234–236.
[139] По дорогам Китая. 1937–1945. Воспоминания. М., 1989. С. 68.
[140] Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 90–93.
[141] По дорогам Китая. С. 18.
[142] Там же.
[143] Там же. С. 19.
[144] Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 91.
[145] На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1977. С. 386.
[146] Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 86–87.
[147] По дорогам Китая. С. 27.
[148] Там же. С. 26–27.
[149] Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 88.
[150] Там же. С. 88–89.
[151] По дорогам Китая. С. 27.
[152] Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 85.
[153] На китайской земле. С. 385–386.
[154] Сотникова И.Н. Помощь СССР … С. 127.
[155] Чудодеев Ю.В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.). // Проблемы Дальнего Востока. 1988. №2. С. 118.
[156] Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю … С. 127.
[157] Сейчас генерал-лейтенант А.А. Власов более известен как руководитель Русской Освободительной армии, созданной из советских военнопленных и эмигрантов на территории фашистской Германии.
[158] Колесников А.Н. Генерал А. А. Власов – Предатель или герой? М., 1991. С. 11.
[159] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 134–135.
[160] Покровский К.М. Чунцин – Куньминь – Чунцин. С. 49.
[161] Чудодеев Ю.В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.). С. 120.
[162] Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю … С. 127.
[163] Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу ... С. 171
[164] Калягин А.Я. По незнакомым дорогам С. 217.
[165] Иванов В.И. Памяти погибших посвящается. // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №4. С.86.
[166] Черепанов А.И. Поле ратное мое. С. 191.
[167] Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. С. 223.

[168] На китайской земле. С. 279.
[169] Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. С. 250.
[170] По дорогам Китая. С. 39.
[171] На китайской земле. С. 186.
[172] Астафьев Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945). // Вопросы истории. 1984. №9. С. 78.
[173] Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 9.
[174] Там же. С. 191.
[175] По дорогам Китая. С. 83.
[176] Там же.
[177] Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 142.
[178] Подробнее см.: Волкова И.В. Причины ограниченного характера поставок советской бронетехники Китаю в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. // Амурский научный вестник 2015. №3. С. 5–12. URL: http://www.amgpgu.ru/activity/scinsce/library/sborstat/1798/7264692/?id=0
[179] Цит. по: Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 236.
[180] В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1980. С. 4.
[181] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 250.
[182] Там же.
[183] Подробнее см.: Волкова И.В. Военная авиация СССР и Японии на начальном этапе японо-китайской войны (1937–1941 гг.): тактико-технические характеристики, боевое применение. // Наука без границ. 2015. Вып. 9 : История, философия. Материалы XI научно-практической конференции, Шеффилд (Великобритания), 2015. С.19–32.
[184] Чудодеев Ю.В. Советские летчики в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 1989. №4. С. 131; Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 270.
[185] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.329. Л.78.
[186] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 270.
[187] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.330. Л.121.
[188] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.329. Л.124.
[189] В небе Китая. С. 29.
[190] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 404.
[191] Хорикоши Д. «Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне. М., 2001. С. 37.
[192] Документы внешней политики СССР. Т. 20. С. 481.
[193] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С .117–118.
[194] Иванов В.В. Советские летчики-добровольцы против военно-морского флота Японии в период японо-китайской войны 1930-е гг. // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2–3. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23624 (дата обращения: 20.11.2019)
[195] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 134–135.
[196] По дорогам Китая. С. 104.
[197] ГАРФ. Ф.Р4-459. Оп.28. Д.179. Л.8, 38; ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.248. Л.46, 83, 84, 98; ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.249. Л.37-38, 109,116–119; ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.250. Л.37, 38, 58; ГАРФ. Ф.-Р4459. Оп.28. Д.251. Л.38; ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.329. Л.26, 29, 40–42, 78
[198] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.222. Л.17, 24, 25, 30.
[199] Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 404.
[200] Там же. С. 457.
[201] Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю … С. 127.
[202] Советско-японские войны 1937–1945: сборник. М., 2009. С. 163–164.
[203] Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. С. 333.
[204] Советско-японские войны 1937–1945. С. 169.
[205] Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. С. 333.

[206] В небе Китая. С. 185–186.
[207] Цит. по: Иванов В.В. Советские летчики-добровольцы … URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23624 (дата обращения: 20.11.2019)
[208] Там же.
[209] В небе Китая. С. 41–43,45.
[210] Советско-японские войны 1937–1945. С. 163.
[211] Там же. С. 260.
[212] Цит. по: Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 392.
[213] Howarth S. Morning glory. A History of the Imperial Japanese Navy. London., 1983. P. 213.
[214] Ibid. P. 308.
[215] Рытов А.Г. Рыцари пятого океана. М., 1970. С. 71.
[216] Иванов В.В. Советские летчики-добровольцы … URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23624 (дата обращения: 20.11.2019)
[217] В небе Китая. С. 105–106.
[218] РГВА Ф.33987. Оп.3а. Д.1055. Л.64–73.
[219] О соотношении исправных, находящихся в ремонте и безвозвратно утерянных советских самолетов в Китае см. приложение 15 – прим. *И.В.*
[220] Mitter R. Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945. N.Y., 2013. P. 158.
[221] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.250. Л.76.
[222] Демин А.А. Советские истребители в небе Китая (1937–начало 1940-х гг.). // Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра. 2000. № 9. С. 11–14. URL: http://coollib.com/a/53330
[223] Шевченко С.И. Боевое применение советской истребительной авиации во второй половине 1930-х годов. // Военно-исторический журнал. 2010. №4. С. 21–22.
[224] Советско-японские войны 1937–1945. С. 210–211.
[225] РГВА. Ф.29. Оп.34. Д.286. Л.41–44. ; РГВА. Ф.29. Оп.34. Д.477. Л.23–25. ; РГВА. Ф.29. Оп.34. Д.568. Л.4–8.
[226] В небе Китая. С. 187.
[227] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.250. Л.102.
[228] ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.250. Л.9.
[229] Окороков А.В. Русские добровольцы. М., 2007. С. 259.
[230] РГВА. Ф.29. Оп.34. Д.477. Л.30
[231] Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С. 353.
[232] Чудодеев Ю.В. Советские летчики в Китае. С. 137.; Демин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. С. 538–541.
[233] РГВА Ф.33987. Оп.3а. Д.1061. Л.1–39. ; РГВА Ф.33987. Оп.3а. Д.1261. Л.1–6.
[234] Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю … С. 130.
[235] Там же.
[236] Мировицкая Р.А. Китайская государственность … С. 83.
[237] Дубинский А.М. Советско-китайские отношения … С. 163; Чуйков В.И. Миссия в Китае. С. 9.
[238] История второй мировой войны 1939 – 1945. Т. 2 : Накануне войны. М., 1974. С. 74
[239] История войны на Тихом океане. Т. 2 : Японо-китайская война. М., 1957. С. 178.
[240] Там же. С. 154–155.
[241] Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. P. 45.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1923–1942 гг. отношения СССР и Китайской Республики претерпевали колебания от тесного взаимовыгодного партнерства до острой конфронтации. Советская политика в отношении Гоминьдана формировался под воздействием как внешних (международная обстановка на Дальнем Востоке и внутриполитическая ситуация в Китае), так и внутренних факторов (идеология, расстановка сил в ВКП(б), интересы Москвы в регионе). В совокупности они оказывали влияние на выбор целей и методов реализации двустороннего сотрудничества в политической и военной сферах. В контактах СССР и Гоминьдана можно выделить два связанных между собой периода сотрудничества. Первый приходился на 1923–1927 гг., когда ведущей сферой выступало политическое взаимодействие. Второй период 1937–1942 гг. характеризовался смещением приоритетов в военную область. Трансформация курса внешней политики СССР на Дальнем Востоке была обусловлена главным образом изменением баланса сил в регионе и интересов Москвы.

После Синьхайской революции перед Китаем остро встал вопрос создания единого, независимого и политически сильного государства. Внешнеполитическую стратегию СССР определяло стремление к мировой революции, к укреплению положения в мировом сообществе, к возврату позиций утраченных в ходе гражданской войны.

Советский Союз сделал ставку на сотрудничество с Гоминьданом, как альтернативу слабой для самостоятельных действий Компартии Китая. Руководство ВКП(б) надеялось при посредничестве Коминтерна использовать идеологическую платформу Сунь Ятсена, его готовность к формированию единого фронта с КПК для развития революционного движения и установления в Китае просоветского режима, а националистические настроения в стране − для ослабления позиций Японии, Англии, Франции и США, противопоставив их влиянию на пекинское правительство союз с Кантоном. Сунь Ятсен, не имевший достаточного политического авторитета, военной

силы и надежной экономической базы для реализации широких социальных преобразований был крайне заинтересован во внешнем союзнике. Однако такого рода помощь не могла исходить от европейских держав, Японии и США, заинтересованных в сохранении своих привилегий в Китае.

В 1920-е гг. именно политическая сфера играла ведущую роль в сотрудничестве СССР и ГМД, определяя характер и объемы предоставляемой помощи. Кремль оказал содействие в вопросах реорганизации партийных институтов ГМД, имевших особую значимость в ходе гражданской войны, залогом победы в которой становилась не столько военная сила, сколько поддержка большинства населения. Однако, достижение основных целей национально-революционного движения в Китае (объединение страны и обретение суверенитета) исключительно мирным путем было невозможно. Армии Гоминьдана предстояло преодолеть вооруженное сопротивление многочисленных милитаристских группировок. На содействие в решении данной практической задачи была направлена деятельность советских военных советников в Китае, а также военно-техническая помощь НРА.

Участие советских специалистов в осуществлении боевой и политической подготовки в войсках ГМД позволило добиться сплочения армии, формирования в ней патриотических начал, повышения мотивации военнослужащих и уровня их дисциплины. За короткий срок из разрозненной, не имеющей единой организационной структуры, практически небоеспособной армии удалось сформировать вооруженные силы Гоминьдана, достаточно подготовленные для эффективного противостояния войскам милитаристов и объединения страны.

Тем не менее, такая структура сотрудничества была продиктована не только реалиями обстановки в Китае. Посредством радикализации национально-революционного движения и усиления в нем классовой борьбы, Кремль стремился к коммунизации Гоминьдана. Недостаточный учет со стороны ЦК ВКП(б) мнения и программных установок ГМД, усиленные попытки внедрения членов КПК в политические институты Гоминьдана с

целью его переориентировки, привели к быстрой утрате доверия сторон друг к другу. Ситуация осложнялась внутрипартийной борьбой в ВКП(б), не позволявшей ее руководству отступить от избранной тактики.

Следует отметить, что само оформление национального движение в Китае, формирование Чан Кайши после смерти Сунь Ятсена централизованного административного аппарата, как и осуществление НРА Северного похода стали во многом возможны благодаря поддержке Советского Союза. Однако, противоречивость ситуации заключалась в том, что расширение антикоммунистической риторики, отказ Чан Кайши от следования директивам Москвы и поддержки единого фронта с КПК стоит расценивать не столько как проявление его личных политических амбиций, сколько как ответную реакцию на давление со стороны СССР.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что для военно-политического сотрудничества СССР и ГМД в 1923–1927 гг. была характерна опора на партийные интересы. Платформа ВКП(б) была сфокусирована на идее классовой борьбы. В области внешней политики это приводило к превалированию стремления к подъему мировой революции. Применительно к Китаю такая ориентировка выразилась в последовательном продвижении КПК на руководящие позиции в национально-революционном движении. Сделав ставку на Компартию Китая, Москва пренебрегла программными установками Гоминьдана. В данном контексте усиление правой фракции в ГМД и поворот в сторону конфронтации с КПК стали закономерным следствием эволюции Гоминьдана, его становления как самостоятельной партии, стремившейся в выходу из-под политической опеки ВКП(б).

Прекращение военно-политического сотрудничества было вызвано не его низкой эффективностью, а субъективными причинами. В стратегическом плане конфликт с Гоминьданом был невыгоден СССР, поскольку подрывал его позиции в Маньчжурии, серьезно осложнял работу КВЖД, препятствовал распространению коммунистических идей на севере Китая, и более того подталкивал правительство Чан Кайши к поиску компромиссов с Англией и

США. То, что потенциал сотрудничества не был исчерпан, а следовательно, кризиса можно было избежать подтверждает сам факт возвращения СССР и ГМД к взаимовыгодному диалогу в тех же сферах и при сохранении в основном их идеологических платформ, в обстоятельствах когда внешняя угроза со стороны Японии оказалась сильнее политических разногласий.

На фоне оккупации Японией Маньчжурии и дальнейшего роста ее территориальных притязаний в Китае контакты СССР и Гоминьдана были восстановлены в 1932 г. на иной основе. Несмотря на сохранение у власти в Китае режима Чан Кайши, с его неизменной приверженностью националистическому курсу и открытым неприятием коммунистических идей, Москва начала переоценку роли Гоминьдана в региональной геополитике. Политические мотивы и революционные идеи уступали место прагматичному расчету, сформированному под влиянием общей для СССР и Китая стратегической цели − противодействия экспансии Японии на материке. ГМД стал рассматриваться Кремлем в качестве реальной силы способной, если не остановить распространение агрессии Японии, то, по крайней мере, втянуть ее в затяжной вооруженный конфликт, снизив тем самым вероятность начала войны с СССР.

В результате Москва и Нанкин в достаточно короткий срок смогли создать базу для успешного сотрудничества. После ряда безуспешных попыток создания в Азиатско-Тихоокеанском регионе системы коллективной безопасности, подписание в 1937 г., советско-китайского договора о ненападении стало отправной точкой для оказания масштабной поддержки правительству Чан Кайши

В первые годы войны с Японией, наиболее тяжелые для национальной экономики и вооруженных сил, Китай получил существенную и весьма необходимую дипломатическую, экономическую и военно-техническую помощь, позволившую ему избежать полной оккупации страны и утраты суверенитета. На этом этапе сохранение независимости Китайской Республики

являлось одним из ведущих факторов в предотвращении возможной военной интервенции Японии на территории советского Дальнего Востока.

Параллельно СССР преследовал в Китае и другие цели. Москва стремилась к включению в сферу своего влияния Внешней Монголии и Синьцзян. Это не только открывало путь к формированию приграничной буферной зоны, по типу созданной Токио в Маньчжурии, но и могло стать важным шагом к советизации Китая. Вопрос о поддержке КПК не был снят с повестки дня. Кремль был заинтересован в обеспечении для китайских коммунистов относительно стабильного восстановительного периода, после серии поражений, понесенных в противостоянии с войсками Чан Кайши. Легализация Компартии в рамках единого фронта давала возможность использовать подъем патриотических настроений в стране для усиления армии КПК, привлечения на ее сторону общественной поддержки.

В этом плане ослабление Китая в ходе сопротивления японской агрессии было выгодно СССР. Однако реализация намеченной линии требовала деэскалации политической напряженности в диалоге с Гоминьданом, поскольку Москве требовалось удержать правительство Чан Кайши от компромиссного соглашения с Токио. Советский внешнеполитический курс не утратил свой классовый характер. Однако в новых условиях идеологическая составляющая перестала выступать главным фактором в стратегии Кремля. Лозунги классовой борьбы временно уступили место идеи объединения всех сил заинтересованных в противостоянии фашизму. В силу этих обстоятельств в сотрудничестве СССР и ГМД 1937–1942 гг. ведущей выступала военная сфера. Их взаимодействие было обусловлено балансом между стремлением обоих государств к обеспечению своей безопасности и политическим соперничеством.

В 1941 г. начало Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане существенно изменили международную обстановку на Дальнем Востоке. Все силы СССР были сконцентрированы на советско-германском фронте. В данной ситуации сама вероятность, как и возможные последствия

нападения на него Японии, − втянутой в изматывающий конфликт с Китаем, − даже при условии ослабления последнего, представлялись значительно менее опасными. После заключения советско-японского пакта о нейтралитете Кремль был крайне заинтересован в сохранении договоренностей с Токио. В этой ситуации сокращение военных поставок для НРА предоставляло Кремлю дополнительную возможность продемонстрировать свою лояльность по отношению к Японии.

К 1942 г. в Китае осложнилась внутриполитическая ситуация. Взаимоотношения КПК и ГМД в едином фронте переживали очередной кризис. В тоже время начало войны на Тихом океане привело к активизации контактов Китая с США и Великобританией. Для Лондона значимость взаимодействия с Чунцином усилилась в связи с вторжением Японии в Юго-Восточную Азию. Это привело к расширению военного сотрудничества, увеличению объемов поставок по Бирманской дороге. Сближение с Вашингтоном было обусловлено тем, что в новых условиях Япония автоматически стала общим врагом Америки и Китая. Более того, Чан Кайши надеялся на поддержку США не только в борьбе с внешней угрозой, но и в последующем противоборстве с КПК. Это подталкивало гоминьдановское правительство к постепенному свертыванию сотрудничества с СССР.

Позиция Кремля на тот момент определялась тремя обстоятельствами. Нападение Японии на СССР в нарушение пакта о нейтралитете и разгар войны на Тихом океане было маловероятно. Продолжение военно-технической помощи Гоминьдану при тяжелом положении на советско-германском фронте – слишком обременительно. Выгоды от соперничества с США и Великобританией за сферы влияния в Китае – иллюзорны. В результате, военно-политическое сотрудничество Москвы и Чунцина было свернуто. Диалог СССР и Гоминьдана постепенно перешел на новый уровень, став неотъемлемой составной частью сложной многосторонней дипломатии периода Второй мировой войны.

Таким образом, военно-политическое сотрудничество СССР и ГМД в 1937–1942 гг. строилось на базе взаимозависимости стратегических приоритетов двух стран. На этом этапе при сохранении конфронтации по партийной линии, и при всей разнице идеологических платформ, обе стороны смогли поддерживать взаимовыгодные контакты, когда это требовалось для повышения их обороноспособности и противостояния внешней угрозе. Прекращение сотрудничества было обусловлено изменениями в международной обстановке, которые привели к разрушению прежнего баланса сил в регионе и обоюдному смещению внешнеполитических интересов Москвы и Чунцина.

На протяжении 1923–1942 гг. позиция СССР в отношении ГМД, первоначально развивавшаяся в русле поддержки мирового революционного и коммунистического движений и, как следствие, взаимодействия на основе близости политических программ, после паузы была пересмотрена в пользу стратегического партнерства на базе совместного сопротивления угрозе вооруженной экспансии, развернутой Японией. Политико-идеологическая составляющая, доминировавшая в деятельности советских специалистов в Китае в 1920-е гг., в период японо-китайской войны уступила место прагматичным методам, направленным на повышение боеспособности вооруженных сил ГМД, обеспечение поддержки в Китае движения сопротивления. Этот пример является ярким показателем того, что общий враг способен объединять вероятных противников не в меньшей степени, чем общие взгляды – потенциальных союзников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

ВВС – военно-воздушные силы

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВПК – военно-промышленный комплекс

ВМФ – Военно-морской флот

Военком – Военный комиссар

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГМД – Гоминьдан

ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога

КПК – Коммунистическая партий Китая

КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока

КУТК – Коммунистический университет трудящихся Китая

Наркоминдел, НКИД – Народный комиссар по иностранным делам

НКИД – Народный комиссариат иностранных дел СССР

НКО – Народный комиссариат обороны

НРА – Национально-революционная армия

ОДВА – Особая Дальневосточная армия

ПВО – Противовоздушная оборона

Полпред – Полномочный дипломатический представитель

ПУР – Политическое управление

Разведупр – Разведывательное управление

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА – Российский государственный военный архив

РККА - Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

УТК – Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена

ЦВПШ – Центральная военно-политическая школа

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I Неопубликованные источники

1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), г. Москва

ГАРФ. Ф. Р-5216. Историко-партийный институт красной профессуры при Институте Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ)

Оп. 2. Д. 1954.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Телеграфное агентство Советского Союза при Совете Министров СССР (ТАСС)

Оп. 28. Д.19, 25, 60, 102, 105, 179, 180, 181, 184, 187, 221, 222, 248, 249, 250, 251, 329, 330, 380, 447

1.2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), г. Москва

РГАСПИ. Ф.5. Секретариат В.И. Ленина (1917–1924)

Оп. 1. Д. 2147, 2194.

РГАСПИ. Ф.627. Коллекция документов по истории революции в Китае (1922–1926)

Оп. 1. Д. 4, 7, 12, 13, 15, 19, 22, 23, 25.

РГАСПИ. Ф.495. Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943)

Оп.154. Д.278.;

Оп. 44. Д. 13.

1.3. Российский государственный военный архив (РГВА), г. Москва

РГВА. Ф.29. Управление начальника военно-воздушных сил РККА

Оп. 34. Д. 286, 477, 568.

Оп. 37. Д. 24.

РГВА. Ф.33987. Секретариат Председателя РВС СССР

Оп. 3а. Д. 90, 178, 179, 1055, 1061, 1261.

1.4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), г. Хабаровск

ГАХК. Ф. Р-893. Контрразведывательное отделение Владивостокского окружного отдела Полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю (1926–1931 гг.)

Оп. 1. Д. 1.

II Опубликованные источники

2.1. Документы и материалы

2.1.1 Архив Троцкого: в 3 т. Т. 1 / Научные редакторы тома М. Г. Станчев, Ю. Г. Фельштинский. – Харьков: Око, 1999. – 456 с. – (Коммунистическая оппозиция в СССР).

2.1.2 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927: в 4 т. Т.2. / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. – М.: Издательский центр «Терра», 1990. – 255 с.

2.1.3 В. К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примечаний А. И. Картунова. – М.: Наталис, 2003. – 560 с.: илл.

2.1.4 ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. / Т. 1. 1920–1925 гг. / Ред. Коллегия М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. – М.: АО «Буклет», 1994. – 792 с.

2.1.5 ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. / Т. 2. 1926–1927 гг. / Ч. 1. / Ред. Коллегия М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. – М.: АО «Буклет», 1996. – 524 с.

2.1.6 ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы / Т.4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. В 2-х частях. / Ч. 1. / Ред. Коллегия М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 856 с.

2.1.7 ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы / Т.5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. / Ред. Коллегия

М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 752 с.

2.1.8 Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 12: 01 января 1929 – 31 декабря 1929 – М.: Политиздат, 1967. – 815 с.

2.1.9 Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 16: 01 января 1933 – 31 декабря 1933 – М.: Политиздат, 1970. – 920 с.

2.1.10 Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 18: 01 января 1935 – 31 декабря 1935 – М.: Политиздат, 1973. – 719 с.

2.1.11 Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 19: 01 января 1936 – 31 декабря 1936 – М.: Политиздат, 1974. – 798 с.

2.1.12 Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 20: январь – декабрь 1937 – М.: Политиздат, 1976. – 816 с.

2.1.13 Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 21: 01 января – 31 декабря 1938 – М.: Политиздат, 1977. – 792 с.

2.1.14 ИККИ и ВКП(б) по китайскому вопросу (основные решения). – М.: Московский рабочий, 1927. – 260 с.

2.1.15 Картунова, А. И. В.К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы. / А. И. Картунова – 2-е изд., доп. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 223 с.: илл.

2.1.16 Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 317 с.

2.1.17 Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41: май – ноябрь 1920 г. / В.И. Ленин – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1981. – 736 с.

2.1.18 Новые материалы о Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП (б). Публикация А.Григорьева, К.Шевелева. // Проблемы Дальнего Востока – 1994. – №4. – С.87–95.

2.1.19 Основные решения по китайскому вопросу / автор предисловия Н. Мандельштам. – М.: Московский рабочий, 1927. – 75 с.

2.1.20 Переписка Чан Кайши с И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым 1937–1939 гг. Предисловие академика С Л. Тихвинского. // Новая и новейшая история – 1995. – №4. – С. 80–87.

2.1.21 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919 – 1943 гг. Документы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.

2.1.22 Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т.3 Советско-китайские отношения, сент. 1931 – сент. 1937. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский – М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 861 с.

2.1.23 Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т.4 Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 870 с.

2.1.24 Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. / Отв. ред. И. Ф. Курдюков, В. Н. Никифоров, А. С. Перевертайло – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 468 с.

2.1.25 Советы в Китае: сборник материалов и документов / вводная ст. Иогансон Е., Таубе О. (пер. с нем.) – М.: Партийное издательство, 1933. – 510 с.

2.1.26 Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 7 : 1925 г. / И. В. Сталин – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. – 424 с.

2.1.27 Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 10 : август – декабрь 1927 г. / И. В. Сталин – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 900 с.

2.1.28 Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции (на примере Китая): сборник документов / Сост. Г. Кара-Мурза, под ред. П. Мифа – М.: Изд. института МХ и МП, 1934. – 394 с.

2.1.29 Сунь Ятсен и советско-китайские отношения: новые архивные документы // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – №6. – С. 115-117.

2.2. Периодическая печать

2.2.1 Известия. 1936 г.: 14 декабря.

2.2.2 Правда. 1936 г.: 14 декабря.

2.2.3 Сталинский Комсомольск. 1938 г.: 16, 25, 28 июня; 2, 4, 6, 10, 14, 16, 20, 25 июля; 4, 9, 18 августа. 1942 г.: 26 мая; 2, 9, 20 июня; 29 июля; 16 августа; 9, 18 сентября.

2.2.4 Тихоокеанская звезда. 1929 г.: 5 января; 1 сентября; 29 октября; 1, 3, 5 декабря.

2.3. Мемуарная литература, дневники

2.3.1 Благодатов, А. В. Записки о китайской революции 1925–1927. / А. В. Благодатов – 3-е изд., доп. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. – 301 с. с ил. и карт.

2.3.2 Браун, О. Китайские записки (1932–1939) / Перевод с нем. В. А. Жаворонкова, А. А. Звонова, Ю. Медведевой – М.: Политиздат, 1974. - 307 с.: с ил.

2.3.3 В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев / Сост., отв. ред. Ю. В. Чудодеев – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. – 381 с.

2.3.4 Великий поход 1-го фронта китайской Рабоче-крестьянской Красной Армии. Воспоминания. / Под ред. А. А. Мартынова, пер. с кит. А. А. Клышко и др. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 568 с.

2.3.5 Владимиров, П. П. Особый район Китая. 1942–1945. / П. П. Владимиров – М.: Издательство «Агентства печати Новости», 1974. –656 с.: ил.

2.3.6 Градов, Ю. Н. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) / Ю. Н. Градов // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – №2. – С. 173-181.

2.3.7 Далин, С. А. Китайские мемуары 1921–1927 гг. / С.А. Далин – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. – 359 с.: ил.

2.3.8 Калягин, А. Я. По незнакомым дорогам. (Записки военного советника в Китае). / А. Я. Калягин – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 445 с. с ил. и карт.

2.3.9 Козлов, Н. Г. В небе Китая. Воспоминания летчика. / Н. Г. Козлов – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1966. – 55 с.

2.3.10 Кончиц, Н. И. Китайские дневники. 1925–1926 гг. / Н. И. Кончиц – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. – 144 с.

2.3.11 На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. / Сост., отв. ред. Ю. В. Чудодеев – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. – 445 с.: с илл.

2.3.12 По дорогам Китая. 1937–1945. Воспоминания / Сост., отв. ред. Ю. В. Чудодеев – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. – 368 с.: ил.

2.3.13 Покровский, К. М. Чунцин – Куньминь – Чунцин / К. М. Покровский // Военно-исторический журнал. – 1994. – №5. – С. 49–54.

2.3.14 Примаков, В. М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. / В. М. Примаков – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967. – 215 с.

2.3.15 Пэн Дэхуай Мемуары маршала. / Пер. с кит. А.В. Панцова, В.Н. Усова, К.Е. Шевелева. – М.: Воениздат, 1988. – 384 с.

2.3.16 Рытов, А. Г. Рыцари пятого океана. / А. Г. Рытов – М.: Воениздат, 1970. – 376 с. – (Военные мемуары).

2.3.17 Советско-японские войны 1937–1945: сборник. / Отв. ред. Г. Пернавский – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 416 с. – (Войны XX века).

2.3.18 Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. / Цзян Чжунчжэн – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Посев, 2009. – 440 с.: ил.

2.3.19 Черепанов, А. И. Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской войны (1924-1927) / А. И. Черепанов – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1964. – 286 с.

2.3.20 Черепанов, А. И. Поле ратное мое. / А. И. Черепанов – М.: Воениздат, 1984. – 304 с.: ил. – (Военные мемуары).

2.3.21 Чуйков, В. И. Миссия в Китае / В. И. Чуйков – М.: Воениздат, 1983. – 252 с. – (Военные мемуары).

III Литература

3.1. Монографии

3.1.1 Балмасов, С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. / С. С. Балмасов – М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. – 559 с. – (Россия забытая и неизвестная).

3.1.2 Биссон, Т. А. Военная экономика Японии. / Т. А. Биссон; пер. с англ. Г. В. Конюшкова; под ред. К. М. Попова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 300 с.

3.1.3 Бородин, Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941 гг. / Б. А. Бородин – М.: Мысль, Главная редакция социально-экономической литературы, 1965. – 198 с.

3.1.4 Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. / под ред. д-ра ист. наук, профессора Л. И. Галлямовой. – Владивосток: ДВО РАН, 2015. – 292 с.

3.1.5 Великанов, Н. Т. Блюхер / Н. Т. Великанов – М.: Молодая гвардия, 2010. – 317 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1217).

3.1.6 Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / К. П. Агеенко, П. Н. Бобылев, Т. С. Манаенков [и др.]. – М.: Воениздат, 1975. –188 с.

3.1.7 Воронцов, В. Б. Судьба китайского Бонапарта. / В. Б. Воронцов – М.: Политиздат, 1989. – 336 с.: ил.

3.1.8 Воскресенский, А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. / А. Д. Воскресенский – М.: Московский общественный научный фонд; ООО "Издательский центр научных и учебных программ", 1999. – 408 с.

3.1.9 Галенович, Ю. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений: в 2-х т. / Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. / Ю. М. Галенович – М.: ИДВ, 1992. – 170 с.

3.1.10 Галенович, Ю. М. Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). / Ю.М. Галенович – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. – 372 с.

3.1.11Галенович, Ю. М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. / Ю. М. Галенович – М.: ИД «Муравей», 2000. – 368 с. – (политические деятели Китая XX век).

3.1.12 Гасанлы, Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949) / Дж. П. Гасанлы, пер. с азерб. Ф. Гаджиева. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 360 с.

3.1.13 Горбунов, Е. А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. – М.: Вече, 2010. – 464с.: ил. – (Военные тайны XX века).

3.1.14 Горбунов, Е. А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. / Е. А. Горбунов – М.: Вече, 2002. – 512 с. – (Военные тайны XX века).

3.1.15 Демин, А. А. Авиация великого соседа: в 2-х кн. Кн. 1: У истоков китайской авиации. / А. А. Демин – М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. – 544 с.: ил.

3.1.16 Дубинский, А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны. 1937–1945 гг. / А. М. Дубинский – М.: Мысль, 1980. – 279 с.

2.3.22 Джоуэтт, Ф. Японская армия. 1931–1942. / Ф. Джоуэтт; пер. с англ. А. И. Козлова; худож. С. Эндрю. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2003. – 62 с.: ил. – (Военно-историческая серия «СОЛДАТЪ»).

3.1.17 Зайцев, Е. Б. Суд в Токио / Е. Б. Зайцев, Л. Н. Смирнов – М.: Воениздат, 1984. – 598 с.

3.1.18 История войны на Тихом океане: в 5 т. Т. 2: Японо-китайская война. / Под общей редакцией Усами Сэйдзиро и др., под ред. Б. В. Поспелова, пер. с яп. Б. В. Раскина. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 416 с.

3.1.19 История второй мировой войны 1939 – 1945: в 12 т. Т. 2: Накануне войны / ред. кол. А. А. Гречко и др. – М.: Воениздат, 1974. – 474 с.

3.1.20 Капица, М. С. Советско-китайские отношения. / М. С. Капица – М.: Госполитиздат, 1958. – 424 с.

3.1.21 Картунова, А. И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). / А. И. Картунова – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. – 303 с.

3.1.22 Каткова, З. Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945) / З. Д. Каткова – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. – 240 с.

3.1.23 Каткова, З. Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. / З. Д. Каткова – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 278 с.

3.1.24 Китай: история в лицах и событиях / Под общ. Ред. С. Л. Тихвинского. – М.: Политиздат, 1991. – 254 с.

3.1.25 Клавинг, В. В. Япония в войне / В. В. Клавинг. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 477 с.: ил. – (Военно-историческая библиотека).

3.1.26 Колесников, А. Н. Генерал А. А. Власов – Предатель или герой? / А. Н. Колесников – М.: Техинвест, 1991. – 175 с.

3.1.27 Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных Сил / Под. ред. В. П. Зимонина. – Хабаровск: Кн. Изд-во, 1989. – 176 с.

3.1.28 Кошкин, А. А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. / А. А. Кошкин – М.: Вече, 2011. – 400 с.

3.1.29 Кошкин, А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий / А. А. Кошкин. – М.: Вече, 2010. – 480 с.: ил. – (Актуальная история).

3.1.30 Кошкин, А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. / А. А. Кошкин – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 480 с.: ил. – (Архив).

3.1.31 Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа – 3-е изд., испр., доп. – М.: Воениздат, 1985. – 348 с.: ил.

3.1.32 Крюков, В. М.; Крюков, М. В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае: в 2-х т. Т. 2: 1922–1926. / В. М. Крюков, М. В. Крюков – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 608 с., ил. – (Документальная история советско-китайских отношений (1917–1929 гг.)).

3.1.33 Ледовский, А. М. Китайская политика США и советская дипломатия. 1942 – 1945 гг. / А. М. Ледовский – М.: Наука, 1985. – 430 с.

3.1.34 Лиф, Ш. Б. Война и экономика Японии. / Ш. Б. Лиф – М.: Политиздат. 1940. – 248 с.

3.1.35 Лузянин, С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин – М.: Издательство «Огни», 2003. – 320 с.

3.1.36 Мамаева, Н. Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. / Н. Л. Мамаева – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 376 с., илл.

3.1.37 Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949) / Г. Н. Войтинский [и др.]; под ред. Е. М. Жукова. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Госполитиздат, 1956. – 783 с.

3.1.38 Международные отношения на Дальнем Востоке: в 2 кн. Кн. 2: 1917–1945 гг. / ред. кол. Е. М. Жуков, М. И. Сладковский, А. М. Дубинский. – М.: Мысль, 1973. – 294 с.

3.1.39 Мировицкая, Р. А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. / Р. А. Мировицкая – М.: Памятники исторической мысли, 1999. – 312 с.

3.1.40 Мировицкая, Р. А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20–30-е годы). / Р. А. Мировицкая – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 237 с.

3.1.41 Миф, П. А. Китайская революция / П. А. Миф – М.: Партийное издательство, 1932. – 332 с.

3.1.42 Можейко, И. В. Западный ветер – ясная погода / И. В. Можейко – М.: Астрель, 2012. – 541 с.: ил. – (Историческая библиотека).

3.1.43 Непомнин, О. Е. История Китая. XX век / О. Е. Непомнин. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. – 736 с. – (История стран Востока. XX век).

3.1.44 Окороков, А. В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае / А. В. Окороков. – М.: Вече, 2013. – 336 с.: ил. – (Военные тайны XX века).

3.1.45 Окороков, А. В. Русские добровольцы. / А. В. Окороков – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 368 с. – (Неизвестные войны XX вака).

3.1.46 Павляк, С. Политика США по отношению к Китаю (1941–1955)./ С. Павляк; пер. с польского В. Борисов. – М.: Издательство «Прогресс», 1976. – 384 с.

3.1.47 Панцов, А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). / А. В. Панцов – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. – 456 с.

3.1.48 Партитура Второй мировой. Гроза на востоке / Авт. сост. А. А. Кошкин – М.: Вече, 2010. – 464 с.: ил. – (Актуальная история).

3.1.49 Паршев, А. В., Степаков, В. Н. Когда началась и закончилась Вторая мировая. / А. В. Паршев, В. Н. Степаков – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 576 с. – (Неизвестные войны XX века).

3.1.50 Песков, В. М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX век / В. М. Песков – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. – 344 с.

3.1.51 Пын Мин История китайско-советской дружбы. / Пын Мин – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 360 с.

3.1.52 Рафес, М. Г. Китайская революция на переломе / М. Г. Рафес – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Московский рабочий, 1927. – 224 с.

3.1.53 Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. – 704 с.: илл.

3.1.54 Рябченко, Н. П. О Китае и российско-китайских отношениях / Н. П. Рябченко – Владивосток: Дальнаука, 2016. – 258 с.

3.1.55 Самуэльсон, Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. / Л. Самуэльсон; пер. с англ. И. Давидян. – М.: АИРО-XX, 2001. – 296 с.

3.1.56 Сапожников, Б. Г. Китай в огне войны (1931–1950) / Б. Г. Сапожников – М.: Наука, 1977. – 351 с.

3.1.57 Сапожников, Б. Г. Первая гражданская революционная война в Китае 1924–1927 гг. Военно-исторический очерк. / Б. Г. Сапожников – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – 100 с.

3.1.58 Сапожников, Б. Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941) / Б. Г. Сапожников – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1970. – 227 с.

3.1.59 Севостьянов, Г. Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.) / Г. Н. Севостьянов – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 569 с.

3.1.60 Севостьянов, Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны / Г. Н. Севостьянов – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. – 557 с.

3.1.61 Сиполс, В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. / В. Я. Сиполс – М.: Международные отношения, 1979. – 320 с.

3.1.62 Сладковский, М. И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая / М. И. Сладковский – М.: Внешторгиздат, 1953. – 382 с.

3.1.63 Смирнов, А. Г. Рожденный на Уссури. К 85-летию Уссурийского Краснознаменного ордена Трудового Красного Знамени пограничного отряда имени В. Р. Менжинского. / А. Г. Смирнов – Владивосток: Русский остров, 2007. – 240 с.: ил.

3.1.64 Соколов, В. В. На боевых постах дипломатического фронта: Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. / В. В. Соколов – М.: Политиздат, 1983. – 190 с., ил.

3.1.65 Сотникова, И. Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. / И.Н. Сотникова; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Наука, 2015. – 407 с. – (Китай: история и современность).

3.1.66 СССР и Китай в совместной борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны: Центральный музей Великой отечественной войны. Мемориальный музей антияпонской войны китайского народа. – М.: Вече, 2015. – 160 с.: ил.

3.1.67 Тихвинский, С. Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. / С. Л. Тихвинский – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 575 с.: карты, ил.

3.1.68 Тихонов, Ю. Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. / Ю. Н. Тихонов – М.: Яуза, Эксмо, 2008 – 704 с. – (Сталин. Великая эпоха).

3.1.69 Усов, В. Н. Советская разведка в Китае в 20е годы XX века. / В. Н. Усов – М.: «Дом Конфуция», 2011. – 384 с.: ил.

3.1.70 Троцкий Л.Д. Коммунистический Интернационал после Ленина (Великий организатор поражений) / Л.Д. Троцкий – М.: «Принтима», 1993. – 312 с.

3.1.71 Хаттори, Т. Япония в войне 1941–1945 гг. / Т. Хаттори – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. – 880 с.: ил. – (Военно-историческая библиотека).

3.1.72 Хорикоши, Д. «Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне / Д. Хорикоши, М. Окумия, М. Кайдин; пер. с англ. А. Г. Больных – М.: «Издательство АСТ», 2001. – 461 с.: ил – (Военно-историческая библиотека)

3.1.73 Черевко, К. Е. Серп и молот против самурайского меча / К. Е. Черевко – М.: Вече, 2003. – 384 с. – (Военные тайны XX века).

3.1.74 Чудодеев, Ю. В. На земле и в небе Китая: советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. / Ю. В. Чудодеев – М.: Институт востоковедения РАН, 2017. – 224 с.

3.1.75 Шишов, А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. /А.В. Шишов – М.: Вече, 2001. – 576 с. – (Военные тайны XX века).

3.1.76 Шубин, А. В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. / А. В. Шубин – М.: Алгоритм, 2016. – 496 с.

3.1.77 Юркевич А. Г. Москва – Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. / А. Г. Юркевич – М.: ООО Вариант, 2013. – 424 с.

3.1.78 Яковкин, Е. В. Русские солдаты Квантунской армии / Е. В. Яковкин. – М.: Вече, 2014. – 320 с.: ил. – (Военные тайны XX века).

3.1.79 Яковлев, Н. Н. Франклин Рузвельт - человек и политик / Яковлев Н.Н. - М.: Международное обозрение, 1969. – 502 с.

3.1.80 Янгузов, З. Ш. Забвенья нет. / З. Ш. Янгузов – Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. –336 с.: ил.

3.2. Статьи, сборники

3.2.1 Александров, С. И. Помощь Советского Союза национальным армиям в Северном Китае в 1925–1927 гг. / С. И. Александров // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – №3. – С. 133–144.

3.2.2 Астафьев, Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945) / Г. В. Астафьев // Вопросы истории – 1984. – №9. – С.74–82.

3.2.3 Бармин, В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях в 1918–1931 гг. / В. А. Бармин // Проблемы Дальнего Востока, – 1999. – №4. – С. 113–122.

3.2.4 Бармин, В. А. Синьцзян в истории советско-китайских отношениях в 1931–1934 гг. / В. А. Бармин // Проблемы Дальнего Востока, – 1999. – № 6. – С. 91–103.

3.2.5 Волкова, И. В. Анализ политической ситуации вокруг конфликта на Китайско-Восточной железной дороге 1929 г. / И. В. Волкова // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов II Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.), Самара, 24 апреля

2015 г. / Отв. ред. А. Н. Сквозников. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2015. – С. 38–46.

3.2.6 Волкова, И. В. Автотрасса «Z» в организации советской помощи Китаю в 1937–1941 гг. / И. В. Волкова // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: материалы VI заочной Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 27–31 октября 2014 г. / под ред. Н. Л. Глазачевой, О. В. Залесской – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. – С.10–15

3.2.7 Волкова, И. В. Военная авиация СССР и Японии на начальном этапе японо-китайской войны (1937–1941 гг.): тактико-технические характеристики, боевое применение / И. В. Волкова // Наука без границ. – 2015. – Вып. 9: История, философия. – Материалы XI научно-практической конференции, Шеффилд (Великобритания), 30 марта – 7 апреля 2015 г. – Sheffield: Science and education LTD, 2015. - С.19-32.

3.2.8 Волкова, И. В. Обстановка на советско-китайской границе в конце 1920-х гг. / И. В. Волкова // Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сборник материалов XI Международной молодежной научной конференции, Томск, 08–10 апреля 2015 г. / науч. ред. А. Н. Сорокин. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2015. – Вып. 11: в 2 т. Т. 1. – С. 423–428.

3.2.9 Гальперин, М. С. КПК и Коминтерн во внешней политике Гоминьдана в 1928–1937 гг. / М. С. Гальперин // Исторические, философские, политические и юридические наук, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, – 2011. – № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. – С. 62–69.

3.2.10 Гальперин, М. С. Генералиссимус Чан Кайши и «нанкинское десятилетие» в Китае (конец 1920-х – 1930-е гг.) / М. С. Гальперин // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, – 2014. – № 2. – С. 9–13.

3.2.11 Иванов, В. В. Модернизация и усиление Военно-Морского флота, как фактор стабилизации экономики Японии в 1933–1941 гг. / В. В. Иванов // «Перспективные разработки науки и техники» Вып.8. История. Философия.

Материалы X Международной научно-практической конференции, Пшемысль (Польша), 7–15 ноября 2014 г. – Przemysl: Nauka i Studia, 2014. – С.10–18.

3.2.12 Иванов, В. И. Памяти погибших посвящается / В. И. Иванов // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – №4. – С. 85–90.

3.2.13 Картунова, А. И. Почему В.К. Блюхер поддерживал Чан Кайши. / А.И. Картунова // Военно-исторический журнал, – 1995. – № 5. – С.59–64.

3.2.14 Картунова А. И. Роль Г. В. Чичерина в китайской политике Советской России. / А.И. Картунова // Проблемы Дальнего Востока, – 2014. – №4. – С.77–96.

3.2.15 Ленинская политика Москвы в отношении Китая: сборник статей / отв. ред. М. И. Сладковский – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968. – 256 с.

3.2.16 Мадьяр, Л. И. Современное состояние китайской революции: дискуссия в коммунистической академии / Л. И. Мадьяр – М.: Издательство коммунистической академии, 1929. – 84 с.

3.2.17 Мильбах, В. С. «У высоких берегов Амура…». Пограничные инциденты на реке Амур в 1937–1939 гг. / В. С. Мильбах // Военно-исторический журнал, – 2011. – № 4. – С.38–40.

3.2.18 Мировицкая, Р. А. Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутриполитической стабильности в Китае. / Р. А. Мировицкая // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне: сб. материалов науч. конф., организованной Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом международных исследование МИД КНР. – М.: ИДВ РАН, 2012. С. 18–29.

3.2.19 Мухин, М. Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930–1940-е годы / М. Ю. Мухин // Новая и Новейшая история,– 2004. – №5. – С. 234–236.

3.2.20 Ополев, В. Г. Роль Чан Кайши в советско-китайских отношениях (Вопросы отечественной историографии) / В. Г. Ополев // Омский научный вестник. Сер.: исторические науки, – 2007. – № 4. – С. 31–34.

3.2.21 Против троцкистской оппозиции: сборник статей – М., Ленинград: Московский рабочий, 1927. – 286 с.

3.2.22 Рой, М. Н. Китайская революция и Коммунистический Интернационал: сборник статей и материалов – М., Ленинград: Государственное издательство, 1929. – 208 с.

3.2.23 Сидоров, А. Ю. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) / А. Ю. Сидоров // Проблемы Дальнего Востока, – 2009. – №1. – С. 122–138.

3.2.24 Сотникова, И. Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. / И. Н. Сотникова // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №3. – С. 123–133.

3.2.25 Сунь Ятсен и советско-китайские отношения: новые архивные документы // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 6. – С. 115–117

3.2.26 Чжан Юйсинь Подготовка китайских военных кадров в СССР в 1920-е годы. / Юйсинь Чжан // Военно-исторический журнал. – 2017. – №3. – С.51–56.

3.2.27 Чудодеев Ю. В. Китайская историография о некоторых актуальных проблемах отношений Китая с СССР и постсоветской Россией / Ю. В. Чудодеев // Вестник РУДН, сер. Всеобщая история. 2010. № 4. С. 58–65.

3.2.28 Чудодеев, Ю. В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) / Ю. В. Чудодеев // Проблемы Дальнего Востока. – 1988. – №2. – С. 117–124.

3.2.29 Чудодеев, Ю. В. Советские летчики в Китае / Ю. В. Чудодеев // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – №4. – С. 131–139.

3.2.30 Шевченко, С. И. Боевое применение советской истребительной авиации во второй половине 1930-х годов / С. И. Шевченко // Военно-исторический журнал. – 2010. – №4. – С. 20-24.

3.2.31 Юркевич, А. Г. «Верное ядро Вампу». К 90-летию «партийной военной школы Гоминьдана» / А. Г. Юркевич // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. – С. 122–131.

3.2.32 Юркевич, А. Г. Военная школа Хуанпу в политической стратегии Чан Кайши (1924-1928 гг.) / А. Г. Юркевич // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2014. – №9. – С. 136–143

3.2.33 Юркевич, А. Г. Советская помощь Гоминьдану в 1920-е гг.: к вопросу о критериях оценки / А. Г. Юркевич // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №6. – С. 135–145.

3.2.34 Юркевич, А. Г. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е гг.) / А. Г. Юркевич // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2009. – №3. – С. 41–48.

3.2.35 Юркевич, А. Г. Военная школа Хуанпу и китайская революция / А. Г. Юркевич // Проблемы Дальнего Востока. – 1985. – №3. – С. 112–115.

3.2.36 Ямпольский, В. П. «…не хочешь находиться в тюрьме – изъяви желание сотрудничать с разведкой». Подрывная работа японских спецслужб против Советского Союза / В. П. Ямпольский // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 12. – С. 29–33.

3.2.37 Ямпольский, В. П. Ё. Мацуока: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска» / В. П. Ямпольский // Военно-исторический журнал. –2000. – № 3. – С. 50–55.

3.2.38 Ямпольский, В. П. На границе тучи ходят хмуро. / В. П. Ямпольский // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 12. – С. 44–50.

3.3. Диссертации

3.3.1 Бармин, В. А. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в 1918–1949 гг. : дис. … д. ист. н. / В. А. Бармин. – Барнаул, 2000. – 449 с.

3.3.2 Логинов, М. А. Внешняя политика России по отношению к Китаю (1895–1925 гг.) : дис. … к. ист. н. / М. А. Логинов. – Нижний Новгород, 2010. – 261 с.

3.3.3 Спичак Д. А. История подготовки кадров китайской Компартии и Гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.) : дис. … к. ист. н. / Д. А. Спичак – Москва, 2010. – 261 с.

3.3.4 Черепанов, К. В. Японо-советское соперничество на Дальнем Востоке в 1925–1941 гг. : дис. … к. ист. н. / К. В. Черепанов. – Омск, 2005. – 220 с.

3.3.5 Юркевич, А. Г. Становление системы подготовки военных кадров Гоминьдана (1924 – начало 1926 гг.) : дис. … к. ист. н. / А. Г. Юркевич. – Москва, 2000. – 258 с.

3.4. Литература на иностранном языке

3.4.1. На английском языке

3.4.1.1 An Illustrated History of China’s War of Resistance Against Japan – Beijing: Foreign Languages Press, 1995. – 142 p.

3.4.1.2 Elleman, B. A. Diplomacy and deception: the secret history of Sino-Soviet diplomatic relations, 1917-1927. / B. A. Elleman – New York: RoutledgeTaylor & Francis Group, 2015. – 310 p.

3.4.1.3 Garver, J. W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. / J. W. Garver – New York, Oxford: Oxford University Press, 1988. – 301 p.

3.4.1.4 Howarth, S. Morning glory. A History of the Imperial Japanese Navy. / S. Howarth – London.: Arrow books, 1983. – 398 p.

3.4.1.5 Jowett, P. S. China and Japan at war 1937–1945. Rape photographs from wartime archives. / P. S. Jowett – Barnsley: Pen and Sword Military, 2016. – 266 p.

3.4.1.6 Mitter, R. China's War With Japan, 1937–1945. The Struggle for Survival / R. Mitter – New York: Peopin Group (USA) Inc., 2013. – 457 p.

3.4.1.7 Mitter, R. Forgotten Ally: China's World War II, 1937-1945 / R. Mitter – New York: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2013. – 464 p.

3.4.1.8 Wilbur, C. M. The Nationalist Revolution in China, 1923–1928. / C. M. Wilbur – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 245 p.

3.4.1.9 Brandt, C. Stalin’s Failure in China. / C. Brandt – Cambridge: Harvard University Press, 1958. – 226 p.

3.4.1.10 Deutscher, I. The Prophet Unarmed. Trotsky. 1921 – 1929. / I. Deutscher – Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. – 490 с.

3.4.1.11 North, R. C. Moscow and Chinese Communists. / R. C. North – Standford: Standford University Press, 1953. – 306 p.

3.4.2 На китайском языке

3.4.2.1 艾虹，李延龄。试析抗战初期苏联对华政策之于国民党的影响 (Ай Хонг, Ли Яньлин. Анализ влияния Советского Союза на политику Гоминьдана в первые годы антияпонской войны) // Шехуэй кэсюэ чжаньсянь. – 2010. – №4. – С. 239–241. // URL: https://www.doc88.com/p-9009713483575.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.2 汪沛。苏俄因素影响下的陈独秀与国民党关系再考察 (Ван Пэй. Пересмотр отношений между Чэнь Дусю и Гоминьданом под влиянием Советской России) // Аньцин шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). – 2017. – Вып. 36. – № 6. – С. 80–86. // URL: https://www.doc88.com/p-0029125898020.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.3 刘世力。鲍罗廷与中国革命 (Лю Шили. Бородин и китайская революция) // Синьсян шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао. – 1999. – Вып. 13. – №2. – С. 57–59. // URL: https://www.doc88.com/p-7045219575501.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.4 薛德枢。评抗战前期苏联对中国抗战的双重态度 (Сюэ Дэшу. Обзор двойственного отношения Советского Союза к антияпонской войне Китая в начальный период войны) // Journal of teachers college Qingdao university. – 1997. – Вып. 14. – № 4. – С. 63–65. // URL: https://www.doc88.com/p-4939684012114.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.5 吴长绪。浅析抗日战争期间国民党政府与苏联关系恶化的原因 (У Чжансюй. Анализ причин ухудшения отношений между правительством Гоминьдана и СССР в период японо-китайской войны) // Шаньси дасюэ шифань сюэюань сюэбао (Чжэсюэ шехуэй кэсюэ бань). – 1997. – №4 (40). – С. 22. // URL: https://www.doc88.com/p-7972827975634.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.6 张贺。抗战初期苏联对华军事援助述评 (Чжан Хэ. Обзор советской военной помощи Китаю на раннем этапе японо-китайской войны) // Гэнюнь лу:

Цзилинь шэн боуюань сюэшу вэньцзи 2012–2013. – С. 188–190. // URL: https://www.doc88.com/p-7788295083490.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.7 周茶仙，李兰芳。试论苏联对华政策对中国抗战的影响 (Чжоу Часянь, Ли Ланьфан. О влиянии политики Советского Союза в отношении Китая на войну сопротивления японской агрессии) // Шанжао ши чжуань сюэбао. – 1997. – Вып. 17. – №2. – С. 75–79. // URL: https://www.doc88.com/p-9002356726881.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.8 骆晓会。苏联因素与国民党政治体制的形成和发展 (Ло Сяохуэй. Советский фактор и становление и развитие политической системы Гоминьдана) // Лин лин сюэюань сюэбао. – 2004. – Вып. 25. – № 1. – С. 86–90. // URL: https://www.doc88.com/p-9933585115341.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.4.2.9 周泓。盛世才及国民党统治时期新疆对苏联的贸易关系 (Чжоу Хун. Шэн Шицай и торговые отношения между Синьцзяном и СССР в период правления Гоминьдана) // Синьань миньцзу дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэ кэ бань) – 2004. – Вып. 25. – № 12. – С. 253–259. // URL: https://www.doc88.com/p-1058609734053.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.5. Энциклопедии, справочники

3.5.1 Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4 Историческая мысль. Политическая и правовая культура. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: «Восточная литература» РАН, 2009. – 935 с.: ил.

3.5.2 Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 14 Таанах – Фелео / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973. –1040 столб. с илл. и карт.

3.5.3 Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 5 Двинск – Индонезия / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1964. – 960 столб. с илл. и карт.

3.5.4 Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 7 Каракеев – Кошакер / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1965. – 1022 столб. с илл. и карт.

3.5.5 Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 12 Репарации – Славяне / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1969. – 976 столб. с илл. и карт.

3.6. Электронные ресурсы

3.6.1 Волкова, И. В. Причины ограниченного характера поставок советской бронетехники Китаю в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. / И. В. Волкова // Амурский научный вестник – 2015. – №3. – С. 5–12. // URL: http://www.amgpgu.ru/activity/scinsce/library/sborstat/1798/7264692/?id=0 (дата обращения 20.11.2019)

3.6.2 Волкова, И. В. Деятельность японских спецслужб на Дальнем Востоке СССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг. / И. В. Волкова // Амурский научный вестник – 2016. – №2 – С. 36–46. // URL: http://www.amgpgu.ru /activity/scinsce/library/sborstat/1798/7707433/?id=4 (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.3 Горбачев, Б. Н. Москва и Пекин: плечо к плечу в кровавых битвах / Б. Н. Горбачев // Независимое военное обозрение – 2011. – 30 сентября. – Электронная версия-приложение «Независимой газеты». // URL: http://nvo.ng.ru/history/2011-09-30/14_china.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.4 Демин, А. А. Советские истребители в небе Китая (1937 – начало 1940-х гг.) / А. А. Демин // Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра. 2000. № 9. С. 11–14; № 10. С. 9–13; № 11. С. 4–8; № 12. С. 25–28; 2001. № 1. С. 13–16; № 2. С. 7–11. // URL: http://coollib.com/a/53330 (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.5 Иванов, В. В. Советские летчики-добровольцы против военно-морского флота Японии в период японо-китайской войны 1930-е гг. / В. В. Иванов // Современные проблемы науки и образования – 2015. – №2–3 // URL: https:// www.science-education.ru/ru/article/view?id=23624 (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.6 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.7 Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / Е. Г. Капустян [и др.]; отв. ред. А. Д. Богатуров – М.: МОНФ, 1998. // URL: http://militera.lib.ru /research/bogaturov/index.html (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.8 Нех, В. Ф. Специальная операция НКВД в Синьцзяне / В. Ф. Нэх // URL: http://uighur.narod.ru/History/spets_operatsiya.html (Дата обращения 20.11.2019)

3.6.9 Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь. / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М. 1999. – 479 с. // URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.10 Системная история международных отношений: в 4 т. Т. 1: События 1918–1945 гг. / Под. ред. Д. А. Боготурова. – М.: «Московский рабочий», 2000. – 510 с. // URL: http://www.obraforum.ru/lib/book1 (дата обращения: 20.11.2019)

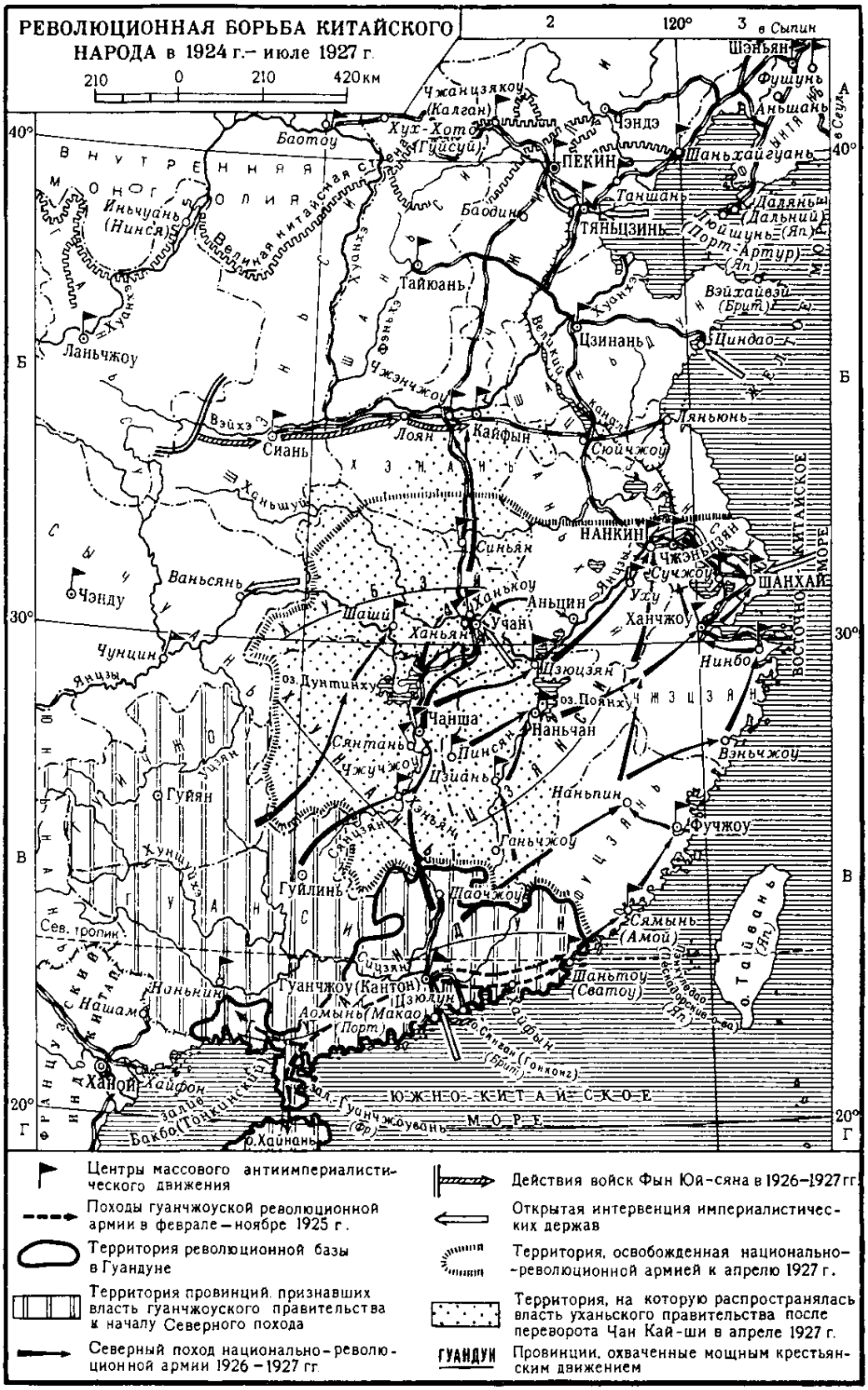
3.6.11 Словарь по политологии / отв. ред. В.Н. Коновалов. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. – 285 с. // URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/politology/ (дата обращения: 20.11.2019)

3.6.12 Устав Лиги Наций // URL: http://doc20vek.ru/node/451 (дата обращения: 20.11.2019)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

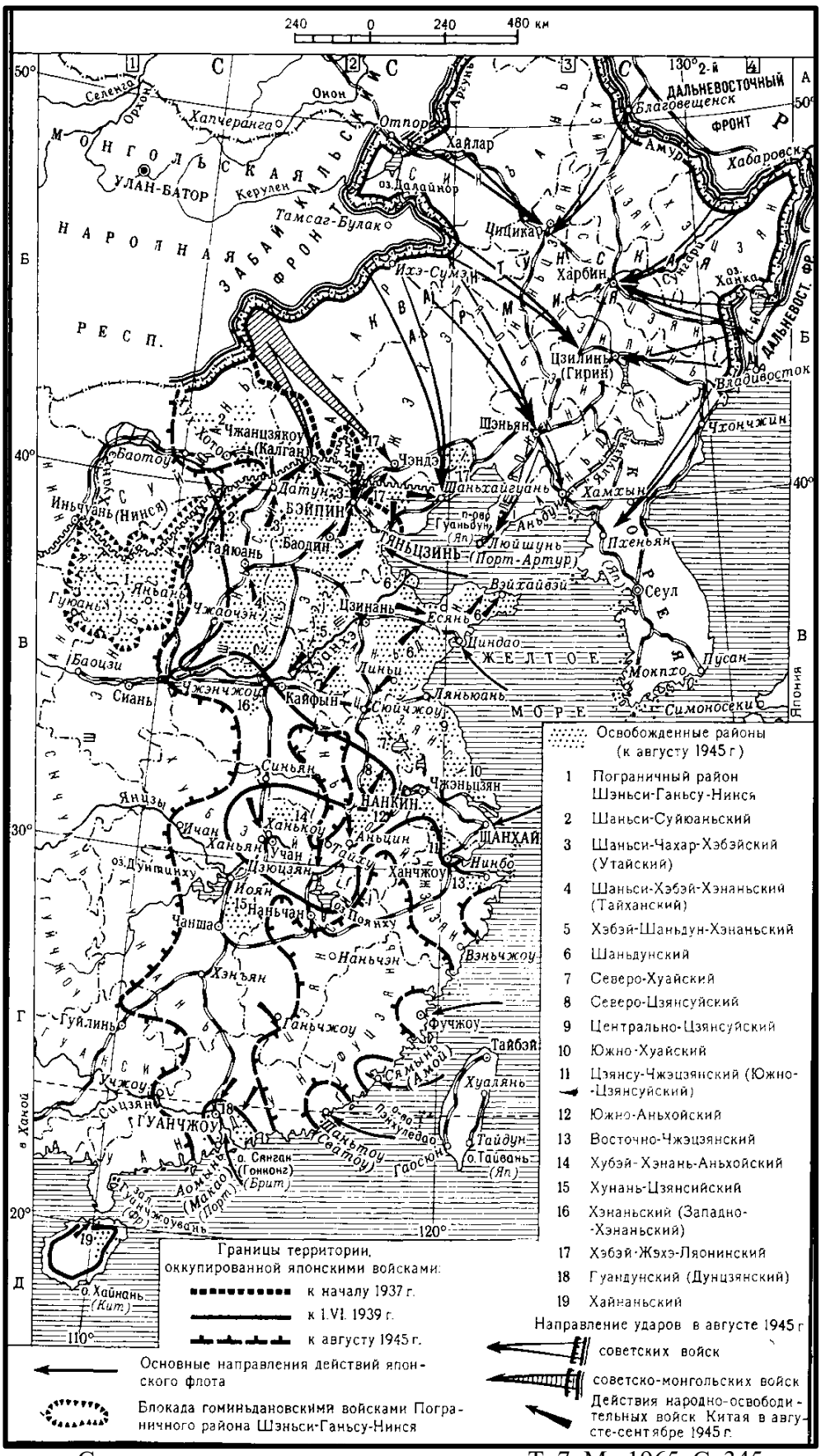
Карта 1. **Северный поход Национально-революционной армии Китая 1926–1927 гг.**



Приводится по: Советская историческая энциклопедия. Т. 7 : Каракеев–Кошакер. М., 1965. С. 33.

Приложение 2

Карта 2. **Японо-китайская война. 1937–1945 гг.**



Приводится по: Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 345.

Приложение 3

Подборка материалов, опубликованных газетой «Сталинский Комсомольск» о событиях в Китайской Республике

Военные действия в Китае

В центральном Китае.

В ночь на 8 июля в районе восточнее Хукоу произошел самый крупный бой за все время операции на реке Янцзы. В результате боя японцы потеряли около одной тысячи солдат. Захвачено у японцев 10 моторных катеров и много противогазов.

8 июля, как об этом уже сообщалось, китайские самолеты совершили ряд успешных налетов на японские позиции. Ханькоуский корреспондент Рейтер сообщает, что в результате бомбардировки японского аэродрома в Аньцине было уничтожено 50 японских самолетов. При налете на аэродром в Уху китайская авиация причинила значительный ущерб японцам. Китайская авиация подвергла бомбардировке скопление японских военных кораблей около Аньцина. В результате бомбардировки, 5 военных кораблей серьезно повреждены.

Сбитый японский самолет в районе Индэ (севернее Кантона) 7 июля был найден. Японский летчик Яно взят в плен.

В Северном Китае.

В северной части провинции Хэнань японские войска, численностью в две тысячи человек, ведут атаки на Цзиюань. В этот район китайское командование направило крупные подкрепления. Все атаки японцев были отбиты.

В юго-западной части провинции Шаньси 7 июля китайские войска снова захватили Вэньси.

В юго-восточной части Шаньси 8 тысяч японцев быстро подвигаются из Цзэчжеу на запад. 9 июля японцы взяли Янчэн. Японское наступление от Линфына на запад приостановлено.

Действия китайской авиации.

8 июля китайская авиация произвела два налета на японские аэродромы в Уху и Аньцине. Уничтожено много японских самолетов. 3 раза китайские самолеты бомбардировали японские корабли на реке Янцзы. Один японский корабль потоплен у Аньцина. На двух судах в Матана вспыхнул пожар.

Налеты японской авиации.

7 июля 17 японских самолетов совершили налет на Кантон – Ханькоускую железную дорогу. Около Индэ (севернее Кантона) китайцами сбит один японский самолет.

В тот же день японская авиация совершила налет на Фучжоу (провинция Фуцзянь), сбросив 70 бомб. Убито и ранено 30 человек, разрушено 60 домов.

// Сталинский Комсомольск. – № 159 от 14 июля 1938 г.

Чан Кай-ши об итогах первого года японо-китайской войны

ХАНЬКОУ, 7 июля. В интервью с корреспондентом ТАСС председатель военного совета Китая Чан Кай-ши дал оценку нынешнего положения Китая после года войны с Японией.

«За год войны, – говорит Чан Кай-ши, – мы потеряли свыше 500 тысяч китайских бойцов убитыми и ранеными. В оккупированных районах наши братья подвергаются издевательствам и пыткам. Подорвана экономика страны, многие культурные учреждения разрушены неприятельской армией. Тем не менее единство Китая крепнет изо дня в день… Вместе с тем увеличивается и гарантия победы китайского народа. Чтобы гарантировать победу Китай должен мобилизовать еще большие человеческие и материальные ресурсы. Необходимо также укрепить нашу государственность. Китай должен получить поддержку в своей борьбе со стороны других стран. Китайский народ ведет борьбу за свою собственную независимость и существование. Одновременно эта борьба служит целям защиты мира и справедливости во всем мире.

Помощь всех дружественных держав освободительной войне Китая является по существу выполнением их долга в отношении международного мира и международных договоров. С самого начала войны симпатии и помощь Китаю, оказываемые народам СССР и других дружественных держав, воодушевляют китайскую армию и китайский народ. Чтобы пресечь безумные агрессивные действия Японии, все дружественные державы мира, выступающие против агрессии, все государства – члены Лиги Наций – должны сделать еще более далеко идущие конкретные заявления. Таким путем можно будет добиться успеха в китайской освободительной войне и укрепить мир во всем мире…».

// Сталинский Комсомольск. – № 156 от 10 июля 1938 г.

Участие Компартии Китая в национально-политическом совете

ХАНЬКОУ, 7 июля. Газета «Сильхуажибао» опубликовало письмо членов национально-политического совета представителей коммунистической партии Китая Мао Цзе-дуна, Ванмина, Цзин-Нань-сяня, Линь Цзу-ханя, Ую-Чэна, Дун Би-у, и Ден Ин-чао.

В письме говорится: «Мы, семь членов компартии утверждены членами национально-политического совета. Центральный комитет китайской коммунистической партии разрешил нам принять назначение правительства. Создание национально-политического совета во время освободительной войны показывает, что политическая жизнь в Китае идет вперед по пути демократии, что единый фронт партии и народа все больше развивается.

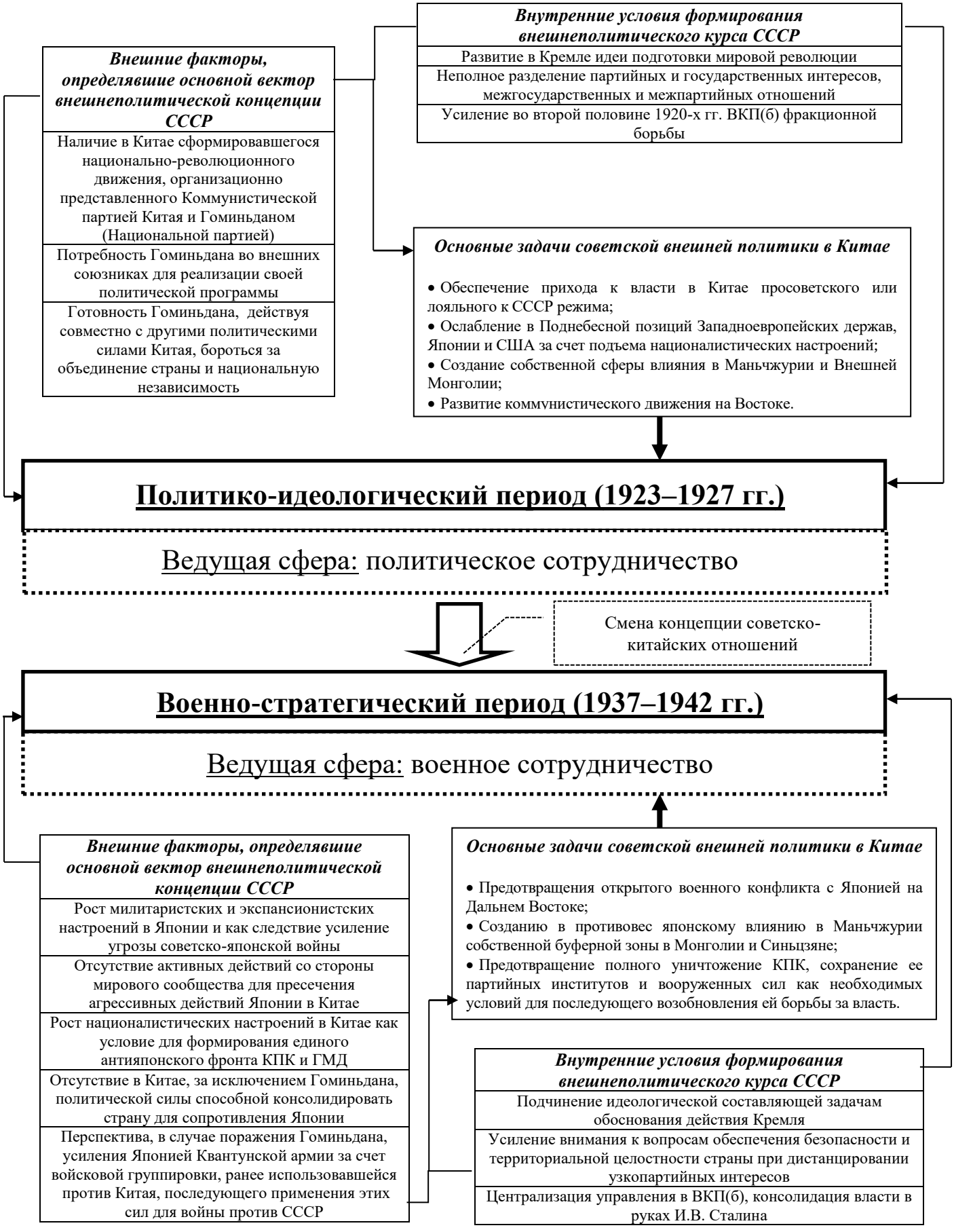
Коммунистическая партия Китая принимает участие в совете с целью сотрудничества с Гоминданом и другими партиями, группировками для проведения в жизнь конкретных предложений и мер, направленных к достижению окончательной победы в национально-освободительной войне. Представители коммунистической партии сотрудничают с другими партиями, группировками для того, чтобы нанести поражение японским захватчикам и создать фундамент независимого, свободного и «счастливого Китая».

В заключение в письме говорится: «Коммунисты, члены совета не складывают с себя ответственности под тем предлогом, что члены совета не являются выбранными от народа.Мы глубоко понимаем, что с члены совета являются слугами народа, поэтому мы будем решительно бороться за реализацию желаний, надежд и требований китайского народа. Усиление национального единства, изгнание японских оккупантов из Китая является требованием всего народа».

// Сталинский Комсомольск. – № 156 от 10 июля 1938 г.

Приложение 4

Схема 1. **Схема трансформации военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана в 1923–1942 гг.**



Приложение 5

Перечень вопросов рекомендуемых мандатной комиссии

1. Почему хотите поступить в школу?
2. Кто главные враги Китая?
3. Чем можно помочь китайскому народу?
4. Какая разница между империалистами и милитаристами?
5. Для чего нужна НРА и чем она отличается от армий милитаристов?
6. Кто такие Чжан-Цзо-лин и У-Пей-фу?
7. В чем основа учения д-ра Суна?
8. Отношение Гоминьдана к крестьянству.
9. Три принципа д-ра Суна.
10. Кто такой Ленин?
11. Какой род войск больше любите?
12. Задачи офицеров и политработников НРА.
13. Чем разнится политика нашего правительства от политики Чжан-Цзо-лина?
14. Зачем существуют рабочие союзы?
15. Почему была объявлена забастовка, ее задачи и цели?
16. Что такое Гонконг, кто там находится у власти?
17. Основные этапы китайской революции.
18. Какие провинции окружают Гуандун?
19. Какие главные города в Китае?
20. Какие реки главные и какие моря окружают Китай?
21. Почему в Китае несколько наречий?
22. Сколько населения в Китае?
23. Где столица Китая?
24. Какие страны, кроме Китая, Вам известны?
25. Какая страна самая враждебная и какая самая дружественная?
26. Чем по преимуществу занимаются жители Гуандуна?
27. Почему иностранный капитал стремится проникнуть в Китай?
28. Есть ли разница в учении Конфуция и Суна и в чем?
29. Для чего в армии нужна политработа?
30. Зачем нужна экспедиция на север?
31. Можно ли нацревдвижение победить без поддержки мировой революции?
32. Кто ведет основную борьбу за мировую революцию?
33. Какая основная сила нацревдвижения?
34. Роль крестьянства в нацревдвижении.
35. Можно ли победить нацревдвижение без участия крестьянства и почему?
36. Кому крестьяне платят налоги и какие?

РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 23. Л. 73-74.

Приложение 6

Программа занятий с офицерами НРА

1. Что такое империализм?
2. История проникновения империалистов в Китай в XIX в.
3. История проникновения империалистов в Китай в XX в.
4. Что такое экстерриториальность, концессии, смешанные суды?
5. Что такое тарифная автономия?
6. На кого опирается Чжан-Цзо-лин. Его сила. История его возвышения.
7. У Пэй-фу. История его возвышения.
8. Военно-политический очерк войны между Чжан-Цзо-лином и УПэй-фу в 1920 г.
9. Военно-политический очерк войны между Чжан-Цзо-лином и УПэй-фу в 1924 году.
10. Война Сун-Чжуанстина и Чжан-Цзо-лина в 1925 г. Военно-политический очерк.
11. Коалиция УПэй-фу и Чжан-Цзо-лина.
12. Война с Ченцзюнлином в 1925 году /первая/.
13. Война с Ченцзюнлином в 1925 году /вторая/.
14. Восстание Яншицина и Лоучоувана.
15. Разгром Денбенчина.
16. Организация Нац.Рев.Армии.
17. Значение политработы в армии.
18. Военно-политические задачи Нац.Рев.Армии.
19. Как организовано Нац.Рев.Пр-во.
20. Как организовано Провинциальное Правительство.

РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 23. Л. 84.

Приложение 7

Списочный состав группы советских военно-политических советников в Кантоне*

1. **Рогачев Виктор Павлович.** Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. Работает в качестве начальника Военного отдела (русск.), начальника Главного штаба и находится на фронте советником при главкоме Восточного фронта.
2. **Терешатов Николай Илларионович.** Прибыл в Китай в июне 1923 г., в Кантон – в январе 1924 г. Работает в качестве советника при оперативно разведывательном управлении китайского Главного штаба, начальник управления Военным отделом (русск.) и заместитель начальника Военного отдела.
3. **Герман Иван Антонович**. Прибыл в Китай в июне 1923 г., в Кантон – в октябре 1923 г. Работает: консул и заведующий финансовой частью.
4. **Черепанов Александр Иванович**. Прибыл в Китай в июне 1923 г, в Кантон – в январе 1924 г. Работает в качестве старшего советника при частях Вампу.
5. **Мацейлик Федор Георгиевич**. Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. Работает в качестве советника при командире 3-го корпуса, советник начальника гарнизона г. Кантона и советник при административном управлении Главного штаба (кит.).
6. **Зильберт Иосиф Исаевич**. Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. Работал советником при ген. ТанИкае. Уехал в отпуск по болезни.
7. **Бесчастнов Тимофей Андреевич**. Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. Работает советником по артиллерии при 4-ом корпусе (для выполнения специальной задачи).
8. **Гилев Геннадий Иванович**. Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. В настоящее время состоит советником по артиллерии при Главной Квартире на Восточном фронте.
9. **Мамаев Иван Кириллович**. Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. В настоящее время замещает тов. Шнайдера, советника при ПУРе НРА.
10. **Полло Иоган Генрихович**. Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. работает в качестве старшего советника при 1-ой дивизии, 1-го корпуса.
11. **Чубарева Елена Ивановна (Наст. фамилия Флерова Мария Филипповна).** Прибыла в Кантон в июле 1924 г. Работает в качестве заведующего разведкой Военного отдела и заместителя начальника Управления Военного отдела. В настоящее время находится в отпуску по болезни.
12. **Нилов Николай Семенович (Наст. фамилия Сахновский Рафаил Натанович).** Прибыл в Кантон в июне 1924 г. работает в качестве советник при 4-м корпусе.
13. **Шалфеев Сергей Ильич (Наст. фамилия Воробьев).** Прибыл в Кантон в июне 1924 г. Работает в начале операции на Восточном фронте, на бронепоезде.
14. **Светловский Петр Иванович (Наст. фамилия Смирнов).** Прибыл в Кантон в октябре 1924 г. Работает в качестве начальника Морского бюро при Военном Совете (кит.).
15. **Дратвин Михаил Иванович.** Прибыл в Кантон в ноябре 1924 г. работает в качестве начальника связи НРА. В настоящее время находится вотпуску в г. Владивостоке по болезни.
16. **Яковлев Евгений Андреевич.** Прибыл в Кантон в ноябре 1924 г. Работает в качестве советника по инженерному делу при Главной Квартире Восточного фронта.

17. **Шнейдер Семен Ксаевич.** Прибыл в Кантон в декабре 1924 г. Работает в качестве советника при ПУРе. В настоящее время находится на Восточном фронте – в качестве советника по политической части при Главной Квартире.
18. **Коми Владимир (наст. фамилия Панюков).** Прибыл в Кантон в июне 1925 г. Работает в качестве советника при 3-й дивизии, 1-го корпуса.
19. **Терещенко Ефим (наст. фамилия Тесленко).** Прибыл в Кантон в июне 1925 г. Работает в качестве советника отдельной дивизии ген. У Тисина.
20. **Прибылев Николай (наст. фамилия Иквалдин).** Прибыл в Кантон в июле 1925 г. Работает в качестве советника 2-ой дивизии, 1-го корпуса.
21. **Зебровский Иосиф Яковлевич (наст. фамилия Зенек).** Прибыл в Кантон в июле 1925 г. Работает в качестве старшего советника 2-го корпуса.
22. **Корников Александр Георгиевич (наст. фамилия Лунев).** Прибыл в Кантон в августе 1925 г. Работает в качестве советника 2-го корпуса.
23. **Хелюткин Николай Иванович (наст. фамилия Кончиц).** Прибыл в Кантон в августе 1925 г. работает в качестве советника 1-й дивизии, 1-го корпуса.
24. **Орлов Николай Иванович (наст. фамилия Соколов).** Прибыл в Кантон в августе 1925 г. Работает в качестве заведующего госпиталем (русск.).
25. **Терешатова Анеля Александровна.** Советник при военно-санитарной инспекции Главного штаба и врач при русском госпитале.

***** Примерная дата документа ноябрь – декабрь 1925 г. – прим. *И.В.*

Составлено автором по:
РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 90. Л. 45-47.

Приложение 8

Таблица 1. **Списочный состав Калганской группы советских военных советников** по состоянию на январь 1926 г.**

Ф.И.О.	Занимаемая должность в Китае	Псевдонимы
Примаков Виталий Маркович	Руководитель группы	Лин, Ордынец
Дрейцер Ефим Алексеевич	Советник пехоты	Будкевич, Хенкель
Петкевич Николай Юльянович	Ст. советник по артиллерии	Юровский, Дюфрен
Чекин Сергей Алексеевич	Ст. советник по инженерному делу	Сергеев
Зюк Михаил Осипович	Ст. советник по коннице	Сигалов, Броде
Берзин Рейнголь Петрович	Инструктор пехоты	Озол, Винтер
Львов Владимир Николаевич	Советник по пехоте	Янушев, Краузе
Дашкевич Владимир Григорьевич	? (так в тексте – И.В.)	Дианокий
Черников Алексей Никифорович	Советник по пехоте	Серовский
Аргентов Александр Александрович	Инструктор артиллерии	Архипов, Марино
Довгаль	Начальник артдив. (так в тексте – И.В.)	Востоков, Балк
Успенский Иван Васильевич	Адъютант	Воинов, Славек
Лобанов Иван Цасильвич	Вр. советник кавалерии (так в тексте – И.В.)	Курбатов, Соловьев
Кузмичев Борис Иванович	Адъютант начальника группы	Мишин, Вен
Заватинский Александр Иванович	Инструктор связи	Фроленко
Жилин Борис Алексеевич	Инструктор по инженерии	Юнг
Клязьмин Иван Васильевич	Инструктор по пулеметному делу	Вязьмин
Черныш Григорий Григорьевич	Инструктор по пулеметному делу	Дмитриев, Борольский
Рогов Нил Тимофеевич	Начальник административно-хозяйственного отдела	Ильин, Лодзинский

Таблица 1 (окончание)

Миронов Алексей Петрович	Командир бронепоезда	Вихрев
Калиновский Константин Брониславович	Начальник оперативного отдела. Советник по бронеделу (так в тексте – И.В.)	Кленов, Корде
Канеев Иван Никитич	Наштагруппы (так в тексте – И.В.)	Фомицкий, Андерс
Варанов Петр Феодорович	Арттехник	Михайлов, Вилклиш
Сальников Василий Васильевич	Инструктор стр. дела (так в тексте – И.В.)	Лященко
Эммануилов Дмитрий Иванович	Топограф	Ганкин, Галини
Нефедов Михаил Александрович	Помощник по политической части	Павлов, Флинт
Ван Фу	Инструктор кавалерии	–

** Инструкторов – 28 чел., технических работников – 11 чел., не значатся убывшие из группы за предыдущий год – 10 чел.

Составлено автором по:
РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 179. Л. 1-3.

Приложение 9

Таблица 2. **Списочный состав Кайфынской группы советских военных советников*** по состоянию на январь 1926 г.**

Ф.И.О.	Занимаемая должность в Китае	Псевдонимы
Скалов Георгий Борисович	Руководитель группы	Михайлов, Синани
Радкевич	Инженер	–
Захаров Александр Николаевич	Старший советник при Ден Баошане	–
Махочкеев Николай Михайлович	Помощник советника при Ден Баошане	–
Бородин Тимофей Семенович	Ст. советник по артиллерии	Корельский, Булин
Тонких	Помощник начальника штаба	Тонкой
Никитин Михаил Николаевич	Помощник начальника группы по военной части	Си Лин
Калянин Алексей Павлович	Помощник советника по пехотному делу	Волин
Скалунов Яков Гаврилович	Инструктор по стр. делу (так в тексте – И.В.)	Смолин
Рудаков Петр Диминикович	Инструктор по пулеметному делу	Кей
Преображенский Дмитрий Владимирович	Инструктор по хим. делу (так в тексте – И.В.)	Иванов
Вакулин Алексей Венедиктович	Помощник начальника по политической части	Буров
Чекалев Николай Константинович	Доктор (так в тексте – И.В.)	Зверев
Шелавин	Советник по артиллерии	Руднев
Валин	Инженер	–
Васин	Инженер	–

*** Инструкторов – 16 чел., технических работников – 7 чел., не значатся убывшие из группы – 29 чел.

Составлено автором по:
РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 179. Л. 5-6.

Приложение 10

Таблица 3. **Численность преподавательского состава и курсантов Центральной военно-политической школы**

Категория	Численность
Курсанты (по отделениям)	
Пехотное отделение	1 762 чел. (из них в офицерском классе – 838 чел., в унтер-офицерском классе – 924 чел.)
Артиллерийское отделение	143 чел.
Отделение снабжения	140 чел.
Техническое отделение	147 чел.
ИТОГО:	2 640 чел. (из них 280 чел. – коммунисты)
Преподавательский состав (по преподаваемым дисциплинам)	
Стрелковое дело и тактика	32 чел.
Артиллерия	5 чел.
Топография	10 чел.
Снабжение	3 чел.
Инженерное дело	3 чел.
Физкультура	2 чел.
Политические дисциплины	11 чел.
ИТОГО:	56 чел.

Составлено автором по:
РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 23. Л. 56-57.

Приложение 11

Проект организации школы контрразведывательной и разведывательной службы в Кантоне

1. Задача школы – выпустить подготовленных теоретически руководителей контрразведывательных и разведывательных групп, а также рядовых агентов и уполномоченных.
2. В связи с этим курс школы должен быть разбит на 2 факультета: контрразведывательный и разведывательный
3. Состав школы набирается из хорошо проверенных людей: студентов, младшего и среднего комсостава, членов профсоюзов, крестьянских организаций, забастовщиков и др. организаций.
4. Часть слушателей должна быть подобрана по признаку наречи (так в тексте – И.В.) для работы в округах Гуандуна
5. Слушатели считаются состоящими на военной службе и в полном распоряжении школы
6. Слушатели комплектуются из расчета выпустить:
   На армию и флот – 15 чел.
   На 6 округов по 4 чел – 24.
   На Кантон и границы – 9.
   Всего по контрразведывательному отделению – 48 чел.
   По разведывательному отд. 12 чел.
   Всего должно быть собрано 60 чел.
7. Курс трехмесячный из расчета 8 рабочих часов в день, не считая строевой подготовки, всего 624 часов /астрономических/.
8. Преподавание основано на практических занятиях и семинариях. Лекции, как руководящие и по тем предметам, где нельзя вести семинариев.
9. Для семинариев и практических занятий делятся на 5 групп по 12 чел.
10. Предметы должны делиться на:
    Обязательные для всей школы;
    Обязательные для отделений.
11. Примерное распределение часов по предметам

Таблица 1

Предметы	Лекции, семинарии	Практические занятия	Всего
Курс политических предметов: политграмота, политпартии и политзадачи	100	–	100
Элементы военного дела: оружие, стрельба, подрывное дело	20	30	50
Элементы гражданского управления. Функции, задачи разных органов	14	–	14
Основы секретной работы. Правила конспирации. Основы разведки и контр-разведки	4	–	4
Организация	4	–	4
Основы информационной службы	15	15	30
Тайнопись	10	10	20
Всего	167	55	222

Таблица 1 (окончание)

Отделение разведки			
Военное дело и войсковая разведка	64	50	114
Агентурная разведка	85	25	110
Информация	30	30	60
Организация	6	–	6
Конт-разведка	20	30	50
Противник	40	–	40
Запасные часы	–	–	22
Всего по отделению	245	135	402
Отделение контрразведки			
Служба охраны контр-разведка	4	–	4
Наружное наблюдение	45	70	115
Информация	30	30	60
Осведомление	58	33	91
Бандитизм	20	–	20
Вспомогательные службы	10	10	20
Официальные службы	30	–	30
История действий наших врагов в Гуандуне	20	–	20
Разведка	20	–	20
Запасные часы	–	–	22
Всего по отд.	237	143	402

12. Каждый слушатель должен будет изучать один из европейских языков, причем предпочтение будет отдаваться русскому, затем английскому и французскому языкам. Примерно будет 6 групп по 10 чел.: 3 – русского, 2 – группы английского и 1 группа – французского языка.
13. Слушатели будут вести самообслуживающую политработу работу по нашему плану.
14. Занятия языком и политработа идут вне часов программы.
15. При приеме слушатели проходят испытательную комиссию:

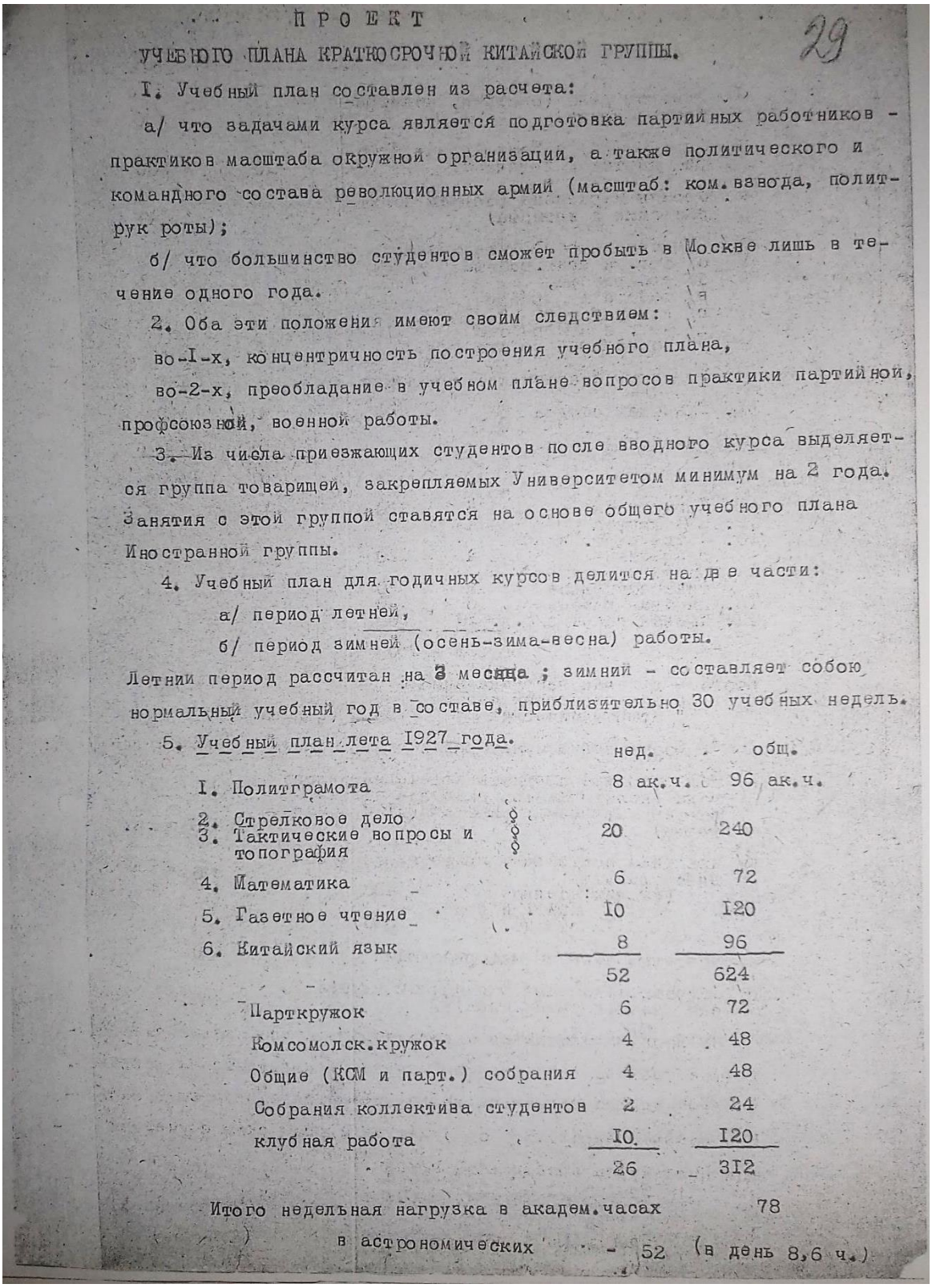
Их политические взгляды.
Образование на китайском языке.
Знание европейских языков.
Память и сообразительность.

16. При окончании слушатели аттестуются.

РГАСПИ. Ф.627. Оп.1. Д.19. Л.19-22.

Приложение 12

Проект учебного плана краткосрочной китайской группы



ПРОЕКТ

УЧЕБНОГО ПЛАНА КРАТКОСРОЧНОЙ КИТАЙСКОЙ ГРУППЫ. 29

I. Учебный план составлен из расчета:

а/ что задачами курса является подготовка партийных работников - практиков масштаба окружной организации, а также политического и командного состава революционных армий (масштаб: ком. взвода, политрук роты);

б/ что большинство студентов сможет пробыть в Москве лишь в течение одного года.

2. Оба эти положения имеют своим следствием:

во-I-х, концентричность построения учебного плана,

во-2-х, преобладание в учебном плане вопросов практики партийной, профсоюзной, военной работы.

3. Из числа приезжающих студентов после вводного курса выделяется группа товарищей, закрепляемых Университетом минимум на 2 года. Занятия с этой группой ставятся на основе общего учебного плана Иностранной группы.

4. Учебный план для годичных курсов делится на две части:

а/ период летней,

б/ период зимней (осень-зима-весна) работы.

Летний период рассчитан на 3 месяца; зимний - составляет собою нормальный учебный год в составе, приблизительно 30 учебных недель.

5. Учебный план лета 1927 года.

	нед.	общ.
I. Политграмота	8 ак.ч.	96 ак.ч.
2. Стрелковое дело 3. Тактические вопросы и топография	20	240
4. Математика	6	72
5. Газетное чтение	I0	I20
6. Китайский язык	8	96
	52	624
Парткружок	6	72
Комсомолск. кружок	4	48
Общие (КСМ и парт.) собрания	4	48
Собрания коллектива студентов	2	24
клубная работа	I0	I20
	26	312

Итого недельная нагрузка в академ. часах 78

в астрономических - 52 (в день 8,6 ч.)

Рис. 1. Проект учебного плана краткосрочной китайской группы. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 278. Л. 29.

6. Учебный план осени, зимы и весны (1927/28 уч.г.)

	нагрузка нед.	годичн. (из расчета 30 недель)
I. Военное дело (тактика, политработа в армии)	8	240
2. Опыт ВКП(б) и Коминтерна (история партии и ленинизм)	I0	300
3. Основы марксизма (основы политэкономии и истмата)	8	240
4. Практика партстроительства: а/ орг. и агит. работа б/ профработа, в/ работа в деревне г/ сов. работа д/ жен. и КСМ работа е/ подпольная работа	I2	360
5. Основные вопросы кит. революции	8	240
6. Газетная сводка	4	I20
7. Китайский язык	6	I80
	56	I680

8. Парткружок	6	I80
9. КСМ кружок	4	I20
I0. Общие парт. и КСМ собрания	4	I20
II. Собрания коллектива студентов	2	60
I2. клубная работа	6	I80
I3. чтения газет и т.д.	I0	300
	32	960

Итого недельная нагрузка зимой:
в академических часах - 88
" астрономических "" - 58,6 (в день 9,8)

7. Соотношение между различными отраслями учебной нагрузки:

а/ общественные предметы в течение одного года /политграмота, газетное чтение, основы марксизма, опыт ВКП(б) и Коминтерна) - 876 ак.ч.

б/ практика партийной, профсоюзной и военной работы - 840 " "
(из них: военной - 480
парт. и проф. строит.) - 360)

в/ основные вопросы кит. революции - 240

г/ Общеобразовательные предметы (китайский язык и математика) - 344.

8. После прохождения одногодичного курса большинство студентов уезжает в Китай. Для меньшинства ставится П концентр. Учебный план П концентра не определяется полностью в настоящий момент. Вероятно, он будет во многом схож с учебным планом П-го курса Иностранной группы.

ПРОРЕКТОР УЧЕБНОЙ ЧАСТИ (Покровский)

зав.д.Ингруппы

Рис. 2. Проект учебного плана краткосрочной китайской группы. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 278. Л. 29об.

Приложение 13

Справки о количестве военного снаряжения, оружия и боеприпасов, поставленного СССР в Китай к середине февраля 1926 г.

Справка о количестве различного рода вооружения и снаряжения, переданного Ф.
составлена на основании материалов,
имевшихся в деле № 3 к 10 февр. 1926 г. (так в тексте – прим. *И.В.*)

Орудий полевых – 24
Снарядов – 22692 /из них гранат примерно на 1000 шт. больше чем шрапнели/
Пулеметов «Максима» – 90
Винтовок – 26790 /из них 4000 японских и 22790 русских/
Руж. патронов – 22431471 /из них 19931771 рус., 2000600 герм., 499100 яп./
Артил. амуниции – 48 комплектов
Бомбометов/минометов – 10
Выстрелов к ним – 1000
Ручных гранат «Мильса» – 10000
Штыков – 21 928
Панорамных прицелов для полевой артиллерии – 18
Банников для полевой артиллерии – 18
Чехлов для полевой артиллерии – 96
Ящиков для чехлов – 30 и 24 к ним принадлежност.
Мелких частей для полевых орудий – 11 ящиков
Машинок для набивки пулеметных лент – 9
Мешков для пулеметных патронов – 900
Ящиков для патронов механич. винт. – 900
Стволов/запасных для механич. винт – 80
Запасных боевых личинок для механич. винт. – 40
Чехлов для передней и задней части мех.винтовок – 90
Ремней для ружей – 4 890
Кавалерийских седел – 134
Ящиков больших кожаных – 35
Пик – 599 / из них 397 дер. и 202 железн. /
Кавалерийских сабель – 1000

Справка о количестве разного рода вооружения и снаряжения, переданного во 2-ю Н.А.

Винтовок – 3000
Винт.патрон – 3000000 Данные от 14/11 – 1925
По другим данным от января 1926 г. отпущено лишь:
Винтовок – 1500
Винт. патрон – 900600

Справка о количестве разного рода вооружения и снаряжения, переданного Пекинской Коммунистической Организации

Патрон винтовочных:
Германских – 500000
Японских – 1000000

Справка о количестве разного рода вооружения и снаряжения, переданного Кантону

Винтовок – 4500
Винт.патрон – 5000000
Пулеметов – 50
Ручных гранат – 9000
Сведения по видимому устарелые.

Подпись – КОРДЭ

РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

Приложение 14

Выдержка из доклада начальника Южнокитайской группы советников от 17 декабря 1925 г. (г. Кантон)

Задачи группы на ближайший период времени

Ввиду создавшейся благоприятной внешней обстановки в Гуандуне, внимание наше должно быть целиком обращено на создание боеспособной армии, политически воспитанной и верной Национально-Революционному Правительству, соответствующим образом организованной и правильно снабженной. Исходя из этого задачи группы на ближайший период времени сводятся к:

1. Отказ от работы чисто военной и переход к работе военно-политической. <…> Советник своим авторитетом, опытом и знаниями должен на первых порах поддержать политический аппарат части с тем, чтобы политическому воспитанию уделялось соответствующее внимание со стороны командования, и чтобы политработа была соответствующим образом поставлена.
2. Создание единой военной Школы. <…> существующие военные школы, в силу отсутствия достаточного количества, соответствующего своему назначению, преподавательского и лекторского состава и в силу недостатка денежных средств, соответствующих помещений и проч. существующие корпусные школы не дают достаточно подготовленного в военном и политическом отношении командного состава. Создание единой Военной Школы даст возможность при экономии сил и средств, используя все лучшее имеющееся в 4-х школах дать армии, соответствующего своему назначению командира.
3. Превращение Главного Штаба в действительный орган управления НРА. Только наличие его даст возможность Национально-Революционному Правительству иметь армию в своих руках, изжить существующую самостоятельность генералов, правильно организовать части и управлять ими.
4. Создание центрального аппарата снабжения и правильная постановка снабжения частей всем необходимым.
5. Реорганизация армии и сведение ее до 5 корпусов и двух отдельных дивизий. Существующее положение – масса мелких частей, вызывает излишнее расходование средств и сил, и в значительной степени влияет на боеспособность армии.
6. Рациональная дислокация частей <…>
7. Подготовка командного состава – сюда входит создание повторных курсов комсостава, занятие с комсоставом в частях и организация Военно-Научного Общества.
8. Проработка программ по подготовке частей <…>
9. Организация военно-политического издательства. <…>Задачей военно-политического издательства будет перевод новейших военно-политических изданий на китайских язык и печатание их для распространения среди комполитсостава НРА.
10. Переработка уставов и переработка инструкций, так как существующие и принятые в армии значительно устарели, и являются переводами старых германских и, отчасти, японских уставов.
11. Организация боеспособного флота, необходимого в Гуандуне ввиду исключительного обилия водных путей.
12. Укрепление и усиление авиации
13. Организация и постановка санитарного дела в армии.

РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 13. Л. 40-42.

Приложение 15

Схема 2. **Развитие военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана в 1923–1927 гг.**

Основа сотрудничества

Близость идеологической платформы РКП(б) и политической программы Сунь Ятсена, в части ориентировки на революционные преобразования.

Особенности реализации

Усиленное внимание политической составляющей сотрудничества: оказание помощи по реорганизации партийных институтов Гоминьдана и Народно-Революционной Армии (НРА), подготовка политкомиссаров для НРА, помощь в организации политработы в войсках Гоминьдана, создании военно-политических школ, деятельность в Китае групп советских военных и политических советников, направленная на распространение влияния Гоминьдана на всю территорию страны.

Кризис

Недостаточный учет в проводимой Москвой политике организационных и идейных принципов Гоминьдана. Стремление к усилению в Гоминьдане руководящей роли членов КПК и переориентировку политической программы ГМД. В качестве ответной реакции - резкое усиление в Китае антикоммунистической риторики на фоне прихода к власти режима Чан Кайши, как средства защиты самостоятельности и партийных интересов ГМД. Признание несовместимости политических идеалов КПК и Гоминьдана.

Результаты сотрудничества

Для СССР: укрепление авторитета и международного статуса Советского Союза на Дальнем Востоке в период сотрудничества; закладывание в Китае базы для дальнейшего развития коммунистического движения; противодействие укреплению в Китае влияния Англии и США (как следствие подъема националистических настроений и авторитета в стране курса Гоминьдана на отстаивание суверенитета и равноправия Китая в международных отношениях)

Для Гоминьдана: действенная поддержка в процессе партийного строительства и реорганизации армии, способствовавшая успех военной кампании направленной на объединение страны под контролем ГМД.

Приложение 16

Данные о росте потребности РККА в продукции предприятий военно-промышленного комплекса в 1933–1942 гг.

Поставки боевой техники в РККА в период реализации второго пятилетнего плана 1933–1937 гг.

Таблица 1

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г. (план)
Артиллерийские орудия	1797	5164	4895	6923	7073
Винтовки	241000	319600	220603	442558	553182
Пулеметы	32700	29500	29789	34496	39135
Танки, самоходные орудия	3640	3440	3061	3989	2154
Снаряды (тыс. шт.)	2135	1991	2389	5675	8382
Патроны (млн. шт.)	225	259	450	800	1704
Авиабомбы (тыс. тонн)	284	216	200	600	975
Самолеты	3493	3655	1516	3154	7388
Авиационные двигатели	5785	7600	5658	5350	15675

Данные по артиллерии, пулеметам и танкам см. РГАЭ. Ф.4372. Оп.91. Д.2999. Л.106. Информационное письмо Госплана, 24 мая 1937 г.; данные по снарядам, патронам, бомбам, самолетам и авиационным двигателям см.: РГАЭ. Ф.4372. Оп.91. Д.3106. Л.80. Информационное письмо Госплана, 12 декабря 1936 г.

Запланированный Госпланом рост военного производства в 1937–1942 гг.

Таблица 2

	Объём производства на 1 января 1938 г.	Объём производства на 1 января 1943 г.
Авиация	20500	50000
Авиадвигатели	42300	125000
Танки	35400	60775
Артиллерийские системы	39180	119060
Пулеметы	250000	450000
Винтовки	2420000	5200000
Артиллерийские снаряды (млн. шт.)	101,0	489,0
Патроны (млрд. шт.)	7,5	17,0
Авиабомбы (тыс. т.)	250,0	700,0
Судовая броня (тыс. т.)	16,8	120,0
Танковая броня (тыс. т)	74,5	400,0
Оптика (млн. руб.)	450,0	1500,0
Порох (тыс. т)	135	431
Химическое оружие (тыс. т)	122,2	298
Взрывчатые вещества (тыс. т)	280	1035

РГАЭ. Ф.4372. Оп.91. Д.3222. Л.197.

Приводится по: Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 207, 218.

Приложение 17

Данные о выполнении производственных планов военно-промышленным комплексом СССР в 1933–1937 гг.

Принятый и исполненный оборонный бюджет за 1933–1937 гг. (млн. рублей)

Таблица 1

Принятый бюджет	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	2-я пятилетка
Заказы	1753	2292	3194	5912	7594	20745
Строительство	678	745	1108	2517	1875	6924
Потребление	2307	2764	4983	8151	10570	28775
Оборонный бюджет, всего	4738	5801	9285	16580	20039	56444
Исполненный бюджет	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	2-я пятилетка
Заказы	1505,3	1947,7	2225,8	4558,1	5657,9	15894,8
Строительство	620,3	716,7	1186,0,	2667,7	2085,6	7366,3
Потребление	1981,6	2728,7	4762,3	7805,2	9894,7	27172,5
Оборонный бюджет, всего	4107,2	5393,1	8174,1	15030,0	17638,2	50433,6
Государств, бюджет, всего	35667,0	48307	66391	81827	93195	

Показатели принятого бюджета см. РГАЭ. Ф.4372. Оп.91. Д.3290. Л.2. Заключение по плану заказов НКО на 1937 год; данные об исполнении бюджета см.: РГАЭ ф.7733. Оп.36. Д.118. Л.3. Начальник Управления обороны Наркомата финансов Байков, 23 декабря 1938 г.

Выполнение оборонного заказа в 1937 г. (млн. рублей, в ценах 1926/27 г.)

Таблица 2

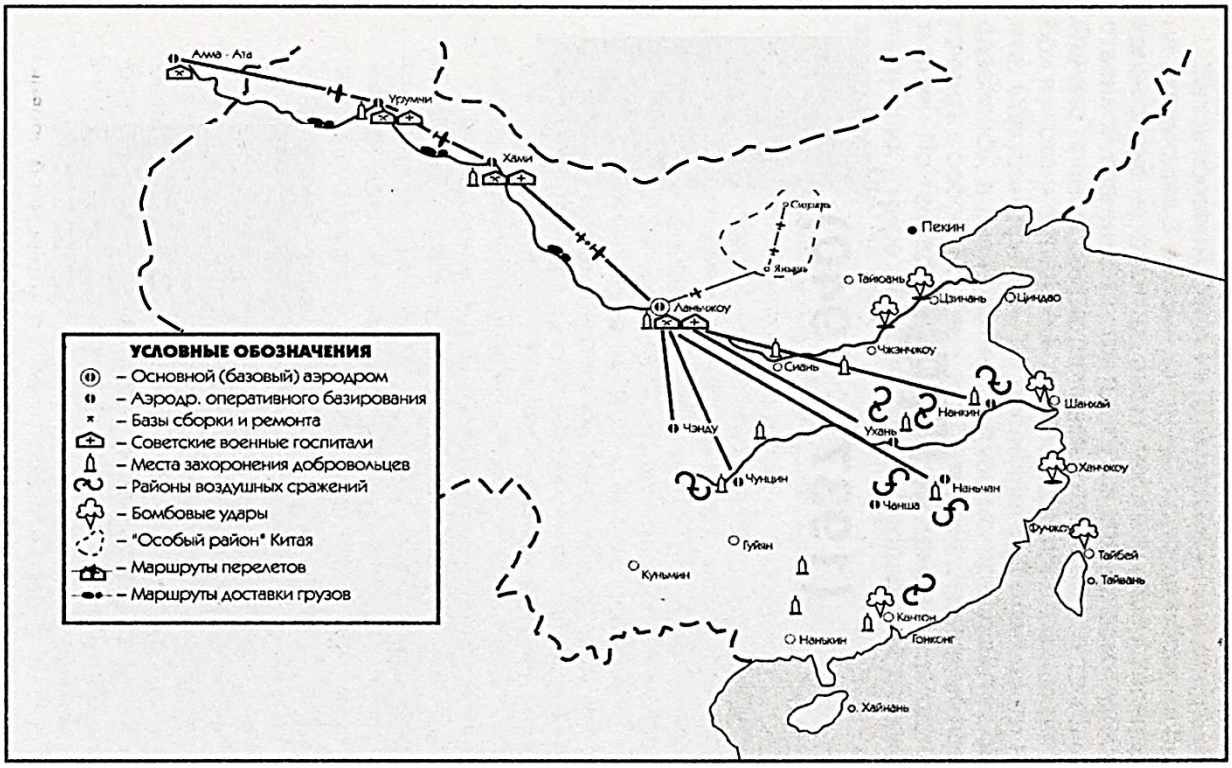
	Запланировано	Фактически выполнено	% выполнения
Общий оборонный заказ	8107,6	5497,1	67,8
в том числе:			
Самолеты	2706,3	1802,8	66,6
бронетанковая техника	994,5	814,2	81,9
Артиллерия	844,9	661,2	78,3
Снаряды	1238,8	735,4	59,3
техническое оборудование	57,0	54,8	96,1
железнодорожное оборудование	33,8 -	26,8	79,2
химическое вооружение	101,1	73,2	72,3
инженерное оборудование	100,7	73,2	75,6
Связь	128,9	112,9	87,5
морская авиация	331,8	211,1	63,6
военно-морское строительство	1095,8	512,6	46,7
морская артиллерия	642,9	281,1	43,8
порты и морские базы	96,6	68,8	71,2
экспериментальные заказы	134,2	66,0	49,2

РГАЭ. Ф.7733. Оп.36. Д.48. Л.239–238. Отчёт Наркомата финансов.

Приводится по: Самуэльсон Л. Красный колосс. М., 2001. С. 204, 208.

Приложение 18

Схема 3. **Участие советских летчиков-добровольцев в боевых действиях против ВВС Японии в ходе японо-китайской войны (период 1937–1940 гг.)**



Приводится по: Советско-японские войны 1937–1945 : сборник. М., 2009. С. 158.

Приложение 19

Данные о дислокации самолетов И-15, И-16, СБ, ТБ-3, УТИ-4 на территории Китая (декабрь 1937 г. – апрель 1938 г.)

На 23.12.1937 г. из Ланьчжоу на восток отправлено:

Самолетов ТБ-3 – 5
Самолетов СБ – 26
Самолетов И-16 – 48
Самолетов УТИ-4 – 5
ВСЕГО: 84 самолета, из них:

Таблица 1

Наименование пунктов	ТБ-3			СБ			И-16			И-15			УТИ-4		
	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери
Сиань	-	-	-	1	-	-	10	-	-	-	-	-	5	-	-
Ханькоу	2	-	-	5	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Чжуцзякоу	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-
Нанькан	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Наньчан	-	-	-	15	2	-	12	1	2	-	-	-	-	-	-
Аньцин	-	-	-	-	-	1	2	2	-	-	-	-	-	-	-
Нанкин	-	-	-	-	-	2	-	-	6	-	-	-	-	-	-
Цзиань	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Местонахождение неизвестно	-	-	-	-	-	-	3	2	-	-	-	-	-	-	-
Итого	2	1	2	21	2	3	28	8	12	-	-	-	5	-	-

Из 5 ТБ-3
исправных – 2
поврежденных на аэродроме – 1
сгорело на аэродроме – 2

Из 26 СБ
исправных – 21
неисправных – 2
сбит в бою – 1
разбит на взлете – 1
подбит огнем ЗА – 1

Из 48 И-16
исправных – 28
повреждены на аэродромах – 2
повреждено в бою – 1
аварии – 4
нет данных о месте вынужденной посадки – 1
сбито в бою – 7
разбито на аэродромах – 5

Из 5 УТИ-4все исправны

На 08.02.1938 г. из Ланьчжоу на восток отправлено:
Самолетов ТБ-3 – 5
Самолетов СБ – 58
Самолетов И-16 – 68
Самолетов И-15 – 50
Самолетов УТИ-4 – 5
ВСЕГО: 186 самолетов, из них:

Таблица 2

Наименование пунктов	ТБ-3			СБ			И-16			И-15			УТИ-4		
	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери
Пинлян	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сиань	-	-	-	6	-	-	10	1	-	10	1	-	5	-	-
Лоян	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	4	-	-	-
Сянян	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ханькоу	3	-	-	17	-	9	11	-	-	22	1	-	-	-	-
Чжуцзякоу	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-
Нанькан	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Наньчан	-	-	-	14	3	5	23	-	7	11	-	-	-	-	-
Аньцин	-	-	-	1	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Нанкин	-	-	-	-	-	2	-	-	6	-	-	-	-	-	-
Цзиань	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Местонахождение неизвестно	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Итого	3	-	2	38	3	17	44	7	17	43	3	4	5	-	-

Из 5 ТБ-3
исправных – 3
сгорело на аэродроме – 2

Из 58 СБ
исправных – 38
неисправных (пробит радиатор) – 1
повреждены при посадке (один самолет требует заводского ремонта) – 3
разобраны на запасные части из неисправных – 2
разбито на развороте (один врезался в другой) – 2
сбито в бою – 2
разбито на взлете – 1
подбит огнем ЗА – 1
уничтожено на аэродроме – 2
срыв в штопор (сгорели) – 2
разбито на посадке – 4

Из 68 И-16
исправных – 44
повреждены на аэродромах – 3
аварии – 4
сбит в бою – 9
прижаты к земле во время боя и сломаны при посадке – 2
разбито на аэродромах – 5
сгорел в воздухе – 1

Из 50 И-15
исправных – 43
поломка в результате грубой посадки (кит.летчик – 1, Купцов – 1)
авария в результате повреждения в воздушном бою (тяжело ранен Пригородов) – 1
загорелся в воздушном бою (Сарайский) – 1
не найдены после воздушного боя (Крюков, Тужилин, Гордиенко) - 3

Из 5 УТИ-4 все исправны.

На 01.04.1938 г. из Ланьчжоу на восток отправлено:
Самолетов ТБ-3 – 5
Самолетов СБ – 58
Самолетов И-16 – 68
Самолетов И-15 – 112
Самолетов УТИ-4 – 5
ВСЕГО: 248 самолетов, из них:

Таблица 3

Наименование пунктов	ТБ-3			СБ			И-16			И-15			УТИ-4		
	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери
Пинлян	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сиань	-	-	-	-	-	-	5	1	-	21	1	1	5	-	-
Лоян	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-
Люаньчжоу	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сянян	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-
Ханькоу	3	-	-	8	1	15	12	4	-	40	-	14	-	-	-
Чжуцзякоу	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-
Нанькан	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Наньчан	-	-	-	20	3	7	16	-	8	23	2	5	-	-	-
Аньцин	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нанкин	-	-	-	-	-	2	-	-	6	-	-	-	-	-	-
Цзиань	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Местонахождение неизвестно	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	3	-	2	28	4	26	43	7	18	84	3	25	5	-	-

Из 5 ТБ-3
исправных – 3
сгорело на аэродроме – 2

Из 58 СБ
исправных (в силу выработки моторесурсов для боевых вылетов годны максимум 10 машин) – 28
неисправных (пробит радиатор – 1 привезен из Люаньчжоу – 1) – 2
повреждены при посадке (один самолет требует заводского ремонта) – 3
разобраны на запасные части из неисправных – 2
разбито на аэродроме (один врезался в другой) – 2
сбито в бою – 4
разбит на взлете – 1
подбит огнем ЗА – 1
сгорел при возвращении на аэродром (Песоцкий, Савченко) – 2
уничтожено на аэродроме – 6
срыв в штопор (сгорели) – 2
разбито на посадке – 4
разбит на вынужденной посадке ночью на озере – 1

Из 68 И-16
исправных (в силу выработки моторесурсов для боевых вылетов годны до 20 машин) – 43
повреждены на аэродромах – 5
аварий – 4
сбит в бою – 9
прижаты к земле во время боя и сломаны при посадке – 2
разбито на аэродромах – 6
сгорел в воздухе – 1

Из 112 И-15
исправных – 84
разбиты в результате грубой посадки (кит.летчики) днем и ночью после боя – 5
сгорел на вынужденной посадке (вина кит.летчика) – 1
загорелся в воздушном бою (Сарайский) – 1
разбиты ночью (летчики Дадонов, Матвеев спаслись на парашютах) – 2
сбиты в бою (Крюков, Тужилин, Гордиенко, тяжело ранен Пригородов) – 4
сбиты в бою 18.02. (кит.летчики) – 8
разбито на аэродромах – 4
Из 5 УТИ-4 все исправны.

По состоянию на 18.04.1938 г. из Ланьчжоу на восток отправлено:
Самолетов ТБ-3 – 5
Самолетов СБ – 60
Самолетов И-16 – 76
Самолетов И-15 – 116
Самолетов УТИ-4 – 5
ВСЕГО: 262 самолета, из них:

Таблица 4

Наименование пунктов	ТБ-3			СБ			И-16			И-15			УТИ-4		
	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери	В строю	В ремонте	Потери
Сиань	-	-	-	-	-	-	-	4	1	-	9	1	5	-	-
Лоян	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-
Люаньчжоу	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сянян	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Ханькоу	-	3	-	4	2	18	13	8	4	9	12	17	-	-	-
Сяоганъ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	-	-	-	-
Сяньган	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9	3	-	-	-	-
Чжоуцзянкоу	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-
Наньчан	-	-	-	7	2	12	13	3	14	22	2	9	-	-	-
Анцин	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нанкин	-	-	-	-	-	2	-	-	6	-	-	-	-	-	-
Цзиань	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Возвратились в Ланьчжоу без моторесурсов	-	-	-	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Местонахождение неизвестно	-	-	-	-	-	-	2	-	2	7	-	-	-	-	-
Итого	-	3	2	11	15	34	29	16	31	58	26	32	5	-	-

Из 5 ТБ-3
неисправных – 3 (из них один не подлежит ремонту),
сгорело на аэродроме 2.

Из 49 СБ
исправных – 11
сбито в воздушном бою – 5
сбито огнем ЗА – 1
уничтожено бомбардировкой на аэродроме – 6
разобраны на зап. части из неисправных – 2
разбито на аэродроме (столкнулись) – 2
разбито на взлете – 1
сгорели при возвращении на аэродром – 2
сорвались в штопор (сгорели) – 2
разбиты на посадке – 8
разбит на вынужденной посадке в озеро – 1
поврежден в воздушном бою – 2
причина потерь не уточнена – 2
в ремонте – 4

Из 68 И-16
исправных – 29
сбито в дою – 9
повреждены в бою и разбиты на посадке – 2
сгорел в воздухе – 1
аварий – 5
уничтожены на аэродромах – 4
повреждены после возвращения с воздушного боя и при перелетах – 10
в ремонте – 16

Из 113 И-15
исправных – 58
сбиты в бою 18.02 (кит.летчики) – 8
сбиты в бою – 6
уничтожено бомбардировкой на аэродромах – 5
разбиты ночью (летчики спаслись на парашютах) – 2
разбиты кит.летчиками днем и ночью после возвращения из боя – 5
сгорел на вынужденной посадке (кит.летчик) – 1
сгорел в воздушном бою – 2
разбит по недисциплинированности летчика (задел железнодорожный мост) – 1
сломано при перелетах – 2
в ремонте – 26

Из 5 УТИ-4 все исправны.

РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1055.

Приложение 20

Таблица 4. **Перечень аэродромов и посадочных площадок в Китае по состоянию на 01.05.1939 г. (включая территорию, занятую японскими войсками)**

Аэродромы	Посадочные площадки
Провинция Чжэцзян (Сохранена орфография текста источника – И.В.)	
1. Нинбо Чжуцзи (60 км.ю-з Шаосин) (расстояния указаны приближенно (соответствуют приведенным в источнике – И.В.) 2. Цюйчжоу 3. Лишуй (Пучжоу) (ок 90 км. ю-в Цзиньхуа)	1. Шаосин 2. Цзяньдэ (Яньчжоу) 3. Ланьци 4. Цзиньхуа 5. Хаймыньвэй (100 км.с-в Нэньчжоу) 6. Юнцзя (Вэньчжоу)
Провинция Аньхой	
1. Сюнин (20 км.ю-з Хойчжоу)	–
Провинция Цзянси	
1. Ваньцзай 2. Пинсян 3. Гаоань (90 км.ю-з Наньчан) 4. Чжаншу (120 км.южн. Наньчан) 5. Лэпин (150 км.с-в Наньчан) 6. Юйшань 7. Чунжэн (150 км.южн. Наньчан) 8. Циань (240 км.ю-з Наньчан) 9. Нанчэн (180 км.ю-в Наньчан) 10. Линчуань (120 км.ю-в Наньчан) 11. Гуанчэн (240 км.южн. Наньчан) 12. Гун (140 км.южн. Циань) 13. Даюй (300 км.ю-з Циань) 14. Шангао (70 км.ю-з Юйшань) 15. Сюшуй (180 км.с-з Наньчан)	1. Дэсин (180 км.с-в Наньчан) 2. Личуань (240 км.ю-в Наньчан) 3. Наньфын (240 км.южн. Наньчан) 4. Лэань (100 к. с-вЦиань) 5. Юнфын (60 км.с-в Циань) 6. Ляньхуа (60 км.ю-в Пинсян) 7. Юнсинь (100 км.ю-в Пинсян) 8. Ванъань (120 км.южн. Пинсян) 9. Нинган (120 км.южн. Пинсян) 10. Жуйцзинь (240 км.ю-в Циань)
Провинция Хубэй	
1. Сянъян 2. Лаохэкоу (60 км.с-з Сянъян) 3. Сучжоу (120 км.ю-в Сянъян) 4. Цзинмыньчжоу 5. Ичан (разрыт китайцами) 6. Шаотань (вблизи Ичан) 7. Цзянлин (Шашисы) 8. Эньши (120 км.ю-в Ваньсянь) 9. Лайфын (180 км. ю.ю-в Ваньсянь)	1. Юньси (180 км.с-з Сянъян) 2. Чжунсян (Аньлу) 3. Цзиншань (50 км.ю-в Аньлу) 4. Цзаоши (40 км.южн. Цзиншань)

Таблица 4 (продолжение)

Провинция Хунань	
1. Чанша	1. Люян (60 км.вост. Чанша)
2. Изцявань (Чжучжоу, 80 км.южн. Чанша)	2. Сянсян (80 км.ю-з Чанша)
3. Ханьян (Хэнчжоу)	3. Нинсян (50 км.зап.Чанша)
4. Баоцин	4. Наньчжоу (сев.Берег оз. Дунтинху) разруш.
5. Чандэ	5. Фын (120 км.сев. Чандэ)
6. Таоюань (ю-зЧандэ)	6. Хунцзян (50 км. ю.ю-в. Чжицзян)
7. Юаньлин (Чэньчжоу)	7. Уган (100 км.ю-з Баоцин)
8. Чжицзян (Юаньчжоу)	
9. Линлин (Юнчжоу)	
10. Чэньчжоу (ок. 150 км.южн. Ханьян).	
11. Пинцзян (80 км.с-в Чанша)	
Провинция Хэнань	
1. Лоян	1. Чжэнчжоу
2. Чилихэ (20 км.ю-з Лоян)	2. Гунсянь (к зап.От Чжэнчжоу)
3. Шаньчжоу (120 км.запЛоян)	3. Юйчжоу (80 км.ю-з Чжэнчжоу)
4. Луши (150 км.ю-з Лоян)	4. Сюйчан (Сюйчжоу – ок. 90 км.южн. Чжэнчжоу)
5. Линжу (Линчу 60 км. ю.ю-в Лоян)	5. Яньчэн (150 км.к югу от Чжэнчжоу)
6. Нэйсян (60 км.зап.Наньян)	6. Есянь (130 км.к ю-з от Чжэнчжоу)
7. Наньян	7. Тунбо (130 км.ю-в Наньян)
8. Чжумадянь (130 км.вост. Наньян)	
Провинция Шэньси	
1. Сиань	1. Аньбянь (190 км.запСуйдэчжоу)
2. Баоцзи	2. Ху (Хусянь, 30 км.ю-з Сиань)
3. Дали (Тунчжоуфу)	3. Шаннань (140 км.ю-в. Тунгуань)
4. Хуаиньсянь (25 км.ю-з Тунгуань)	
5. Анькан (Синъанфу на юге пров. Шэньси)	
6. Лочуань (90 км.южн. Яньаньфу)	
7. Яньаньфу (Фуши)	
8. Суйдачжоу	
9. Сяньян (25 км.с-з. Сиань)	
10. Наньчжэн (Ханьчжун)	
Провинция Ганьсу	
1. Ланьчжоу	1. Чжунчуаньцунь (60 км.сев. Ланьчжоу)
2. Линчжао (Дидаочжоу) 90 км.южн. Ланьчжоу	2. Дунгучэн (30 км.вост. Ланьчжоу)
3. Циншуй (300 км.зап.Сиань. Находится южнее р. Вэйхэ)	3. Сигучэн (60 км.зап.Ланьчжоу)
4. Пинлян	4. Хайчэнчжэнь (150 км.с-з Пинлян)
5. Миншань (Миньчжоу, 200 км.к югу от Ланьчжоу)	5. Сифынчжэнь (90 км.с-в Пинлян)
6. Увэй (Лянчжоу)	6. Лунси (Гунчанфу, 140 км.ю-в Ланьчжоу)
7. Чжанъи (Наньчжоу)	7. Чэнсянь (300 км.с-в Ланьчжоу)
8. Цзюцуань (Сучжоу)	
9. Аньси	
10. Цинъян (105 км.с-в Пинлян)	
11. Гуюань (60 км.с-з Пинлян)	
12. Цзиннин (90 км.зап.Пинлян)	

Таблица 4 (продолжение)

Провинция Нинся	
1. Нинся 2. Чжунвэй (150 км.ю-з Нинся) 3. Дунсиньчэн (180 км. ю.ю-з Нинся) 4. Нинаньбао (Нинаньпу, 120 км.ю-з Нинся)	–
Провинция Цинхай	
1. Синин (180 км.с-з Ланчжоу. По нашей карте этот пункт значится в провинции Ганьсу)	–
Провинция Сикан	
-	1. Кандин
Провинция Сычуань	
1. Чэнду (сев.Аэродром) 2. Чэнду (южн. Аэродром) 3. Шуанлю (25 км.ю-зт Чэнду) 4. Синьцзинь (35 км.ю-з Чэнду) 5. Чунцин (гражд. Аэродром) 6. Байшии (20 км.ю-з Чунцин) 7. Кунянбо (на острове в 18 км.вост. Чунцин) 8. Ляншань 9. Суйнин (140 км.вост. Чэнду) 10. Наньчун (Шуньцинфу – 180 км.вост. Чэнду) 11. Ипин (Суйчжоуфу – 210 км.южн. Чэнду) 12. Гуанюань (125 км.ю-з. Ханьчжун) 13. Бачжоу (280 км.с-в Чэнду) 14. Ланчжун (Баонинфу) 15. Ваньсянь (60 км.вост. Ляншань) 16. Саньтай (90 км.с-в Чэнду) 17. Маньян (Маньчжоу 80 км.с-в Чэнду) 18. Яань (Ячжоуфу, 110 км.ю-з Чэнду)	1. Суньпаньтин (240 км. с.с-з. Чэнду) 2. Сюаньхань (Суйдин 65 км. с.с-з Ляншань) 3. Кунянбо (на острове в 18 км.вост. Чунцин) 4. Хэчуань (Хэчжоу 60 км. с.с-з Чунцин) 5. Тайпинсы (Тайпинцяо 75 км.вост. Чэнду) 6. Нэйцзянсянь (145 км.зап.Чунцин) 7. Юнцзин (Жуйцзинсянь, 135 км.ю-з Чэнду) 8. Сичан (Нинюаньфу, 240 км.ю-з Ипин)
Провинция Гуйчжоу	
1. Гуйян 2. Цинчжэнь (25 км.зап.Гуйян) 3. Аньшунь 4. Чишуй (220 км.с-з Гуйян) 5. Сункань (100 км.южн. Чунцин) 6. Цзуньи (140 км.сев. Гуйян) 7. Сынань (240 км.ю-в Сынань) 8. Тунжэнь (50 км.ю-в Сынань) 9. Щинбин (150 км.с-в Гуйань) 10. Цуань (Цуаньтин 240 км.ю-з Гуйань)	1. Тунцзы (180 км.к сев. От Гуйян) 2. Бицзе (140 км с-з Гуйян) 3. Дуюнь (90 км.ю-в Гуйян) 4. Душань (120 км.ю-в Гуйян) 5. Юнцзян (Юнцун 150 км.с-з Гуйлин)

Таблица 4 (продолжение)

Провинция Юннань	
1. Кунмин	1. Яньцзинь (Лаоятань 80 км.южн. Ипин)
2. Чжаотун (280 км.с-в Кунмин)	2. Пини (160 км.с-в Кунмин)
3. Мэнцзы (210 км. ю.ю-в Кунмин)	3. Малун (120 км.с-в Кунмин)
4. Сянюн (Юньнань, 210 км.с-з Кунмин)	4. Лопин (Цзимадин 170 км.вост. Кунмин)
5. Дунчуань (170 км.с-в Кунмин)	5. Чжэнцзян (сев.Берег оз. Чжэнцзянхай)
6. Синьдянь (Сюньдянь, 90 км.с-в Кунмин)	6. Поси (100 км. ю.ю-в Кунмин)
7. Чжаньи (160 км.с-в Кунмин)	7. Цзюбэй (120 км.с-в Мэнцзы)
8. Цюйцзин	8. Гуаннань (в юго-вост. Части пров)
9. Янлин (50 км.с-в Кунмин)	9. Фучжоу (Гуйчао 100 км.ю-в Гуаннань)
10. Луси (Гунсичжоу, 125 км.ю-в Кунмин)	10. Вэньшань (Кайхуа км.вост. Мэньцзы)
11. Чусюн (110 км.зап.Кунмин)	11. Удин (60 км. с.с-з Кунмин)
12. Баошань (370 км.зап.Кунмин)	12. Юаньмоу (110 км.с-з Кунмин)
13. Тэнчун (100 км.от границы с Бирмой)	13. Луфын (50 км.зап.Кунмин)
14. Манши (120 км.от границы с Бирмой, южнее Тэнчун)	14. Юнжэнь (Жэньхэгай, 190 км.с-з Кунмин)
	15. Хоцин (290 км.с-з Кунмин)
	16. Лицзян (40 км.сев. Хоцин)
	17. Дали (к зап.От оз. Эрхай)
	18. Пяньма (120 км.сев. Тэньчун, у границы с Бирмой)
	19. Инцзян (50 км.ю-з Тэнчун)
Провинция Гуанси	
1. Гуйлин	1. Цюань (110 км.с-в Гуйлин)
2. Лючжоу	2. Янтань (Инин 30 км.с-з Гуйлин)
3. Учжоу (Цану)	3. Эртан (15 км.ю-з Гуйлин)
4. Юннин (Наньнин)	4. Липу (110 км. ю.ю-в Гуйлин)
5. Лунчжоу (к границе с Индо-Китаем)	5. Сюжэнь (120 км.южн. Гуйлин)
6. Чанань (Хуайюань, 95 км.зап.Гуйлин)	6. Бабу (Фучуань, 125 км.ю-в Гуйлин)
7. Гуйпин (Сюньчжоу)	7. Цянцзян (80 км.ю-з Лючжоу)
8. Усюань (70 км.ю-в. Лючжоу)	8. Гуйсянь (180 км.вост. Наньнин)
9. Наньдань (160 км.ю-в. Гуйань)	9. Юйлинь (Ватлам, 220 км.вост. Наньнин)
10. Босэ (250 км.с-в Наньнин)	10. Сянин (Синьнин, 50 км.ю-з Наньнин)
11. Умин (Сыэнь, 70 км.сев Наньнин)	11. Дуань (Гуван, 145 км.сев. Наньнин)

Таблица 4 (окончание)

Провинция Гуандун	
1. Цюйцзян (Шаочжоу, на жел.Дороге)	1. Сватоу (Шаньтоу)
2. Наньсюн (120 км.с-в Шаочжоу)	2. Чаоань (Чаочжоу, 45 км.сев. Сватоу)
3. Индэ	3. Фынщунь (80 км.с-з Сватоу)
4. Мэйсян (Сункоу, 140 км.с-з Сватоу)	4. Синнин (130 км.с-з Сватоу)
5. Ухуа (Юйхан, 120 км.с-з Сватоу)	5. Хэпин (200 км.с-з Сватоу)
6. Хуйян (Хуйчжоу, 150 км.вост. Кантон)	6. Цзикам (Каньцзи, 125 км.зап.Сватоу)
7. Цунхуа (6 км.с-в Кантон)	7. Хэюань (180 км.с-в Кантон)
8. Гаоань (Гаогуань, 140 км.зап.Кантон)	8. Ляньчжоу (90 км.зап.Шаочжоу)
	9. Сыхуй (80 км.с-з Кантон)
	10. Кайпин (120 км.ю-з. Кантон)
	11. Ташань (Синьнин, 130 км.ю-з Кантон)
	12. Дэцин (140 км.зап.Кантон)
	13. Лодин (60 км.ю-з Дацин)
	14. Маомин (Гаочжоу, 120 км.ю-в Пакхой)
	15. Хойхонг (Лэйчжоу, 120 км.ю-в Пакхой)
	16. Сюйвэнь (сев.О-ва Хайнань)
	17. Линшань (90 км.сев. Пакхой)
	18. Хоппо (Ланьчжоу 30 км.сев. Пакхой)
Провинция Фуцзянь	
1. Цзяньнин	1. Гутянь (90 км.с-з Фучжоу)
2. Фучжоу	2. Шаоту (90 км.с-з Цзяньнин)
3. Пучэн (90 км.сев. Цзяньнин)	3. Цзянлэ (60 км.южн. Шаоу)
4. Фуань (115 км. с.с-в Фучжоу)	4. Тайнин (50 км.ю-з Шаоу)
5. Сяпу (Фунин 110 км.с-в Фучжоу)	5. Синхуа (80 км.ю-з Фучжоу)
6. Чандин (Тинчжоу, 210 км.с-з Амой)	6. Цюаньчжоу (с-вАмой)
7. Лунжэнь (Лунянь, 120 км.с-з Амой)	7. Чжанчжоу (зап.Амой)

ВСЕГО:

Аэродромов – 144

Посадочных площадок – 115

РГВА. Ф.29. Оп.37. Д.24. Л.23–29.

Приложение 21

Сообщения иностранной прессы о советской военной технике, советниках и летчиках-добровольцах в Китае (в переводе сотрудников ТАСС)

ЛОНДОН, 26 ноября 1937 г. Шанхайские корреспонденты большинства газет сообщают о прибытии в провинцию Шеньси советских самолетов. Корреспонденты приводят совершенно различные сведения о количестве, якобы, прибывших самолетов. Большинство из них считает, что «партия превышает сто самолетов». Специальный корреспондент газеты «ДейлиГеральд» в Шанхае Эдгар Сноу заявил, что им получено подтверждение о прибытии 160 советских бомбардировщиков и истребителей. По заявлению Эдгара Сноу, эти самолеты прибыли в штаб китайской Красной армии в провинции Шеньси 15 ноября. Вместе с самолетами прибыл в полном составе экипаж летчиков.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 179. Л. 8.

ЛОНДОН, 20 декабря 1937 г. Гонкогский корреспондент газеты «Таймс» пишет, что в течение последней недели японские летчики ежедневно производили налеты на Кантон и окрестные пункты. После долгой пассивности вновь появились китайские самолеты. Как полагают, продолжает корреспондент, эти самолеты обслуживаются русскими летчиками, число которых неизвестно. Эти летчики проявляют огромную храбрость.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 179. Л. 38.

ТОКИО, 28 января 1938 г. Агентство «Домей Цусин» пишет, что из СССР в Китай ежемесячно направляется около 80 самолетов. Общее количество направленных самолетов со времени начала военных действий достигает 250. В сообщении указывается, что японская авиация из этого количества уже сбила 130 самолетов.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 248. Л. 46.

ЛОНДОН, 18 февраля 1938 г. <…> весь воздушный флот Китая состоит из трех групп. Крупнейшая из них, будто-бы, «сформирована из советских самолетов, обслуживаемых советскими летчиками. Эта группа действует как самостоятельная единица, под руководством советского первоклассного летчика, который побывал в Испании». Вторая группа состоит из небольшого количества иностранных добровольцев, под командой американского инструктора. Третья группа авиации состоит из китайских летчиков.<…> …китайское правительство стремится сохранять постоянно свои авиационные силы в составе 500 самолетов, половина которых должна быть доставлена из СССР и другая половина – из Европы и Америки.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 248. Л. 83.

ТОКИО, 19 февраля 1938 г. Газета «Асахи», ссылаясь на «некое сообщение», пишет, что «советская помощь Китаю в деле строительства авиации принимает значительные размеры. Советы настаивают на упорной обороне Чжэнчжоу для обеспечения красного пути через Ланьчжоу на Ханькоу. С января из СССР прибыло 120 самолетов, главным образом истребителей и легких бомбовозов. Имеющиеся в распоряжении китайцев 300 самолетов – почти все советские и под управлением советских летчиков».

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 248. Л. 84.

ЛОНДОН, 1 марта 1938 г. Газета «Манчестер Гардиан». <…> Говорят, пишет корреспондент, что находящиеся в Ханькоу 70-80 советских самолетов – очень быстроходны. …

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 248. Л. 98.

НЬЮ-ЙОРК, 5 апреля 1938 г. Шанхайский корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» приводит рассказ группы англичан, прибывших в начале апреля из Ланьчжоу (столица пров. Ганьсу). Путешественники указали, что Ланьчжоу за время войны превратился в важный цент снабжения Китая оружием из СССР через провинцию Синьцзян. В хороший порядок приведена дорога Урумчи-Ланьчжоу которая до войны не была пригодна для регулярных перевозок. В городе построено 5 аэродромов, на которые прибывают советские самолеты. По подсчетам живущих в Ланьчжоу иностранцев, в Китай через Ганьсу за время войны прибыло 300-400 советских самолетов. В Ланьчжоу самолеты долго не задерживаются и после осмотра и заправки летят в южный и юго-западный Китай. Англичане заявляют, что в городе много советских и китайских летчиков и инструкторов-механиков. Они свободно разгуливают по улицам и очень свободно тратят деньги.

Приехавшие далее утверждают, что в Ланьчжоу с декабря прошлого года прибыло 1500 советских грузовиков. Правда не учтены грузовики, прибывшие ночью, вместе с которыми это число должно значительно возрасти. На грузовиках, которые продолжают прибывать, привозятся горючие и другие грузы. Все путешественники, пишет корреспондент, подтверждают, что на многих грузовиках прибывают авиационные бомбы, которые порой «настолько велики, что на грузовик помещается лишь 2 штуки».

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 249. Л. 37-38.

ТОКИО, 19 июня 1938 г. Газета «Асахи» помещает перепечатанное из газеты «Нью-Йорк таймс» сообщение, что 3 недели назад СССР, будто-бы, послал в южный Китай 60 истребителей и 15 бомбардировщиков. Согласно этому сообщению, Франция послала 15 истребителей, а США 25 военных самолетов. Газета пишет, что реорганизация воздушных сил на юге Китая даст возможность китайцам оказать сильное сопротивление японской авиации на юге Китая.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 249. Л. 109.

НЬЮ-ЙОРК, 22 июня 1938 г. Под заголовком «Новые крылья Китая» газета «Вашингтон пост» помещает статью своего специального корреспондента Марка Гинзбурга, посвященную развитию китайской авиации. По словам автора статьи, Китай вступил в войну, имея всего лишь около 200 самолетов первой линии, в значительной степени пилотируемых летчиками, обученными американцами. Эти небольшие авиационные силы не смогли устоять против превосходящей их количественном отношении японской авиации. <…>

В первое время китайская авиация еще не могла играть существенной роли в военных действиях. Военные кадры китайской армии в этот период состояли из молодежи, только что окончившей авиационные школы под руководством иностранных инструкторов. Эта молодежь пришла на смену летчикам, выбывшим из строя. Затем была организованна известная «14-я бомбардировочная эскадрилья», в которую входило около 12 иностранных летчиков под командованием Винсента Шмидта.

Однако, опыт с этими иностранными летчиками оказался неудачным. Нанявшись на службу к китайскому правительству за большое жалование, многие из них оказались авантюристами, имеющими весьма отдаленное отношение к авиации. Другие были слишком стары для полетов и были использованы в качестве инструкторов. Некоторые иностранные летчики несомненно оказались людьми не зря получавшими жалованье. Они были объединены в «Иностранный легион». Однако, скоро между ними и китайским правительством возникли трения по вопросам жалованья. Недоразумения на почве профессиональной ревности так же происходили между ними и китайскими и советскими летчиками.

1 марта 1938 года китайское правительство объявило о расформировании «14-й бомбардировочной эскадрильи». Некоторые из ее членов были оставлены в качестве инструкторов. Большинство же, включая Шмидта, было уволено.

Наконец, продолжает корреспондент, на службе у китайского правительства находятся советские воздушные части, состоявшие в первое время из 100 машин. Но эти части, как говорят, все время растут. Условия, на которых СССР согласился снабжать Китай самолетами окутаны тайной. Однако, по слухам, СССР предоставил Китаю кредиты сроком а 10 лет для покупки самолетов. Китайцы, пишет корреспондент, сперва пользовались советскими истребителями типа «1-15» и «1-16», легкими бомбардировщиками типа «С-Б» и штурмовиками – бипланами. Однако, выяснилось, что самолеты типа «1-15» и «1-16» не подходят для китайских условий из-за их слабой маневренности и большой посадочной скорости. Это привело к значительному количеству поломок. Опыт китайской войны показал преимущество легкоуправляемых самолетов перед скоростными. По словам американского наблюдателя, пишет корреспондент, ¼ всех советских истребителей вышла из строя при посадке на плохо оборудованных китайских аэродромах. Лучшими советскими самолетами оказались цельнометаллические легкие бомбардировщики типа «С-Б» и штурмовики – бипланы. Эти самолеты нанесли большой урон японцам во время налетов на аэродромы в Нанкине, Уху и Ханчжоу, где было разрушено много японских самолетов. Далее, заявляет корреспондент, сейчас в Китае насчитывается 200 советских летчиков и техников. С января месяца советские летчики хорошо себя показали себя в боях с врагом и постоянных налетах на японские позиции. Главное затруднение в отношении советских летчиков, пишет корреспондент, заключалось в том, что они категорически отказываются подчиняться приказам китайского командования и не разрешают китайским летчикам летать в советских самолетах.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 249. Л. 116-119.

НЬЮ-ЙОРК, 22 июля 1938 г. Газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» сообщает, что китайское правительство закупило в СССР 200 военных самолетов. По словам газеты, в то время, как часть из этих самолетов находится по пути в Ханькоу, другая часть собирается и испытывается в восточном Туркестане, около западной части Монголии. В числе закупленных самолетов имеется 11 четырехмоторных сверхмощных бомбардировщиков, сделанных по последнему слову техники. Самолеты могут летать на большие расстояния без посадки и оснащены первоклассным вооружением.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 250. Л. 37.

ТОКИО, 25 июля 1938 г. Корреспондент агентства «Домей Цусин» из Гонконга сообщает о прибытии в Ханькоу через Сычуань 20 советских военных советников и 300 пилотов и механиков. По словам агентства, советники, пилоты и механики прибыли в Китай, чтобы служить в китайской армии. В настоящее время советские советники инспектируют оборонные сооружения, выполненные под руководством германских военных советников. В то же время советские военные советники руководят размещением важнейших фортификаций.

Корреспондент «Асахи» из Нью-Йорка сообщает, что 500 советских солдат в качестве добровольцев помогают китайской армии Чан Кайши.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 250. Л. 38.

НЬЮ-ЙОРК, 28 июля 1928 г. Ханькоуский корреспондент газеты «Нью Йорк Таймс» пишет, что иностранные обозреватели в Ките утверждают, что по их подсчетам в настоящее время в Китае находится около 500 советских технических инструкторов, действующих как на фронте, так и в тылу. Число советников продолжает увеличиваться. Китайские и советские круги в Ханькоу держат в строгой тайне факт пребывания здесь советских инструкторов и отказываются что-либо сообщать по этому поводу. Как полагают, продолжает корреспондент, советские инструктора работают в Китае под видом техников-добровольцев и являются в большинстве младшими и средними командирами Красной армии.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 250. Л. 58.

ШАНХАЙ, 14 декабря 1938 г. Газета «Норт чайна дейли ньюс» приводит сообщение из Токио о том, что в китайской армии, якобы, находится несколько советских военных экспертов под видом журналистов. Эти лица сопровождают китайскую армию и занимаются изучением японской тактики ведения войны. От 600 до 700 советских авиационных инструкторов, летчиков и механиков, якобы, прибыли за последний год в Китай. Перед отступлением китайцев из Ухани часть советских летчиков, находившихся в этом районе, была переведена в Чанша, а другая часть отправлена далеко во внутрь китайского Туркестана, где сооружено 12 аэродромов.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 251. Л. 38.

ЛОНДОН, 14 января 1939 г. По сведениям шанхайского корреспондента «Ивнинг Стандарт», китайские военные власти снова набирают 500 иностранцев для пополнения рядов китайской авиации. Корр. Утверждает, что уже набрано 300 русских пилотов, а также много англичан, американцев, австралийцев, новозеландцев и французов.

ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.329. Л.26.

БЕРЛИН, 16 января 1939 г. Агентство «Трансоцеан» сообщает по радио, что во время воздушного боя над Чунцином 15 янв. Было сбито 5 китайских самолетов советского производства.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 329. Л. 29.

НЬЮ-ЙОРК, 23 января 1939 г. Корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» сообщает, что в Гуйлине (пров. Гуанси) можно видеть большое количество советских военных инструкторов, одетых в штатское платье. Все они проживают в самых дорогих гостиницах. Корреспондент выяснил, что инструкторы являются нашим командным составом, посланным для того, чтобы продемонстрировать новую русскую артиллерию и пулеметы. В тойже провинции в городе Лючжоу находится группа, состоящая из 70 человек советских летчиков и механиков. Летчики посланы для обучения китайских пилотов.
По словам корреспондента, в западной части пров. Сычуань, небольшие группы советских летчиков в количестве от 8 до 20 человек проводят инструктаж китайских пилотов. Другая группа состоящая из 300 человек автомехаников и шоферов, а также из 40 авиационных инструкторов, находится в Суйчжоу.
<…> Общее количество советских инструкторов в Китае не превышает 800 чел. Все они занимаются техническими проблемами, не вдаваясь в вопросы китайской политики.
<…>…весной прошлого года было привезено в Китай из СССР от 5 до 8 тыс. тонн военного снаряжения. После того, как провозка стала невозможной из-за дождливой погоды, до падения Кантона боеприпасы отправлялись морским путем через Гонконг.
<…> В октябре прошлого года корреспондент видел караван, состоящий из 80 грузовиков, прибывший из СССР в Баоцзи. Грузовики привезли винтовки. На обратном пути грузовики везли меха, шерсть и чай.

ГАРФ. Ф.Р-4459. Оп.28. Д.329. Л.40-42.

22 марта 1939 г. Шанхайский корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» пишет <…> Русские летчики и самолеты появились на поле боя в критический момент для Китая.<…>…в течение 6 месяцев после падения Нанкина большинство воздушных боев проводили советские летчики на советских самолетах.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 329. Л. 78.

Приложение 22

Информация иностранного справочного отдела ТАСС за 1937 г.

ШАНХАЙ, 3 сентября 1937 г. 3 сентября японцы распространили сведения о том, что 72 советских самолета прибыли в Шанхай и начали обстреливать японские позиции.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 222. Л. 17.

ТОКИО, 3 сентября 1937 г. Вечерние издания всех газет воспроизводят сообщение агентства «ДомейЦусин», что по сведениям полученным из Токио 2 сент. в Шанхай прибыло через Сиань 72 сов. Самолета и они уже участвуют в военных действиях. Далее в газетах указывается, что в Нанкин уже прибыло 20 советских специалистов по танковому бою.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 222. Л. 24.

ЛОНДОН, 3 сентября 1937 г. Бэйпинский корреспондент агентства «Рейтер» сообщает, что представитель японских властей в Бейпине 2 сент. заявил, что в распоряжении китайской Красной армии в пров. Шеньси прибыло 70 сов. Самолетов, а 144 находятся в пути. …16 советских летчиков уже прибыли в Ханьчжоу.

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 222. Л. 25.

ТОКИО, 4 сентября 1937 г. Агентство «Домейцусин» – <…>В Шанхай прибыли и уже участвуют в военных действиях 29 советских самолетов. <…>Один из советских летчиков «лейтенант ОКДВА на днях умер от ран, полученных в воздушном бою 18 августа» <…> «Из СССР на путив Китай находятся 250 самолетов, 100 орудий и 150 зенитных орудий».

ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 222. Л. 30.

Приложение 23

Выдержки из докладов советских военных специалистов по опыту применения авиации в Китае

Предложения к вопросам тактического применения

1. Лучшим боевым порядком является девятка в клине звеньев, как наивыгоднейшая при обороне от истребителей и ЗА.
2. Ни в коем случае не применять колонну звеньев и девяток в кильватере, т.к. истребитель противника заходит в середину звеньев колонны, ведет огонь по самолетам, а стрелки и штурмана вести огонь по истребителю не могут.
3. При воздушном бое вести только оборонительный бой в сомкнутом строю на сокращенных дистанциях при интервале один размах.
4. При отражении атак истребителей можно и нужно производить наивыгоднейшие изменения строя:
   1) Превышение и принижение пеленгов;
   2) Сокращение и увеличение интервалов;
   3) Отставание ведомых при атаках истребителя на коротких дистанциях для увеличения вероятности сбития противника огнем своего стрелка.
5. До 6000 м можно летать без кислорода. Полеты группами при большой высоте обязательно с кислородом.
6. Избегать частой перереорганизации частей и изменений экипажей, что снижает на много боеспособность части.
7. В связи с малым радиусом действия СБ необходимо иметь аэродромные узлы из 4–5 аэродромов и посадочных площадок с удалением друг от друга не ближе как на 100 км для возможности маневрирования.
8. Необходимо заранее изучать противников: его м/ч, аэродромную сеть, крупные оборонные объекты, ж/д узлы, с точным описанием и схемами всех объектов.
9. Брать упор на отработку отличного боевого строя звена как основы строя эскадрильи и полка.
10. Одиночные самолеты действовать на фронте и в тылу не будут.
11. Обязательно отработать сопровождение СБ истребителями (И-16) на весь радиус действия.
12. СБ на земле и в воздухе должны быть с истребителями – при явном преимуществе противника в истребительной авиации
13. При комплектовании бригад необходимо в состав бригады СБ включать один истребительный полк для обороны аэродромов и сопровождения при налетах.
14. Нужно отработать полеты на предельные радиусы, высоты с посадкой и бомбометанием на чужих аэродромах и полигонах.

Командир группы СБ
Хрюкин Т.Т.

РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 286. Л. 41-42.

Личный доклад о высотных полетах при боевой работе в Китае с самолетов СБ. На высотах от 5000 до 9000 м

Аппаратура которой оборудован СБ недостаточно совершенна в пользовании, особенно ее расположение. Хотя в процессе работы у нас не имело места отказа работы кислородного прибора, за исключением замораживания от попадания в баллон влаги. И более частый случай – это травился кислород, от недостаточной герметичности баллона.

Расположение кислородного баллона не удобное, особенно у летчика, установлен далеко в ногах, что в полете не дает возможности добраться. Нужно его вынести на правый борт, повыше. Кислородный прибор в кабине штурмана из практики расположен удобно, но приходилось его переставлять вперед и выше. К зенитному люку кабины летнаба. В виду установки на этом месте сбрасывателя мелких бомб АО-8

Кислорода на большой высоте до 9000 м не хватало на 4 часа. Мы в большинстве случаев пользовались только с высоты 5500–6000 м это нас стало удовлетворять. Случаев обморочного состояния в эскадрильи не было.

Ориентировку вести и ничем не отличается, что и без маски неудобно – очень ограничен обзор всему экипажу. Летчику плохо идти в строю, следить за приборами и ориентировкой, штурману тоже <…> за противником в воздухе и на земле. Проверить летчику и доложить летнабу остались ли бомбы в люках никак не возможно из-за обзора маски. Элементы пилотирования ничем не отличаются от обыкновенных полетов за исключением резких разворотов и резкого снижения. Общая продолжительность времени на высоте 9500 м доходила до 2 часов 20 минут. Скорость на этой высоте по прибору можно было выжать только 190 км/ч…

Старший лейтенант
Гайдаренко С.С.

РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 286. Л. 43-44.

Выдержка из доклада военного атташе СССР в Китае, комбрига Иванова «О противовоздушной обороне», по опыту японо-китайской войны.

Использование истребителей обороны

Опыт бомбардировочных действий авиации в Китае показал, что необходимо:

1. Патрулирование истребителями проводить не над городом, на подступах к нему. Атаку надо вести всей группой обороняющей город, чтобы она была массовой и мощной.
2. Встречать противника возможно дальше от обороняемого пункта и не ближе чем 50-60 км.
3. Чтобы все истребители и аэродромы имели ночное оборудование.
4. Чтобы все летчики истребители умели вести бой и делать посадку в темноте.
5. Иметь на самолетах бронированные спинки, боковые броневые плиты, особый прибор с невоспламеняющимся газом, автоматически заполняющим пустое пространство в бензобаках.
6. На истребительных самолетах установить рации для связи с пунктами ПВО, от которых они получают сведения о движении противника.
7. Увеличить калибр вооружения и количество пулеметов до 4-х, запас огнеприпасов, количество зажигательных и бронебойных пуль.
8. Увеличить запас горючего на истребителях, чтобы они держались в воздухе без посадки до 4-5 часов.
9. Иметь несколько линий постов целеуказаний в 50-60 км. от обороняемого пункта и далее в сторону фронта. Посты должны держать связь с истребителями.

10. Своевременно поднимать истребителей в воздух, чтобы не измотать их до начала боя, но и не запаздывать.
11. При вечерних налетах поднимать в воздух всех истребителей, в том числе не умеющих летать ночью, но по возможности стремиться посадить последних на аэродром до наступления полной темноты.
12. Первую атаку делать всеми силами в лоб, но не сзади, где при компактном строе создается сильная огневая оборона.

Опыт показал, что не допустить бомбардировок при малом количестве истребителей невозможно. Всегда бомбардировщики прорываются и плохо или хорошо бомбят цель. Чтобы совершенно не допустить бомбардировщиков к городу необходимо иметь более чем двойное превосходство в количестве самолетов для контратаки. Японские бомбардировщики в условиях Китая летали в группах, насчитывавших не более 45 машин.

При наличии большого числа обороняемых пунктов, необходимо разделить их на главные и второстепенные, поскольку все пункты одинаково надежно прикрыть нельзя. Если же рассредоточить истребителей мелкими группами в разных местах, то бомбардировщики противника не будут встречать должного сопротивления. Поэтому требуется надежно прикрыть несколько главных пунктов, оставив второстепенные без прикрытия. Это не исключает необходимости в проведении мероприятий по организации пассивной ПВО.

Китайская истребительная авиация, имевшая возможность прикрыть надежно только один пункт (в наличии было 120 истребителей), была рассредоточена в группах по 20-30 самолетов. Фактически поднимались в воздух по 12-20 самолетов. Поэтому к июлю 1939 г. в Китае не осталось ни одного города, не подвергшегося японскому нападению с воздуха.

Если противник имеет возможность высылать группы численностью до 100 бомбардировщиков, то для того, чтобы не допустить бомбежки иметь против них от 200 до 300 истребителей. Так как в Китае никогда не создавали такого превосходства, то эта цифра требует опытной проверки. Если эти 100 бомбардировщиков будут приходить под прикрытием 100 истребителей, то очевидно, что для надежного прикрытия пункта потребуется сосредоточить н менее 350-400 истребителей.

Эти расчеты необходимо проверить на опытных учениях или в боевых условиях. При распылении сил противник почти безнаказанно будет разрушать любые пункты.

РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 477. Л. 23-25.

Доклад советника по авиации в Китае, майора П. Анисимова «Соображения о недочетах мат. части и боевой подготовке волонтерской авиации в Китае»

Материальная часть.

1. Самолет И-15.

Самолет устарел. Отстает от японского истребителя как в горизонтальной скорости (И-15 – 350 (Н-3200), И-97 – 400 (Н-5000)), так и в наборе высоты на боевом развороте И-15 – 300 м, И-97 – 500 м.

Японцы знают это и дерутся на вертикалях. В воздушном бою всегда находятся выше И-15.

Установлено, что И-15 как японского бомбардировщика СБ-96, так и разведчика Р-96 не догоняет. При обороне тылового пункта (Чунцин, Ченду и др.) выявилась острая потребность в добавочных баках как И-15, тик и И-16.

Японцы зная, что запас горючего у наших истребителей на 1,5-2 часа, подходили к пункту на 50-100 км и «выматывали» истребителей хождением в этой зоне 1,5 – 2 часа и после посадки истребителей бомбили аэродромы.

Добавочные баки И-15 и особенно И-16, крайне нужны были при перелетах Суйчжоу – Лянчжоу, Чунцин – Чжицзян, расстояние до 400 км применяемые кустарные баки на И-15 плохо сбрасываются, все же летчики вылетая ночью для отражения налета бомбардировщиков, брали добавочные баки.

Японцы, как правило, при полетах в тыл на 400–450 км берут добавочные баки. Отсутствие добавочных баков у наших истребителей надо отнести за счет недопонимания этого важнейшего вопроса нашими конструкторами и промышленностью.

2. Самолет И-16 (четырех-пулеметный).

Самолет имеет преимущество пред И-97 в горизонтальной скорости, но уступает в маневренности как по горизонтали, так и по вертикали. Поставленные на И-16 тридцатидвух килограммовые аккумуляторы были сняты с самолета еще в Ланьчжоу. Освещение прицела было сделано при помощи лампочек от карманных фонарей. Выявилась острая потребность в радиоприемнике на истребителе.

На самолете И-16 пушечном, выгодней иметь вместо двух пушек одну, увеличив за счет веса второй, количество снарядов.

Для уменьшения посадочной скорости истребителю необходимо иметь закрылки.

3. Самолет СБ.

Ограниченное количество аэродромов подскока систематически разрушавшихся японской авиацией вызвало необходимость установления добавочных бачков. Оборудованный одни самолет дал хорошие результаты. Необходимость установления добавочных бачков вызывается так же тем, что радиус действия СБ равняется радиусу И-97 с подвесными баками. Необходимо установить приборы самолетовождения по радио, особенно радиопеленгатор.

4. Самолет ДБ.

Показал хорошие результаты.

Необходимо: повысить потолок. При налете на Ханькоу И-97 свободно атаковали ДБ на истинной высоте 8500-9000 м.

Установить приборы самолетовождения по радио. В условиях Китая совершать длительные полеты с дальностью 1500-2000 км при отсутствии линейных и опорных ориентиров, частых случаев изменения погоды, крайне затруднительно.

Установлено, что японские самолеты летают по радиопеленгатору, который имеется на каждом самолете.

5. Подготовка истребителей.

В подготовке истребителей выявлены следующие недочеты:

А) Недостаточно хорошая групповая слетанность: долго собираются после взлета.

Б) Недостаточно хорошо отработан маневр эскадрильи.

В) Плохо усвоено летчиками правило, после взлета уход в зону сбора, расположенную в стороне от предполагаемой зоны встречи с противником, после чего, собравшись на высоте имеющей преимущество перед высотой противника, идти всей группой в бой.

Г) Недостаточно хорошо усвоено правило иметь в воздушном бою с истребителями группу, которая идет с превышением до 1000 м.

Д) Не отработан до автоматизма во время боя закон – не увлекаясь за уходящим противником защищать товарища – (взаимная поддержка маневром и огнем).

Е) Не отработан сбор эскадрильи после боя.

6. Подготовка бомбардировщиков.

А) Волонтеры бомбардировщики прибыли в Китай, не умея летать ночью. Отдельные летчики летали в Союзе только по кругу. В результате при налете японских бомбардировщиков ночью группами 9-18-27 самолетов в общем количестве до 80 бомбардировщиков наши самолеты из-за неумения летать ночью вынуждены были оставаться на земле. По этой же причине наши бомбардировщики не могли наносить ответные удары ночью на объект противника, имеющие хорошую ПВО.

Вывод:

А) Бомбардировочная авиация должна уметь летать ночью на предельном радиусе. Для этого совершенно необходимо иметь приборы самолетовождения по радио.

Б) Штурманская подготовка штурманов бомбардировочной авиации в условиях горной местности, отсутствия линейных и опорных ориентиров, длительных полетов, оказалась неудовлетворительной.

Наши штурмана, привыкшие к коротким полетам 200–300 км над равниной, главным образом вдоль линейных ориентиров, не умеют ориентироваться в сложных условиях, что привело к большому количеству случаев потери ориентировки.

7. Подотовка аэродромной сети и боевые действия по аэродромам.

Японцы в течение сентября-ноября 1939 г. главные усилия своей авиации направили на уничтожение китайской авиации на аэродромах базирования.

На основе опыта установлены требования, которым должны соответствовать аэродромы в боевой обстановке

1) Аэродромы в целях маскировки должны иметь неправильную форму. В Китае большинство аэродромов имеют прямоугольную форму и хорошо видны с воздуха
2) Для выводки самолетов за пределы аэродрома необходимо иметь максимальное количество выводных дорожек, оканчивающихся небольшими замаскированными площадками. Таких выводных дорожек и площадок большинство наших аэродромов не имеет.
3) Все аэродромы на границах полосы подхода должны иметь надежные убежища для укрытия технического и летного состава после выпуска самолетов в воздух, посадки на дозаправку и не успевших взлететь <…>
4) Все аэродромы должны иметь специально сделанную взлетно-посадочную полосу для взлета и посадки в периоды размокания аэродромов
   Большинство наших (в Союзе) аэродромов таких полос нее имеет за исключением Центральных аэродромов, имеющих цементированные, дорогостоящие и неудобные для посадки полосы <…>
5) На границах полосы подхода на всех аэродромах должны быть выращены рощи и кустарники из деревьев, имеющих низкий рост и широкую листву. Такие рощи являются отличным средством маскировки и насаженные по определенному плану позволят производить вылет прямо из укрытия.

9 апреля 1940 г.

РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 568. Л. 4-8.

Приложение 24

Выписка из статьи «Победы китайской авиации», напечатанной в сводке иностранной прессы №4 за апрель 1940 г.

В начале войны с Китаем Япония, как это считали, располагала 2300 самолетами первой линии, из которых она могла мобилизовать для военных действий в Китае 1000 самолетов.

Летный состав Японии насчитывает 15000 человек и ее резерв 230 самолетов.

Японские авиационные заводы могут производить 600 новых самолетов, а японские авиационные центры ежегодно могут подготовить 400-500 человек для службы в авиачастях микадо.

За период с 15 августа 1937 г. по 31 августа 1939 г. мы сбили или уничтожили 796 самолетов, убито 1062 и захвачено в плен 51 человек личного состава японской авиации. Сюда следует добавить и неподтвержденные еще потери и более 100 самолетов, уничтоженных в октябре на Ханькоуском аэродроме в результате налетов наших бомбардировщиков.

Первый налет японских бомбардировщиков на Китай получил сокрушительный удар под Ханьчжоу, тогда 8 и 13 японских бомбардировщиков были сбиты нашими истребителями. Воздушный налет на Нанкин обернулся таким же поражением для японской авиации. Из 20 тяжелых бомбардировщиков, вылетевших с формозской авиабазы, 10 не вернулись на свою базу.

В течение второй половины августа 1937 г. мы имели 12 воздушны боев с противником, в которых был сбит 61 самолет, убито 146 человек их экипажа и взято в плен 12 человек.

Авиаподразделение Кисарадзу было полностью уничтожено. Со своей стороны мы потеряли 27 самолетов, 23 убитых, 35 раненых и 7 пропавших без вести.

В течение этого же периода китайская авиация произвела 67 воздушных налетов на военные корабли, транспорты и сосредоточения войск противника. В результате налетов 10 военных кораблей были повреждены нашими бомбами.

В феврале 1938 г. наши летчики с усиленной энергией вели бои на новом театре войны. Они впервые обнаружили себя 18 февраля в воздушном бою под Ханькоу, когда 11 самолетов противника были сбиты.

На южном театре войны наши истребители 13 апреля 1938 г. показали себя в бою против 17 истребителей противника, которые составляли прикрытие 7 бомбардировщиков, учувствовавших в воздушном налете на нашу авиационную базу в Байюньшань. 18 истребителей китайской авиации поднялись в воздух и в течение 40 минут вели ожесточенный бой, во время которого 8 японских истребителей били сбиты нашими истребителями и несколько других огнем нашей ЗА. В этом бою мы потеряли 3 самолета и имели 2 убитых и 2 раненых.

В 1938 г. Противник отмечал день рождения императора отправкой воздушной армады на Ханькоу. Около 40 ТБ в сопровождении большого числа истребителей после полудня появились над Уханью. Во время часового воздушного боя наши самолеты сбили 11 истребителей и 10 тяжелых бомбардировщиков. Согласно сообщения шанхайской прессы потери противника определялись в 35 самолетов.

Наши потери составили 4 поврежденных самолета и 3 человека раненых.

В мае японцы попытались произвести вторичный налет на Ханькоу, для чего было послано 60 самолетов (39 истребителей и 21 бомбардировщик).

Японские самолеты были встречены нашими истребителями и в часовом бою 13 самолетов противника (11 истребителей и 2 бомбардировщика) лежали разбитыми в различных местах вокруг Ухань. Мы потеряли 3 самолета, 1 убитого и 1 раненого.

К концу августа мы захватили в плен 51 японского летчика.

В 1938 г. значительным использованием бомбардировочной авиации явились полеты на Формозу и в собственно Японию.

Наиболее характерным видом наших воздушных налетов в 1939 г явились налеты на Ханькоу. Утром 3 октября 1939 г. эскадрилья бомбардировщиков вылетела на Ханькоу и захватила врасплох противника. По своему прибытию наши летчики обнаружили свыше 60 японских самолетов, расположенных тремя группами на аэродроме. Свыше 100 бомб различного веса были сброшены с самолетов на аэродром, который вскоре был объят пламенем. На следующий день было установлено, что 34 японских самолета были уничтожены, 7 человек убито и 4 ранено.

14 октября наши бомбардировщики двумя группами произвели налет на Ханькоу. Первая эскадрилья в 11.15 прибыла в Ханькоу и обнаружила 70 японских самолетов, из которых около 30 самолетов были четырехмоторные бомбардировщики, расположенные на аэродроме. Бомбы были сброшены на ю-в часть аэродрома. Огонь от разрыва бомб охватил самолеты и склады.

Впоследствии мы имели сведения из различных источников, что противник в тот день потерял 50-60 самолетов, 100 человек личного состава, главным образом летчиков и механиков, 56 автомашин, 3 походных госпиталя и сотни бочек бензина. Склад огнеприпасов был полностью уничтожен.

В ответ на это японцы 4 ноября послали 2 группы – 54 бомбардировщика бомбардировать аэродром около Чэнду, но причинить какие-либо серьезные разрушения им не удалось. 5 японских бомбардировщиков было сбито.

В ночь на 10 октября 1938 г. японские самолеты 5 раз бомбардировали Ханьян, при этом 6 самолетов противника были сбиты огнем ЗА. Из 796 уничтоженных японских самолетов 143 сбито огнем ЗА.

Материальные потери китайского населения не значительны по сравнению с потерями противника. Так, например, при воздушном налете в мае на Чунцин были сбиты 4 японских бомбардировщика, потери населения Чунцина определяются в 5 млн. киайских долларов, в то время как потери японцев в 10 раз больше.

20 февраля 30 японских ТБ произвели налет тремя группами, во время которого 8 самолетов «Савойя» 79-В были сбиты. Каждый самолет имел команду из 7 человек, 1250 кг бомб и был вооружен тремя пулеметами.

С начала войны до конца августа 1939 г. японцы произвели 5046 воздушных налетов бомбардировщиков или 7 налетов в день на различные населенные пункты Китая. Всего сброшено 92635 бомб. Если взять средний вес бомбы немного больше 200 фунтов, что довольно уменьшенное вычисление, то общий вес сброшенных бомб на китайскую землю в течение указанного периода составит около 10000 тонн.

Самые большие потери несет гражданское население, которому наибольший ущерб причиняет не прямое попадание или осколки бомб, а обвалы домов.

Всего было убито 45330, ранено 57063 человека и повреждено и разрушено 164695 комнат.

В среднем одна тонна бомб уничтожает 4,5 гражданских жизней, дает 5,7 человека раненных и 16,4 поврежденных и разрушенных комнат домов.

Выписка верна:
Капитан Жданов

29 июля 1940 г.

РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 477. Л. 30-34.

Приложение 25

Таблица 5. **Числовые данные о потерях личного состава РККА в ходе выполнения операции «Z»**

Период	Погибли	Умерли в результате ранения	Пропали без вести	Попали в плен	Ранены и/или контужены
На 16 ноября 1937 г.	2	1 (в результате аварии самолета)	-	-	-
На 28 ноября 1937 г.	1	-	-	-	-
На 15 декабря 1937 г.	5	-	-	-	4
На 5 января 1938 г.	2	-	-	-	1
На 10 января 1938 г.	2	-	-	-	2
На 20 января 1938 г.	5	-	-	-	2
На 25 февраля 1938 г.	7	-	2 (выпрыгнули на парашютах из горящего СБ над территорией противника)	-	4
На 5 марта 1938 г.	4	4	-	-	9
На 1 апреля 1938 г.	16	-	-	-	-
На 7 апреля 1938 г.	12	-	2	1	-
На 9 мая 1938 г.	4	-	-	-	-
На 22 июня 1938 г.	6	-	3	-	-
На июль 1938 г.	7	1	6	-	-
На октябрь 1938 г.	27	2 (1 из них скончался от язвы желудка)	2	-	-
На 18 декабря 1938 г.	29	-	-	-	-
На 4 января 1939 г.	14	-	-	-	-
На 25 апреля 1939 г.	4	2 (1 из них скончался от порока сердца)	-	-	-
На 23 мая 1939 г.	2	-	-	-	-
ИТОГО	149	10	15	1	22

Составлено автором по:
РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1061. Л. 1-39;
РГВА Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1261. Л. 1-6.

Приложение 26

Данные о потерях сторон в ходе японо-китайской войны и численности японской армейской группировки в Китае

Численность японской армии в Китае (по данным китайских источников)

Таблица 1

Год	Число дивизий	Число солдат
1937	26	832000
1938	30,5	976000
1939	35	1120000
1940	35	1120000
1941	36,5	1168000
1942	42,5	1360000
1943	57,5	1840000
1944	58	1856000

Потери китайской армии согласно официальным сообщениям гоминьдановского правительства (за период с 7 июля 1937 года до падения Уханя; сведения о пленных и пропавших без вести в таблицу не включены)

Таблица 2

Год	Убитые	Раненые	Всего
1937	124130	243232	367362
1938	249613	485804	735417
1939	169652	176891	346543
1940	339 530	333838	673368
Итого	882925	1239765	2122690

Потери японской армии согласно официальным сообщениям гоминьдановского правительства (за тот же период)

Таблица 3

Год	Убитые	Раненые	Пленные	Всего
1937	85 350	170750	1480	257580
1938	148134	296756	2859	447749
1939	136245	273550	5920	415715
1940	114426	229191	3070	346687
Итого	484 155	970277	13329	1467731

Приводится по: История войны на Тихом океане. Т. 2: Японо-китайская война. М, 1957. С. 154–155, 178.

Приложение 27

Схема 4. **Развитие военно-политического сотрудничества СССР и Гоминьдана в 1937–1942 гг.**

Основа сотрудничества

Противодействие расширению военной экспансии Японии на Дальнем Востоке

Особенности реализации

Усиленное внимание военной составляющей сотрудничества: организация широкомасштабной программы оказания военно-технической помощи, предоставление крупных целевых займов для приобретения военных материалов, деятельность в Китае групп советских военных советников, инструкторов и летчиков-добровольцев, поддержка позиции Китая по осуждению японской военной агрессии на международных дипломатических площадках.

Кризис

Смена приоритетов во внешней политике Москвы и Чунцина, вызванная изменением международной обстановки на Дальнем Востоке в связи с началом Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане

Результаты сотрудничества

Для СССР: Втягивание Токио в длительную масштабную войну в Китае способствовало снижению угрозы вторжения войск Японии на территорию советского Дальнего Востока.

Для Гоминьдана: поддержка СССР способствовала укреплению обороноспособности армии Гоминьдана на начальном этапе японо-китайской войны, оказывала стабилизирующее воздействие на контакты КПК и Гоминьдана в рамках единого фронта.